

Олег Бердник

КЛАССИКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

**Олесь Бердник
Александр Колпаков**

ПУТИ ТИТАНОВ

**Сборник несбывшейся фантастики,
дополненный иллюстрациями
из журнальных и газетных публикаций.**

**Иллюстрации художников
Г. Малакова и Л. Смехова**

**Серия
НИГДЕ НЕ КУПИШЬ
2020 год**

Олесь Бердник

ПУТИ ТИТАНОВ

«...будущее... мир покоренного вещества и энергии,
подвластный воле почти бессмертного человека...»

«...Мы живем в эпоху, когда расстояние от безумных
фантазий до совершенно реальной действительности со-
кращается с невероятной скоростью...»

М. Горький

«Земля — колыбель человечества. Но нельзя всегда
жить в колыбели...»

«Невозможное сегодня станет возможным завтра...»

К. Э. Циолковский

Часть первая

ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ

...Полыхал костер. Золотистые языки пламени танце-
вали посреди поляны, разбрасывая вокруг мириады весе-
лых искр.

Светозар открыл глаза. В звездном небе плыли
нежные пряди облаков, освещенные далекой луной. Над
головой нависали густые ветви кряжистых дубов, где-то
вверху пели тонкими голосами вершины сосен.

Пламя и тени. Звезды и дикие, извечные деревья. Нежное дыхание ветра и золотые искры огня!.. Как все странно, тревожно, волнующе...

Где он? В какой эпохе?..

Будто и не было долгих тысячелетий сурового и радостного пути! Будто снова вернулись далекие и невероятные годы, когда предки Светозара добывали на этой земле право свободно жить и любить!..

Юноша снова закрыл глаза. Оживи, мечта, убаюкай меня! Пусть будет чудо, пусть оживут тени далеких и родных людей! Ведь они тут, среди нас, они смотрят на нас сурово и требовательно, требуя правдивого отчета — что выросло на той земле, которая окроплена праведной кровью?

Нет! Не оживают тени прошлого! Какое далекое оно! А может, его и не было? Может, оно выдумка, сказка, сон истории?

Но почему же тогда так грустно звенят деревья? Почему? Может, они передают старинную песню-пересказ, в которой вместились все сожаления, все трагедии умерших поколений? Может, в той песне недолюбленная любовь, недомечтанная мечта, потерянная цель и личные трагедии миллиардов «я»?

Кто-то дергает парня за руку, слышится мелодичный знакомый голос:

— Светозар! Что с тобой?..

Светозар провел рукой по глазам, очнулся от призрачного впечатления.

Вокруг — парни и девушки, его ровесники. Всем по восемнадцать лет. Все сегодня вступают в жизнь — величественную, тревожную, полную поисков, приключений и свершений, жизнь! Они собрались на традиционный праздник — вечер Мечты. Так делается на протяжении тысячелетий. Юноши и девушки получают универсальное образование на заводах, плантациях, в самых разных

учреждениях, — а в день совершеннолетия сходятся на Сбор своего округа.

На вечер Мечты — по неписаной традиции — все прибывают пешком. Наземные и летательные аппараты движения забыты. Сбор происходит среди леса — огромного заповедника на берегу Днепра. Один за другим выходят к очагу юноши и девушки. Они взволнованно говорят о своих мечтах, желаниях, о далекой цели личной жизни. Они, как это было всегда, встают против «консерватизма» взрослых и выдвигают далекоидущие фантастические идеи — технические и социальные...

А потом участники «вечера Мечты» идут в жизнь, чтобы непрерывным творческим трудом претворять свои мечты в реальность...

Светозар виновато оглянулся. Он забыл, для чего пришел сюда. Вот на него укоризненно смотрит Лио — его неизменная подруга с детства. Ее зеленоватые глаза блещут восторгом — очевидно, что-то интересное говорит высокий худой юноша. Надо послушать его, а то как-то некрасиво выходит, — пришел на сбор и замкнулся сам в себе...

— ...Итак, по моему мнению, — пылко произнес юноша, — счастье в непрерывном движении! Движение к цели, преодоление препятствий, поиски истины, утверждение новооткрытых законов — вот что такое Счастье!..

— А любовь? — раздался звонкий девичий голос.

— Что... что такое любовь? — Оратор растерялся. В свете костра он выглядел очень забавно — расставленные беспомощно руки, растрепанные волосы.

Послышался дружный смех.

— Я говорю о любви! — снова назойливо отозвалась девушка. — Ты ни словом не обмолвился о ней. Цель, истина, поиски дорог, законы, движение! А чувство, которое всегда волнует все поколения людей, ты оставляешь в тени!..

— Меня оно не волнует! — как-то неуверенно ответил оратор.

— Тем хуже для тебя! — сердито крикнула девушка.

— Это дело интимное! — слышался еще один девичий голос. — Может, не стоит говорить об этом!..

— Неправда! — горячо возразили десятки голосов. — Говорить!.. Говорить о любви...

Лио тихонько засмеялась, придвинулась ближе к Светозару.

— Правда, интересно?..

Светозар рассеянно качнул головой. Он снова углубился в свои размышления. Девушка обиделась.

— Что с тобой? Ты весь вечер грустный, не слушаешь никого...

— Прости, — спохватился Светозар. — Я никак не могу избавиться от своих мыслей...

— Каких?

— Когда-нибудь скажу...

Девушка сердито отвернулась, но все время косо смотрела на Светозара.

Близилась полночь. В небе проплыли красные огни ракетных кораблей. Ветер затих. Костер угасал.

Горячая дискуссия о Счастье и Мечте заканчивалась. Как всегда, в ней «противники» не могли примирить своих взглядов. И им оставалось только одно — идти по трудным дорогам жизни, опытом проверять свои планы, лично достигать цели...

...Глухими тропами Светозар и Лио шли домой. Он не проронил ни слова. Девушка тоже молчала. Так они вышли на край заповедника. В сиянии луны, которая катилась на запад, заблестели гигантские мачты энергетических сооружений, сферические колпаки каких-то зданий.

Рядом пролегли пункты летательных машин — гравилетов. Светозару и Лио надо было расставаться. Они жили на расстоянии ста километров друг от друга.

Светозар остановился, виновато взглянул на подругу.

— До свидания, Лио, — сказал он.

Девушка не ответила. Она какое-то мгновение посто-
яла, опустив взгляд вниз, потом тяжело вздохнула. Све-
тозар неловко переступил с ноги на ногу.

— Послушай, — тихо сказала Лио. — Я завтра улетаю
на Марс, на завод космических автоматов... Приглашаю
тебя... Навсегда! — тихо добавила она.

Светозар понял. Лио хотела стать его женой. Он давно
чувствовал это, понимал, что это — вполне логично, но
почему-то все естество восставало против такого «обыч-
ного» чувства.

Как сказать ей, как объяснить, чтобы она не обиде-
лась?..

— Милая Лио! — мягко сказал Светозар. — Я не могу
ехать с тобой!..

— Не можешь? Почему?.. — Голос Лио упал, как-то
увял и задрожал. Глаза — тревожные зеленые огоньки —
упорно искали взгляда парня. — Ты пойдешь с другой?..

— Нет! Нет, Лио! Ты же знаешь, что только ты одна
делила со мной мечты юности. Но другие мысли за-
хватили меня... И я часто думаю, что не имею права пре-
даваться личному! Я будто слышу голоса...

— Какие голоса? — сквозь слезы отозвалась Лио.

— Ты не поймешь! — неуверенно ответил парень.

— Вот как? — загорелась Лио. — Я не пойму! Ты просто
хочешь, чтобы я ушла... Пусть будет так!.. Желаю тебе сча-
стья!..

— Подожди, Лио! Ты не поняла! Подожди!..

— Прощай, Светозар! Прощай, друг! — прозвучало из
темноты. Маленькая фигура мелькнула напротив луны
белым платицем и исчезла.

Светозар тяжело вздохнул. Необходимо было объяс-
нить ей. Она все поняла бы... Но надо спешить. Скоро
наступит рассвет. Приедет семья, чтобы отпраздновать

день совершеннолетия, а он даже не отдохнет перед встречей.

Парень мгновение поколебался. Может, догнать Лио? Потом решил — нет! Не надо!.. Он вышел на трассу и направился к пункту гравилетов...

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИСТЕМЕ

...Из необъятной тьмы надвигались причудливые, никогда не виданные зловещие образы. Огненные смерчи катились по земле, разрушая здания, сжигая дотла леса, посева, преследуя охваченные ужасом толпы. По дымным, грязным дорогам лежали искаженные взрывами машины, почерневшие гробы людей. Чад и смрад стоял над миром.

Сердце сжимала фатальная мысль: уже из этого хаоса не возродится человечность, добро, справедливость, любовь, смелость. Над планетой, над душами человеческими навеки нависли зверская жестокость и ужас смерти!..

Но нет!

Спокойно, решительно шли среди того шквала люди, обычные люди, одетые в скромную одежду солдат.

Они шли в пасть огня и смерти. Шли умирать. И на лицах их нередко играла веселая улыбка...

Взрывы рвали многих, а те, которые оставались живыми, — все шли и шли, зажав в горячих руках небольшие металлические предметы, которые несли смерть врагам!

Страшными были лица людей в бою — они искажались ужасным выражением мести и жестокости.

И только ночью, когда затихали бои, в глазах исхудавших, утомленных солдат загорались огоньки светлой

Мечты. Именно Мечта вела этих людей на муки, лишения, смерть!..

...Светозар проснулся. И сразу все исчезло. Не стало ни смерти, ни огня, ни мужественных, истощенных страданиями людей. Луч рассвета мягко упал на лицо парня, приглашая вставать.

Минутку! Еще мгновение! Он хочет удержать у себя пропавшие образы. Кто они? Откуда? Почему так хочется Светозару быть с ними?

Ага, вспомнил!.. Это же недавно он видел старинный фильм-хронику периода социальных революций. Впечатление было неповторимым! Несколько месяцев парень не мог опомниться. Даже теперь те образы преследуют его в снах! Даже на вечере Мечты он не мог избавиться от них...

Значит, путь должен быть единым! Он твердо решил.

Юноша быстро вскочил с широкой кровати, поправил подушку, разослал простыню. Потом легкими шагами вышел в небольшой сад, окруженный сплошной стеной вьющихся растений. Посередине сада, в розовом отблеске утра искрилась в бассейне вода. Светозар нырнул несколько раз, выйдя из бассейна, сделал цикл гимнастических упражнений.

Одеваясь в прохладную светло-серую одежду, он тревожно взглянул на горизонт.

Вот-вот взойдет солнце. Надо спешить! Родные, видимо, уже ждут его...

Светозар небрежно расчесал пепельные волосы, безразлично осмотрел свою фигуру в зеркале и решительно направился к двери, ведущей в центр здания.

Он вошел в круглый зал. Мягкий розовый свет разливался по помещению. Вьющиеся растения ползли по стенам к куполу, расцветали большими бледно-фиолетовыми колокольчиками. От них веял тонкий нежный аромат.

За круглым столом сидело несколько человек.

Когда Светозар зашел, их лица единодушно повернулись в его сторону. Парень широко, немного виновато улыбнулся.

«Мои родственники точнее меня», — подумал Светозар, склоняясь в приветственном поклоне. Вслух он сказал:

— Простите, я, кажется, опоздал...

Его слова заглушил мелодичный звон. Это астрономические часы возвестили о восходе солнца. Высокий мужчина встал из-за стола, крепко обнял Светозара. Его серо-голубые глаза мягко улыбнулись. Это был Светозаров отец — Мировол.

— Ты точен, как всегда, — сказал он. — Это мы поспешили. Поздравляю тебя с совершеннолетием, сынок! Желаю тебе ясности мысли и великого знания!..

Из-за спины Мировола выступила худенькая стройная женщина со строгим круглым лицом и стальными глазами. На первый взгляд можно было сказать, что она очень сердита. Но Светозар знал, что это только, кажется, а на самом деле его мать Лелиока была чрезвычайно нежной.

— Поздравляю, сын! — прозвенел голос Лелиоки. — Желаю тебе большой любви!..

— Поздравляем, брат! — воскликнули вместе две сестры, Эни и Тора, целуя парня в щеки с обеих сторон.

— Мужества тебе до конца! — сказала Эни.

— Хорошей девушки тебе — верного товарища на всю жизнь! — добавила Тора.

Светозар покраснел, отмахнулся:

— Я об этом не думаю. И никогда не буду думать! — решительно добавил он, вспомнив печальное прощание с Лио.

— Придет время, подумаешь! — ласково улыбнулась мать, погладив сына по плечу.

Светозар, сдерживая волнение, охватил сильными руками четыре родные головы и прижался к ним. Так обнявшись, все замерли на мгновение. Раздался последний удар перезвона часов. И в тот же момент купол помещения загорелся золотым огнем. Казалось, там расцвел огненный цветок. Вот от центра выросли красочные лепестки, они распространялись дальше и дальше, достигли краев купола. Теперь все помещение заиграло цветами радуги, небесные краски легли на радостные лица присутствующих.

— Солнце взошло! — тихо сказал Мировол. — Начался первый день твоего нового пути, сын, пути в зрелость!..

Все расселись за столом. Начался живой разговор. В середине стола появилось отверстие. Мировол достал оттуда две темно-красные бутылки с серебристыми головками, пять хрустальных старинных бокалов.

— Отец! — предусмотрительно отозвался Светозар. — Я не буду пить! Кажется, ты сам когда-то мне говорил об ужасных последствиях, которые в древности вызывало употребление алкоголя!..

Мировол засмеялся.

— Ты не забыл моих уроков! Это хорошо. Но ты уже взрослый и имеешь закаленную волю. Думаю, что это питье не увлечет тебя. А выпить надо! По традиции, которая ведется с седой старины!..

— Ну, если так, то выпьем! — махнул рукой Светозар.

Громко треснуло. Пробки полетели вверх. Искристо-золотое вино — густое и душистое — запенилось в бокалах.

Все встали. В молчании прозвенел хрусталь. Никто не провозглашал тоста — желание было высказано без слов.

— Ну, а теперь, — Мировол высоко поднял в руке пустой бокал, — делайте все так!

Он размахнулся и ударил бокалом об пол. Во все стороны брызнули прозрачные осколки. Потом разбились на

мелкие куски еще четыре бокала. Несколько минут все стояли в торжественном молчании.

— Когда-то в такие дни юбилярам или именинникам дарили всякие вещи, — сказал Мировол, давая знак садиться. — Теперь тебе не нужны подарки. Вся бесконечность перед тобой, сын, и ты ее хозяин!.. Ты знаешь, для чего мы прибыли?

— Конечно, — удивленно ответил Светозар. — Чтобы поздравить меня...

— Не совсем так, — возразил Мировол. — Ты получил универсальное образование и теперь будешь выбирать свой собственный, любимый путь. Или ты выбрал его?..

Светозар не ответил. Снова молниеносно в его памяти предстали образы древних времен, фигуры далеких предков, преследующих его и во снах. Гром далеких боев прозвучал где-то в темноте сознания, призывая, напоминая... Парень вздрогнул.

— Что с тобой, сын? — удивленно спросил отец. — Ты вдруг почему-то помрачнел.

— Так, ничего... — Светозар пришел в себя. — Послушай, отец... Я пойду...

— Подожди! — перебил его Мировол. — Не говори... Перед тем, как ты выскажешь свое желание, я хочу показать тебе прелести разных профессий. Лучшие специалисты расскажут тебе об этом. Я приготовил длинную, но интересную лекцию специально для сегодняшнего дня...

— Но ведь, отец, я выбрал!..

— Возможно. И все же, посмотри, подумай...

Мировол подошел к маленькому щитку на стене помещения, нажал кнопку. Непроницаемая черная завеса начала быстро подниматься от пола к высоченному куполу. Это действовала внутри стоп система светофильтров. За несколько секунд стало совсем темно. И тогда во мраке раздался голос Мировола:

— Начнем с космонавтики. Осмотрим постепенно всю систему.

Перед собравшимися вспыхнул бледно-зеленым сиянием прямоугольник стереозэкрана¹. Казалось, пространство помещения отодвинулось в бездну. Вот на темном фоне засияла звездочка. Она молниеносно выросла, превратилась в планету. Над планетой в черной пропасти пульсировал гигантский шар солнца. Его сияние было ослаблено фильтрами. Под палящими лучами расстилась бесконечная голая пустыня. Раскаленные камни, неимоверно глубокие трещины, неистовые вихри разреженных газов, что вырываются изнутри планеты! Смотреть на такое зрелище было неприятно...

— Меркурий! — констатировал Светозар. — Ужасный мир!..

— Не спеши с выводами, — послышался голос Мировола. — Смотри дальше...

Казалось, объектив приблизился к самой планеты и внезапно проник под грунт. На экране появились астрономические обсерватории, которые специально занимались изучением Солнца. Вот за пультом, в воздушном кресле повис где-то под потолком человек. Он смотрел на экран телеустановки, напевая какую-то веселую песенку.

— Генимар, — сказал Мировол. — один из лучших астрономов системы, большой знаток в области космогонии...

Астроном будто услышал голос, повернулся в кресле и посмотрел вниз. Его молодое худощавое лицо улыбнулось.

— Генимар! — крикнул Мировол. — Мы приветствуем тебя!

¹ Стереозэкран. — Экран, который дает объемное изображение. Сейчас применяется в кино. В СССР и за рубежом разрабатывается конструкция объемного телевидения.

Генимар ответил грациозным жестом руки.

— Мой сын вступает сегодня в жизнь. Я показываю ему систему и предлагаю выбрать путь. Расскажи, чем интересна твоя профессия?..

— С удовольствием! — послышался резкий высокий голос астронома. — День и ночь, то есть всегда, — потому что здесь нет ни дня, ни ночи, — наши наиточнейшие инструменты изучают деятельность центрального светила. Нам повезло дать исчерпывающий ответ о происхождении Солнца, источники его энергии и эволюцию... Наука считает, что перед угасанием Солнце вспыхнет под влиянием изменений, которые наступят после окончания цикла ядерных реакций²? Это угрожает жизни на Земле и других планетах. Мы должны быть готовы к переселению в иные миры или к использованию искусственных источников тепла и света.

— Я слышал об этом, — сказал Светозар.

— Возможно, — продолжал Генимар. — Недавно вокруг Плутона запущены спутники с реакторами, создается планетная атмосфера и моря. Начнется круговорот, создастся органический грунт, а затем появится жизнь. Можно сказать, что люди готовы к переселению в другие миры...

— И скоро это будет? — тревожно спросил Светозар.

² Ядерные реакции Солнца. — Наукой установлено, что источником энергии Солнца, а также других звезд являются термоядерные реакции невероятных масштабов, в которых водород превращается в гелий с помощью катализатора — углерода. Это так называемый углеродный цикл. Могут быть другие циклы. Когда завершается определенный цикл, то есть, когда исчерпывается исходное вещество, например, водород, тогда звезда сжимается, причем выделяется огромная теплота. Начинается новый цикл реакций. Некоторые ученые считают, что это ведет к взрыву звезды.

Генимар засмеялся.

— Время относительно. Тем более, что мы вступаем в эру бессмертия. Но ждать еще очень долго. Не менее биллиона лет... Однако, необходимо все время следить за деятельностью Солнца, чтобы быть готовым ко всему!..

— А может, мы найдем методы борьбы с циклическими взрывами Солнца? — горячо отозвался парень.

— Возможно, — сказал Генимар. — Даже наверное! Как бы там ни было, ты видишь, что в астрономии — бездна работы. Я думаю, что моя профессия — очень нужная и романтическая!.. Желаю счастья!..

Фигура астронома исчезла. На экране появились длинные подземные залы, где автоматы добывали из глубины планеты различные металлы и превращали их в сложные машины. Но самой интересной была энергетическая установка Меркурия. Она охватывала подземным кольцом весь Меркурий. На экране появилось лицо женщины — руководителя энергетикой внутренних планет. По просьбе Мирвола она сказала:

— Энергия ядра любых элементов конденсируется в вакуумных аккумуляторах. Такие энергетические пункты в нашей системе есть на Марсе, на шести спутниках Юпитера, трех спутниках Сатурна, двух спутниках Урана и Нептуна и на Плутоне. Есть несколько небольших установок на астероидах, которые преобразованы в орбитальные станции. Нет таких станций только на Земле и Венере...

— Почему? — вырвался вопрос у Светозара.

— Потому, — ответила женщина, — что вакуумные аккумуляторы сохраняют невероятные запасы энергии, которые могут уничтожить планету при несчастном случае. Мы решили на заселенных планетах не создавать энергетических пунктов такой мощности...

— Для чего используется энергия этих пунктов, кроме потребностей промышленности заселенных планет? — спросил Мирвол.

— Основная масса энергии консервируется. Так постановил Космический Совет. Вы знаете, что в наши дни проводятся эксперименты по преодолению Пространства без аппаратов, за счет нейтрализации тяготения³. Вот как раз для таких целей мы и консервируем энергию. Чтобы вам стало яснее, могу сказать, что общая мощность энергетических запасов нашей Системы в переводе на гравитационный⁴ потенциал превышает гравитационную энергию ста тысяч солнечных масс...

Светозар, а также Эни и Тора, не слышавшие таких цифр, охнули от неожиданности. Женщина довольно улыбнулась.

— Энергетика — это жизнь, это будущее, — сказала она. — Желаю счастья...

Ее фигура исчезла. На экране снова появилась черная пропасть Космоса, усеянная кружевом звезд. Из нее медленно вырастала вторая планета, окутанная белым одеялом непроницаемых облаков.

— Венера, — торжественно сказал Мировол. — Ну, здесь не нужно объяснений других, здесь работаю я и расскажу тебе обо всем...

³ Нейтрализация тяготения. — Согласно теории относительности пространство само по себе не существует. Оно является одной из форм существования материи. Можно выразиться так: пространство есть функция тяготеющей материи, ибо притяжение небесных тел определяет напряжение поля, а отсюда и так называемую кривизну пространства. Если бы удалось в определенной части космоса создать поле антитяготения, то «обычное» поле притяжения аннигилировало бы с «антиполем», то есть нейтрализовалось бы. Очевидно, что и пространство в таком случае исчезает, потому что удалены материальные факторы, которые определяют суть пространства.

⁴ Гравитация. — Притяжение. Поле гравитации — поле тяжести.

На экране открылась перспектива планеты. В пасмурную даль катились тяжелые фиолетовые волны океана. Над берегами раскинулись плантации пышных деревьев с желто-горячими листьями и кроваво-красными плодами. За плантациями, под грядой серо-зеленых гор, виднелись купола белоснежных коттеджей.

— Посмотри, — с гордостью сказал Мировол. — Когда впервые наши далекие предки прибыли на Венеру, они попали в ад. Множество действующих вулканов, воздух заражен углекислотой и ядовитыми испарениями, высокая температура, при которой невозможно было нормально жить и работать. Прошло несколько тысячелетий и планету нельзя узнать. Мы нейтрализовали большинство вулканов, ликвидировав очаги радиоактивного распада, мы очистили атмосферу, ускорили вращение Венеры вокруг оси, потому что она вращалась раньше очень медленно. И, наконец, мы вырастили ряд растений со скаковыми свойствами...

— Что же это за растения? — не удержался Светозар. — Мы еще не знаем о них?..

— Нет! — ответил Мировол. — Только в этом году мы завершили опыты. Длительная проверка была успешной, и наши растения будут выращиваться также на Земле... Так вот, качества этих растений необычные, их плоды имеют в себе абсолютно все необходимое для организма человека...

— Подожди! — воскликнул удивленный Светозар. — Ты хочешь сказать, что люди смогут совсем избавиться от кухни? Исчезнет все разнообразие пищи, к которой мы привыкли?..

— Ну и что же! — Было слышно, как Мировол засмеялся в темноте. — Разве это плохо? Выращивать только одну культуру растений и не думать совсем о кулинарии. Вы представляете, насколько это облегчит нам жизнь? На искусственных спутниках, станциях, на космолетах будут

оранжереи с этими растениями. Людям останется только одно — ухаживать за ними...

— Но тогда начнет меняться структура организма! Пищеварительная система и целый ряд других постепенно превратятся в рудименты!

Мировол пожал плечами.

— Ты, я вижу, отстаиваешь эстетические формы человека, которые утверждены тысячелетиями. Это пустое! Нам кажутся некрасивыми формы наших диких предков — волосатых, длинноруких, низколобых, а наши потомки, возможно, будут смеяться над формами Дианы или Афродиты, которым до этого времени поклоняемся мы... А впрочем, можно выработать ряд гимнастических упражнений, чтобы сохранить наши формы, о которых ты так беспокоишься!..

— Во всяком случае — это чудесное открытие! — отозвалась Лелиока. — Можно поздравить тебя, Мировол?..

— Не меня, а Селекционный Институт Венеры, — скромно уточнил Мировол. — Потом, потом... Сейчас речь идет о судьбе Светозара. Пошли дальше...

Снова на экране открылась бездна. Одна за другой проплывали чудесные картины разнообразной жизни Системы Солнца. Присутствующие побывали на десятках искусственных спутников Земли и Солнца, которые обслуживали космические пути, на астероидах, где добывались металлы и минералы, на Плутоне, в помещениях биологической станции, где ученые работали над выведением таких форм растений и животных, которые приспособились бы к температуре мирового пространства и почти полного вакуума. Первые результаты были успешными, как рассказал Мироволу руководитель работ Бин.

Наконец, отец вернул сына на Землю. Перед зрителями заплескались волны Северного океана. Экран перенес зрителей под воду, где на дне, под могучими колпаками, работали мощные реакторы, которые

поддерживали в океане стабильную температуру. Такие станции были также в Антарктике. Они все вместе регулировали климат Земли.

Затем появились подводные плантации морских съедобных растений, колоссальные рудники редких элементов, подземные индустриальные центры, умные машины, которые руководили автоматикой планеты, научные экспедиции в стратосфере и на дне океана, археологические раскопки в Африке и на островах в Тихом океане и еще много интересных захватывающих картин.

Наконец, экран погас. Черный занавес покатился вниз. Море солнечных лучей ринулось в помещение. Мировол нажал рычажок на столе. Прозрачные пластины, из которых состоял купол помещения, двинулись вниз, скрываясь под землю. Только на невидимом каркасе осталось кружево вьющихся растений с нежными цветами-колокольчиками. Вокруг раскинулась трепетная туманная даль. В ней тонул голубой рукав широкой реки с плакучими ивами на берегах, белые и розовые дома на той стороне и широкие плантации плодовых деревьев.

Светозар тревожно вздохнул, повернулся лицом к отцу.

— Ну вот, сынок, и все! — сказал Мировол. — Теперь ты можешь сказать, какой же выбор ты сделаешь.

— Я скажу, — живо отозвался Светозар. — Слушай меня, отец, слушай, мама, слушайте, дорогие сестры, и поймите! То, что я только что увидел, — еще больше укрепило меня в моем решении... Я видел невероятные, сказочные достижения, счастливую жизнь разумных существ, полную смысла и перспективы. И я подумал, как думал часто до сих пор: а кому же мы обязаны этим счастьем, этими перспективами? Как жили они, те далекие и неизвестные наши предки, о которых мы так мало знаем? Какими болезнями они болели, каким страданием страдали, о чем мечтали, на что надеялись? И днем, и ночью

меня преследуют тени предков, их неизвестные, но чудесные дела, их страдания и боли... И я решил отдать свою жизнь изучению прошлого, изучению деятельности наших далеких предков. Я пойду в Мировой Архивный Фонд! Хочу знать, что они желали видеть в наш век, чего требовали от нас...

Тень недовольства пробежала по лицу Мировола.

— Ты хорошо подумал, сынок? — спокойно спросил он.

— Да! — твердо ответил сын. — Но разве я не прав? Скажи, разве я не убедил тебя?..

Мировол молчал.

Лелиока положила руку на плечо мужа, мягко улыбнулась.

— Может, ты не понял его? Может, надо согласиться с ним?..

— За него логика, — пожал плечами Мировол. — Что я могу сказать?..

— Нет! — горячо возразил Светозар. — не логика, не веление разума, а голос сердца зовет меня на эту дорогу. Веришь, отец?..

Мировол молчаливо, но искренне обнял сына, прижал к широкой груди...

ИЗ МРАКА ВЕКОВ

На душе Светозара повисла легкая грусть. Получилось не совсем хорошо. Хотя отец, мать и сестры от всей души желали ему счастья и успехов, но они были явно недовольны его выбором.

— Стоило ли молодому парню зарываться в архивные подземелья? — осторожно спрашивал Мировол, боясь обидеть сына.

— Я решил! — сдержанно бросил Светозар.

На этом полемика закончилась. Семья весело праздновала Светозарово совершеннолетие, перебравшись из коттеджа на заросший ивами и лозой песчаный остров посреди реки. Там они купались, плавали, ловили удочками зеленоватых окуней.

Затем Миrowол предложил совершить прогулку на летающей площадке. Они летели низко над землей, и Миrowол, явно адресуя свои слова сыну, тихо говорил:

— Мы часто даже не думаем о достижениях человечества на пути к истине. Но какая бездна разделяет нас и наших предков... Вот посмотрите — перед вами Институт Воскрешений. Мы произносим эти слова спокойно, как давно знакомые, привычные. Нам кажется, — тут Миrowол пристально посмотрел на сына, — что в этих словах или даже в этом учреждении нет никакой романтики, а лишь однообразная работа по возвращению трупов к жизни...

Светозар легко улыбнулся, но не ответил. Он перегнулся через барьер, взирая на огромное здание Института Воскрешений. Оно поднималось тонкими гармоничными линиями над морем зелени и само казалось порождением могущественной силы земли, напоенной жизненным соком. Зеленоватые купола центрального здания проплыли внизу и таяли вдали.

— Полторы тысячи лет назад начал функционировать этот институт, — мечтательно продолжал Миrowол. — С мертвыми тех пор не прощались, их консервировали в специальных помещениях в этом институте при низких температурах и затем воскрешали. Наши далекие предки считали бы это чудом, а мы спокойно смотрим на людей, которые умирали по два-три раза и снова были возвращены к жизни... А теперь, говорят, скоро начнется новый этап в работе Института Воскрешений...

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовалась Лелиока.

— Официально еще не сообщалось, но я слышал, что Институт решает проблему бессмертия...

Светозар недоверчиво покачал головой. Ему казалось, что отец специально для него говорит все эти невероятные вещи, чтобы захватить его какой-нибудь другой профессией.

Мировол, увидев выражение сомнения на лице сына, оставил эту тему. Он важно показал рукой на золотой шпиль гигантского здания, выплывавшего из-за горизонта. Туда лететь не разрешалось, и Мировол повернул площадку, облетая эту территорию вокруг. Там простирались длиннющие площади космодромов. Оттуда стартовали и там приземлялись свои и чужие звездолеты. А посередине территории, на низком плоскогорье, сурово возвышались в небе темно-фиолетовые массивы зданий строгой четкой архитектуры. Они переливались на солнце разными цветами темных тяжелых тонов.

— Космический Совет, — торжественно сказал Мировол. — Мозг четырех систем и одно из звеньев бесконечной цепи, соединяющей все заселенные миры Галактики⁵. Тебе это ничего не говорит? — вдруг повернулся Мировол к Светозару.

— Продолжай, я слушаю, — уклончиво сказал сын. — Это очень интересно...

— Ладно... Так вот, если бы такое услышали наши далекие предки, они бы, наверное, посмеялись над этими словами. А теперь мы почти равнодушно слушаем сообщение о том, что к нам прибывает корабль из далекой системы, расположенной в ста парсеках от Солнца, или что

⁵ Галактика. — Гигантская звездная система, в которую входит и наше Солнце с планетами. Имеет спиральную форму, с плотным скоплением звезд в центре. Центр закрыт от нас сгущением темной космической материи. В систему входят сотни миллиардов звезд.

наш космолет направляется к шаровому звездному скоплению и вернется обратно только через пятьсот лет...

— Отец, — мягко сказал Светозар, — разве ты не чувствуешь, что я еще больше прав в своем решении? Разве ты доказал, что я был неправ? Ведь это наши предки тут умирали, страдали, боролись, ложились в эту землю, где теперь возвышаются великолепные здания и откуда стартуют могучие космические корабли.

— Сын, — шутливо защищался обеими руками Мировол. — Я ничего тебе не говорю, сдаюсь! Твоя воля, что хочешь, то и делай!..

Мать и сестры засмеялись. Мировол замолчал и оставил попытку повернуть сына на другую дорогу. Парень выбрал свою цель...

...Той же ночью Мировол вылетел на Венеру, в свой Институт, Лелиока поехала в Африку, где проводились археологические раскопки, а Энни и Тора, которые были медиками и биологами, полетели к своим биологическим станциям, кружившимся в пространстве между орбитами Земли и Венеры...

...На другой день Светозар вылетел в Мировой Архивный Фонд. Он приземлился на берегу горной реки. Совсем рядом глухо гудели вершинами стройные ели, гордо трясли курчавыми головами дубы-великаны. А в узком ложе — дикая и нетронутая — бесновалась река, бросала темно-зеленые горбатые буруны на камни, покрытые мхом и зеленой слизью.

«Чудесно! — с волнением подумал Светозар. — Одну эту речушку я не отдал бы за возможность жить на Меркурии или на Венере. Отец мой! Разве я виноват, что так люблю родную землю и ее прошлое?..»

Парень радостно вздохнул, набирая полные легкие душистого воздуха, и повернулся лицом вверх. В самом подножии ее над небольшим входом сияли золотые буквы:

МИРОВОЙ АРХИВНЫЙ ФОНД

Оставив площадку, Светозар направился ко входу. Полувальные тяжелые двери бесшумно открылись. Впереди вспыхнули стены и озарили мягким светом бесконечный коридор. Вдоль него росли высокие стройные пальмы с темно-зелеными широкими листьями. Парень вошел в коридор, посмотрел налево. Там на стене образовалось отверстие, на экране появилось лицо — веселое, полное, круглое. Глаза человека вопросительно ощупывали Светозара.

— Я директор Мирового Фонда. Кто ты и что тебе нужно? — прозвучал вопрос.

— Вчера был мой день — день выбора профессии, — немного волнуясь, сказал Светозар.

Брови директора смешно дернулись вверх, потом вниз, он вскочил из-за стола, заваленного какими-то цилиндрами, и лихорадочно выпалил:

— Дальше, дальше! Что дальше?..

— Я выбрал работу в Мировом Архивном Фонде!

— Это... серьезно? — недоверчиво спросил директор, а потом замахал руками, увидев, что Светозар пожимает плечами: — Ладно, ладно, не буду! Прости! Но дело в том, что к нам почти никто не идет! Даже старые! Все где-то летят, плывут, что-то изобретают... А изучать жизнь предков — нет никого! А ты — такой юный!..

Директор бросил взгляд сверху вниз, остановился на худощавом волевом лице, на задумчивых синих глазах и, видимо, остался доволен осмотром.

— Я очень, очень рад! — сказал он, прижав ладони к груди. — Сейчас я сам выйду к тебе...

Рядом с экраном отодвинулась глыба в стене, и перед Светозаром появился директор. Он приветственно поднял руку. Светозар ответил таким же движением.

— Меня зовут Дионил, — сказал директор.

— А меня — Светозар...

— Чудесное имя... Старинное. Люблю такие. И вообще люблю древности, не то, что многие нынешние юноши...

Светозар улыбнулся. Всякому свое!

Дионил заметил улыбку на лице собеседника, радостно пожал ему локоть.

— Итак, к делу... Я скажу помощникам, они проинформируют тебя обо всем. В каком отделе ты хотел бы работать?..

— В Отделе Прошлого. От двадцатого века до тридцатого...

— Чудесно! Пойдем...

Они зашли в проем, гофрированная дорожка поплыла узким коридором и вынесла их в просторный зал. Стены зала были усеяны экранами, пультами, индикаторами автоматов. Все это предназначалось для управления работой гигантского Архива. Директор подошел к одному из пультов. Над пультом загорелся экран, на нем возникло лицо молодой женщины с желтыми пышными волосами и узко посаженными черными глазами.

— Нени! Этот парень в твой отдел...

Молодая женщина склонилась в низком поклоне перед прибывшим.

— Я с радостью жду тебя, друг...

...Несколько дней Нени, которая заведовала Отделом Прошлого, знакомила Светозара с работой. Она скупко похвалила его за решение идти работать в Архивный Фонд.

— Многие люди не понимают, насколько это интересно, — сказала она. — Задача, следующая: создать ясную, правдивую, стройную, исчерпывающую историю последних десяти тысячелетий. Разве это не почетная задача?..

Светозар так увлекся работой, что забывал отдыхать. Он лишь дважды за месяц побывал в коттедже, чтобы

связаться с родными и поговорить с ними. Первые недели работы убедили парня, что он выбрал правильную дорогу.

Он просматривал старинные документальные фильмы, телегазеты, книги, записанные на микроплёнки. Автоматы помогали ему отбирать необходимое, запоминающие машины⁶ записывали, и результаты пересылались на центральный пункт Фонда...

Не дыша, Светозар смотрел на давно минувшие события далеких веков. Его потрясала кровавая социальная борьба в двадцатом веке, — становление первых социалистических формаций, исполнение достижений и противоречий, сомнений и героизма, невероятного мужества и предательства, жестоких войн и, наконец, торжества идей мира.

Светозар видел, как в конце двадцатого столетия простые, скромные люди вылетали на небезопасных, несовершенных аппаратах в Космос, прокладывая первые тропинки в Бесконечность. Многие из них погибали, другие возвращались героями, и благодарная Земля торжественно встречала их. Шли годы. Первые звездолёты достигли ближайших планетных систем. И вот Светозар наткнулся на удивительное событие.

В середине двадцать первого века, как сообщали документальные фильмы, а также телегазеты, была снаряжена экспедиция для полёта в галактику Большого Магелланового Облака⁷. Космолет, который мог лететь со сверхсветовой скоростью, стартовал с Земли в две тысячи пятьдесят восьмом году...

⁶ Запоминающие машины. — Электронные машины для сохранения научной и другой информации. Уже функционируют в СССР и за рубежом.

⁷ Большое Магелланово Облако. — Звездная система (галактика неправильной формы) — ближайший сосед нашей Галактики.

Светозар, прослушав эту информацию, переведенную автоматами, в изнеможении откинулся в кресле. Невероятно! Почему никто не говорит об этой экспедиции? Ведь даже теперь еще не было внегалактических экспедиций, а это десять тысяч лет назад!..

Светозар лихорадочно просмотрел документы, в которых освещалась дальнейшая судьба экспедиции. Он увидел портреты мужественных юношей, которые шли в неизвестную и опасную дорогу ради будущего. И вот, наконец, небольшая информация о девушке, которая была невестой начальника экспедиции. Эта информация настолько взволновала Светозара, что он не спал целую неделю, пока не просмотрел все материалы, касающиеся тех периодов. Но уже больше нигде не сообщалось о судьбе экспедиции. Новые грозные времена наступили для Земли. Началась сокрушительная война с соседней системой. Информация тех лет оказалась очень скупой. Об экспедиции к Большому Магеллановому Облаку после войны не упоминалось...

Светозар не выдержал. Он хотел с кем-нибудь поделиться своими переживаниями. Выбор пал на Нени.

Нени внимательно просматривала материалы, а Светозар тревожно следил за выражением ее лица. Почему-то в сознании возник вопрос: «А Нени смогла бы так сделать, как та молодая девушка далекого прошлого?»

Решил: если Нени смутится, прочитав заметку, значит, смогла бы!

Парень не сводил глаз с заведующей отделом. Он радостно заметил, как всегда спокойное, бледное лицо Нени порозовело от волнения, глаза начали моргать и, наконец, преисполнились влагой.

Светозар торжествовал, радовался, как ребенок. Почему? Что случилось? Разве ему не безразлично, как будет реагировать случайно встреченная девушка Нени на то или иное событие?

Сердце подсказывало — нет! И желтые волосы девушки, и ее влажные черные глаза, и худощавая хрупкая фигура — все волновало Светозара, наполняло его существо тревожным предчувствием чего-то необычного.

Вспомнил Лио. Так, все стало ясным! Не прошлое мешало Светозару пойти с ней, не голоса предков, а отсутствие любви!.. А теперь...

Нени отвернулась от него. И долго молчала, пораженная до предела.

— Что сделаем? — прошептал парень.

— Запрос! Пошли запрос об этом событии!

Светозар вызвал Институт Галактических Экспедиций, запросил справку. Ему ответили, что о такой экспедиции Институту ничего не известно, и просили прислать материалы. На второй день Светозар связался с Институтом Воскрешений и Космическим Советом. Его информация очень заинтересовала одного из членов Космического Совета.

— Председателя Совета нет, — сказал он. — Римидал на космодроме. Туда прибыл неизвестный корабль из Космоса. Завтра, в связи с этим событием будет проведено внеочередное заседание Совета. Немедленно присылай материал. Часть документации пришли в Институт Воскрешений. Поздравляю тебя!..

В тот день Светозара приветствовали все сотрудники Мирового Архивного Фонда. Радостный парень дал себе волю после долгих месяцев напряженного труда, и всю ночь гулял вдоль горной реки вместе с Нени, любуясь нетронутой красотой заросших лесом скал... Голоса предков ясно говорили ему, что они боролись и за любовь, что властно вошла в его сердце.

...Утром Светозар связался с Селекционным Институтом Венеры и сообщил отцу о своем первом успехе на новом пути и о женитьбе на Нени...

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

...Ученый боролся со смертью. Перед глазамиплыли разноцветные круги, в ушах непрерывно звенело. Ему казалось, что мозг напухал, расширялся за пределы черепа и терял способность думать...

Надо преодолеть ужасную силу, которая бросает его в черную пропасть. Еще немного! Еще совсем немного! Если организм выдержит, это будет большой победой над неумолимой смертью. Фантастично! Ради этого он готов пойти еще на какие угодно муки!..

Сквозь туман, который окутал сознание, ученый взглянул на пульт. Специальные приборы аккуратно отмечали малейшие изменения в его организме и передавали в запоминающие машины. Если даже он не выдержит, останутся для родной планеты наиточнейшие результаты исследований Аэровела.

Но что это? Конец? Неужели? Победа!!!

Будто страшный груз упал с плеч ученого, затихли неприятные звуки, шумы в голове. Туманная пелена понемногу развеивалась...

Еще не веря своим чувствам, Аэровел поднял над пультом руку, осмотрел ее, тихонько засмеялся. Да! Он остался жив! Он победил смерть! Вот напряженно пульсирует на его руке артерия, убедительно доказывает, что его гипотеза подтвердилась...

Над пультом засиял красный огонек. Послышался сухой щелчок. Аппарат слабо задрожал. По серебристым стенкам каюты поползли смутные голубые и розовые пятна — блики зрения. И снова наступила тишина.

Аэровел, старейший ученый Системы, улыбнулся, довольнo прикрыл уставшие веки. Автоматы действовали безукоризненно. Космический корабль замкнул последний круг и входил в спираль торможения.

Необычный и опасный полет закончился! Аэровел помнит и до сих пор, как друзья не пускали его, особенно Лиахим.

— Ты ставишь под угрозу осуществление новых изобретений и работу Института! — убеждал он.

— Ты не имеешь права рисковать, — выискивали аргументацию другие. — Есть моложе!..

Но Аэровел — глава Института Воскрешений — категорически отклонил все возражения. Он автор нового проекта, он и должен изведать опасность, связанную с опытами. Он страшно рассердился тогда на профессора, который сказал «есть моложе!». Позор! Конечно, эта фраза — остатки далекого, темного прошлого, но все равно недопустимо, чтобы из уст человека срывались такие слова, да еще в то время, когда решается проблема бессмертия.

Эксперимент блестяще оправдался. Космолет описывал круги вокруг Системы на расстоянии двадцатой части парсека⁸ от ее центра в течение десяти лет. Аэровел изучал относительность Времени и Пространства, их действие на человеческий организм и многие другие проблемы. Его полет был одним из последних опытов, сложных и необычных, которые проводили ученые Института...

Уже скоро — родная планета! Какое счастье! Почувствовать под ногами твердую почву, нежное дыхание ветра на щеке, вдохнуть запах цветов на лугах у воды, искупаться в ласковом течении реки, видеть женщин с сияющими глазами, слушать их песни, наполненные

⁸ Парсек. — Астрономическая мера расстояния. (Параллакс в секунду). Расстояние, с которого параллакс (радиус орбиты, которую Земля проходит за год вокруг Солнца) виден под углом в одну секунду дуги. Равен 3,3 светового года. Световой год — расстояние, которое луч, движущийся со скоростью 300 000 км. в секунду, проходит за год.

непостижимой грустью, непобедимой мечтой, дивными чарами. Нет! Невозможно заменить все это никакими достижениями науки, никакими чудесами других миров или романтикой полетов в Пространстве...

Ученый включил стереозеркало, посмотрел в него. Все в порядке. Полет совсем не изменил его, хотя на родной планете прошло десять лет. С зеркала смотрело на Аэровела бледно-матовое лицо, сияющие молодостью и странной тревогой серые глаза. Глубокая вертикальная борозда прорезала высокий лоб, но на щеках не было ни одной морщинки. Микроклимат, созданный в аппарате, и относительность времени⁹ полностью сохранили ученого. Вот только что-то не в порядке с волосами. Они стали за время полета редкими. Надо будет провести опыт в Институте...

Аэровел выключил зеркало, лег на прозрачную кровать. Пока аппарат будет идти к границам Системы, надо отдохнуть. Но сон не шел, несмотря на усталость. Чувство тревоги — неведомое, неоправданное — гнездились в сердце. В чем же дело? Может, это тревога перед последним экспериментом, который откроет дорогу в бессмертие?.. Может...

Но надо поспать. Над телом ученого появился овальный рефлектор. Медленно погас свет, источники которого

⁹ Относительность Времени. — Согласно теории относительности время протекает по-разному в системах, движущихся с разной скоростью. Чем быстрее движется система — планета, ракета — тем медленнее течет время на ней по сравнению с течением времени в «обычной» системе. Вполне реальным будет представление о таком явлении в будущем: космонавты вылетают в пространство со скоростью луча. Они прибывают в иных мирах (по часам звездолета) на протяжении года. Но при возвращении на Землю выясняется, что для людей Земли прошло уже несколько сот лет.

были спрятаны в потолке каюты. В рефлекторе что-то затрещало, голубые мягкие лучи окутали тело человека. Аппарат сна начал действовать.

Этот аппарат сконструировал Институт Воскрешений. Излучение тормозило кору мозга, вызывая вместе с тем к действию далекие, волшебные воспоминания детства, несбыточные мечты души. Такой сон был не только отдыхом, но и прекрасным путешествием в страну волшебства, которую Аэровел назвал Царством Сказочной Мечты...

Вот в такую страну и полетел теперь ученый. И казалось ему, что он летит на широких, красочных крыльях над безграничными золотыми полями, лугами, лесами, а затем останавливается на берегу полноводной, широкой реки, где когда-то родился и вырос. Берег круто обрывается вниз к воде. Зеленовато-голубая волна бьет в кручу, и радуга играет в лучах светила. Легкая и нежная рука ложится на плечо Аэровела. Он знает, чья это рука. Оглядывается и видит, что не ошибся. Перед ним стоит стройная фигура, закутанная в длинное голубое покрывало. На русоволосой голове венок из белых лилий, медленно поднимаются длинные ресницы, и из-под них сияют серозеленые глаза, излучая нежность и любовь.

Это же Осенний Лист, его незабываемая жена с таким странным именем. Как давно это было — много лет прошло с тех пор. Смерть — неумолимая, жестокая — забрала жену в расцвете лет. Именно тогда Аэровел и поклялся всю жизнь посвятить борьбе со смертью! Он сдержал слово!.. Ты слышишь, Осенний Лист, смерть будет побеждена!..

Уста женщины медленно шевелятся, она произносит едва слышные слова, которые несутся в пространство, как шелест ветра.

«Что ты говоришь, я не слышу? — с грустью спрашивает Аэровел и наклоняется к ней. — Откуда ты явилась

ко мне?.. Зачем мучаешь меня бесполезными воспоминаниями? Ведь ты знаешь, что другой у меня не будет!..»

«Я пришла к тебе из прошлого, — звенят чуть слышными аккордами слова, — пришла, чтобы благословить тебя, друг мой...»

Видение затмевается туманными хаотичными образами, Осенний Лист тает в бездне пространства, срываясь буря, и вокруг наступает темнота...

...Тревожные сигналы доносятся до слуха ученого. Сознание борется с действием сна. Голубые лучи в рефлекторе исчезли, на их месте трижды зажглись красные. В следующее мгновение Аэровел вскочил на ноги. Сознание вернулось молниеносно. Он посмотрел на пульт — космолет не успел пролететь даже десяти миллиардов километров. Но что это?

На центральном контрольном экране побежал световой сигнал.

Родная Планета хочет говорить с Аэровелом. Включен гравитационный аппарат связи? Что случилось?

Поворот рычажка. Левее пульта, в стене, возник новый куб пространства. Сначала он был заполнен розовой полутьмой, что переливалась, как жидкость, затем эта полутьма внезапно исчезла, и в кубе возникла ярко освещенная фигура человека с продолговатым желтым лицом, черными пронзительными глазами и копной бурых русых волос.

Глаза человека остановились на лице Аэровела и засияли чувством счастья. Сердце ученого тоже забилося радостными тревожными ударами. Перед ним появился Лиахим, его друг с детских лет. Он считается старейшим ученым Системы после Аэровела.

Губы Лиахима шевельнулись. Аэровел с наслаждением слушал родной голос:

— Приветствую тебя, друг! Итак, все в порядке? Эксперимент закончился успешно?..

— Чудесно! Наши предсказания подтвердились... Точнее можно будет сказать потом... Теперь же скажу одно — нервные клетки имеют способность к возрождению! Ты понимаешь?..

— Это правда?! — пораженно воскликнул Лиахим.

— Об этом говорят записи автоматов, — довольно улыбнулся Аэровел.

— Поздравляю тебя!.. — протянул руки вперед Лиахим. — Сожалею, что не могу обнять...

На лицо Аэровела вдруг набежала тень беспокойства. Он пытливо посмотрел на друга.

— Послушай, Лиахим! Но что случилось? Для чего нужно тратить энергию планеты? Ведь я возвращаюсь домой.

Лиахим продолжал улыбаться, но где-то в глубине глаз гнездилась тревога.

— Во-первых, поздравляю тебя с днем рождения. Сегодня тебе исполнилось пятьсот восемьдесят лет. Ты, наверное, забыл?

Аэровел сердито нахмурился, гневно откинулся на спинку кресла.

— Это нехорошие шутки, брат мой! Я благодарю тебя за память, но неужели только для этого...

— Нет! Не для этого, — возразил Лиахим. Лицо его стало серьезным. — Слушай меня. За десять лет, пока ты проводил свой эксперимент, произошли необычные события. Несколько ученых нашей Системы подготовили опасный проект и подали его на рассмотрение Космического Совета. Один из авторов проекта Семоний.

— Семоний? — удивленно переспросил Аэровел. — Я знаю его давно. Он всегда был слишком горячим. Это, наверное, влияние южной крови. Ну так что за проект он подал?..

— Его проект предусматривает передачу функций научно-технического, а также всякого другого

громоздкого мышления машинам и полное освобождение людей от интеллектуального труда...

— Это безумие! — почти закричал Аэровел. — Неужели есть безумцы, которые поддерживают этот проект?..

— И даже много, — ответил Лиахим. — Его одобряют даже ученые соседних систем. Не все, конечно... Такие, как Алл-Аскор-Гудин из системы Центавра, Брраж-Си с Сириуса и некоторые другие. Я знал, что ты поддержишь меня, и решил тебя вызвать. Без тебя Космический Совет не будет рассматривать проект. Спешите! Может, твой авторитет остановит их!

— Не авторитет, а логика и человеческий разум, — строго сказал Аэровел. — Хорошо! Отключайся. Я ускорю возврат.

Фигура Лиахима исчезла. В кубе пространства снова поползли розовые тени. Поворот рычажка — свет погас...

Аэровел набрал группу цифр на клавиатуре пульта. Электронный мозг космолета получил задание. Теперь аппарат вернется на родную планету быстрее.

Надо бы отдохнуть, но ученый забыл об этом. Страшная тревога, неизвестная за все полтысячи лет его сознательной жизни, проникла в сердце.

Опасное дело задумали члены Космического Совета. Необходимо каким угодно способом не допустить осуществления проекта.

Аэровел включил радиостанцию, поймал музыкальную телепередачу с родной планеты через трансляционный спутник. В кубе пространства возникли объемные изображения, раздалась звуки волшебной музыки.

Ученый прислушался. Мелодия была незнакомой, но в ней слышались давно известные мотивы. Аэровел придвинулся ближе, передача полностью захватила его. Понимался голос диктора:

— Фантастическая музыкально-зрительная композиция молодого музыканта Мена на тему: «Прогресс».

...Из невероятной глубины пространства начала рождаться пытливо-тревожная мелодия.

На экране протянулась каменистая равнина. Никакой перспективы, только туман повсюду, густой удушливый туман. Где-то впереди угадывается источник света. Что там? Звезда, солнце или, может, мертвая планета, что сияет отраженным светом? Эта болезненная мысль написана на челе изможденной высокой женщины, которая, протянув руки вперед, идет вслепую в тумане.

И гремит торжественная оратория — гимн в честь этой женщины, которая не взирает на кровавые раны на ногах, ища дорогу среди мрака.

— Куда идешь, безумная? — угрожающе гремит мелодия, и кажется, что этот вопрос бросают всемогущие силы Космоса. — Разве ты не видишь, что невозможно проникнуть в вековые тайны Бытия, что тебе суждено вечно бродить в тумане?..

— Нет, — тихо отвечает женщина, и ее голос раскатывается волнами вниз, а эхо подхватывает его и несет в бесконечность. — Нет, я не верю в это! Я знаю, я вижу, что где-то впереди сияет звезда. Там Истина! Кто может остановить меня в моем порыве?

— Ты совсем обессилена! — грозит Космос. — Ты еле передвигаешь избитые камнями неудач ноги! Куда же, несчастная, думаешь ты дойти?..

— Каждая удача будет целебной для меня, — гордо отвечает женщина и упорно движется вперед. Свет яснеет, появляется золотой ореол. Туман понемногу рассеивается.

— Вот видишь, злая сила, — торжествуя, восклицает женщина, — свет яснеет, путь все короче, а я не старею, раны мои заживают!..

В ответ раздается громовой смех — смех ненависти и иронии.

— Взгляни, несчастная! Еще круче гора перед тобой! Так будет всегда по дороге к Истине! Ибо она бесконечна и недостижима! Вернись!..

— Нет! Не вернусь в туман, в черную тьму! Здесь счастье, в этом трудном пути...

Лицо женщины молодеет, огонь юности и знания загорается в смелых глазах, тело наливается силой. Все более жидким становится туман, все более ясным становится ослепительный свет впереди. Где-то издали в мелодию поединка сил тьмы и света вплетается мелодия гимна Человеку, его поют покоренные силы природы... Аэровел выключил передачу, закрыл глаза. Чудесная оратория! Это же Человечество — та женщина, идущая на крутую гору в тумане, это же вечный порыв к познанию Вселенной, который живет в душе каждого человека.

Послышались гармоничные звуковые сигналы. Поплыла мелодия Гимна Системы. Аппарат прошел ее границы — первые опорные пункты Разума перед провалами Космоса. Этими границами были тысячи искусственных планет — лабораторий, станций, пунктов неотложной помощи, которые вращались вокруг центрального светила за орбитой последней планеты.

Неслышно отодвинулась могучая металлическая глыба, закрывавшая оптическое отверстие звездолета. За прозрачной броней на фиолетовом фоне пространства приветливо засияли голубые, розовые и зеленые огоньки станций.

Скоро — Родная Планета...

ЗАСЕДАНИЕ КОСМИЧЕСКОГО СОВЕТА

...Лиахим сам лично примчался на космодром, чтобы встретить Аэровела. Спутники слежения давно уже

сообщили о нормальном прохождении его космолета мимо внешних планет и пояса астероидов.

Шли тревожные минуты. Сотни людей впились взглядами в экраны локаторов. И вот над круговой площадью космодрома взвыли пронзительные сирены. Это был знак, что космический корабль Аэровела захвачен полем тяготения планеты. Вот он появился на экранах локаторов. И тогда мощные потоки энергии хлынули навстречу гостю, окружив его электрогравитационной подушкой. Аппарат, сверкая матовыми боками, мягко и бесшумно опустился на этой подушке на космодром. Его тело, похожее на гигантский стометровый волчок, нависло громадой над спрятанными в грунт помещениями космодрома.

Мощные струи голубого газа ударили со всех сторон, скрестились над аппаратом и через несколько минут растаяли в воздухе. Радиоактивные или космические излучения, которые могли заразить обшивку корабля в полете, были полностью нейтрализованы.

В подземных помещениях замигали зеленые огоньки разрешения. Лиаким оторвался от экрана и бросился к выходу. Лифт молниеносно поднял его на поверхность. Следом за ним на космодром из-под земли высыпало больше сотни инженеров и научных работников Центральной Академии Системы. Они приготовились забирать из космического корабля результаты опытов Аэровела. Взгляды присутствующих сосредоточились на нижней части гигантского волчка. Наконец там появился черный прямоугольный проем. Из проема вышел человек. Это был Аэровел.

Он прикрыл глаза ладонью, будто от яркого света, пошатываясь, сделал несколько шагов от корабля, приветствуя собравшихся. Его слова полетели над космодромом:

— Простите, друзья, что не могу долго побыть с вами и поговорить. Дела требуют немедленного моего отъезда.

Прошу заняться аппаратом. Все данные автоматов переправьте в Центральный Научный Фонд.

Большая группа инженеров окружила космолет. Они один за другим исчезали в проеме. Внешне, у барьера поля, остался только Лиахим. Он, сдерживая волнение, поднял руку.

Аэровел увидел Лиахима, широко улыбнулся. Друзья кинулись друг другу навстречу и без слов горячо обнялись.

Аэровел отступил на шаг, глубоко вдохнул воздух.

— Какое счастье, брат мой, чувствовать себя среди друзей, — сказал он. Глаза его заблестели. Лиахим понял тон, которым были сказаны эти слова. Он улыбнулся.

— Поехали! Тебе надо отдохнуть перед Советом и увидеться с родными...

Аэровел весело засмеялся.

— Если со всеми, то на это уйдет не менее полугода. Нет, нет! Никаких свиданий. Ты мне теперь же должен рассказать обо всем. Когда начинается Совет?

— Все знают о твоём возвращении. Заседание назначено на послезавтра. Гости из соседних систем тоже давно ждут. Посмотри — вот их корабли... Они решили прибыть лично, потому что Совет будет продолжаться долго и по радио консультироваться нельзя.

Действительно, на соседних полях виднелись три космических корабля неземной конструкции. Два из них были похожи на треугольники с шаровидными вершинами, а третий имел обтекаемую рыбоподобную форму.

Аэровел посмотрел на чужие космолеты, удовлетворенно кивнул головой.

— Алл-Аскор-Гудин и Брраж-Си прилетели? — спросил он.

— Да.

— О, тогда будет горячий бой, — засмеялся старый ученый. — Поехали ко мне...

На краю поля космодрома стояли темно-вишневые площадки с удобными креслами и маленьким пультом. Это были гравилеты. Друзья поднялись на один из гравилетов и сели. Поворот рычажка включил антенну приема энергии. Площадка был лишена веса. Вслед за тем магнитно-гравитационная тяга бесшумно подняла ее в воздух.

Сразу же за космодромом блеснули внизу голубые ленты каналов, зеленые прямоугольники полей, прозрачные чудесные дворцы среди цветущих деревьев. Космодром таял вдали, где-то позади.

Аэровел, полюбовавшись давно не виденным пейзажем, положил руку на плечо Лиахима.

— Ну, друг мой, я слушаю тебя...

...Восемьдесят членов Космического Совета и двадцать гостей из соседних планетных систем заняли места, которые шли амфитеатром вокруг круглого возвышения — стола. В состав Космического Совета входило по двадцать ученых от каждой системы, которые составляли Великий Союз. Представители каждого мира занимали отдельный сектор амфитеатра. Слева от стола сидели хозяева системы Солнца. Они были одеты в голубые матовые плащи, которые спадали красивыми складками вниз. Головы ученых были непокрыты. И хотя самым молодым исполнилось по двести и более лет, их лица сияли молодостью и красотой. Этого достигла биохимия, преодолев старения клеток организма.

В соседнем секторе расположились ученые из системы Центавра, разумные существа планеты Крак-Ру. Они были одеты в красочную, горячих тонов, одежду и мало чем отличались от хозяев помещения Космического Совета. Только высокие черепа не имели растительности, да глаза были посажены очень далеко друг от друга.

Третий сектор заняли представители планеты Ай-Сса-Мрра из системы Сириус — не очень похожие на людей

разумные существа с темно-фиолетовой кожей, приплюснутым назад большим черепом, покрытым зелено-желтоватыми волосами, круглыми, рыбьими глазами и четырехпальными руками.

И, наконец, в четвертом секторе были ученые недавно открытой планеты у незаметной красной звезды всего на расстоянии шести парсеков. Слабая радиация светила этой системы была причиной того, что планета Кома вошла последней в Великий Союз, хотя она достигла достаточно великой культуры и могущественного технического потенциала. Представители Комы внешне не имели ничего общего с другими разумными существами. Кожа их была нежно-зеленой и, казалось, просвечивалась насквозь. Ночью тела этих существ светились фосфорическим светом. Они были лишены шеи, зато туловище могло поворачиваться во все стороны очень подвижно. Люди Комы были наделены тремя органами зрения, вместо пальцев на конечностях шевелились чрезвычайно ловкие щупальца, которые, кстати, могли возрождаться при ранении. Одежда их состояла из черных блестящих покрывал.

Члены Космического Совета зашевелились на своих местах. На возвышение вышел глава Совета Римидал в сопровождении десяти помощников. Затем в боковом проеме появились Аэровел с Лиахимом. Присутствующие поднятием правой руки сдержанно поприветствовали старейших ученых Великого Союза Систем. Новоприбывшие сели в первом ряду. В зале заседаний воцарилась тишина.

Римидал нажал кнопку на столе. С купола помещения вдоль стен посыпались вниз красные шаровидные ряды. Они становились гуще, объединялись и превращались в шнуры, похожие на медленные молнии. Вокруг присутствующих поплыли в пространстве почти невидимые прозрачные розовые волны. Это начал действовать

аппарат, который стимулировал внимание и усиливал функции мышления. Римидал поднял руку. Над залом прозвучали его слова — тихие, четкие и лаконичные:

— Наша планета, вся Система, а также другие системы, представители которых присутствуют здесь, пережили много революций. Я говорю не о тех социальных революциях, что бушевали десять тысяч лет назад и ознаменовали поворот к новым отношениям между народами. Я имею в виду революции в Науке, которые помогали и помогают нам все глубже познавать таинственный и бесконечный Космос. Но последние тысячелетия привели нас к необычному кризису. Этот кризис двойной. Вы все знаете опасность вырождения. Эта давняя опасность стала особенно страшной сейчас. Причина ее — чрезмерная интеллектуальная нагрузка. Вторая опасность — ограниченность мозга, а вместе с тем ограниченность мышления.

Мы достигли долголетия в пределах тысячи лет, но и этого человеку очень мало, чтобы он мог впитать в себя мудрость предыдущих поколений. Наука разделилась на бесконечное количество ручьев, а логика зовет к упрощению, к универсальности.

У нас есть машины памяти. Но для того, чтобы двигать вперед Знание, которое становится все более сложным, необходимо знать все его основные вехи. Это уже теперь часто приводит к безумию, к нарушению нормальных Функций мышления. Знание превосходит возможности разума!..

Необходима новая революция, которая выведет нас из этого кризиса. Такая Революция возможна. Сейчас перед вами выступит Председатель Института Электронно-гравитационных машин Семоний. Он с группой ученых нашей и соседних систем разработал грандиозный проект, способный в одночасье решить все проблемы, о

которых я только что говорил. Внимание! Будет говорить Семоний!..

Римидал повернул голову направо. Там, с первого ряда, по лестнице поднимался ученый, одетый, как и все остальные, в голубой плащ. Это был Семоний. Он родился триста лет назад в системе Центавра от земной женщины по имени Розовый Рассвет, которая была специалистом по гравитационным машинам и помогала ученым Крак-Ру. Она полюбила молодого, горячего ученого Ми-Бра, и он стал отцом Семония. Очевидно, от отца ученый получил в наследство горячий, безудержный темперамент, поспешность в осуществлении замыслов и большую принципиальность. Члены Космического Совета с интересом смотрели на Семония. Его лицо было усталым и тревожным. Очевидно, он очень волновался. Семоний вышел на возвышение у стола, сел в середине зеленого овала и положил руку на маленький пульт, откуда осуществлялось руководство демонстрационными машинами. Он встретился взглядом с Аэровелом, какое-то мгновение не мог оторваться от глаз старого ученого, потом овладел собой и включил микрофон.

— Друзья! — прозвучал голос Председателя Института Электронно-гравитационных машин. — Вы все понимаете, перед какой опасностью стоит мир Разума. Об этом только что говорил Римидал. Я не знаю, стоит ли вам, представителям Науки, напоминать о фактах, которых достаточно в каждой из систем. Забота о будущем велит нам пойти по пути освобождения разумных существ от интеллектуальной нагрузки, которая стала непосильной.

Проблема такова: передача основных функций научного мышления электронно-гравитационным машинам. Мы сконструировали мощный автоматический центр, управляющий машинами планеты. Теперь мы хотим дать ему способность самостоятельно мыслить в чисто научной сфере. Разумный автоматический центр получит

возможность абсолютно безошибочно анализировать все данные, которые будут поступать в него извне, и именно по таким законам, по которым идет развитие человечества. Отсюда необычная перспектива — Знание будет развиваться быстрыми темпами, так как реакция электронно-гравитационных машин в миллионы раз быстрее человеческой, а логика безошибочна и лишена сомнений. Таким образом, мы освободим людей от страшной перегрузки в сфере мышления...

Я предлагаю на рассмотрение Космического Совета проект, который предусматривает научную революцию невиданных масштабов. Мы будем говорить здесь не о технической стороне дела, потому что каждый из вас знает об абсолютной реальности такого проекта, — мы обсудим моральные, этические и научные нормы подобной перестройки.

Предварительная консультация показала, что многие члены Космического Совета проект одобряют. Самые серьезные возражения выдвинул Лиахим — руководитель Института Галактических Экспедиций. На данном заседании нам нужно полностью решить судьбу проекта, а вместе с тем и судьбу дальнейшего развития разумных существ Великого Союза Систем. Кто скажет за или против проекта?

Из сектора системы Центавра поднялся высокий ученый с большой головой и нахмуренными бровями. Его сухие губы сжались, потом медленно разошлись. Он плотнее закутался в красочную накидку и начал говорить. Римидал включил машину, которая переводила речь ученого на языки четырех систем. Все с уважением прислушивались к словам Алл-Аскор-Гудина, потому что он был самым выдающимся специалистом по электронике на планете Крак-Ру.

— Я буду говорить коротко, — сказал ученый. — Академия моей планеты согласна с проектом Семония. Проект

даст возможность сделать невиданный скачок в Бесконечность. Великий Союз Систем объединяет четыре планеты, которые дружно идут в развитии Знания. Но у нас много соседей-планет, где культура разумных существ стоит на низком уровне развития. Колоссальный рост технического потенциала при передаче функций научного мышления электронно-гравитационным машинам позволит оказать помощь и этим отсталым соседям... Повторяю: я и Академия планеты Крак-Ру — за осуществление проекта!

Алл-Асмор-Гудин замолчал и медленно, торжественно сел на свое место. Семоний с благодарностью посмотрел на него. Он уже совсем успокоился и держался даже с каким-то вызовом, что было очень странным. Ведь он знал, что придется выдержать поединок с наисильнейшим противником — Аэровелом. Семонию уже сообщили, что старейший ученый выступил категорически против проекта.

Действительно, Аэровел уже поднялся с места и, махнув краями голубого плаща, вышел к зеленому овалу. Лицо его было злым и нахмуренным. Никто не видел подобного выражения на лице какого-либо из ученых, и поэтому среди присутствующих возник еле слышный шум. Даже ученые планеты Кома, которые были лишены возможности понимать эмоциональные изменения на лицах хозяев Системы, почувствовали напряженность ситуации и, вытянув причудливые зеленые головы, замерли неподвижно.

Над амфитеатром раздался энергичный громоподобный голос:

— Очень странно! Ко мне вернулось чувство, которое разумные существа наших систем считают анахронизмом. Ко мне вернулась ярость! И только уважение к высокому собранию и нормы этики заставляют меня говорить спокойно!

Ряды ученых зашевелились. Лиахим одобрительно кивнул головой. Семоний удивленно вскинул вверх красивые черные брови. Глаза его метнули тревожные молнии. Он не ждал такого вступления.

— Кто из вас, ученые, думал, как следует, о результатах утверждения этого проекта? — гремел дальше Аэровел. — Осознаете ли вы, что принесет для разумного мира такая «революция»?

Аэровел бросил эти слова прямо в лицо Семонию, Римидалу, а потом перевел взгляд на сектор, где сидели ученые из системы Центавра. Алл-Аскор-Гудин, к которому была обращена реплика, даже не пошевелился. Семоний и Римидал тоже молчали. Старейший ученый снова повернулся к амфитеатру.

— Логика говорит сама за себя. Я скажу коротко. Мы знаем опасность вырождения. Но нам теперь она не страшна. Преждевременно объявляя результаты работы Института Воскрешений, я с полной ответственностью утверждаю, что мы решили проблему бессмертия. Итак, вопрос вырождения отпадает!..

В секторе Сириуса поднялся толстый, невысокий ученый. Это был один из защитников проекта Семония Брраж-Си.

Энергично жестикулируя четырехпалой рукой, он перебил Аэровела, и над залом поплыл низкий, с переливами голос:

— Ты говоришь о бессмертии, Аэровел? Пусть так! Это невероятное, сказочное достижения! Но тогда возникнет другая проблема — проблема искусственного сокращения рождаемости. Будет время, когда наши системы не вместят невероятно большого количества населения. Это первых! Во-вторых, бесконечность жизни может породить апатию, равнодушие к любой деятельности... Миры заполнятся людьми с бесконечно устаревшими впечатлениями и идеями...

— Неправда! — резко ответил Аэровел. — Пусть население наших систем увеличивается без конца. Нам это не страшно! Перед человечеством бесконечный Космос. Конца в его познании нет. И нам потребуются бессмертные поколения, чтобы посылать их во все направления Пространства. Радость бессмертия — в непрерывном познании Вселенной! Эволюция интеллекта приведет к тому, что устаревшие идеи будут отмирать, забываться, а новые — выкристаллизовываться. Это ясно, это — аксиома!..

Итак, слушайте, ученые Великого Союза Систем! Я думаю, всем ясно, что аргумент о вырождении отпадает... Теперь вторая проблема — ограниченность мозга! До этого времени нам хватало умственного потенциала. Теперь действительно мы чувствуем некоторый кризис. Знание развивается слишком быстро. Но потенциальные возможности мозга можно неизмеримо расширить в ближайшее время, вместе с решением проблемы бессмертия. Работа в этом направлении также почти завершена...

Это что касается «опасностей», которые так напугали предыдущих ораторов. Теперь о неразумном — извините, не могу удержаться! — о неразумном проекте, который вы так серьезно обсуждали.

Позвольте спросить — кто будет использовать научные данные, полученные умом электронно-гравитационных машин?

Семоний, которому был адресован вопрос, несмотря на выдержку, растерялся. Он неуверенно ответил:

— Контролировать и координировать работу мыслящих агрегатов будет Космический Совет и ученые на местах...

— А все остальные разумные существа?

— Они будут освобождены от умственной деятельности в сфере науки. Наступит время отдыха, блаженства, развлечений и невиданного счастья. Тысячелетия

каторжного труда останутся позади. Мы имеем право остановиться. Наши функции возьмут на себя машины — порождение нашего разума. Не все ли равно, каким образом мы будем познавать вселенную — биологическим мозгом или электронным? Последний даже надежнее!..

— Страшная ошибка! — загремел Аэровел. — Неужели вы не понимаете, что тогда человеческий разум деградирует, и скоро машины поднимутся выше людей? Я просматривал старые фильмы и книги. Еще десять тысяч лет назад в человеческом обществе были проповедники подобных взглядов, — только тогда монополию мышления забирали себе не машины, а группы людей. А теперь вы, представители Человечества, которое поднялось так высоко в познании Мира, хотите заменить чудесный человеческий интеллект холодным разумом машины? Стыдитесь!..

Римидал не выдержал и сорвался с места.

— Друг мой! Проект рассматривали десятки ученых! Ты, по-моему, слишком много выдумываешь страхов...

Аэровел предостерегающе поднял руку.

— Одобрение проекта учеными еще ничего не значит. Если вы посмеете его принять, я вынесу вопрос на рассмотрение Большого Совета Человечества четырех Систем! Это касается судьбы миллиардов существ — пусть они скажут свое решающее слово!..

Его страстные слова прервал тревожный аккорд сверху. Римидал включил одну из кнопок на панели. Стало совсем тихо. В пространстве, прямо над столом, появилось молодое серьезное лицо девушки.

— Что случилось, Искорка? — спросил Римидал. Он был очень удивлен. Прерывать заседание Космического Совета разрешалось только в исключительных случаях.

— Срочное сообщение, — ответила девушка. — Локаторные станции несколько часов назад зарегистрировали приближение космического корабля. Главная

диспетчерская служба Института Галактических Экспедиций сообщает, что ни с одной планеты известных систем не ожидается никакого космолета. Выявлено, что конструкция корабля совсем незнакомая...

— Вы попытались связаться с объектом? — бросил с места Лиахим.

— Да! Никакого ответа! Очевидно, экипаж мертв или...

— Никаких или, — прервал Римидал. — Захватите его гравиполем и посадите на центральный космодром. Включите все гравитационные станции на случай агрессии. Людей под защиту! Корабль нейтрализуйте! Мы скоро прибудем!..

Фигура девушки исчезла. В зале поплыл оживленный разговор.

— Заседание Космического Совета переносится на завтра, — сказал Римидал. — Кто будет выступать — готовьтесь!

Под куполом зала заседаний вспыхнул яркий свет...

ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Лиахим, Римидал и Аэровел прямо из помещения Космического Совета вылетели на центральный космодром, где встречали небесного гостя. Перед взорами ученых возникло невиданное зрелище.

В центре космодрома поднимался высоко в небо странный космический аппарат. Он был цилиндрической формы, суженный сверху. Вокруг цилиндра обвивалась массивная спираль. Весь корабль был ржаво-грязного цвета — очевидно, он прошел неизмеримые пространства.

Инженеры, которые приняли аппарат на космодром, еще не начинали исследовать его внутри, они ждали распоряжений. К ученым подошла Искорка, которая была

Главным Инженером космодрома, вопросительно посмотрела на Лиахима.

А ученые никак не могли налюбоваться удивительным кораблем. Глаза Аэровела заблестели восторгом.

— Уверяю, это конструкция дегравитационного¹⁰ корабля, но более примитивной культуры, чем наша. Наверное, эти люди, создатели космолета, как и наши предки когда-то, рвались прямо в бесконечность, как на лодочке в океан...

— Мне тоже кажется, что это так, — прошептал Лиахим, — но почему в твоем тоне ирония?..

— О, нет! — сказал старейший ученый. — Я, наоборот, преклоняюсь перед их мужеством! На нашей планете уже десять тысяч лет назад была разработана теория антигравитации. Я прочитал об этом в старинных книгах. Но последняя страшная, жестокая и бессмысленная война с соседней системой уничтожила эти конструкции. Только впоследствии, через несколько веков, было повторено то изобретение, которое привело теперь к полной победе над притяжением...

Римидал знаком подозвал к себе Искорку. Она подошла к главе Космического Совета, подняла на него пушистые золотистые ресницы.

— Вы пытались связаться с разумными существами, которые могут быть внутри?

— Да! — ответила девушка. — В полете и теперь, на космодроме. Но в ответ никаких сигналов. Мы просветили

¹⁰ Дегравитация. — Лишение веса. Впервые такая фантастическая идея выдвинута Уэллсом в книге «Первые люди на Луне». Считалось, что гипотетический материал «кейворит», который защищает от тяготения, создать невозможно. Современная наука уже не утверждает категорически этой мысли. В научных журналах появляются информации о работах, которые ведутся научными учреждениями в этой области.

корабль гравитационным пучком — видимость неясна, но не установлено никакого движения...

— Каково же ваше мнение?

— Наверное, живых существ в аппарате нет. А если даже и есть, то бояться не стоит — конструкция свидетельствует о высоком интеллекте создателей...

Аэровел тихо засмеялся.

— Ты слышишь, Римидал? Разве электронная машина, даже самая умная, пришла бы к такому выводу? Вот что значит человеческий разум!

— Ее утверждения ложны, — сухо ответил Римидал. — Вспомни войну с Полярной в двадцать четвёртом веке. Агрессоры имели высокий интеллект! Но этот спор ни к чему. Что ты думаешь сделать? — обратился он к Лиахима.

— Открыть, — ответил ученый. И, уже загораясь интересом и нетерпением, сказал Искорке:

— Будьте осторожны! Не повредите приборов, а прежде всего, живых существ, если они есть. Может быть, они находятся в состоянии анабиоза...

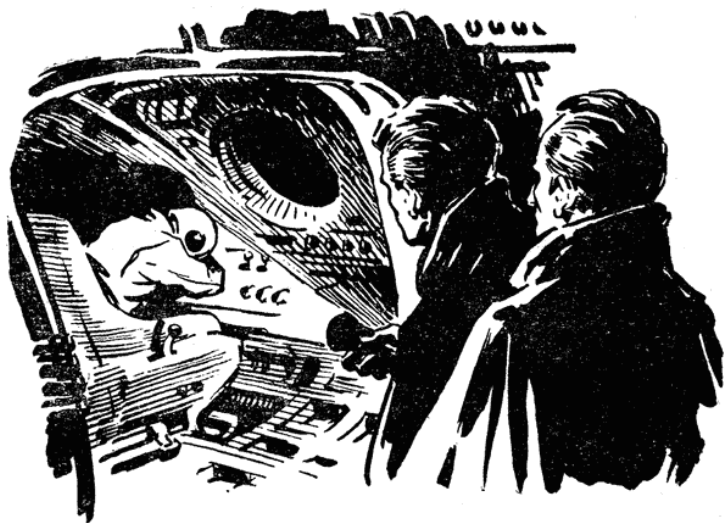
Искорка зашла под прозрачный сферический навес, села за портативный пульт. Из-под земли появились разнообразные механизмы. К космическому гостю поползли автоматические тележки. Из них выросли ажурные вышки и достигли середины гигантского корабля. Несколько минут гравитационные излучатели изучали обшивку аппарата. Вот они нашли пустоту. И тогда автоматические ядерные ножи вырезали большое отверстие в корпусе космолета. Тележки отъехали и спрятались под землю.

Маленький лифт поднял троих ученых и Искорку к отверстию. Первым в корабль ступил Римидал. Он с интересом смотрел на края расплавленной обшивки. Металл был нежно-золотистого цвета.

— Надо будет проверить его кристаллическую структуру, — отозвался Лиахим. — На глаз трудно определить состав...

Лиахим включил портативный фонарь. Луч осветил высокий коридор, где они стояли. Коридор извивался спиралью вокруг гигантской центральной трубы, где, наверное, были расположены энергетические аппараты. Ученые двинулись по спирали вверх. Вокруг горели красные и зеленые огоньки каких-то сигналов, но не было слышно ни единого звука. Так они обошли по спирали несколько раз и, наконец, остановились перед глухой стеной. Собственно, это была не стена, а прозрачные двери. Лиахим усилил луч фонарика, направил на дверь. И тогда перед пораженными учеными возникла странная картина.

За прозрачной стеной находилась каюта, откуда, очевидно, осуществлялось управление аппаратом. По бокам поблескивали матовые экраны, темные панели с многочисленными кнопками и рычажками. Перед основным

пультом стояли два глубоких кресла. В одном из них виднелась фигура человека с опущенной на пульт головой. Человек был неподвижен.

В беспокойном освещении колыхнулась его фантастическая тень и показалось, что космонавт зашевелился. Искорка тревожно вздохнула.

— Это космонавт из нашей системы, — я убежден в этом, — прошептал Аэровел. — Но, когда он вылетел? Почему мы ничего не знаем об этом полете?..

— А может, он только похож на нас? — возразил Римидал. — Мы узнаем об этом завтра...

Лиахим — взволнованный и торжественный — вернулся к Искорке и дал короткий приказ:

— К следующему заседанию Космического Совета полностью изучить конструкцию корабля, разыскать данные всех автоматов, которые здесь есть, фильмы и записи магнитного, электронного или иного характера. Подготовить к демонстрации на заседании...

— А космонавта, — добавил Аэровел, — пока не трогать. Я немедленно вызову специалистов из Института Воскрешений. Труп надо забрать с максимальной осторожностью, поместить в инертный газ и сегодня же перевезти в Институт...

...Члены Космического Совета собрались на заседание с предвкушением чего-то необычного. Все уже знали о прилете разумного существа, которое было найдено мертвым в каюте космолета. И когда Семоний потребовал продолжения вчерашней дискуссии, ученые категорически запротестовали. Это было традицией разумных существ Великого Союза Систем — рассматривать сначала вопросы, касающиеся судьбы других миров. А прибытие неведомого гостя обещало много интересного и загадочного.

Космический Совет был в полном сборе. Кроме постоянных членов, Римидал пригласил тысячу

представителей научных кругов Земли. Все сектора амфитеатра были заполнены до отказа.

Председатель Космического Совета занял место в зеленом овале, за демонстрационным пультом.

— Друзья, — сказал он, — все вы знаете о прилете космического корабля из неведомых глубин Пространства. Знаем все мы, что в страшные и таинственные дали разумные существа летят за огнем Знания, за Истиной. Не всегда жертвы приносят плоды. Тем более, мы должны быть максимально внимательными к каждой вести из других миров. Капли соединяются в ручьи, ручьи в реки, реки в моря, а моря текут в океан Бесконечности!

— В аппарате найдены пленки магнитной записи примитивной конструкции, а также пленки кинофильмов для демонстрации на плоский экран. Все это было на пульте управления перед трупом космонавта и, очевидно, он обращался перед смертью к разумным существам — своим братьям по духу. Мы прослушаем записи и, если человек был из каких-то известных нам систем, поймем их. Пленки готовы — значит, мы начинаем...

Свет погас. Зал заседаний погрузился в полную тьму. Но вот снова вокруг поплыли розовые волны из стимуляторов мышления. Римидал нажал кнопку на панели. Что-то зашипело, послышался спокойный человеческий голос. Он говорил на непонятном языке. Римидал выключил аппарат воспроизведения.

— Включите машины памяти, — тихо сказал он. — Все языки, начиная с периода религий.

Прошло несколько минут напряженного ожидания. На столе вспыхнул зеленый сигнал. Опять Римидал включил аппарат воспроизведения. И вот аудитория радостно вздохнула.

Над залом послышался мягкий голос переводной машины:

— Двадцать первый век. Две тысячи пятьдесят восьмой год. Галактические координаты на киноплёнке...

Римидал выключил аппаратуру. В зале плыл гул удивления.

— Десять тысяч лет назад! Невероятно!..

Председатель Космического Совета поднял руку.

— Для абсолютной проверки просмотрим киноплёнку.

Плоское изображение старинной киноплёнки, пройдя через ряд трансформаций в новейших приборах, воспроизвелось в пространстве над залом.

Перед присутствующими возникло изображение Галактики. Из груди ученых вырвался вздох удивления и восхищения. Несмотря на невероятно высокую культуру и необычные возможности, космолеты за пределы Галактики не отправлялись. А это изображение было не теоретической схемой, а фотографией извне. Вот гигантская звездная система приблизилась, медленно вращаясь вокруг центрального сгущения. Она с каждой минутой вырастала, разделялась на звездные скопления и отдельные небольшие системы. Между двумя отводами спирали, среди почти пустого пространства ярко засияла желтая звезда.

Она приблизилась, превратилась в диск. Вокруг нее закружились в причудливом танце девять планет. Третья от центрального светила остановилась, начала вращаться. Возникли очертания материков, океанов. Из-за планеты выполз бледно-желтый диск спутника. Затем изображение исчезло. Плёнка закончилась.

В зале засиял свет. Никто из ученых не шевельнулся.

— Аппарат и человек с нашей планеты, — твердо произнес Римидал. — Об этом свидетельствует речь человека, галактические координаты, а также сообщение Мирового Архивного Фонда...

Аудитория удивленно насторожилась.

— Молодой работник Фонда Светозар наткнулся недавно на материалы о внегалактической экспедиции в двадцать первом веке, — пояснил Римидал. — Друзья! Факты позволяют утверждать, что мы встретили корабль далекого прошлого... Но, к сожалению, без единого живого существа, — грустно добавил он. — Много тысячелетий наши предки ждали, чтобы мы прослушали их последние слова, адресованные нам. Я предлагаю просмотреть все материалы, касающиеся необычного события...

Опять послышалось тихое шипение, легким движением руки Председатель Космического Совета включил демонстрационные автоматы...

Часть вторая ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВЕДОМОЕ

СПОР НА СЪЕЗДЕ

...Земля встречала смельчаков. Овациям, приветствиям не было конца. Невероятный эксперимент был блестяще завершен. Начинался новый этап в исследовании космоса, решались самые смелые проблемы межзвездных путешествий.

Так оценивали общественные и научные круги результаты полета аппарата «Мысль» к системе Центавра. Четыре человека — молодые ученые и инженеры — составляли экипаж корабля. «Мысль» пролетела расстояние от Альфа Центавра и обратно не за восемь лет, как раньше, а за десять дней согласно показаниям атомных часов корабля. Переворачивались все физические теории, рушилась основная концепция Эйнштейна, потому что «Мысль» летела в пространстве со скоростью, превышающей скорость света в миллионы раз.

Головокружительный успех окрылил молодых героев. И они выдвинули на рассмотрение следующего съезда в Цветограде проект экспедиции, граничащий с бредом, как выразился один очень старый академик. Съезд был поражен. Все, не дыша, слушали пламенные заключительные слова Георгия — командира экипажа «Мысли».

— ...Далекое поколения будут оценивать наши дела. Они ждут наших открытий. Вот почему я так настойчиво требую у вас разрешения готовить эту экспедицию...

Гром аплодисментов заглушил его слова. Георгий благодарно улыбнулся, обвел лучистым взглядом синих глаз амфитеатр зала... Кажется, все в порядке!

Он переглянулся с товарищами, сидевшими в первых рядах. Они радостно поднимали вверх руки, приветствуя общий успех.

И вот медленно стихла овация. В зале воцарилась тишина.

И среди этой тишины вдруг послышался старческий кашель. Это отозвался академик Горин — директор объединенного Института ядерных проблем. Председатель съезда, не спрашивая академика, объявил его выступление.

Георгий с уважением освободил место на трибуне и хотел вернуться в зал, но его остановил тихий голос Горина:

— Подождите!

Георгий удивился, но остался на месте. И вот все услышали слова академика, неожиданные, жестокие, неумолимые:

— Я тоже аплодировал прекрасным мечтам командира «Мысли». Да, именно мечтам! С сожалением хочу констатировать здесь, перед высоким съездом, что упомянутый полет не может осуществиться!..

Смешанный шум растерянности и недоумения поплыл над залом.

— Почему? — резко прозвучало среди шума вопрос Георгия. Судорожно ухватившись рукой за барьер трибуны, он сверлил глазами старого ученого.

Горин дружески, мягко посмотрел на Георгия. Кустики седых бровей над прищуренными глазами подскочили вверх.

— Знаете ли вы, какая энергия нужна вашему аппарату?

— Знаю! — с вызовом ответил Георгий. — Но к чему этот вопрос?

— Сейчас скажу. Дегравитационное поле «Мысли» невозможно создать без энергии, которую дает

аннигиляция¹¹ вещества и антивещества¹². Это душа, движущая сила корабля. Ведь так?

— Так!..

— Вы использовали для полета к Альфа Центавра запасы антивещества, готовившихся реакторами в течение шести месяцев. А чтобы осуществить этот ваш проект, нужна десятилетняя напряженная работа всех установок по изготовлению антивещества!.. Десять лет! Вы понимаете?..

— Мы готовы ждать десять лет! — раздался звонкий голос с передних рядов амфитеатра. Это говорил один из членов экипажа корабля.

— Да, мы готовы! — подтвердил Георгий. — Не только десять — двадцать, тридцать, сколько потребуется...

¹¹ Аннигиляция (лат.). — Буквально — превращение в ничто. Не совсем верно названа реакция, которая проходит между электроном и антиэлектроном (позитроном), или между атомами и антиатомами. При этой реакции частицы исчезают и превращаются в поток фотонов и мезонов. Таким образом, при аннигиляции освобождается вся энергия ядра или ядерных частиц, переходя в энергию излучения. Фотон — или квант света — порция электромагнитной энергии, частичка луча. Массы покоя не имеет. Имеет скорость 300 000 км. в секунду. Мезон — элементарная частица, по массе занимает среднее место между электроном и нуклонами. С помощью мезонов происходят взаимодействия в ядре. Мезон считается квантом ядерного поля.

¹² Антивещество. — Гипотетическое вещество, состоящее из антиатомов. Антипротоны и антинейтроны получают в гигантских ускорителях на Земле. Теоретически возможно, что где-то в Космосе есть скопление материи из антиатомов. Тогда это будет мир из антивещества или «антимир». При встрече обычного вещества с антивеществом происходит аннигиляция, то есть превращение частиц материи и антиматерии в энергию излучения.

Академик грустно улыбнулся, развел руками.

— Дети, просто дети! Почему вы, восхищаясь своим проектом, не думаете о множестве других исследований? Ведь антивещество используется не только в вашем аппарате. Согласится ли Институт Космонавтики ради этого проекта отменить все другие исследования на десять лет? — обратился Горин в президиум съезда.

— Ни в коем случае, — категорически возразил директор Института. — Космолет «Мысль» получил бы такое количество антивещества, которое остается от других запланированных исследований...

— Но этого хватит разве что для полета на сотню парсеков! — возмущенно воскликнул Георгий, обращаясь к залу.

— Мы не имеем права при данной ситуации замораживать другие работы. Неужели вы не понимаете, что далекое будущее, которому служит ваш проект, может подождать по сравнению с проблемами сегодняшнего дня?!

Зал мрачно молчал. Георгий, опустив голову, не говоря ни слова, сошел вниз. Говорить было нечего.

Члены экипажа «Мысли» встали с мест и направились за командиром к выходу. Ступенька за ступенькой, не оглядываясь, медленно шли они, будто ждали, что их позовут обратно, что не все еще пропало...

Делегаты съезда сочувственно провожали взглядами молодых ученых. Среди напряженной тишины глухо стукнули двери. Теперь только чудо могло спасти чудесный, невероятный проект...

КАТАСТРОФА ПОДСКАЗЫВАЕТ ВЫХОД

Георгию было стыдно смотреть в глаза товарищам. Кажется, ни в чем не виноват, все случилось помимо его

воли, но на душе остался неприятный осадок, что он наврал самым близким друзьям, обманул их в лучших ожиданиях. Так бывает всегда — чем прекраснее мечта, тем горше, больнее разочарование!

Через три дня Институт Космонавтики поставил перед экипажем «Мысли» задание — лететь к планетной системе звезды Сириус. Для подготовки давалось два месяца. После визита в Институт Георгий встретился с друзьями и рассказал о новом полете. Он видел, что ребята были очень недовольны.

— Не киснуть! — засмеялся Георгий. — Рано еще опускать головы! Слетаем на Сириус, а затем добьемся своего! Слышите, ребята? Мы же действительно немного поспешили... Пока не протоптали тропинки вокруг дома, а уже хотим отправляться в дремучий лес!..

Космонавты решили разъехаться на один месяц для отдыха. Георгий вылетел в Киев.

Воздушный лимузин посадил его на левобережье, среди гидропарка. Попрощавшись с водителем, Георгий сел в открытый вагончик воздушной дороги и переехал к речному порту.

Был теплый день первого месяца лета. Буйные соцветия каштанов осыпались на головы прохожих, над Владимирской горкой неслась нежная мелодия знакомой песни. Георгий радостно вдохнул душистый воздух родного города, тревожно напрягся. Впереди предстояла встреча с Марианной — невестой, которую он еще не видел после полета на Альфа Центавра.

Георгий медленно пошел вверх, до Крещатика, не желая пользоваться ни транспортом, ни самодвижущимися тротуарами. Времени было предостаточно — Марианна заканчивает работу в Институте Энергетики только через час. За это время можно полюбоваться красотой Киева. Ведь более полугода он не был здесь.

Быстро пролетел час. Взмолвлено поглядывая на часы, Георгий ждал у входа в Институт. И вот среди работников Института появилась высокая, стройная девушка с короной темных волос. Она остановилась у колонны, небрежно поправила прядь волос.

Марианна! Чудесная, единственная!..

Сердце Георгия забилося звонкими, частыми ударами. Только при взгляде на нее он понял, как несказанно сильно любит ее, как невозможно оторвать ее от сердца и пойти в черную бездну космоса, без надежды встретиться снова.

Взгляд девушки остановился на фигуре Георгия. Удивление, радость, любовь, упрек загорелись в больших черных глазах. Она задыхалась, не могла сказать ни слова.

Георгий побледнел. Он протянул руки и ждал. Марианна не выдержала. Она в изнеможении сделала несколько шагов навстречу и, несмотря на любопытные взгляды подруг, упала в объятия любимого...

...Георгий и Марианна выехали вниз по Днепру. На одном из островков они остановились. Здесь было решено провести месяц отдыха. Надо было хоть на какое-то время забыть, отмежеваться от назойливых мыслей о неудаче на съезде. А Марианна втайне радовалась, что все-таки ее неугомонный Георгий полетит не в неизвестность, а «недалеко», только до Сириуса. Все-таки оттуда можно дожидаться его.

Георгий сделал шалаш у воды, под плакучими ветвями ивняка — ствол дерева проходил как раз посередине нехитрого жилья. На сучки можно было цеплять одежду, различные припасы. Все дни были полны весельем и развлечениями. Вспомнив детство, Георгий ловил рыбу под корягами, а Марианна варила на треножниках вкусную, пропахшую дымком, уху.

Изредка они включали радио или портативный телевизор, слушали передачи из Киева, Москвы, Цветограда и других городов. Приятно было поймать музыкальную передачу, а затем отплыть на лодке в гущу лозы и, остановившись среди белых цветов кувшинки, слушать, как несется мелодия над сонной водой и замирает где-то в левобережных лесах.

Так проходил месяц. Надо было собираться. В предпоследний день солнце скрылось за облаками, подул студеный ветер. Марианне нездоровилось, и она утром смотрела передачи по телевизору.

Георгий напоследок решил половить рыбу руками. Может, никогда уже ему не придется пройти по этим родным, близким сердцу берегам. Пусть хоть воспоминания останутся в душе даже посреди темноты пространства...

Уже в связке трепетало три окуня и один сомик. Ловя находчивого налима, который крутился в лабиринте коряг, Георгий прислушивался к звукам телевизора, что доносились из шалаша. Марианна крутила ручку настройки, перескакивая с одного диапазона на другой. И вдруг Георгий услышал отчаянный крик девушки. Она звала его.

Ничего не понимая, растерянный Георгий оставил рыбу на произвол судьбы и побежал сломя голову к шалашу.

— Что такое? — крикнул он, откинув простыню у входа.

Марианна молча показала на телевизор. На экране виднелась туманная фигура человека. Лицо его было растерянное, глаза наполнены тревогой и страхом.

— Это же Димитр, командир корабля «Огонь»! — приглушенно сказал Георгий.

Марианна схватила его за руку.

— Он обращается ко всей Земле, — судорожно сказала она. — Что-то случилось с кораблем!..

Мысль Георгия лихорадочно охватила сразу все, что касалось полета ракеты «Огонь». Год назад пятеро космонавтов на ней полетели к быстролетящей звезде, которой дали характерное название «Чужая». Эта звезда, как определили астрономы, имела собственную скорость около тысячи километров в секунду. Значит, она не принадлежала к Галактике, а была чужаком, инородным телом, которое случайно попало в пределы другой системы. Согласно задания Института, экипаж «Огня» решил посетить странную звезду и провести там ряд исследований. Что же случилось с ними?..

Губы Димитра шевельнулись. Послышался хриплый, приглушенный голос:

— Дорогие друзья! Очевидно, «Огонь» погибнет. Мы включаем все оптико-электрические аппараты для передачи на Землю. Слушайте и смотрите! Мы попали в зону притяжения крайней планеты. Наш корабль неожиданно охватил настоящий вихрь огня. Аппараты показывают, что обшивка звездолета катастрофически разрушается. Температура повышается, уже трудно дышать...

Димитр замолчал. На экране появилось изображение корабля снаружи. В черной глубине неба призрачным сиянием пульсировало гигантское розовое солнце, слева быстро вырастал диск планеты, окруженной голубой короной атмосферы. А вокруг корпуса звездолета бушевало море огня. Казалось, будто разгневанное божество бросало в корабль потоки молний, которые понемногу, но неумолимо разрушали аппарат.

— Мы ничего не понимаем! — слышался растерянный голос Димитра. — Корабль теряет управление. Аппаратура движения выходит из строя. Попробую посадить на планету!..

— Проклятье! — закричал Георгий, рванув воротник рубашки. — Назад, назад! — замахал он кулаками в

телевизор, глядя расширенными глазами на диск планеты, который быстро рос на экране...

Марианна растерянно схватила Георгия за руку.

— Что? Что там? Ты понимаешь?

— Они погибнут! — застонал Георгий. — Надо поворачивать прочь от звезды, в пространство!.. Они попали в мир антивещества!..

Кровь застыла в жилах Марианны от этих слов. Ведь при встрече вещества и антивещества происходит взаимное уничтожение, и тогда... тогда то и другое превращается в поток мезонов и гамма-лучей. Значит, конец?!

— Прощайте, друзья! Конец!!! — неожиданно звонко раздался голос Димитра.

Марианна закрыла лицо ладонями, бросилась в угол шалаша и зарыдала. А Георгий строго и мрачно смотрел, как на экране разноцветные фейерверком пылал, разваливаясь на части, прекрасное творение человеческого разума, космолет «Огонь». Теперь он действительно соответствовал своему названию.

Багровым пламенем вспыхнул экран, что-то затрепало. Потемневшее лицо Георгия дергалось нервной судорогой. Конец!..

Он долго молча сидел у потухшего экрана и механически гладил плечо Марианны. Девушка все еще содрогалась в рыданиях. И вот будто молния пронзила мозг Георгия. Нет! Недаром погибли товарищи из «Огня»! Их смерть поможет следующим поколениям!

Да! Это выход! Недалеко от солнца, всего на расстоянии десяти парсеков, летит звезда с планетами, которая полностью состоит из антивещества. Неисчерпаемый запас! Не надо тратить колоссальную энергию на создание антивещества на Земле. Организовать полет к этой звезде, набрать дармового топлива сколько угодно, и тогда... тогда лети хоть через всю бесконечность... Только надо окружить корабль, скафандры, аппараты полем

защиты! Риск? Риск есть!.. Но что сделаешь без риска? Решено! Их проект снова возродится. Теперь уже ничто не станет им помехой...

— Марианна! Вставай! Идем! — потормошил Георгий девушку. Она подняла заплаканное лицо, всхлипнула.

— Куда?..

— В Цветоград! «К товарищам!» — возвышенно сказал Георгий. — Немедленно!.. Я снова буду защищать свой проект!..

Не успела девушка опомниться, как Георгий развалил шалаш, перенес вещи в лодку и, посадив ее на сиденье, решительно направил утлую посудину к Днепру, на трассу быстроходных атомоходов...

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВЕДОМОЕ

До начала выступления оставалось несколько минут. Георгий промчался по центральной площади и остановил свой лимузин возле Дворца съездов. Широкими мраморными лестницами поднялся до колоннады. И вдруг остановился. Из-за колонны метнулась тень, фигура женщины в легком розовом наряде.

— Марианна?! — удивленно воскликнул Георгий.

— Да, я! — приглушенным голосом ответила девушка, судорожно сжимая руки. — Ты последние дни совсем не хотел видеть меня, ты избегал наших встреч... ты... ты не любил меня никогда!..

Высокий лоб Георгия покрылся бледностью. Синие глаза заблестели. Но слова текли сдержанно, спокойно:

— Это неправда! Нет и не будет в мире другой любви у меня, кроме любви к тебе... Но ты же знала, что мы готовили корабль. У меня не было времени... Вылет — завтра!..

— Так почему же ты не возьмешь меня?.. — простонала девушка. Ее большие черные глаза, окруженные длинными ресницами, излучали необычную нежность. Лицо было усталым, полные темно-красные губы вздрагивали.

Георгий не выдержал. Трудно смотреть в такие волшебные глаза любимой девушки. Он отвернулся.

— Ты знаешь, почему я не могу взять тебя, — едва выдавил он из себя.

Марианна поправила тяжелый узел волос. Легкий ветер с моря озорно трепал блестящие черные кудри. На ресницах у девушки повисла прозрачная слеза. Но в следующее мгновение Марианна решительно вытерла ее. Глаза ее стали сухими, строгими.

— Значит, не возьмешь меня?

— Нет, Марианна, не возьму!

Твердыми шагами Георгий прошел мимо девушки, поднялся на трибуну. Старался не встречаться с ее укоризненным взглядом. Ведь все решено! Его больше нет на Земле! Это — последнее прощание!

Затаив дыхание, впились глазами сотни представителей различных народов Земли в оратора. Для людей двадцать первого века все это казалось непостижимым. Реальным, родным и близким был только голос Георгия:

— Дорогие друзья! Сегодня наша наука празднует завершение создания небывалого звездолета. Отныне ограничения в скорости передвижения, предсказанные теорией относительности для материальных тел, разрушены. Еще недавно считалось, что скорость света — это предел для любого полета, что человечество никогда не сможет вырваться за пределы ближайших систем, так как никакой жизни не хватит для таких полетов¹³. Но наука

¹³ По теории относительности ни одно тело или элементарная частица не может двигаться со скоростью, большей скорости распространения луча — то есть 300 000 км. в секунду. Из этой теории следует, согласно

разрушает все границы, которые сам перед собой устанавливает консервативный разум. Вы знаете, что год назад был построен аппарат, который достигает любых скоростей. Все это даже создателям аппарата казалось невероятным. И полет звездолета «Мысль» до Альфа Центавра и обратно за десять дней по относительному времени корабля убедил всех. Факты сильнее консервативной привычки!..

Науке удалось создать мощное дегравитационное поле, и, таким образом, использовать новый источник энергии — энергии гравитации. Аппарат, окруженный дегравитационным полем, может полностью изолироваться от сил мирового притяжения! Квантовый предел¹⁴ для нашего корабля не существует!..

Зал Съездов загремел бурей аплодисментов. Георгий сдержанно поклонился, поднял руку.

— Не было только антивещества, чтобы осуществить наше путешествие. Запасов Земли не хватает для такой

математических расчетов, что при такой скорости, масса тела расширяется до бесконечности. Предположение, что какая-либо частица материи может быть бесконечно большой, является абсурдом — именно поэтому считается, что скорость какого-либо тела не может превышать критической величины.

Тем не менее, вышеупомянутая граница не является абсолютной. Она говорит только о том, что мы знаем качества мира или материи до определенного уровня. Углубляются наши знания — изменяются представления. Вполне возможно, что наука будущего отбросит этот постулат современной физики и философии. Прогрессу человечества и росту его возможностей нет конца.

¹⁴ Квантовая граница. — Скорость, с которой распространяются кванты (фотоны) света, то есть 300 000 км. в секунду. Скорость, недостижимая для частиц с массой покоя (см. прим. 13.).

цели. И вот... — Георгий тяжело вздохнул, — трагедия экипажа «Огонь» помогла нам. Мы летим к звезде «Чужой», где попробуем добыть запасы антивещества. «Мысль» оборудована для путешествия в антимир...

Георгий помолчал.

— Друзья! Мы прощаемся с вами! Нас двенадцать человек. Вы не встретитесь с нами, если даже все члены экспедиции вернутся домой...

В задних рядах послышался тяжелый вздох, приглушенный плач. Присутствующие тревожно оглянулись. К выходу быстро шла высокая фигура в розовом. Вот она на минуту остановилась, повернулась. Блеснули неповторимые, страстные глаза. Девушка открыла дверь.

Пальцы Георгия до боли впились в барьер трибуны, но лицо сохранило спокойствие. Двери закрылись. За ними исчезла Марианна. Родная, чудесная, любимая...

Надо сдержаться! Впереди — бездна, которую необходимо побороть ради далеких, неведомых потомков. А для себя — ничего!

Ровным, спокойным голосом, будто ничего и не произошло, Георгий продолжил:

— После путешествия к антизвезде мы полетим в соседнюю галактику — Большое Магелланово Облако. О жертве не надо говорить. Человечество не на такие жертвы идет во имя науки, во имя познания Вселенной! Цель — грандиозна! Я горжусь тем, что руковожу такой необычной экспедицией!..

Конечно, жаль, что вы, наши современники, не увидите результатов наших исследований. Огромная скорость космолета, разрушая привычные представления о времени, перенесет членов экспедиции в далекие будущие годы. Мы, если останемся живы, встретим здесь, на Земле, далеких потомков, удаленных от нас на тысячи лет. Но первый и последний человек — это члены одного и того же великого человеческого рода! Значит, наш долг

— нести огненную эстафету Науки через мрак Времени и Пространства к Бесконечности!..

В полной тишине сошел Георгий с трибуны Съездов, исчез за дверью. И все еще неподвижно сидели представители народов Земли в зале и миллионы зрителей у телевизоров. Все были поражены величиим необычного научного подвига...

...Георгий зашел в рубку радиостанции Института Космонавтики. Навстречу ему шагнул от пульта смуглый живой парень с черными, как смоль, волосами.

— Вызовите всех членов экспедиции! — приказал Георгий.

— Слушаюсь! — Парень, завистливо поглядывая на синеглазое лицо начальника небывалой экспедиции, быстро орудовал кнопками и рычажками на пульте. О, как бы он хотел улететь вместе с ним в черную неизвестность! Не потому, что эту белокурую шапку волос знает каждый человек на планете, что многие девушки вздыхают вечерами, рассматривая строгое лицо на фотографии. Он хотел бы краем глаза заглянуть в далекие миры — неизвестные, необычные, бесконечные...

Одна за другой над пультом загорелись одиннадцать маленьких цифр. Все члены экспедиции были на своих местах. Парень повернулся к Георгию.

— Можете говорить...

— Друзья! — Георгий встал перед телеобъективом, в голосе его слышалось волнение. — Напоминаю, что завтра в три часа дня — вылет. Прощайтесь с родными, погуляйте в последний раз по родной Земле. До свидания, дорогие друзья!..

На пульте погасли красные огоньки. Георгий горячо пожал руку радиста.

— Значит, я больше не увижу вас? — с каким-то страхом прошептал парень.

Георгий долго и внимательно смотрел в самоотверженные глаза юноши, потом грустно покачал головой.

— Нет! Не увидишь... Но меня встретят твои далекие потомки. Разве это не все равно?..

— Я верю вам... Но я не все понимаю!..

Георгий не ответил, ушел. Ему еще самому надо было осознать то, что должно произойти. А сознание до сих пор не охватывало будущего полета во Вселенную.

Разум создал аппарат, который переворачивал все представления людей о Времени и Пространстве, Разум проложил пути на звездных картах в другие океаны материи, Разум же оставлял позади все, что было дорого для сердца — Землю, родных, любимую девушку...

Георгий остановился на огромной площади родного города-сада, задумался. Может, разыскать Марианну? Нет! Не надо беречь старые раны, которые до сих пор кровоточат! Если он сумел противостоять своей безграничной любви и горячим просьбам Марианны, то теперь недостойно отвергать давние решения — решения Разума!..

Где-то в глубине сознания жужжала ехидная мысль:

«А знаешь ли ты, что важнее, чьи решения — Разума или Сердца? Уже одно то, что ты думаешь об этом, говорит о равноценности того и другого».

Нет! Лучше не думать! К людям, к радости и веселью!

Послышались голоса совсем рядом. Его узнали, группа юношей и девушек приветствовали его. Искренность и неподдельное восхищение было написано на молодых лицах. Георгий помахал рукой, улыбнулся и быстро пошел к краю площади.

Мимо проплывал открытый вертолет. Георгий остановил его, взбежал по лестнице к сиденью, бросился на мягкие подушки.

— В «Небесную симфонию» ...

Запел под винтами ветер, облака из далекой синевы летели навстречу. Ажурные кровли города поплыли вниз, в волнах моря блеснули искорки красного солнца, заходящего за красочный горизонт...

...Неслышно гудели мощные воздушные винты, подерживая огромное помещение «Небесной симфонии», которая кружила над морем. Со стен свисали гирлянды чудесных ароматных цветов, вьющиеся темно-зеленые растения. Издали сооружение было похоже на большой вазон с цветами, что витал в воздухе под облаками.

«Небесная симфония» была прекрасным местом для отдыха. Целые семьи, влюбленные пары, друзья находили в этом романтическом убежище на небесах все развлечения, которые желали сердце и душа, переполненные чувствами. Георгий еще не был здесь. Годы учебы и терпеливой подготовки к полету не давали возможности оторваться от бесконечных забот. Он мечтал вместе с Марианной побывать вот в таких местах... Но жизнь рассудила иначе! Он не сожалеет о том! Он не жалеет, что личная жизнь не удалась, что их — красивых и влюбленных — разделит навсегда черная, непонятная пропасть. Не жалеет?.. Но почему же так щемит сердце, болит душа? Разве они не подчиняются обязанности? Почему так часто вспоминается милый островок среди Днепра?..

Послышались звуки волшебной нежной музыки. Они вырастали, усиливались, невидимыми волнами плыли в пространстве. Наконец, вертолет повис у приемной площадки сооружения. Георгий поблагодарил пилота и вышел из машины, которая сразу же улетела. Сделал несколько шагов, оглянулся.

Солнце зашло за горизонт, в городе загорелись огни. Здесь воздух еще рассеивал последние лучи дня, высереб्रивая прозрачные стены небесного здания.

Георгий, посмотрев зачарованным взглядом на багровый горизонт, направился по розовой лестнице вверх.

Навстречу ему вышла веселая улыбчивая девушка в нежно-голубом платье. Она увидела вновь прибывшего и окаменела. На лице появилась растерянность.

— Вы узнаете меня, Георгий? — спросила она, все еще не веря глазам. Густой румянец заливал ее щеки.

— Аннабела? — удивился Георгий. Это была его школьная подруга. — Откуда ты здесь?..

— Чему ты удивлен? — спросила в ответ девушка. — Разве это не почетная работа — устраивать досуг людей? А ты разве не сюда пришел?..

— Нет, нет! Бела! Дорогая! Прости, я не то хотел сказать... Но ты помнишь, как мы мечтали, как учились вместе...

На нежных щеках Аннабелы пролетела тень печали. Она опустила золотые ресницы вниз.

— Помню... Я никогда не забывала те далекие сказочные времена. Ты ничего не помнил, не видел...

— О чем ты, Бела? — Голос Георгия был растерянным, он пытался взглянуть в глаза девушке.

Аннабела покраснела, потом, пересилив себя, весело рассмеялась, смахнула невидимую слезу.

— Пустое! Ты лучше скажи: что привело тебя сюда? Ведь завтра вылет?..

— Ну и что же? Разве мне нельзя в последний раз, перед прощанием погулять как следует?..

— А как же... она...

— Что? — Между бровями Георгия пролегла резкая складка.

— Ты понимаешь, о чем я говорю... Я все знаю. Все!

— Ты о Марианне?

— Да!

— Не надо... Не надо! Я пришел сюда, чтобы забыть ее! Она зовет меня обратно, властно зовет, а я — ты слышишь, Бела, — а я не имею права!..

— Забыть? — Аннабела грустно улыбнулась. — Хотела бы, и я забыть многое в жизни, но...

Она замолчала на полуслове. Глаза Георгия были закрыты. На висках пульсировала жилка. Тогда девушка сжала его ладонь, в ее глазах блеснул дерзкий огонек.

— Эй, друг! Почему раскис?..

Судорога боли прошла под кожей на лице Георгия, а в следующую минуту он уже овладел собой. Синие глаза заискрились, исчезла бледность.

— Я рад побывать у вас!..

— Но помни — у нас нельзя быть печальным! Здесь надо только веселиться!

— Я для этого и пришел сюда...

— Тогда вальс со мной. «Солнечный вальс»!

Девушка махнула рукой кому-то в глубине помещения. Полилась музыка вальса в огненном, энергичном темпе. Аннабела перегнулась через руку Георгия, и они закружились по зеркальному полу танцевального зала среди десятков других пар.

Девушка, цветы, веселые люди — все это смешалось в глазах Георгия. Он чувствовал горячее тело, он видел искры зеленых глаз, он чувствовал что-то такое, что предшествовало забвению. О, если бы, если бы забвение! Хоть на эти последние полсуток! До того времени, когда вокруг будет корабль и Вселенная!

Но нет! Не забыть ему о полете, о скорой разлуке с Марианной! О, Марианна! Где ты?..

Танец закончился. Георгий остановился, с благодарностью склонился перед Аннабелой. Она, тяжело дыша, улыбаясь, легко положила свою руку на его локоть.

— Что ты хочешь теперь, друг?..

— Вина! Старинного, хорошего вина. Впервые в жизни! И, может, в последний раз!

В голосе Георгия послышались нервные нотки. Девушка с пониманием посмотрела на него, подвела к

украшенному столику. Рядом был барьер, а внизу — два километра пространства до земли. Георгий посмотрел вниз, залюбовался ночной далью. На темном фоне переливались живые разноцветные огоньки города, и казалось, что это какая-то неведомая звездная система повисла в небе.

«Я даже думать начинаю по-космически», — с иронией подумал Георгий. Аннабела коснулась плеча, показала вниз.

— Осторожно...

Он засмеялся.

— Ты забыла, куда мы завтра летим?!

Девушка смутилась, вышла. Через минуту она, вернувшись, неся на подносе бутылку золотистого старинного вина и поднос с ароматными сочными грушами. Георгий налил два бокала, один подал Аннабеле, глядя на знакомые ему с детства черты милого молодого лица.

«Может, хоть твои чары, волшебство детской любви закроют от меня образ Марианны, — подумал Георгий. — Дай, дай мне забвение».

Оба отпили по глотку тягучей жидкости, засмеялись, потом выпили все до дна. Горячая волна ударила в не привыкший мозг, хмель — приятный, как сон о детстве, всколыхнул уснувшую душу...

— Песен! «Я хочу песен», — прошептал Георгий. — Ты попроси...

— Сейчас, — ответила Аннабела. — Я закажу специально для тебя... Современную народную песню...

Девушка отошла к наряженной цветами эстраде. Рукводитель оркестра с огромной седой шевелюрой кивнул ей, махнул смычком. Свет погас. На фоне темного зала возникло звездное небо, Млечный Путь. Из глубины далеких миров едва заметными контурами начал вырисовываться образ женщины в прозрачном наряде. Почти неслышными аккордами оркестр заиграл волнующую

мелодию. Казалось, те звуки неслись из неизвестных систем, они звали, возбуждали, грустили.

Белые руки женщины, как крылья сказочной птицы, протянулись вперед, будто хотели обнять далекие созвездия. В пространство полетели серебряные звуки странной песни:

Ходит девушка у реченьки
Среди ноченьки туманной,
Все глядит на ясны звездочки
И никак не налюбуется...

Не на звезды она смотрит,
Не любит просторами,
А высматривает милого,
Что блуждает между звездами...

Может, парень и не ведает,
Да того, что годы долгие
Ходит девушка у реченьки
Среди ноченьки туманной...

Песня замерла, и последние слова подхватило далекое эхо где-то над морем. Зажегся свет. Послышались крики одобрения. А Георгий, закрыв лицо руками, сидел неподвижно.

— Что с тобой, Георгий? — испуганно прошептала Аннабела. Затем поняла — песня! Ее друг никуда не убежал от непреодолимого чувства, оно таилось в каждой щели души и сердца.

С эстрады зазвучали бурные аккорды танца. Пальцы Аннабелы запутались в белых кудрях Георгия. Он поднял голову, провел рукой по глазам, будто снимая паутину, и встал. Снова вихрь музыки подхватил их, и снова они летели с девушкой в мир старой и вечно новой сказки —

сказки забвения. А когда на востоке проснулся рассвет и зарозовели стены «Небесной симфонии», Георгий опомнился от чар и пошел к выходу. Аннабела догнала его, остановила...

— Друг, — тяжело дыша, сказала она. — Неужели все...

Он молчал. Девушка обвила его шею руками. Горячие губы обожгли, взволновали. Но молниеносно перед мысленным взором предстали большие, как мир, глаза Марианны — единственные на Земле. Георгий осторожно отклонился, крепко сжал руки Аннабелы.

— Нет, нет! — прошептал он.

Она кивнула. Глаза девушки улыбались, но в них стояли слезы.

— У вас такое заведение, — пошутил Георгий, — где не разрешается грустить. Прощай, Аннабела! Прощай, мой друг!..

Он сел в воздушный лифт, еще раз улыбнулся девушке, нажал на рычаг. Лифт плавно пошел вниз, держась в равновесии на мощных струях сжатого воздуха.

И долго еще стояла зеленоглазая девушка среди цветов, склонившись над барьером, и смотрела в туманную даль. Слезы катились по ее молодым щекам, и утренний ветер высушивал их...

ПРОЩАНИЕ

...Космический корабль стартовал в десяти километрах от Цветограда. Здесь, недалеко от моря, специально оставили пустое место, чтобы проводить небезопасные эксперименты. Пятнадцать лет назад среди степных курганов заложили первые камни фундамента гигантского цеха, который был сооружен из прозрачного вещества. Пятнадцать лет шла напряженная работа сотен ученых,

инженеров, десятков различных институтов. И вот посреди гигантской площади появился невиданный аппарат. О нем заговорил весь мир. Несколько месяцев назад этот аппарат вернулся из пробного путешествия к системе Центавра. Теперь «Мысль» была готова стартовать в неизвестность — в другую галактику...

Многотысячные толпы людей напирали на барьеры, изменяя многолетней привычке к выдержке. Всем хотелось добраться до поля, где стоял звездолет, который сверкал белыми спиралями в лучах солнца. Но за барьер не допускали никого, даже родственников космонавтов и представителей Всемирного Совета Народов.

Не было пышных речей, патетических слов. Говорили переполненные до предела сердца крепкими пожатиями рук, скупыми пожеланиями успеха. В стройной шеренге замерли двенадцать молодых ученых и инженеров. Они сознательно уходили от солнца, цветов, любимых девушек во мрак, в неизвестность ради торжества Знания.

Георгий с гордостью посмотрел на молодые лица.

Вот Джон-Эй. Опытный штурман! На волевом лице его не прочитаешь ничего. Глаза сухие, хотя в груди, возможно, буря. Он сдержанно машет рукой своей старенькой матери. Не увидятся уже они, навеки провожает мать своего сурового сына во мрак небес. И смотрит она на него так, будто Джон-Эй лежит в гробу. Сердце матери не хочет понимать, что эта разлука — ради других, далеких, тех, которые придут из небытия в ясный, построенный предками мир.

Орабил и Тавриндил. Два юноши-астронома из Афин. Они весело смеются, пытаются согнать выражение грусти с милых личек своих девушек. Отличные ребята. Их черные южные глаза будут искриться смехом даже тогда, когда смерть предстанет перед ними...

Новые члены экипажа тоже по сердцу Георгию. Вот биолог Ваню — великан с Кавказа. Механики Антоний и

Вильгельм — братья-близнецы, оба рыжеволосые, веселые, оба энтузиасты космических путешествий. Второй штурман Борислав, медик Джар и энергетики Симон, Иосиф и Дэн — также испытанные ученые, и им можно довериться в любых обстоятельствах.

Георгий решительно подошел к микрофону и поднял руку.

— Друзья! — загремел его голос над полем. — Через час — вылет! Я понимаю ваши чувства, но осторожность требует, чтобы за полчаса до старта не было ни одного человека в пределах пяти километров! Прощайте, дорогие друзья, до встречи с вашими потомками!

Толпа зашумела. Близкие и родные вылетающих не выдержали; перегибаясь через барьер, они со слезами на глазах целовали сыновей, братьев, любимых. А с задних рядов уже взлетали в воздух легкие вертолеты и несли людей прочь от стартового поля. На башнях непрерывно крутились телекамеры, которые передавали в эфир все, что происходило вокруг.

Внизу гигантского цилиндра открылся вход. Один за другим члены экспедиции исчезали в аппарате. На поле

остался только Георгий. Он с грустью оглянулся вокруг. Марианна не пришла. Не пришла! Ну и пусть!..

Два часа сорок пять минут. Двадцать первое августа. Две тысячи пятьдесят восьмой год. Осталось пятнадцать минут до старта.

Георгий повернулся к аппарату, сутулясь, подошел к люку. Переступив возвышение у входа, оглянулся еще раз, в последний раз.

Поле было пустынным. Над холмами кружили подорлики или коршуны, высматривая добычу. На горизонте дымилась земля, казалось, что там волнуется море или, бегут, перегоняя друг друга, стада ягнят. Далеко в голубом тумане темнели здания города, ветер доносил изда- лека аромат цветов и жизни. Тишину нарушали только скрип автоматических телеобъективов на башнях и едва слышный шелест ветра.

Острая нервная боль пронзила тело Георгия. Он отступил шаг назад и резко повернул рычаг на пульте у входа. С мощным хлопком закрылись массивные двери. Еще поворот рычага. Магнитное поле уничтожило щели между дверью и стеной. Теперь те, что зашли внутрь, были полностью изолированы от внешнего мира.

Внутренним лифтом Георгий поднялся наверх, вошел в командирскую каюту. За ним автоматически закрылись прозрачные двери. За пультом в кресле, слева от командирского места, уже сидел Джон-Эй — первый помощник Георгия.

— Все на местах, — скупое сказал он. — Амортизация включена. Можно давать старт. Осталось пять минут.

Георгий молча сел в свое кресло, пристегнул широкие мягкие ремни. Протянул руку к пульту. Справа вспыхнул небольшой экран. На нем появилось внимательное лицо пожилого человека с седыми волосами. Мужчина грустно, но ободряюще улыбнулся. Это был Президент Всемирного Совета Народов.

— Земля благословляет вас, дорогие сыны! — сказал он. — Высоко держите флаг нашей цивилизации. Наши потомки будут ждать великих сокровищ Знания, ради которых вы улетаете...

— Мы будем помнить ваши слова, — тихо ответил Георгий, сдерживая волнение. — Прощайте...

Экран погас. Наступила грозная тишина. Лицо Джон-Эя окаменело, он впился неподвижным взглядом в перископ. Там, на светло-голубом фоне неба, медленно проплывало маленькое облачко. Казалось, оно посылало последний прощальный привет от имени Земли смельчакам. Вот облако закрыло светило. Стрелка атомных часов коснулась роковой черты. По стенкам каюты поплыли солнечные пятна.

Руки Георгия тяжело легли на командирский пульт...

К НЕВЕДОМОМУ

Тысячи телеобъективов, биноклей и старинных подзорных труб с дальнего расстояния наблюдали за космодромом, где через несколько минут стартует огромный корабль с четко написанным красной краской словом: «Мысль». Это был триумф не только экипажа корабля, не только коллектива конструкторов. Глаза ученых, учителей, рабочих, поэтов, глаза тысяч людей следили за «Мыслью», провожая ее в бесконечный путь, как своего выпестованного тысячелетиями ребенка. Действительно, в этом корабле воплощалась мечта поколений, гений множества ученых и инженеров. Это они своими руками поднимали аппарат в Космос, передавая эстафету науки в будущее.

Даже самые отъявленные скептики убеждены были в успехе, несмотря на необычайную смелость путешествия. Это убеждение подтверждалось чудесной конструкцией звездолета.

Реактор, который работал на аннигиляции вещества и антивещества, давал такую колоссальную энергию,

которая позволяла внешнюю оболочку корабля обезвешивать и создавать вокруг нее универсальное антиполе. Поле имело напряжение, которое превышало напряжение непроницаемого вещества типа плотных звезд. «Мысль» могла полностью изолироваться от влияния гравитационных, электромагнитных полей Галактики и набирать любую скорость. Для путешествия в антимир предполагалось использовать мощные электромагнитные поля таких частот, которые позволяли бы, взаимодействуя с антивеществом, опуститься на антипланету звезды «Чужой». В антимире можно будет оставаться до тех пор, пока хватит энергии реактора...

Все считали секунды. Старт «Мысли» очень скоро. И не один человек на Земле с болью в сердце подумал о тех, кого больше никогда не встретит ни один современник...

— Друзья! — послышался голос Георгия во всех каютах корабля. — Я включаю дегравитационное поле и даю старт. Внимательно следите за контрольной аппаратурой. Если я или Джон-Эй выйдем из строя — немедленно берите на себя управление!.. Джон-Эй! Поле!..

Помощник спокойно повернул маленький рычажок. Автоматы начали работать. Красным огнем вспыхнул пульт, а затем ровно засияли живые пульсирующие зигзаги на экранах. Георгий посмотрел в перископы. Мир снаружи померк, превратился в едва заметное сборище теней. Притяжение становилось все меньше, тело почти ничего не весило, в ушах тихо зашумело.

Это вступили в действие мезонаторы, которые обезвсили оболочку корабля и укутали ее мощным антиполем. Георгий включил электронный автопилот, который должен был вывести корабль за пределы системы. Там необходимо будет определить курс точнее.

Послышался приглушенный гром. Тени в перископах поползли вниз. Вокруг повисла черная тьма, усеянная размытыми пятнами звезд. Звездолет вышел в мировое

пространство. Земля, люди, жизнь — все осталось где-то позади, там, в ледяной бездне. Глухая боль в сердце Георгия затихала, образ Марианны превращался в сияющее прекрасное воспоминание.

«Мысль» по заранее вычисленной кривой прошла мимо внешних больших планет и направилась в район Веги, где недавно появилась быстролетящая «Чужая».

Георгий, сняв антиполе, дал задание управляющим автоматам. Они уточнили направление. Укутав звездолет дегравитационным полем, Георгий усилил мощность двигателей. «Мысль» поглощала пространство со скоростью биллионов километров в секунду. Так прошло несколько часов...

— Пора тормозить! — взволнованно сказал Георгий. — Мы прошли более тридцати световых лет. Скоро — границы антисистемы...

Поток ядерных частиц хлынул из передних дюз в направлении полета корабля. Скорость «Мысли» вскоре понизилась до скорости обычных космических кораблей. Надо было готовиться к встрече с антимиром.

Космонавты волновались. Ведь это была проверка земной науки, их путешествие в антимир должно было подтвердить правильность теоретических выводов человеческого разума.

— Неужели звездолет «Огонь» не мог спастись? — мрачно спросил Джон-Эй. — Почему они не вылетели обратно, в пространство?..

— Никто не мог предвидеть, что в нашей системе есть антизвезды. Это нелепая случайность. Тем более, что на расстоянии обнаружить антизвезду невозможно, ее лучи состоят из обычных фотонов... Ну, пора!..

Джон-Эй выключил антиполе. За иллюминаторами загорелось звездное небо, впереди, на экране, переливалась розовыми цветами гигантская звезда «Чужая». Гравиметры показали, что «Мысль» попала в сферу

притяжения антисистемы. На экране телескопической установки выросал диск крайней планеты, где погибли товарищи из «Огня».

— Друзья! — тихо обратился Георгий в микрофон. — Мы берем направление к планете!..

— Мы спокойны, Георгий! Давай!.. — слышался в динамике низкий, бархатный голос Вано.

И вот за иллюминаторами вспыхнули яркие звездочки.

Они окружили корпус «Мысли» ослепительно-голубым фейерверком. Корабль встретил потоки микрометеоров из антивещества.

Автоматы, по команде штурмана, мгновенно включили электромагнитное защитное поле. Корона огня исчезла.

Георгий вытер пот со побледневшего лица, слабо улыбнулся.

— Выдержало поле!..

— Подожди! — возразил Джон-Эй. — Впереди — встреча с массой антиматерии, которая в миллиарды раз больше массы метеоров!..

— Выдержит! — весело отозвался командир, не отрывая взгляда от экрана.

Планета приближалась. Она слишком была похожа на родную Землю. Над ее поверхностью плыли в голубой атмосфере белоснежные облака. Сквозь разрывы в облаках угадывались очертания материков, в некоторых местах под лучами розового солнца блестели искорками воды океана.

Космонавты не могли наглядеться на чудесную картину. Просто не верилось, что все вокруг: розовое солнце, планета, облака над ней — состоит из другого вещества, чем в родной системе.

Автоматы отметили ослабление защитного поля. Очевидно, корабль вошел в атмосферу планеты. Лицо

Георгия будто окаменело. Каждый нерв напрягся до предела. С этой секунды жизни космонавтов зависела только от работы реактора. Защитное поле будет вести непрерывную борьбу с океанами антиматерии, которая окружает посланников другого мира со всех сторон.

Снаружи усиливалось сияние огненного вихря. Реакция взаимного уничтожения антивещества и мощных квантов защитного поля происходила на расстоянии десяти метров вокруг «Мысли». Вот мимо промелькнули облака — в иллюминаторах поползли туманные тени и оборвались. Сквозь ослепительную корону, окружавшую звездолет, открылась бескрайняя панорама неизвестной планеты. «Мысль», подчиняясь воле людей, все замедляя полет, опускалась на берег океана. Слева тянулись массивы зарослей, таяли вдали горные пики, а справа катились за горизонт зеленоватые волны океана...

Будто гигантский болид, сияя нестерпимым блеском, корабль Земли медленно опустился недалеко от воды и неподвижно повис в воздухе. Горячие вихри повалили исполинские деревья густого леса.

Низкое мощное гудение понеслось над океаном, замирая вдали.

Космонавты прибыли в антимир...

АНТИМИР

Джон-Эй передал приказ Георгия — всем собраться в центральной каюте. Через полминуты появился командир. Весь экипаж ждал его.

— Поздравляю вас, друзья! — радостно сказал Георгий. — Мы в антимире! Предсказания скептиков провалились!..

Долго сдерживаемое напряжение вылилось в бурные возгласы, но Георгий резким движением руки остановил товарищей.

— В нас нет ни одной лишней минуты. Антимир — это колоссальный океан враждебной нам материи. Нужно как можно быстрее вылететь отсюда. Джар! Симон! Дэн!..

— Я! Я! Я! — четко прозвучал ответ.

— Вам я поручаю взять запасы антивещества, — сказал Георгий. — Мы на берегу океана... Здесь есть много больших глыб камня. Трех кусков будет достаточно для нас. Одевайте защитные скафандры, берите контейнеры!..

Джар, Симон и Дэн с готовностью, не говоря ни слова, подошли к нишам с одеждой. Другие проворно помогали им натянуть на себя громоздкую аппаратуру защиты.

— Представляю, какой фейерверк из нас получился бы, если бы попасть в этот мир без защиты, — пошутил Дэн.

— Смотри, не напроорочь себе! — мрачно бросил Джон-Эй.

— Хватит! — резко оборвал Георгий. — Друзья!.. Энергии для защиты в ваших костюмах хватит только на десять минут. Значит...

— Значит, за это время мы должны взять антивещество и вскочить обратно, в корабль! — засмеялся Джар. — Если же нет, то...

Он сделал выразительный жест рукой и свистнул.

За минуту все трое посланников в антимир были снаряжены. Внутренним лифтом они спустились вниз, к шлюзу.

Георгий и Джон-Эй поднялись в каюту управления и включили систему кругового обзора. Все оставалось, как раньше. Спокойно плескалась, переливалась на солнце вода океана и от вихрей горячего воздуха гнулись вниз гигантские деревья зарослей.

Джон-Эй связался с товарищами. На экране появилось изображение шлюза. У выхода стояли три странные фигуры. Вокруг скафандров обвивался причудливый ребристый каркас. Это была составная часть защиты.

— Вы готовы? — спросил Георгий.

— Да! — послышался голос Дэна.

— Контейнеры проверены?

— Все в порядке!..

— Включить защиту!

Вокруг космонавтов поплыли голубые струи энергии. Они стали похожи на сказочные привидения.

— Включить компрессоры! — приказал Георгий.

Джон-Эй нажал кнопку. Ураган сжатого воздуха завихрился у входа в корабль. Массивный люк медленно открылся. Из него наружу ударил бурный поток газа, не допуская внутрь корабля атмосферу антипланеты. Вокруг «Мысли», за пределами круга защиты, за клубилось облако огня. Это аннигилировал газ Земли с воздухом чужого мира.

— Вперед! — крикнул Симон. Он стремглав бросился прямо в огненный вихрь. За ним из люка быстро выскочили товарищи. Вход в корабль снова закрылся, компрессоры остановились. Три смельчаки оказались одни во враждебном антимире.

Девять пар глаз тревожно наблюдали за ними. Георгий видел, как Джар, Симон и Дэн подняли огромные, по полтора метра в диаметре, контейнеры и вышли за круг защиты. Все трое вспыхнули, будто факелы. Джон-Эй закрыл рукой глаза от слепящего сияния, затем, быстро надев защитные очки, снова посмотрел на экран.

— Защита выдерживает, — прошептал Георгий. — Скорее, друзья, скорее!..

Три горящих факела бросились на берег океана. Большие глыбы камня были рядом. Смельчаки подошли к

ним. Вот что-то показывает Дэн. Он поднимает контейнер, накрывает им камень. То же делают два его товарища.

Георгий от напряжения закусил губу. Правильно! Все идет хорошо. Контейнер невесомый, антивещество будет держаться посередине, в мощном поле, не взаимодействуя со стенками! Хорошо! Чудесно!

Вот контейнеры уже закрыты, товарищи легко поднимают их и несут к кораблю. Победа!

— Победа!!! — кричит Георгий, и его голос зажигает радостью сердца друзей в центральной каюте.

Но что это?

Возглас замер на устах командира. Больно сжалось сердце.

— Георгий! Люди!.. — воскликнул Джон-Эй. Действительно, из зарослей деревьев бежали толпы людей или человекоподобных существ. Они были высокого роста,

тела их покрывали золотистые волосы, на бедрах были маленькие повязки из неизвестного материала. Существа размахивали руками, очевидно, что-то выкрикивая. Они окружили трех космонавтов широким кругом и пали ниц, кланяясь и протягивая руки.

— Они считают их за богов! — воскликнул Джон-Эй. — Товарищи в безопасности!..

— Проклятье! — крикнул Георгий. — Ты забываешь, что сейчас у них кончится энергия защиты! Они сгорят, и мы не получим антивещества!!!

А снаружи корабля неумолимо разыгрывалась страшная трагедия. Три космонавта пытались пробраться через толпу существ к космолету, а те цеплялись за руки и ноги «богов», очевидно, вымаливая у них милости.

Георгий ломал себе пальцы. Где выход? Уничтожить этих существ? Но они же люди, хоть и низкой организации... Люди? А может, нет? Ведь их тела состоят из враждебной материи, они живут в антимире! Никогда, никогда не удастся говорить с ними, объединяться с ними!.. Это совсем чужой мир, чужие существа! И все-таки рука Георгия не поднимется, чтобы убивать этих существ. Что же делать?

А стрелка часов дошла до фатальной черты. Три космонавта прорывались через густую толпу существ и не могли пройти.

Вот, поняв, что их ждет смерть, махнул рукой Дэн.

— Все! — простонал Георгий. — Конец!..

В тот же миг голубые яркие лучи ослепили членов экипажа «Мысли». Гигантские столбы огня поднялись на том месте, где стояли смельчаки. Невероятной мощности взрывы смели с берега все — камни, человекообразных существ, заросли деревьев на несколько километров, «Мысль» была сорвана с места, на вихре раскаленного воздуха она поднялась вверх и начала падать в океан.

Георгий судорожно включил двигатели. Космолет загремел, преодолевая притяжение планеты, мелькнул над водой и, пробив облака, вышел в пространство. Страшный мир остался внизу, диск планеты медленно уменьшался на экране. Георгий передал управление автоматам и устало склонился на пульт. Плечи его задрожали от рыдания.

— Не надо, Георгий! — прошептал Джон-Эй, который сам едва сдерживал слезы. — Товарищи ждут твоего слова.

Георгий овладел собой, вытер влажные глаза и включил связь с центральной каютой.

— Дорогие друзья, — тихо сказал он. — Наш полет на антипланету закончился трагедией. Джар, Симон и Дэн погибли. Мы не имеем антивещества для дальнейшего полета. Мы не имеем и защитной одежды, чтобы повторить попытку. Единственный выход — возвращаться на Землю!!!

Товарищи не отвечали. Наступила гнетущая тишина. Тяжело бегали под кожей желваки Джон-Эя. Очевидно, все были категорически против возвращения.

— Что же делать? — еще раз сказал Георгий. — У нас нет выхода!..

— Выход есть, — слышались слова.

— Иосиф? — удивленно спросил Георгий. — Что ты считаешь возможным сделать?..

Широкое лицо Иосифа — последнего из энергетиков — появилось на экране. Он твердо посмотрел на командира, решительно откинул назад белокурую прядь волос.

— У нас есть большой контейнер для хранения антивещества? — спросил он.

— Есть! — ответил Георгий. — А дальше что?.. Я не понимаю!

— Я предлагаю прикрепить контейнер снаружи, ввести корабль в пояс астероидов, если он здесь есть, и...

— Понимаю! — воскликнул Георгий. — И поймать в контейнер подходящий метеорит!..

— Правильно! Именно так я подумал!..

Георгий вопросительно посмотрел на Джон-Эя. Глаза штурмана светились решимостью. Он одобрительно кивнул головой.

— Спасибо, Иосиф! — радостно сказал Георгий. — Это счастливая мысль! Успех будет зависеть только от нашего умения... Слушайте мою команду. Все по местам! Иосиф и Джон-Эй приготовят контейнер. Орамир и Тавриндил! К телескопам! Ищите метеорные потоки. Антоний и Вильгельм! Готовьтесь к связи с Землей. Если операция пройдет удачно, мы обо всем сообщим на родную планету!.. А теперь сойдемся вместе и попрощаемся с товарищами...

Спустя некоторое время девять астронавтов стояли в центральной каюте вокруг стола, на котором были установлены три объемные фотографии погибших товарищей. Глядя на дорогие лица, путешественники пели, раскачиваясь в такт суровым словам «Гимна погибшим космонавтам».

Сгинули вы во мраке пространства
Чтоб метеорами в вечность лететь.
Родную планету вам не увидеть,
Хоть за нее вам пришлось умереть.

Только дела ваши будут бессмертными,
Песней, мечтой они станут для всех...
Трагедия вашей безвременной смерти
Другим поколениям готовит успех...

НАВСТРЕЧУ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

...Марианна всю ночь бродила по берегу моря — одинокая, грустная. Не думала, не вспоминала ничего. Все уже передумано, все решено. Навеки уходит от нее тот, чье сердце не сможет заменить ей никто... Остановить она его не могла, а если бы и могла, то не остановила бы. Она хотела одного — чтобы ее взяли в экспедицию вместо кого-нибудь из ребят. Ведь она инженер-энергетик и смогла бы быть полезной. Но Георгий решительно восстал против этого.

Проходила короткая летняя ночь. Над морем клубились прозрачные туманы, таяли в теплом, душистом воздухе. Под утро Марианна присела на камне, долго смотрела на дальние созвездия, которые меркли в лучах нового дня. Вот так и они — погаснут, как сон, как небывалое воспоминание, а на их месте новые поколения зажгут светильники другого дня. А может, так надо? Может, она зря мучается и терзает сердце ненужным анализом?.. Ведь ничего не изменится!

Смешно! Разве можно приказывать чувствам? И есть ли что-нибудь важнее, чем чувства? Разум? Да! Разум... Он рушит счастье, ибо счастье, высшее счастье — только в любви! Так, может, долой разум? Зачем нужен он, когда забирает радость жизни?..

Марианна закрыла глаза, грустно улыбнулась. Хватит! Хватит ничтожных и ненужных мыслей! Вот перед ней звездный путь в новые далекие миры! Мужественные сердца открывают его для грядущих поколений.

Можно ли сейчас думать о себе? Сердце — на замок!

Маленькие облачка на востоке запылали таким ясным багрянцем, что показалось, будто какие-то великаны там, на небосклоне, зажигают гигантский костер. Вслед за этим ослепительные лучи солнца пронзили воздух и

помчались прочь, в бесконечность, оставив торжественную блестящую дорогу на морской поверхности... Дохнул легкий ветерок, море заволновалось. А на душе Марианны воцарилось удивительное спокойствие.

Сняв обувь, она босиком побрела по траве, на которой серебром переливались под солнечными лучами росинки, прямо до стартового поля, которое лежало в семи километрах от моря. Там уже бурлила огромная толпа. Марианна поднялась на древнюю могилу. Отсюда видно было аппарат, который маячил над полем, фигуры Георгия и других отлетающих. Но она решила не подходить и несколько часов стояла на одном месте без мыслей, слушая шум провожающих, и млела от жары. Все выше поднималось солнце, ветер усиливался. И вот послышался усиленный динамиками голос Георгия, который предупреждал о старте космолета. Толпа начала редеть, вертолеты тучей поплыли в направлении города. И только теперь Марианна сдвинулась с места. Она в последний раз взглянула на провожающих, на фигуру Георгия и вдруг засмеялась.

— Какая же я дура, — сказала вслух и неожиданно запрыгала на одной ноге, как когда-то в детстве. Затем остановилась, смущенно оглянулась. Но поблизости никого не было — только горячий ветер гнул к земле серебристый ковыль на могиле.

«Вот будет сюрприз!» — внутренне улыбнулась Марианна. Глаза ее заискрились, личико расцвело румянцем. Она посмотрела на часы. Без пяти минут три. Через пять минут — старт! Марианна прилегла за камнем, уставилась глазами в звездолет. Сердце замерло.

Истекали последние секунды. И вдруг аппарат исчез. На том же месте вспыхнуло голубое сияние, похожее на туманную корону.

«Включено дегравитационное поле», — подумала Марианна. Сияние поплыло вверх. Потом задрожала земля. Прокатился невероятной силы гром. Потоки материи,

вырываясь из дюз, метнули голубую корону вверх, в сияющее небо. Страшный вихрь поднял тучи песка и пыли, бросил Марианну на землю. В глазах у нее потемнело... Все было закончено. Девушка встала, оглянулась вокруг. За-молкли далекие взрывы сверху, медленно оседало на степь облако

пыли. Над местом старта уже кружили вертолеты. Вот один пилот заметил Марианну, снизился к ней.

— Вы были здесь во время старта?! — испуганно закричал он, наклоняясь через борт открытой кабины.

— Да, — спокойно ответила Марианна.

— Вы с ума сошли! Вам надо немедленно лететь в Институт Излучений. Вы подверглись воздействию вредных лучей!..

— Не бойтесь, — засмеялась Марианна. — Мне это не страшно...

Она легко взбежала по лестнице к пилоту, села возле него.

— Проспект Цветов, 27 — сказала серьезно и кратко.

Пилот удивленно посмотрел на нее, но, не говоря и слова, поднял машину в воздух, взяв курс на город. Марианна замкнулась в себе. Как-то подсознательно чувствовала, что вокруг струится теплый, пьянящий воздух, что внизу проплывают безбрежные поля, сады, волшебные улицы родного Цветограда. Она задумала невероятное! Или печаль ее свидетельствовала о раскаянии? Нет, сто раз нет!

Вертолет сел возле дома. Это был розовый коттедж, построенный из органических материалов. Вокруг качались под дуновением морского ветра дрожащие березки. Марианна сама когда-то сажала их, перевозила саженцы из-за города еще тогда, когда были живы мать и отец.

Девушка попрощалась с водителем, медленно пошла к воротам.

— Советую вам побывать в Институте Излучений! — крикнул ей вслед пилот.

Марианна не отвечала. Она вошла в дом, в изнеможении упала на широкий диван. Под вечер сообщила в Киев о том, что она оставляет работу.

После этого Марианна ни одного часа не гуляла, не отдыхала. Каждый день слушала сообщение из Института Космонавтики, хотела знать все о судьбе «Мысли». Наконец, через месяц пришла радиограмма с далекой антивезды.

Мир узнал о трагедии на чужой планете, о попытках поймать астероид из антивещества, которые увенчались успехом. Георгий и его товарищи поздравляли людей Земли, прощались с ними и передавали, что они берут курс на Большое Магелланово Облако...

На этом сообщение заканчивалось. Ослепленными от слез глазами Марианна смотрела на туманное изображение любимого, которое дрожало на экране телевизора. Вот оно потемнело, исчезло. Все!..

Девушка долго сидела неподвижно, спрятав лицо в ладонях. Затем вытерла слезы и вышла на улицу. Несколько минут она смотрела на нежные ветви березок, будто прощалась с ними, а потом выбежала на улицу и остановила вертолет-такси.

— В Институт Анабиоза¹⁵! — коротко сказала девушка, когда пилот поднял машину в воздух.

Широкие площади и проспекты Цветограда быстро промелькнули вниз. По ним плыла суетливая толпа, но девушка не видела ее.

Вертолет сел на крыше огромного дома, окруженного глухой стеной. Марианна соскочила с сиденья и побежала вниз по широкой зеленоватой лестнице, покрытой мягким пушистым ковром. На первом этаже ей навстречу встал из-за стола полный врач в белом халате, с длинными седыми усами и добрыми светлыми глазами.

— Что вы желаете? — вежливо спросил он.

— Я знаю, вам нужны добровольцы для опытов по анабиозу, — нерешительно начала она.

— Да! Вы хотите предложить свои услуги?..

— Именно свои...

— Хорошо! Но для этого нужно созвать Совет Института. Сейчас!..

Врач нажал кнопку на столе, набрал несколько цифр на диске с номерами.

— А теперь пойдем, — обращаясь к Марианне, мягко сказал он, двинувшись по светлому широкому коридору. Девушка с замирающим сердцем пошла за ним. Вошли в небольшую комнату. Марианну посадили в белоснежное кресло с воздушными подушками. Она оглянулась. Сквозь матовые полупрозрачные стены проникал приятный свет дня. В комнате, кроме нескольких стульев и столика с голубыми цветами, которых Марианна никогда не видела, не было ничего.

¹⁵ Анабиоз. — Замораживание или высушивание живых организмов с целью замедления в них жизненных процессов. Дает возможность перебросить индивида (человека или животное) в будущее. Эксперименты с животными проводятся уже сейчас.

Неслышно открылась дверь, зашли еще несколько мужчин и женщин в белом. Они поздоровались с девушкой и уселись вокруг.

— Итак, — начала женщина-врач, — мы — члены Совета Института. Нам предоставлены права отбирать добровольцев для анабиоза, чтобы перенести их в будущее. Вы это имели в виду?..

— Да, — едва слышно прошептала Марианна. Ее полные губы побледнели и слегка дрожали. — Я хочу перейти в следующие века...

— На какой срок вы позволяете усыпить себя?

— Я... не знаю...

Врачи удивленно переглянулись.

— Что это значит? — отозвался врач с усами. — Какая, собственно, причина вашего желания уйти из нашего века?..

Марианна поборола волнение, постепенно успокоилась и, заглядывая прямо в душу врачам черными глазами, начала говорить:

— Я невеста Георгия, начальника внегалактической экспедиции... Вы, наверное, знаете его?..

— Кто же на Земле не знает Георгия? — тихо откликнулась женщина-врач. — Почему же вы не вылетели с ним?

— Это было невозможно. Я пыталась, но безуспешно... Я люблю его... Но мы же больше никогда не встретимся, если я буду продолжать жить!.. Я не могу жить без него и прошу усыпить меня... Воскресить же тогда, когда вернется мой Георгий с Большого Магелланова Облака... Такое мое нерушимое желание!

Женщина-врач слабо улыбнулась, протерла очки.

— Но нас же тоже тогда не будет! До этого времени придется ждать тысячелетия!..

— Передавайте будущим поколениям врачей мое завещание, — упрямо твердила Марианна, нахмуривая брови.

Седой врач пожал плечами, провел пальцем по виску, неуверенно глядя на своих коллег.

— Но даже в состоянии анабиоза вы не проживете так долго. Нет, безусловно, нет!.. Вот разве только новые опыты...

— Какие опыты? — встрепелась девушка.

— Бесконечно долго держать человеческое тело с жизненной способностью можно только в состоянии искусственной клинической смерти, но...

— Пусть будет смерть, — решительно перебила его Марианна, — лишь бы только я дождалась его!..

Врачи умолкли, тронутые большой любовью, которая не знала никаких границ.

С кресла поднялся врач с усами, тихо и торжественно произнес:

— В Великой Хартии Мира один из основных пунктов гласит: «Любое желание Человека, если оно не в противоречии с Разумом и не принесет вреда обществу, священо». Я согласен!

Медленно встала женщина, положила руку на черноволосую голову Марианны.

— В морально-этических заповедях Великой Хартии сказано: «Целесообразность любого действия, продиктованная настоящей человеческой любовью, не может ставиться под сомнение». Я согласна.

К Марианне подошел высокий ученый с пронзительными серыми глазами и большой лысиной. Впившись взглядом в ее лицо, он спросил:

— Вы хорошо обдумали этот шаг?

— Да...

— Может, это только порыв? Может, вы не совсем осознаете того, что вот теперь добровольно отказываетесь от солнца, цветов, друзей, родных и знакомых, от всего того, что составляет смысл жизни? Может, вы забыли о том,

что воскреснете в такое время, когда вокруг будут только чужие люди, новые далекие поколения?

— Там будет он, Георгий! — сверкнув глазами, возразила Марианна. — И не чужие люди будут там, а наши с вами потомки... Я твердо решила...

Глаза ученого загорелись мягким блеском. Он отступил несколько шагов назад, склонил голову.

— Я согласен!

— Согласны! — подтвердили все другие члены Совета.

Марианна слегка побледнела. Ее судьба была решена. Она шла через тьму Времени навстречу любимому...

МЕЖ БЫТИЕМ И МРАКОМ

Сердце угасало, над всем царил Разум. И будто его непостижимое воплощение, мчался в пространстве с невероятными скоростями удивительный звездолет, неся из системы антизвезды в безграничную даль девять представителей Человечества...

Что встретят они в иных мирах? Какие тайны откроет перед ними Космос?

Такие вопросы стояли перед каждым из них. И все они знали, что, может, придется им погибнуть где-то там, в чужих мирах, как погибли трое товарищей в антимире, но не было ни одного сердца, которое дрожало бы при мысли о смерти.

Прошло некоторое время. Георгий и Джон-Эй отдыхали в креслах, но все время внимательно следили за работой автопилота. Вот послышался резкий звонок, вспыхнул красный сигнал. Автопилот прекратил работу.

— Звездолет вышел за пределы антизвезды, — сказал Георгий. — Джон-Эй, выключай поле...

И как только помощник повернул рычажок, в перископах загорелся чудесный узор звезд, на спиральных снарядах засияли отблески лучей.

Георгий склонился над микрофоном.

— Друзья! Слушайте меня внимательно! Сейчас мы определим точный путь и включим антиполе почти в полную силу. Мы разовьем скорость пятнадцать парсеков в секунду. Через тысячу секунд звездолет выйдет на границы Галактики, где мы выключим дегравитационное поле. Там мы начнем выполнять одно из наших первых заданий — изучение Галактики извне, исследование ряда звездных скоплений на границах и, наконец, перелет в соседнюю галактику. Друзья! Приготовьтесь делать каждый свое дело. Через тысячу секунд мы приступим к научной работе...

Георгий умолк, посмотрел на помощника. Тот странно усмехнулся.

— Я и теперь не могу привыкнуть к этому счету времени тут и там... Ведь у нас... вернее, у них... на Земле за эти «тысячу секунд» пройдут тысячелетия...

Георгий засмеялся, положил руку на его плечо.

— Мы для того и летим в непостижимую бездну, чтобы сделать ее постижимой для наших потомков... Но довольно об этом. Курс!..

Джон-Эй согнал с лица улыбку, снова стал строгим, как всегда, нахмурил брови. Перед ним над пультом загорелся экран с лоскутом звездного неба. Экран был пересечен сеткой тонких линий с цифрами. Георгий внимательно присмотрелся. Увеличенное пятно Большого Магелланова Облака лежало чуть левее центра экрана.

И снова автопилот, получив задание, потрескивая счетчиками, вступил в действие. Пятно соседней галактики медленно передвинулось в центр. Экран погас.

— Поле! — снова приказал Георгий.

Звездное небо исчезло из перископов. Снаружи стояла полная тьма. Звездолет был почти полностью отрезан от мирового поля тяготения. Из дюз корабля вырвались страшные вихри материи. Аппарат развил скорость, которая была в миллионы раз больше скорости света...

Георгий, борясь с головокружением, посмотрел на помощника. Тот, как и раньше, строго и спокойно смотрел вперед, только по его худому лицу катились огромные капли прозрачного пота. Джон-Эй неотрывно следил за циферблатом наиточнейших атомных часов. Лишь бы не отказала аппаратура...

В перископах молниеносно пролетали размытые светлые линии. Это были следы звезд. Некоторые из них находились очень близко от пути звездолета, и тогда лицо Георгия каменело, челюсти сжимались.

— Если в нашем поле найдется щель, звездолет будет разорван гравитацией какой-нибудь близкой звезды, — тихо сказал Джон-Эй.

Георгий не успел ответить. Аппарат тряхнуло с такой силой, что в глазах астронавтов потемнело. Сотрясения нарастали, в каюте стала быстро подниматься температура. Послышались тревожные звонки из центральной каюты, световые сигналы.

— Температура восемьдесят. Охлаждающая установка не помогает!..

— Люди теряют сознание. Чувствуется упругое усиление первого удара!

— Что делать? Катастрофическая жара!..

Вопросы и сообщения сыпались одни за другим, но Георгий не мог ответить ничего. Задыхаясь от жары, он пытался понять, что случилось. Джон-Эй, преодолевая страшную тяжесть, что сковывала тело, повернул голову к начальнику экспедиции.

— Звезда! Мы зашли внутрь красного гиганта¹⁶...

И вдруг прекратилось все. Невероятная тяжесть исчезла, температура понизилась до нормальной. Звездолет был невредим. Приборы показывали, что он продолжает лететь между полями Галактики с нужной скоростью. Слабая усмешка заиграла на устах Георгия.

— Ну, друг мой, это невероятно! Пройти сквозь центр звезды, где жара миллионы градусов, и остаться в живых?! Нашему кораблю цены нет!..

— Еще несколько секунд — и поле бы не выдержало, — мрачно ответил Джон-Эй. — Надо включать поле на полную мощность, иначе мы рискуем жизнью всех людей...

— Не нужно! — коротко бросил Георгий. — Мы выходим за границы Галактики.

Действительно, истекала последняя секунда. Выключился автопилот. В строй вступило автоматическое торможение. Еще десять секунд — и звездолет уже летел со скоростью двести тысяч километров в секунду. Джон-Эй выключил антиполе. В перископах возник рисунок звезд, которые объединялись в гигантскую серебристую спираль, что заполняла все небо. А впереди, на центральном экране, переливаясь разноцветными огоньками огромных звезд-цефеид¹⁷, уже вырастала новая галактика — Большое Магелланово Облако.

¹⁶ Красный гигант. — Звезды класса красных гигантов чрезвычайно разреженные. Плотность их в миллионы раз меньше плотности воздуха на Земле.

¹⁷ Цефеиды. — Звезды, яркость которых периодически меняется. Периоды эти настолько постоянны, что дают возможность установить точную величину звезды, а отсюда и расстояние до нее. Цефеиды поэтому называются еще «маяками Вселенной». Новые звезды — это звезды, которые периодически взрываются от неизвестных ядерных процессов. При этом звезда «сбрасывает» с себя оболочку — массу раскаленных газов.

Георгий вызвал дежурных центральной каюты.

— Друзья! Включите всю аппаратуру кругового обзора! Начинайте работу!..

Слева от пути звездолета, совсем недалеко, сиял красный шарик одинокой звезды. Георгий увидел ее, довольно кивнул головой.

— Это, безусловно, старая звезда. Если там есть жизнь — она достигла высокого уровня. Мы исследуем эту систему...

— Ты хочешь остановиться здесь? — спросил Джон-Эй.

— Именно здесь, — ответил начальник экспедиции. — Во-первых, нам нужно проверить состояние корабля снаружи. Во-вторых, пространство в этом районе не засорено космической пылью, и нам легко провести комплекс исследований. Ну и, в-третьих, именно в планетных системах угасающих звезд можно встретить чрезвычайно высокие цивилизации...

Загремели взрывы, сдерживая молниеносный полет корабля.

МИР КРАСНОГО КАРЛИКА

Красная звезда становилась все больше. Она очень быстро выросла на экране перископа и, наконец, превратилась в красный диск, который заполнил четверть небосвода. Но, несмотря на большие размеры звезды, радиация ее была незначительной. Это отметили автоматы-счетчики. Звезда была угасающим красным карликом.

Послышался сигнал автоматических радиотелескопов. Георгий включил экран. На черном фоне показалась сначала одна планета, потом еще две. Звезда имела три спутника. На каком же из них могла быть жизнь?..

Георгий включил «электронный мозг» и пустил для подсчета данные радиотелескопов и тепловых счетчиков.

Послышался сухой треск, а за тем поступил молниеносный ответ. Нормальная жизнь могла существовать только на первой от светила планете, так как там было достаточно тепла и сохранился кислород в густой атмосфере.

Георгий и Джон-Эй переглянулись, довольно усмехнулись.

— Ты не ошибся, Георгий, — сказал помощник. — Я уверен, что мы здесь встретим высокоразвитую жизнь...

— Значит, спускаемся?

— Да...

Звездолет вошел в спираль снижения, попал в гравитационное поле первой планеты. Расчеты электронной машины показали, что планета только в полтора раза массивнее Земли и вес на ней ненамного превышает нормальный.

В действие вступил автопилот. Он, неуклонно снижая страшную скорость корабля, вел его на посадку, смягчая огромную силу перегрузки дегравитационным полем.

Из-за красноватых облаков, которые застилали поверхность планеты, проглянули небольшие водоемы, темные полосы растительности. Звездолет вошел в атмосферу и с пронзительным воем помчался над затемненной стороной нового мира.

Сердце Георгия сжалось. Чужой и неприветливой казалась ему поверхность планеты, что лежала внизу во тьме...

Издалека появилась красная полоса — линия терминатора, а затем выдвинулся мрачный красный диск угасающего светила. Скорость звездолета снизилась до минимальной, и он, повиснув над коричневой пустыней, медленно опустился на небольшое плоскогорье...

В перископах пламенел кровавый рассвет. Далеко, на десятки километров, тянулась коричневая пустыня. Только где-то на горизонте темнели то ли леса, то ли хребты невысоких гор. Небо было черно-синим, и в этой мрачной вышине быстро плыли багровые облака, похожие на уродливые космы сказочного существа из старинных легенд. На всем здесь лежал отпечаток неумолимой грозной смерти, медленного угасания, какого-то непонятного ужаса.

Георгий и Джон-Эй несколько минут мрачно наблюдали безрадостный пейзаж чужого мира среди полного молчания. Затем начальник экспедиции медленно повернул лицо к товарищу, с сомнением покачал головой.

— Похоже на то, что здесь прошла адская машина, которая сжигала все на своем пути. Посмотри — это не естественная пустыня, я вижу остатки руин... Или, может, мне так кажется? Ничего не понимаю...

Джон-Эй улыбнулся уголками тонких губ.

— Это в тебе проснулись наши земные предрассудки! Надо исследовать планету. Из пространства видна была растительность и что-то похожее на здания. Мы, возможно, приземлились в невыгодном месте...

— Да... Это верно... Мы организуем две экспедиции в разные стороны. Пойдут все, кроме нас двоих. Я думаю, что на этой планете есть высокоразвитые существа или хотя бы остатки их культуры... Необходимо провести очень много исследований...

Джон-Эй умоляюще посмотрел на Георгия.

— Я тоже пойду. Неужели ты не понимаешь? Я столько мечтал о путешествиях по чужим планетам... Оставь вместо меня кого-нибудь другого...

— Вечный странник, — засмеялся Георгий, и его синие глаза брызнули теплыми огоньками. — Ты все хочешь делать сам, ненасытная твоя натура.

— Ну... я тебя прошу!..

— Хорошо, хорошо! А после пойду я. Во вторую экспедицию! Теперь останусь один. Там будет нужен каждый человек! Посмотри на анализ воздуха...

Джон-Эй бросил взгляд на шкалу автоматического анализатора.

— Кислорода шестнадцать процентов, азота — восемьдесят два, остальные — углекислота, инертные газы и прочее. Водяной пар в незначительном количестве. С водой здесь плохо...

— Да, — пробормотал Георгий. — Атмосфера биогенного происхождения. Значит, жизнь есть! Дышать можно без скафандров...

Включив микрофон, Георгий отдельно и четко произнес:

— Друзья! Мы прибыли на какую-то старую планету на границах Галактики. Здесь начинается цикл исследований, направленных в далекое будущее, результаты которых адресованы грядущим поколениям. Вы понимаете ответственность, которая ложится на нас! Теперь вы пойдете в экспедицию для детального изучения этого мира. Я уверен, что вы встретите разумных существ, может быть, более развитых, чем наше человечество. Но возможно, что на пути встретятся существа, разум которых развивается эгоистично. Тогда это будут жестокие и беспощадные создания. Во всяком случае, решайте сами. Приказываю всем захватить оружие — тяжелые атомные излучатели. Джон-Эй определит состав групп. Главную группу поведет он сам. Высадить наружу вездеходы и оснастить их. Все должны одеть биозащитные маски — мы не знаем силы здешних бактерий. Со мной держать регулярную связь...

Джон-Эй отстегнул ремни, поднялся с кресла, решительно пригладил волосы.

— Ну, я пошел, Георгий!..

Георгий обнял товарища, крепко прижал к себе. И почему-то молниеносно в сознании возник образ Марианны — осязаемый, живой. Галлюцинация была настолько реальной, что Георгий вздрогнул. Джон-Эй вопросительно посмотрел ему в глаза.

— Что с тобой?..

— Ничего, друг... Понимаешь, почему-то не кстати вспомнилась Марианна... Не смейся!..

— Кто же будет смеяться над тобой? — с неожиданной лаской в голосе сказал Джон-Эй. — Но вспомни о том, что на Земле уже прошли тысячелетия. Нет никого из тех, кто провожал нас. Марианны тоже. Забудь о том, что было когда-то! Нам надо думать о будущем...

Георгий с грустью посмотрел на коричневую даль в перископе, закрыл глаза.

— Нет, нет! Не забыть мне ее никогда!..

Он постоял молча, потом прошептал:

— Пора!..

Он еще раз обнял помощника, и когда тот, надев изоляционный теплый комбинезон, скрылся за прозрачной дверью, сел в командирское кресло.

Красная звезда поднималась все выше и выше. Наверное, здесь день был намного короче земного. Георгий включил внешние телеобъективы и микрофоны. На экране показался Джон-Эй с группой товарищей, которые один за другим выходили из люка звездолета. Сверху на автоматических кранах опускались узлы вездеходов. Члены экспедиции сразу же начинали их монтировать. Работа длилась не более часа. Скоро у аппарата стояли два вездехода — легкие подвижные машины на гусеничном ходу, которые могли передвигаться по любой местности. Один вездеход в несколько раз превышал величиной второй, он был полностью закрытым. На обеих машинах поблескивали кинотелеобъективы и передаточно-приемные антенны.

Георгий слышал извне только тонкий вой порывистого ветра и приглушенный разговор товарищей. Раздался голос Джон-Эя:

— По машинам!..

Путешественники расселись по вездеходам. Иосиф, Ваню и второй штурман Борислав ехали на меньшей машине. Механики Антоний, Вильгельм и Тавриндил с Орамилом сели вместе с Джон-Эем в большую закрытую машину со всесторонней защитой и могучей броней.

Штурман, входя в кабину водителя, вернулся к звездолету, приветственно поднял руку. На его лице поблескивала матовая маска с большими очками.

— Не грусти, Георгий! — закричал он. — Мы скоро вернемся с делегацией местных жителей!.. Готовь закуску, дружище!

— Счастливого пути, друзья! — загремел голос Георгия в динамиках.

Машины двинулись с тихим гулом, поднимая гусеницами густую рыжую пыль, которая относилась ветром. Багровый диск светила быстро опускался вниз, бросая вокруг тусклые лучи. День заканчивался.

Тревога прокралась в душу Георгия, боролась там с голосом здравого смысла. Ну чего ему тревожиться и переживать? Ведь все в порядке!

Георгий не мог дать ответ на сомнения, что терзали его сердце. Он одиноко сидел в командирском кресле и с непонятной грустью смотрел, как два вездехода медленно скрывались в красноватой полутьме...

ЖЕЛЕЗНОЕ ВОЙСКО

Обе машины двинулись по заранее выбранному пути. Было намечено два направления, которые расходились

под прямым углом от звездолета. Машина Джон-Эя двинулась на восток, к гряде дальних гор или полос растительности, а Борислав повел свой вездеход на север.

Джон-Эй и его спутники с удивлением и даже опаской смотрели на пейзаж, который их окружал. Собственно, пейзажа никакого и не было в подлинном смысле этого слова. Вокруг расстилалась все та же коричневая пустыня, усеянная островками черного пепла и зловещих остатков каких-то зданий, разрушенных жестокой неведомой силой. Сумрачный свет звезды придавал всему этому вид кошмара, который приснился в тяжелом неприятном сневидении.

Путешественники переглянулись, не осмеливаясь выразить определенное мнение. Джон-Эй, поколебавшись, включил радиотелестанцию. На маленьком экране возникло лицо Георгия. Он вопросительно посмотрел на Джон-Эя.

— Что-нибудь случилось, друзья?..

— Нет! — Голос помощника был смущенным. — Но я должен предупредить тебя. Характер пустыни, окружающей нас, свидетельствует о страшном разрушении, вызванном руками разумных существ...

— Так что ты хочешь?

— Я впервые придаю какое-то значение интуиции. Мы, как ты видишь, встретились с непонятными явлениями... Может, это следствие неуверенности?.. Стоит послать предупреждение Бориславу, чтобы они вели исследования с максимальной осторожностью...

Брови Георгия сдвинулись на переносице. Он с полминуты напряженно что-то обдумывал, потом решительно поднял голову.

— Хорошо! Я пошлю ему предупреждение. Если встретите существ с агрессивными намерениями, примените ядерное оружие. Периодически включайте связь. Когда

случится что-нибудь интересное или важное — включайте телепередачу...

Лицо Георгия исчезло с экрана. Серые глаза Джон-Эя блеснули улыбкой из-за очков маски.

— Итак, друзья, будьте начеку! Приготовьте оружие! Я думаю, что не существует таких уродов, которые выдержали бы ядерный поток. Но это в крайнем случае. Мы прибыли сюда, прежде всего, как люди!..

Водитель машины прикоснулся к руке Джон-Эя.

— Впереди здание. Что делать?

Действительно, впереди вырастала из неглубокой долины странная постройка, похожая на гигантский ангар с куполообразной крышей и блестящими, красноватыми от лучей звезды, стенами. Машина, поднимая гусеницами легкий пепел, быстро приближалась к странному объекту.

Джон-Эй приказал остановиться. Гул моторов прекратился. И тогда ясно послышался свист ветра, который порывами выдувал из коричневых холмов грязный песок и пепел. Свист этот был неприятным и зловещим.

— Ну, что же, — проговорил Джон-Эй. — Мы не будем ждать. Хорошие хозяева перед нами или враги — мы обязаны первыми идти на знакомство. Антоний остается в машине. Другие со мной пойдут к зданию. Антоний! Поддерживай со мной радиосвязь. Товарищи...

Голос Джон-Эя прерывался от волнения. Штурман еще никогда не был таким возбужденным.

— Вы понимаете важность этого момента? — продолжал он. — Может, мы впервые в жизни встретим других разумных существ... А может, наоборот, это будет неприятная встреча! Друзья мои, будем готовы ко всему...

Блестящие взгляды молодых спутников были ответом на слова Джон-Эя.

— Антоний, — обратился штурман к механику, — включишь электромагнитную, биологическую и

гравитационную защиту. Приготовь на всякий случай тяжелые излучатели. Жди моей команды. За мной, друзья!

Трое космонавтов, вслед за Джон-Эем, молча вышли из машины на сожженный грунт. Огромное светило, которое падало к закату, отразилось в очках, засверкало на маленьких заплочных антеннах.

Дверца машины закрылась с глухим стуком. Мужчины быстро и решительно зашагали к странной постройке. Джон-Эй не сводил с нее взгляда, обдумывая на ходу впечатление от причудливой планеты, которая так негостеприимно встретила далеких путешественников.

Как можно было понять такие странные контрасты? Бесконечная пустыня, усеянная остатками бывших зданий, и рядом — гигантское сооружение! Первое свидетельствует об ужасной ярости и жестокости, а второе — о высоком разуме! Здесь какая-то тайна, которую нужно разгадать!

Вот они приблизились к зданию на двести метров, а все еще никого не видно, не слышно ни звука, как будто там нет ни одного живого существа. Джон-Эй замедлил шаг. Пройдя еще метров двадцать, космонавты остановились. Неясная тревога зародилась в мужественных сердцах, постепенно перерастая в чувство непреодолимого туманного страха. Откуда было это чувство — темное и нехорошее — никто не понимал. Но вот Джон-Эй осознал его и колоссальным усилием воли разорвал паутину, которая опутала его психику. Затем он решительно повернулся к товарищам. За стеклом очков Джон-Эй увидел три пары наполненных ужасом глаз, бледные лица, странную борьбу между храбростью и страхом, которой до сих пор не знал никто из них.

— Друзья! — хрипло сказал Джон-Эй. — Это может быть действием необычной атмосферы и условий. Включите полное кислородное дыхание...

Через краткий миг глаза путешественников приобрели спокойное выражение. Живительная струя кислорода влилась в легкие, разогнала туман, господствовавший над психикой. Джон-Эй довольно улыбнулся.

— Пошли. Мы у цели. Будем готовы ко всяким неприятностям.

Группа двинулась дальше, направляясь к центру сооружения, что поднималось на сто пятьдесят метров вверх и тянулось полуovalом вдоль долины не менее, чем на три километра.

Вдруг Вильгельм, который шел с Джон-Эем, глухо вскрикнул и судорожно вцепился в рукав комбинезона соседа.

Остановились все, пораженные грандиозным, невиданным зрелищем.

Вдоль всего многокилометрового «ангара» в нижней части внезапно, одновременно появились черные прямоугольные отверстия. За ними была мутная черно-красная мгла, в которой что-то шевелилось. Джон-Эй судорожно включил рычажок на груди, связался с машиной.

— Антоний! Будь наготове! Свяжи меня с Георгием! Включи телескопическую телепередачу!

— Я слышу вас, друзья, — слышался напряженный голос Георгия. — Я вижу здание, но не совсем ясно видно, есть ли там кто-нибудь!

— Георгию! — отозвался Джон-Эй. — Внимательно наблюдай за нами. В здании мы видим какое-то движение...

— Хорошо! Будьте мужественными, друзья мои! Выполняйте...

Вдруг голос Георгия прервался, слышался возглас ужаса.

— Что с тобой, Георгий? — закричал Джон-Эй. Но он не успел получить ответа. Из темных отверстий неожиданно выплыли сотни причудливых существ. Но существ

ли? Красная звезда, которая уже совсем заходила за горизонт, все еще освещала «ангар», и путешественники ясно видели кровавые отблески на сферических металлических телах «существ». А может, это были машины, в которых сидели разумные существа?..

От сооружения не доносилось ни звука, и это подчеркивало сказочность происходящего. Длинный ряд существ или машин выстроился перед «ангаром».

Джон-Эй удивленно посмотрел на своих спутников.

— Что они, технику свою демонстрируют перед нами?

Его шутка осталась незаконченной. В наушники во рвался встревоженный голос начальника экспедиции:

— Джон-Эй! От второй группы поступило сообщение. На их пути появились то ли машины, то ли живые существа. Они не подают никаких сигналов. Я дал приказ отступать. Очевидно, мы имеем дело с жестокой, враждебной расой, которая имеет сильный технический потенциал. Оружия зря не употребляйте. О, я вижу, перед вами такая же армия?!

— Да, — ответил Джон-Эй. — Они молчат. И, скажу откровенно, мне это не нравится.

— Может, попробуем вступить с ними в переговоры? — сказал один из спутников Джон-Эя.

Тот пожал плечами.

— О каких переговорах ты говоришь? Они насторожены и враждебны. Очевидно, здешняя цивилизация развивалась по пути, прямо противоположному нашему. Друзья, отступаем к машине! Быстро!

— Правильно! — слышался одобрительный голос Георгия.

Но едва путешественники успели сделать несколько шагов, как огромная лавина машин колыхнулась и слышно двинулась вслед за ними, их полусферические тела, окруженные матовым мягким светом, будто плыли

над пустыней, держась в воздухе неизвестно каким образом.

— Это ужасно, — прошептал Джон-Эй. — Мы даже не можем понять, с кем имеем дело...

— Будьте осторожны... будьте осторожны, друзья мои, — откуда-то издали доносился тревожный голос Георгия.

Сердца четырех человек сжались в страшном предчувствии. Вот уже совсем близко металлические чудовища. Видно, как под полупрозрачной поверхностью спиралию переливается тяжелая жидкость. Или, может, так только, казалось, в полумраке этого ужасного мира?.. Вот осталось не более ста метров расстояния между машинами и беглецами.

— Приготовить оружие! — приказал Джон-Эй, побледнев.

А железное войско приближалось, окружая кольцом медленно отступавших людей...

БИТВА

...Оставшись в одиночестве, Георгий задумался, глядя на туманную даль, что виднелась за аппаратом. Ему не нравилась эта планета. Почему, он не мог сказать, это чувство возникло подсознательно. Может, остановить товарищей? Нет, это недостойно ученых, недостойно представителей человечества, которые вырвались в необозримую даль Времени и Пространства!..

Осталось одно — ждать! По прошлому опыту человечества причин для страха не было. На двух системах, соседних с солнечной, как говорили первые космонавты, разумные существа достигли высоких вершин Знания и были гуманны в наиболее высоком смысле этого слова.

Того же самого экспедиция могла ожидать и здесь, где была надежда встретить разумную жизнь. Но почему же мозг находится в таком напряжении? Почему в груди словно натянута тетива лука? Сердце ждет чего-то необычного, страшного. Должно быть, это влияние невероятного, сверхфантастического полета с сумасшедшими скоростями и самого вида ужасной планеты в освещении багрового солнца. Эта пустыня неземной окраски, покрытая пеплом и нагромождениями разрушенных зданий, пугала.

Истекали утомительные минуты ожидания. Обе группы сообщали о том, что вокруг все та же пустыня, ничего нового не видно и живые существа не встречаются. Но вскоре началось страшное.

От группы Борислава пришло сообщение о встрече со странными машинами или существами, которые остановили продвижение вездехода. Затем то же самое сообщил Джон-Эй. Попытки связаться с представителями чужого мира оказались безрезультатными. Георгий велел отступать и включить телестанции.

Над его пультом загорелось два контрольных экрана. На них возникли изображения мрачной пустыни, по которой осторожно, но неуклонно двигались лавины металлических полусфер, окружая людей.

Особенно трудно было группе Джон-Эя. Между чудовищами и закрытой машиной осталось не более двухсот метров. Георгий видел горстку людей на фоне огромной армии чудовищ, и ему стало ясно, что товарищи не уйдут.

— Эх, если бы... — вырвалось у него. И, словно услышав мысль Георгия, самый молодой из группы — Орамил решительно остановился и, не поворачивая головы, резко сказал:

— Джон-Эй! Другого выхода нет! Я остановлю их! Вы все — к машине! Броня защитит вас!..

— Но что ты сделаешь один? — спросил Джон-Эй.

— Мы все остановимся, — отозвались Вильгельм и Тавриндил. — Ты должен любой ценой вернуться на звездолет. Ты штурман. Мы остаемся! Прощайте, товарищи!..

— Прощай, брат! — крикнул Вильгельм.

Джон-Эй хотел что-то возразить, но Георгий, который слушал спор, решительно вмешался в него:

— Вы правильно делаете, товарищи! Спасибо, ребята, дорогие мои друзья! Джон-Эй! Беги к машине!.. А вы медленно отступайте!

Джон-Эй, не говоря ни слова, бегом бросился к машине, силуэт которой уже виднелся в отблесках кровавой зарницы. Три его спутника остановились, выдвинув вперед себя тяжелые ядерные излучатели с широкими трубами. Медленно остановилось и железное войско.

Но вот средние машины укутались зловещим красным светом, на их поверхности выросли подвижные параболические антенны.

Георгий оцепенел. Сейчас начнется что-то страшное.

— Друзья! Будьте внимательны! — начал он, но было уже поздно что-либо говорить. Яркие фиолетовые молнии ударили в группу товарищей. Орамир без единого звука исчез, мгновенно превратившись в кучку пепла, который был подхвачен и развеян ветром.

— Открывайте огонь! — с отчаянием закричал Георгий. Два путешественники, что остались в живых, увидев ужасную смерть Орамира, спокойно подняли свое грозное оружие. Невидимые концентрированные лучи резанули по машинам. Там, где они прошли, машины вспыхивали ярким пламенем и превращались в сплавленный кусок металла. Фланги железного войска остановились. В воздухе запестрели антенны и сотни фиолетовых молний хлынули туда, где стояли смельчаки.

Георгий закрыл рукой глаза от невероятно ослепительного света, а когда снова посмотрел на экран, вместо Вильгельма и Тавриндила над пустыней кружил лишь

черный дымок. Слова застряли в горле Георгия. Волна отчаяния и страха прилила в мозг. Все пропало! Это же не люди, не разумные существа! Это демоны древних религий выползли на адскую равнину!..

А кольцо машин уже смыкалось вокруг главного вездехода. Джон-Эй едва успел добежать до него и заскочил, тяжело дыша, в открытую дверцу. Его подхватили руки Антония, который видел трагическую гибель трех спутников.

— Все формы защиты! — прохрипел Джон-Эй. — На полную мощность!.. Немедленно к звездолету!.. Круговой огонь по этим уродам!..

Джон-Эй с отчаянием и злобой сам переключил весь энергетический потенциал вездехода на излучатели. Машина наполнилась зловещим гулом. Стволы-рефлекторы нацелились снаружи на блестящих чудовищ. Бледно-зеленые лучи скользнули по машинам. Вспышка невероятной силы осветила пустыню. Горели в пламени колоссального взрыва сотни преследователей. Но из тьмы все так же, стройными рядами, появлялись тысячи новых машин и продолжали преследование.

Георгий с расширенными от ужаса глазами, вытирая холодный пот со лба, перевел взгляд на второй экран. Там положение было не лучшим. Железные армии отрезали от звездолета вездеход Борислава. Выход был только один — первыми применить оружие. Но меньшая машина не имела энергетической защиты, и ее судьба была решена.

Белый, как мертвец, Георгий, окаменев, смотрел, как в неравном бою погибали его товарищи от смертоносных фиолетовых молний. Смотрел и ничего не мог сделать. И вот, наконец, все закончилось... Машина Борислава была уничтожена. Товарищи превратились в пепел на страшной далекой планете за десятки тысяч парсеков и тысячи лет от родной Земли...

Это он, он один во всем виноват! Не надо было пускать всех! Но кто же мог предположить возможность встречи с такими жестокими созданиями? Позор! Трагедия в системе антизвезды и полный крах здесь...

А тем временем к звездолету приближался единственный уцелевший вездеход, окруженный мощным полем защиты, и в нем было два космонавта, оставшихся в живых. Буквально по пятам их преследовала многотысячная армия железных чудовищ, которая обстреливала машину потоками фиолетовых молний. Но страшные разряды не проникали сквозь невидимую броню вездехода. Джон-Эй смотрел на пульт, опасаясь, что магнитно-гравитационное поле не выдержит такого напряжения.

Вот из мрака вырос силуэт звездолета. Внизу уже темнело отверстие, предварительно открытое Георгием. Вездеход, стремительно подкатив к кораблю, резко остановился, подняв облако пыли. И в тот же миг Джон-Эй почувствовал страшную жару. Казалось, тело растапливается. Вездеход был окружен сиянием фиолетовых вспышек.

«Село защитное поле», — пронеслось в голове Джон-Эя. Он одним движением включил все рубильники внешнего оружия на полную мощность. Снаружи загремело. Побеждая страшную слабость, Джон-Эй открыл дверцу.

— Скорее, Антоний — закричал он. Никто не отозвался. В отблесках пламени горящих чудовищ Джон-Эй увидел открытые мертвые глаза механика. Штурмана одного спасло переднее защитное стекло. Ждать уже нечего! Отверстие звездолета недалеко! Джон-Эй вывалился из вездехода и пополз к кораблю. Он уже ничего не видел, не слышал...

Георгий наблюдал последствия страшного побоища. Когда последний живой член экспедиции — Джон-Эй вполз в звездолет и дверь за ним автоматически закрылась, необозримое пространство пустыни вспыхнуло

огнем фиолетовых разрядов. Океан энергии хлынул на последнюю крепость людей. Но корабль был вне опасности.

По команде Георгия автоматы укутали его дегравитационным полем, отрезав от внешнего мира, а затем голубая тень снова мелькнула среди красных облаков, неся двух космонавтов с планеты смерти и ужаса в бесконечные пропасти Космоса...

Часть третья
ЦАРСТВО ЖЕЛЕЗНОГО ДИКТАТОРА

БОЛЬШОЕ МАГЕЛЛАНОВО ОБЛАКО

...Первое, что увидел Джон-Эй, открыв веки, было лицо Георгия — худое, зеленое, с неподвижным стеклянным взглядом. Его глаза уставились в перископ, на губах запеклась кровь. На фиолетовом фоне пространства ярко сияли огромные звезды Большого Магелланова Облака, и в их призрачном освещении Георгий был похож на мертвеца.

Джон-Эй застонал. Сознание вернулось к нему молниеносно, восстановив в памяти зрелище страшных событий. Его глаза встретились с полусумасшедшим взглядом Георгия.

— Скажи, Георгий, все это... только сон?..

— Нет, не сон!.. Там, в этом... аду... мы оставили семейных товарищей... О, я никогда не прощу себе этого!..

Ужасные рыдания потрясли тело Георгия. Джон-Эй молчал, пытаясь осмыслить то, что произошло, во всей его невероятности. Наконец, он медленно поднял руку, коснулся плеча начальника экспедиции.

— Ты не виноват. Никто не мог предвидеть такого ужаса, такой жестокости. Мы еще на Земле знали, что идем на все... Успокойся...

Георгий выпрямился в командирском кресле, закрипел зубами.

— Да, да! Ты прав! Ты, конечно, прав! Забыть! Обо всем забыть! У нас не было друзей! Они приснились нам!

Последние слова Георгий крикнул, захлебываясь от гнева и боли, прямо в лицо Джон-Эя.

Между бровей помощника проступила резкая морщина.

— Не издевайся надо мной! Я поражен тем, что случилось, не меньше, чем ты! Но помни, что перед нами — невыполненное задание, ради которого погибли товарищи...

— Двенадцать человек не выполнили!.. Ты хочешь, чтобы это сделали двое?..

— Это наша обязанность!

Георгий печально склонил голову, долго молчал, невидящими глазами глядя на пульт.

— Ладно! — наконец сказал он. — Мы доведем исследования до конца. Курс — Большое Магелланово Облако. Запусти в электронную машину данные, касающиеся вращения обоих галактик. Это потребуется для поворота назад. Остановимся в первом шарообразном скоплении звезд. Включай поле!..

Джон-Эй с радостью увидел, что к Георгию вернулся командирский тон. На похудевших щеках заиграл румянец, в исполненных болью синих глазах появились огоньки...

Штурман провел необходимые подсчеты и включил дегравитационное поле. Звездолету надо было перескочить пропасть, которая разделяла две галактики.

Снова в перископах погасло звездное небо. Аппарат задрожал, набирая невероятную скорость, пожирая биллионы километров в секунду...

Где-то далеко позади осталась страшная планета, на равнинах которой лежит пепел товарищей. Невероятно, непонятно! Как оправдать эту гибель, чем?..

Друзья думали, очевидно, об одном, потому что Джон-Эй, не поворачивая головы, тихо спросил:

— Как ты думаешь, что это было?..

— Сразу трудно сказать... Но, безусловно, не живые существа, а машины... И даже машины без живых существ

внутри, а управляемые на расстоянии. Иначе трудно объяснить такую жестокость, фанатизм и отсутствие страха...

— Но существа, создавшие такие совершенные машины — а они, безусловно, совершенные, — должны иметь высокий интеллект! Что же заставляет их так жестоко расправляться с гостями?..

— Кто же может сказать нам об этом? Мы не знаем ничего! Наличие интеллекта еще ничего не значит. Вспомни историю Земли... Разве великие ученые не отдавали свой гений для уничтожения себе подобных? Здесь может быть то же самое... Ты видел сожженную пустыню? Там была битва... Может, те, кого мы встретили, чужаки из других миров...

Георгий помолчал, а потом мягко, будто извиняясь, сказал:

— Джон-Эй! Прости меня! Ты практичней, строже. Но что делать — какое-то предчувствие. Если я погибну — не забудь моего завещания. Я не умру спокойно, если не буду уверен в том, что ты...

— Георгий! Ну как ты можешь?..

— Подожди, не перебивай! Смерть товарищей, наши муки должны принести пользу грядущим поколениям, приблизить время бессмертия! Если я погибну — ты не забудь об этом, во что бы то ни стало доведи «Мысль» до Земли!..

Джон-Эй крепко сжал руку Георгия.

— Хорошо, друг! Пусть будет так!

После этого Георгий решительно поднялся с кресла, достал объемные изображения членов экипажа. Джон-Эй первый затанул хриплым голосом «Гимн погибшим космонавтам». Странно и неестественно звучали в тишине Космоса голоса двух людей, отрезанных от родины безнадёжными пропастями. Спев гимн, друзья долго еще стояли у пульта, не в силах отвести взгляды от изображений товарищей...

В тот же миг прозвучал сигнал автопилота, выключилось дегравитационное поле, и небо в перископах вспыхнуло такими яркими звездами, что стало больно глазам. Звездолет вошел в большое пограничное шаровое скопление Большого Магелланова Облака. На заднем перископе во всей красе сияла родная Галактика, которая была видима под небольшим углом к ее экватору. В центре, где сосредоточились десятки миллиардов звезд, полыхало сплошное ослепительное пятно, прорезанное в некоторых местах полосами темной пылевидной материи. От центрального сгущения, как крылья сказочной птицы, вырастали две сияющие удивительные спирали, которые летели своими краями в темные бездны пространства.

Когда автоматы сфотографировали Галактику, Георгий сделал необходимые подсчеты с помощью «электронного мозга» и, улыбаясь, сказал:

— Нам пора поесть. Мы не ели, по земному счету времени, примерно восемьсот или девятьсот лет. А потом поищем систему для исследования...

Друзья выпили жидкости из специальных термосов. В ней были сконцентрированы в максимальных дозах все необходимые для организма питательные вещества, которые восстанавливали силу, бодрость, ясность ума.

После еды Георгий включил автоматы-телескопы кругового обзора. Эти приборы все свои данные — спектральные, тепловые, биоастрономические — молниеносно передавали в электронную машину для анализа. Электронный мозг определял возможности жизни в той или иной системе. На маленьком экране перед Георгием поплыл зашифрованный световой сигнал ответа электронной машины. Одна за другой отпадали близкие системы двойных и кратных звезд, цефеид, пульсирующих и новых звезд. На них жизни не могло быть. Наконец, на экране появился положительный ответ. Джон-Эй бросился к экрану телескопа, включил его. Автомат отметил голубую

звезду-гигант, вокруг которой кружились на огромных расстояниях двадцать семь планет с колоссальным количеством спутников. Жизнь могла быть, согласно сигналам анализатора, не менее чем на десяти планетах и их спутниках внешнего пояса. На более близких планетах сильная радиация центрального светила убивала все живое и даже испаряла, обметала, как гигантской метлой, газовые оболочки.

Джон-Эй удовлетворенно кивнул головой, встретился с одобрительным взглядом Георгия.

— Я считаю, что лучшую систему для всесторонних исследований, чем эта, найти трудно. Посмотри — у нас безграничное поле для научной работы. Остановимся здесь...

Георгий, регулируя увеличение изображений электронно-оптической системы, посмотрел на огромную систему. Это было невыразимо прекрасное зрелище. Вид голубой звезды, окруженной семьей из двадцати семи планет и не менее сотни разной величины спутников, вызывал чувство восторга. Казалось, в космическом пространстве исполняется странная симфония — гармоничная, божественно-совершенная, и творят ее разумные существа этих миров...

— Они есть, безусловно есть! — тихо шептал Георгий. — Смотри, Джон-Эй! Какие прекрасные должны быть люди в таких системах! Я горю желанием встретиться с ними...

Штурман склонил голову в задумчивости.

— Наши товарищи... Я не могу забыть... Какое бы счастье было, чтобы мы все вместе прилетели в этот сказочный мир!

Джон-Эй сжал губы и, включив дегравитационное поле, за несколько минут ввел аппарат в систему голубой звезды. Приблизившись к полю тяготения крайней планеты, на которой предполагалась жизнь, он начал тормозить звездолет. Но вдруг случилось нечто неожиданное.

Острая резкая боль проникла в мозг людей, руки и ноги парализовала судорога. Они не успели сказать ни слова или о чем-то подумать.

Непреодолимый вихрь подхватил звездолет и, как соломинку, потянул к планете...

Георгий и Джон-Эй несколько минут, напрягая волю, пытались не допустить катастрофы. Но непонятная сила уже полностью затуманила их мозг, и они потеряли сознание...

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДИКТАТОР

Джон-Эй почувствовал слабое дуновение ветра — приятное, ласкающее. Глаза не открывались, веки были тяжелыми, как свинец. Слышался тихий шелест. Где он? Что с ним?

Казалось, над головой шумят густыми ветвями деревьев. Куда он попал? В лес что ли?

Не может быть! Если бы не дуновение ветра, вокруг стояла бы мертвая тишина.

Кто-то тихо застонал. Голос был очень знакомым. Кто же это? Джон-Эй никак не мог понять, где он. Мысли текли вяло, как после тяжелой болезни. Но все же они текли, наполнялись силой, становились более ясными, значительными. И вдруг, будто тысячи ручейков, соединившись, прорывают плотину, так поток мыслей прорвал плотину забвения и озарил ярким светом прошлое.

Джон-Эй вспомнил все — их полет в Бесконечность, битву с машинами, гибель товарищей и, наконец, непонятную катастрофу в системе голубой звезды в Большом Магеллановом Облаке. Но как он остался жив? Ведь страшная, непонятная сила потянула звездолет прямо к планете с невероятной скоростью! Неужели они не

разбились? Неужели выручили автоматы? Но каким образом? И где Георгий? Он должен быть в кресле справа! В кресле? Но и он, Джон-Эй, тоже не чувствует кресла и вообще обстановки звездолета. Откуда этот поток воздуха или ветра, что за шелест? О, если бы открыть веки, которые будто налиты металлом...

Джон-Эй почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Этот взгляд гипнотизировал его, заставлял подниматься. И вот, преодолевая страшную тяжесть, Джон-Эй открыл глаза.

Сразу же в глаза ударили ослепительные, светло-голубые лучи, и сначала он не мог понять, где он и что с ним. Затем Джон-Эй прикрыл глаза ладонью и где-то вверху заметил легкие перекрытия огромного прозрачного купола, за которым на светло-розовом небе пылал диск голубого солнца. Слева стоял их звездолет, весь в ржавых пятнах.

Преодолевая боль, Джон-Эй медленно поднялся на руки, сел. Рядом с ним лежал Георгий. Его глаза были закрыты, грудь слабо вздымалась в такт дыханию. Значит, начальник экспедиции также жив...

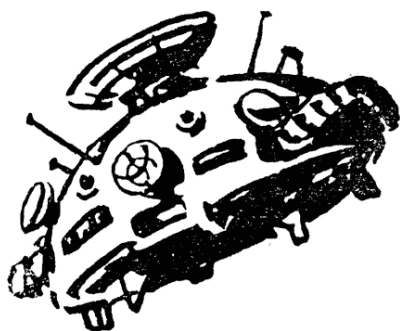
— Георгий! — позвал Джон-Эй.

Веки Георгия вздрогнули, открылись. Вот он удивленно посмотрел на товарища, потом, прищурившись, посмотрел вокруг.

— Что это? — удивленно прошептал он. Джон-Эй только теперь отвел взгляд от Георгия и оглянулся.

Они лежали в таком колоссальном помещении, какое даже не хватало смелости назвать помещением. Его прозрачный купол, замеченный Джон-Эем ранее, поднимался на полтора-два километра от основания, а стен вообще не было видно.

Но путешественников поразило другое. Прямо перед ними стоял какой-то странный аппарат, похожий на срезанный напополам шар до десяти метров в диаметре. Он

был сделан из полупрозрачного материала, который пропускал изнутри чуть заметное фиолетовое излучение. Казалось, внутри полусферы переливается тягучая холодная жидкость. Верхушку полушария венчала параболическая

антенна очень сложной, непонятной людям конструкции. Она сверкала разноцветными огоньками на местах соединений. Ниже, кругом были расположены десятки антенн, похожих на первую, но гораздо меньшего размера. И почти у самого основания аппарата пульсировали сотни световых ячеек синего, красного, зеленого и желтого цветов.

По бокам и сзади, за полусферой, насколько достигал взгляд, виднелись тысячи машин абсолютно такого же вида, как и те, от которых погибли семеро товарищей на пограничной системе в родной Галактике.

Друзья пораженно переглянулись. Что это — невероятный сон? Где они? Кто их вытащил из аппарата и где живые разумные существа, создатели этих странных машин?

Ответа не было. Тысячи маленьких полусфер стояли неподвижно, а главная машина обливала людей волнами фиолетового неприятного излучения, и на антеннах у нее потрескивали искры.

Джон-Эй оглянулся вокруг. Неужели не появится хоть одно существо? Что за страшный, мертвый мир? Насколько достигает взгляд, вдаль тянется черный матовый пол с масляным отблеском, а на нем, будто сказочные черепахи, немые механические создания. Кому они подчиняются? Почему они распространились так далеко?

Ведь от этой планеты к системе красного карлика тысячи парсеков! Неужели этими машинами какая-то разумная раса завоевывает миры? Для чего?..

Множество вопросов кружилось в головах путешественников, и ни один из них не находил ответа.

— Что нам делать, Георгий? — растерянно спросил Джон-Эй. — Зачем нас поместили сюда? Или, может, с помощью машин хозяева планеты хотят разговаривать с нами?..

Георгий что-то хотел ответить, но не успел. Весь ряд разноцветных ячеек на большой полусфере вспыхнул красным светом, и люди вдруг почувствовали, будто чья-то всемогущая, жестокая, безжалостная рука врывается в их психику, выбирает холодными пальцами мозг и выбрасывает прочь. Это было страшное, несравнимое ни с чем чувство... Так продолжалось несколько секунд. Но за это мгновение, как показалось Георгию и Джон-Эю, непонятным образом перед внутренним взором промелькнула вся их жизнь, знания, чувства и все то, что у них было когда-то, теперь или в мечтах. Затем хаос прошлого закрылся тьмой, и властная невидимая рука, подняв людей с пола, поставила их на ноги.

Все было по-прежнему: через прозрачный купол лился в помещение океан яркого света от голубого светила, позади стоял, поднимаясь над головой, как ржавая гора, звездолет, и стояли вокруг бесчисленные ряды машин. Только в главной полусфере внутри вдруг прекратилось движение, спереди открылся черный прямоугольный проем и неожиданно послышался необычный для слуха людей Земли, но, безусловно, человеческий голос. Он сказал чистым земным языком, тем, на котором говорили космонавты:

— Кто вы?

Люди на какое-то мгновение онемели от неожиданности. То, что машина говорила, не было чудом. Через нее

могли говорить разумные существа, которые где-то прячутся. Но как они узнали язык людей, живущих за десятки тысяч парсеков отсюда, в другой системе? В сознании Георгия начали зарождаться неясные подозрения, но опять прозвучал властный вопрос металлическим голосом:

— Кто вы? Вот ты, чье имя на твоём языке Георгий! Отвечай!

— Кто нас спрашивает? — наконец сказал Георгий, оправившись от удивления. — Почему вы прячетесь от нас, хозяева планеты?

— Я говорю с вами, я, что стою перед вами! — последовал ответ из черного отверстия. — Итак, отвечайте — кто вы?

— Мы — люди! — решительно ответил Георгий. — Если вы понимаете наш язык, то, надеюсь, поймете и что это значит!

— Что такое люди? — безразлично спросила машина. — Вы похожи на Идею, которая породила меня!..

— Какую идею? — ничего не понимая, прошептал Джон-Эй. Он слушал разговор, не осознавая, сон это или явь.

— Вот она — посмотрите сюда!

После того, как раздался голос с верхушки полусферы ударил тонкий луч справа от людей и показал на бледно-зеленое сферическое здание, которое возвышалось недалеко от них на расстоянии примерно тридцати метров. Прозрачные стены его переливались мягкими оттенками в лучах звезды. Внутри сферы виднелся черный пьедестал. На нем стояла в своеобразном прозрачном саркофаге прекрасная обнаженная женщина с длинными волосами огненного цвета. Тело ее было божественно правильно, смугло-розового оттенка. Оно будто излучало чудесную гармонию, которую так самоотверженно искали и ищут множество художников всех цивилизаций.

— Женщина! Женщина, похожая на нас! — тихо шептал Джон-Эй, не имея сил оторваться от чудесного видения.

— Что все это значит?! — закричал Георгий. — Почему эту женщину вы называете идеей? Кто говорит с нами? Где мы?..

— Очень много вопросов, — последовал сухой ответ. — Вы не научились еще экономить мысль. Я бы и не отвечал вам, жалкие порождения чужого мира!.. Но я скажу вам обо всем. Затем вы узнаете — почему!

Георгий ущипнул себя за руку, протер глаза. Нет, это не снится. Страшный, фантастический мир существует в действительности.

Вот к космонавтам подплыли две грибовидные машины с рядами щупалец. Они обхватили ими беспомощных людей и понесли их в черное отверстие, под грунт. Не успели космонавты опомниться, как чудовища опустили их в большом сферическом зале, залитом морем искусственного света. Вокруг рядами росли причудливые бледно-розовые листовенные деревья — от них шел удушливый аромат, напоминающий запах ягод.

Впечатления от этого запаха было такое, будто кто-то набивал, втискивал во все поры тела, в каждое его отверстие насыщенный концентрированными эссенциями раствор.

Машины остановились по бокам. В конце длинного прохода, между рядами растений, виднелось что-то вроде трона. На этом сиденье пошевелилось живое существо. Затем раздался громкий металлический голос:

— Подойдите сюда!..

— Наконец, — радостно откликнулся Георгий. — Это, кажется, разумное существо...

— Не спеши с выводами, — мрачно ответил Джон-Эй. — Идем!..

Они медленно двинулись к странному созданию, на ходу разглядывая его.

Это был человек иного мира, настоящий человек, но очень гадкий. Одежда его состояла из черного широкого покрывала, из-под которого виднелось только коричневое, морщинистое, с крючковатым носом и подслеповатыми глазами лицо. По бокам причудливого трона, где сидело существо, расположились сложные агрегаты каких-то автоматов. Прозрачное их покрытие слабо светилось, в круглых отверстиях пробегали фиолетовые ряды в форме зигзагов. Черно-желтая, сухая рука существа лежала на круглом пульте со многими непонятными знаками на маленьких дисках.

Человек другого мира несколько минут не сводил взгляда слезящихся глаз с космонавтов. Георгий тяжело вздохнул, протер глаза. Не снится ли все это? Что за отвратительный кошмар?..

Но вот существо зашевелилось. Открылся рот. И тогда снова раздался металлический голос:

— Вы хотели знать, где вы и что с вами?..

Георгий удивленно оглянулся. Неужели эта дрянь имеет такой голос? Нет, это, видимо, автоматы переводят ее язык на язык людей Земли! Но как же это создание узнало язык далекого мира?

Размышления Георгия прервал голос Джон-Эя. Он сказал:

— Да! Мы хотим знать все! Кто вы? И куда мы попали?

Раздался неприятный звук. Казалось, будто существо смеялось.

Его веки открывались и снова закрывались. Из-за них выкатилась мутная слеза. Наконец, послышался тот же странный громкий голос:

— Скажу. Все скажу. Вы — в центре Мироздания. Я — его Хозяин. Я и Железный Диктатор, которого вы видели. О, он немного лишнее говорит, я дал ему слишком много

ненужных качеств, но свои обязанности, мою волю он выполняет четко и безошибочно... Так вот. Когда-то на этой планете тоже бурлила никчемная жизнь. Ха! Борьба, мечты, устремления, поиски Истины!.. Мир был хаосом идей! А я — я понял правильный путь! Женщина, та, что вы видели, была против меня, но я победил. У меня были друзья, мы Управляющего автоматикой планеты превратили в Железного Диктатора, придав ему функций мышления. И я стал выше людей, я понял, что по железному закону бесконечного развития всего сущего на смену слабым и ничтожным смертным существам — мелочным, непоследовательным, сварливым и грязным — придут машины — бессмертные, с железной логикой, с безошибочной реакцией, придут и покорят весь Космос...

— Но ты же не машина! — неожиданно резко крикнул Джон-Эй. — Ты умрешь!..

— Нет, — гордо ответило существо. — Видите эти растения? Они выделяют газ — квинтэссенцию жизни! Мне не надо пищи. Я вдыхаю этот газ, и я буду жить вечно!..

Космонавты переглянулись. Ужасные идеи чудовища не воспринимались их психикой.

— Мы поняли верный путь! — продолжало существо, и казалось, что его уродливые глаза загорелись блеском. — Кто был против — тот уничтожен. Только избранные стали жить, как боги!..

«Как твари!» — с отвращением подумал Георгий, а существо восторженно гремело:

— Теперь я остался один из великой касты! Один, потому что я бессмертен! Я — и Диктатор, мой верный слуга! Став Хозяином планеты, я направил ум Диктатора, который бесконечно развивается, во все концы пространства... Теперь я уничтожил жизнь на всех заселенных планетах галактики, которую вы называете Большое Магелланово Облако, а также на границах вашей Галактики. Я оставил женщину, которая создала когда-то Диктатора, —

единственного представителя бывшей человеческой расы, как воплощение Идеи, что создала высшую форму разума — механического, непобедимого, единственно правильного, на который не действуют внешние факторы. И когда вся бесконечная Вселенная будет в моей власти, я брошу эту бесконечность к ногам Идеи, потому что ради нее я думаю и завоевываю миры!..

— Но ведь мир бесконечен, значит, никогда ты не достигнешь цели! — закричал пораженный Георгий.

— Жалкий твой ум, — ответило существо. — В моем распоряжении бесконечные возможности, непонятные тебе силы, неисчерпаемая энергия. Ты видел, как легко я притянул к планете твой достаточно сложный звездолет, как перед этим на границах Галактики я уничтожил твой экипаж, как мгновенно я изучил твой язык, проникнув с помощью Диктатора в твою психику. А чтобы ты не сомневался в моей бесконечной власти, я поставлю тебя рядом с этой женщиной, и ты, как и она, будешь воплощением древней Идеи. И ты будешь стоять так до тех пор, пока не будет уничтожена жизнь во Вселенной... Когда наступит время, я разбужу тебя, верну к жизни. Вот почему я говорю с вами, мизерные представители далекой расы! А теперь — хватит! Я покажу вам свое царство, покажу, как я осуществляю власть над миром, а затем произойдет то, что я решил!..

Ошеломленные люди не могли проронить ни слова. Но для этого не было и времени. Сзади подплыла машина; она быстро приблизилась к людям, остановившись над их головами, распростерла причудливые паукообразные щупальца-руки...

БОЙ В ВОЗДУХЕ

Разум космонавтов был на грани безумия. Сознание не смогло полностью понять поток невероятных впечатлений, воля, которая не привыкла преодолевать таких испытаний, была раздавлена силой чудовища. Георгий, инстинктивно поняв опасность, перестал думать, закрыв психику завесой равнодушия... Впрочем, чего они могли ожидать?

Здесь борьба не приведет ни к чему!..

Механические щупальца схватили людей, подняли их в воздух. Друзья почувствовали, как легкая и мощная сила несет их над черным полом вон из помещения отвратительного существа... Промелькнули ряды машин. Вот уже огромный ангар внизу, они вылетели на чистый воздух...

Георгий почувствовал, как в голове посвежело, возвращалась ясность мысли. Значит, ослабла страшная воля Железного Диктатора. Космонавты сидели на некоем подобии стула, туловище их охватывали щупальца, а летательной машиной служила стереотипная универсальная полусфера, которых было так много вокруг Диктатора...

Джон-Эй пока что молчал. Он, как и Георгий, впился взглядом в пейзажи планеты, проплывающие внизу. На сотни километров за горизонт тянулись ряды ангаров, немного меньших за тот, где стоял Диктатор, но одинаковых во всех деталях. За прозрачными кровлями можно было увидеть сотни и тысячи тех же машин. И вот, наконец, внизу показались другие здания. В них работали машины других типов. Не видно было ни одного движения, ни одного колеса или маховика. Только над колоссальными агрегатами пульсировали разноцветные огоньки сигналов...

— Какой кошмар! — слышался сдавленный голос Джон-Эя. — Ни одного деревца! Голая пустыня!..

Георгий встретил взгляд товарища, пожал плечами.

— Друг, не это теперь нас должно интересовать! Вот куда несет нас эта проклятая таратайка?

— Ты же слышал, — горько перебил его Джон-Эй, — урод показывает нам свое царство! Скажи, как могло случиться, что здешние люди загубили сами себя?..

— Это страшная ошибка, она может быть повторена и в другом мире... — ответил Георгий.

Джон-Эй резко повернулся к товарищу.

— Ты хочешь сказать, что и у нас?..

— И у нас... — грустно склонил голову Георгий. — Это более всего мучает меня. Умереть не страшно! Если бы только была возможность сообщить об этом кошмаре людям!.. Машина — Железный Диктатор — получила от ученых-маньяков и этого гадкого «хозяина» такие ужасные задатки, которые теперь гипертрофировались до бесконечности. Страшен не тот полуживой маньяк, страшна сама машина. Ведь она автоматически управляет миллионными армиями механических чудовищ. Наша система должна узнать об этом...

— А что это даст? «Что сможет человечество противопоставить этой бесконечной мощи?» — недоверчиво спросил Джон-Эй.

— Сможет, — понизил голос Георгий, будто боялся, что его кто-то услышит. — Ты забыл, что Диктатор имеет односторонний ум. Он не получил ни наших чувств, ни разносторонности, ни живого интеллекта. Он берет только молниеносностью своих реакций и энергетическим могуществом. Но человек, ты понимаешь, человек с живым умом, может и должен победить его!..

— Молчи, Георгий, — закрыл ему рот рукой Джон-Эй. — Может, он на расстоянии слышит нас... Надо думать,

как нам спастись. А если не спастись, то хотя бы погибнуть по-человечески...

Друзья замолчали и, лихорадочно обдумывая ситуацию, начали оглядываться вокруг. Равнина внизу перешла в гряды невысоких холмов и скал. На черных склонах торчали остатки деревьев. Они были рыжие, без листьев. Чуть дальше стояли, как колонна войска, столбы. Осмотревшись, люди узнали в тех столбах уничтоженный, будто пожаром, лес.

— Ничего, ничего железному чудовищу не нужно! — простонал Джон-Эй, с отчаянием осматривая безрадостный горизонт.

Пейзаж внизу поплыл скорее. Машина, которая несла людей, опустилась ниже. На горизонте выросли скалы, горные хребты, слева расстилалась пустыня. Ветер гнал по ней волнистые, совсем такие, как на Земле, красные барханы. Одно за другим появлялись здания с разбитыми, разрушенными верхами. Машины в них были неподвижны, покрытые слоем ржавчины и грязи.

— Смотри, Георгий, — удивленно указал туда рукой Джон-Эй. — Значит, Диктатор использует не все достояние людей?!

— Это вполне логично, — равнодушно ответил Георгий. — Ему нужно только то, что помогает осуществить его маниакальные цели, заложенные конструкторами...

На высокой вершине хребта люди увидели огромную башню, которая достигала прозрачных облаков. На башне был смонтирован грандиозный, на полкилометра в диаметре, сетчатый рефлектор, а ниже еще несколько меньших. Очевидно, это была сверхмощная энергетическая установка. Друзья не успели как следует рассмотреть ее, потому что летательный аппарат совсем снизился и полетел над рекой или каналом, где блестели остатки воды и ползла к пескам пустыни бедная, жалкая растительность бледно-розового цвета.

Джон-Эй вдруг дернул за рукав товарища. Глаза его горели упорством. Он показал позади себя. Георгий бросил туда взгляд и понял товарища. На верхушке полусферы стояла параболическая антенна. Она была обращена в одном направлении. Когда машина меняла курс, антенна автоматически восстанавливала нужное направление. Очевидно, эта антенна соединяла полусферу с Диктатором и источником энергии.

— Эх, если бы... — прошептал Джон-Эй.

— Что?

— Сорвать ее...

— А осилим?..

— Думаю, что да. Посмотри! Она совсем слабенькая, кроме того, направленного действия. Повернуть — и все! Приток энергии или сигналов прекратится!

— А потом?..

— Упадём вниз... Найдём убежище. А дальше я не хочу даже думать! Лучше смерть! Ты забыл, что, облетев во круг планеты, эта таратайка принесет нас снова к Диктатору!..

Георгий кивнул головой. Внизу плыли гряды песков, полосы фиолетовых мхов или трав, маячили ряды старинных зданий, разрушенных, искалеченных, заметенных пылью, заросших примитивными растениями.

По сигналу Джон-Эя друзья повернулись на сиденье, насколько позволяли щупальца машины, что держали их за туловище, и вместе схватились за антенну. Антенна зашаталась под тяжестью двух тел. Георгий почувствовал, как мощный разряд парализует ему руки, затуманивает мозг.

— А-а-а! — дико закричал Джон-Эй.

Машина неуверенно закружилась в воздухе и начала падать вниз, прямо на высокий бархан. Затем она выровнялась, снова завертелась на месте.

Георгий почти потерял сознание. Последние проблески сознания он вложил в попытку сохранить равновесие, но струи энергии, которые проходили через его тело, толкали в черную пропасть. Джон-Эй совсем взбесился. Глаза его на худом лице стали похожими на гигантские фонари, наполненные безумием и отчаянием.

Выкрикивая проклятия, он затряс антенну и почувствовал, как падает вниз вместе с ее обломками и машиной, потерявшей управление.

Удар! Сознание четко работало. Тело скользнуло по склону бархана и покатилося в долину. Поднялось облако песка, пыль набилась в рот и нос. Кашляя, Джон-Эй вскочил на ноги. Оглянулся.

Где Георгий? Ага! Вот он. В двадцати метрах, среди кактусоподобных растений. Он не шевелится...

Превозмогая боль в спине и ногах, Джон-Эй бросился к товарищу, припал к нему. Сердце работало, хотя лицо и

руки Георгия были совсем синими, с багровыми пятнами под кожей.

Джон-Эй подбежал к каналу, который протекал рядом. Среди рыжих каменистых берегов струилась зеленоватая вода. Джон-Эй припал к ее холодной поверхности, обмакнул голову, напился. Это сразу освежило. Затем он снял с себя куртку, намочил ее, сорвал какой-то широкий красный листок неизвестного растения и, скрутив его вонюшкой, набрал воды. С такой ношей он осторожно добрался до Георгия, влил ему воду в рот. Окутав мокрой курткой голову товарища, Джон-Эй в изнеможении прилег на песок, чтобы несколько минут отдохнуть.

Только теперь он понял всю сказочность пережитых событий, понял, что они совсем в чужом мире, где нет спасения, не на кого надеяться. Над ними нависло розовое сияющее небо — такого цвета нельзя было бы и придумать, — а на этом фоне быстро падало вниз маленькое, но очень ослепительно голубое светило.

Порыв ветра нарушил тишину, зашелестел песок, который сыпался с вершины бархана. Больно впился в тело толстый белесый листок с колючками. Джон-Эй вскочил на ноги. Достаточно отдохнуть! Железный Диктатор, наверное, послал погоню! Надо где-то прятаться. Может, побежать в руины старых зданий? Там механические чудовища, видимо, не найдут их!..

Джон-Эй затряс Георгия.

— Вставай! Слышишь, друг?..

Георгий открыл глаза, застонал. Увидев, Джон-Эя, несколько минут пытался понять, что произошло. Потом в его глазах появилось осознанное выражение, он все вспомнил, слабо улыбнулся.

— Живы?..

— Живы, живы! — нетерпеливо ответил Джон-Эй. — Надо где-то прятаться...

— Ты думаешь, погоня?..

— Да! Бежим к руинам! Здесь недалеко... Потом подумаем, что делать...

С огромным усилием Георгий встал на колени, обнял Джон-Эя за шею и выпрямился. Долинкой, не выходя на гору, друзья направились к развалинам. Справа, на бархане, осталась разбитая полусфера. Джон-Эй в последний раз посмотрел на нее, покачал головой.

— Даже воспользоваться нечем, — сказал он. — Куча металла...

— Нет, очень совершенная машина, — возразил слабым голосом Георгий. — Чрезвычайно упрощена. Нам еще и не снились такие универсальные машины...

Они подошли к отверстию в темно-зеленой стене странного ромбического здания. Все было заросшее мхом и травами светлых цветов. Друзья осторожно вошли внутрь. На черном полу виднелись островки рыжего песка. Ослепительные лучи голубого светила смягчались здесь стенами, и жара не ощущалась.

Георгий поднял голову, оглядел потолок, что скрывался в синеватых сумерках, грустно покачал головой.

— Ну... что же теперь?... Конечно, я начальник экспедиции, и мне надо решать... Но экспедиции уже нет... Есть только два несчастных беглеца. Одни среди непонятного и чуждого мира!

Джон-Эй угрюмо молчал.

— А впрочем, — продолжал Георгий, — стыдно нам опускать голову. Умирать, так умирать!.. Давай найдем убежище и подумаем.

Вдруг Джон-Эй схватил Георгия за руку и потянул прочь от отверстия, в глубину помещения.

— Что? — спросил Георгий.

— Погоня! — сдавленным голосом прошептал Джон-Эй. — Они совсем недалеко, кружат над барханами...

Георгий прислонился к стене, закрыл глаза.

— Я больше не могу, — простонал он. — Конец!

Бледный, как смерть, Джон-Эй беспомощно стоял возле товарища. Он слышал, как с резким свистом над помещением пролетело несколько машин. Сейчас они нащупают людей локаторами, и тогда все...

Эх, если бы хоть оружие какое-нибудь! Даже себя убить ничем!..

Вдруг произошло неожиданное, невероятное. Часть стены отодвинулась, за ней появилось отверстие. Несколько фигур выскочили из него и, схватив людей, повлекли их вниз. Отверстие закрылось. Стало темно. А неизвестные существа бесшумно, мягко, но властно вели Георгия и Джон-Эя по темным переходам куда-то в глубину...

НЕОЖИДАННЫЕ СОЮЗНИКИ

...Впереди засиял свет. Темный коридор перешел в высокую пещеру, освещенную голубоватыми шарами, которые рядами шли вверх. Навстречу прибывшим со всех сторон высыпали десятки существ. Джон-Эй и Георгий с удивлением отметили, что это были настоящие люди высокого роста, очень красивые и сильные, со смугло-розовым оттенком кожи.

Где они видели такой цвет кожи? Ага, у женщины под прозрачной сферой в резиденции Диктатора.

Друзья удивленно переглянулись.

— Значит, Диктатор не уничтожил всех? — сказал Георгий. — Друг! Мы сможем что-нибудь придумать! Посмотри, у них есть освещение, значит, есть и технический потенциал!..

Джон-Эй не успел ответить. Один из тех, кто привел их сюда, — молодой, с орлиным носом, одетый в зеленую накидку, — поклонился, показал рукой в боковой проход,

приглашая зайти. Глаза его излучали гостеприимство и непонятную тревогу. Толпа живо переговаривалась между собой на странном языке, звуки которого имели чрезвычайно широкий диапазон в тональности. Люди Земли зашли вслед за проводником в боковое помещение. Оно было достаточно большим, но большую его часть, не менее трехсот метров, занимали какие-то агрегаты, прикрытые сферическими колпаками. Свет, падающий с потолка, отражался в черной полу. На возвышении, вдоль стен стояли разные приборы.

— Клянусь, это остатки расы, которую загнала под землю машина! — прошептал Георгий.

Джон-Эй в знак согласия кивнул. Их провели в конец зала. Там в кресле сидел закутанный до самого горла в черную мантию старый, морщинистый человек. Его запавшие глаза впились в лица прибывших. Скоро они загорелись огнями любопытства и дружелюбия. Старик бросил проводнику несколько слов. Тот подсунул людям два стула — простые, прямоугольной формы, сделанные из черного легкого материала. Георгий и Джон-Эй сели.

— Кто он? — сорвался вопрос из уст Георгия. — Правитель, вождь или ученый?..

Ответа не было. Человек другого мира поднял руку, показал пальцем на свою грудь.

— Ио-тинаас! — прозвучала серебристая раскатистая фраза. — Ио!

— Это его имя, — сказал Джон-Эй. — Ио!

Человек закивал головой и вопросительно показал пальцем на Георгия и Джон-Эя. Те назвали свои имена. Ио внимательно и очень правильно повторил их. Затем он, не поворачивая туловища, правой рукой потянулся к пульта, который был рядом, и что-то включил. Свет погас. Слева от Ио загорелся экран. На нем появилось изображение планеты, что, вращаясь, плыла в пространстве.

Ио сказал слово. Оно звучало в земной произношении очень странно:

— Лоо-прраситария...

Показалось ослепительно голубое солнце.

— Си-немма! — сказал Ио.

Таким образом он назвал несколько предметов, понятий, а затем, снова начав демонстрацию сначала, ткнул пальцем в сторону Джон-Эя и Георгия.

— Он хочет, чтобы мы называли все это своим языком, — сказал Джон-Эй. — Но для чего?..

— Лучше ничего не спрашивать теперь, — прошептал Георгий. — Ясно, что они наши друзья и союзники, и надо скорее объясниться с ними...

Ио терпеливо ждал, пока гости говорили. Наконец Георгий посмотрел на экран и начал говорить, называя каждый предмет, который показывался. Так было долго. Георгий заменил Джон-Эй. Прошло несколько часов. А старый Ио неустанно просил людей Земли называть все более и более сложные понятия. Наконец, космонавты устали так, что едва шевелили языками. Сказывалась невероятная усталость и пережитые приключения. Ио заметил это. Экран погас. Как только стало темно, всемогущий сон поборол друзей, и они забылись в тяжелых кошмарах...

...Проснулись Джон-Эй и Георгий в тех же креслах. Вокруг было мягкое голубое освещение, со своего кресла ласково улыбался Ио. Перед ним уже стоял низенький стул с несколькими темно-зелеными тарелками, на которых лежали длинные волокна то ли мяса, то ли плодов. Не думая об этом, друзья жадно набросились на еду. В тело вливалась энергия, мысль становилась яснее — это было главное! Поев, Георгий благодарно поклонился Ио. Тот ответил улыбкой. Затем снова пригласил есть.

Друзья ждали чего-то необычного. Об этом говорил вид Ио. Он снова включил что-то на пульте и сказал

несколько слов. Но вместо чужого голоса из раструба динамика рядом с Ио прозвучали земные слова, правда, с необычным произношением:

— Я приветствую вас, далекие братья наши!..

Люди Земли не удивились. Они поняли, что Ио специально спрашивал их вчера названия предметов и понятий на земном языке для того, чтобы говорить с ними с помощью переводной машины.

— Я счастлив, что встретил среди этой пустыни похожих на нас, — радостно ответил Георгий.

Джон-Эй тоже склонил голову в знак солидарности. Торжествующее выражение появилось на лице Ио. Глубокие морщины разгладились. Он сказал:

— Вы стали жертвами Диктатора, я понял это сразу. Вам удалось счастливо вырваться. Мы первые пострадали от него.

— Но разве не ваша раса виновата в том, что целая галактика завоевана бездушным уродом? — спросил Джон-Эй. Георгий дернул его за куртку. Однако старый Ио не обиделся. Печально опустив голову, он ответил:

— Это правда. Я тоже в определенной степени виноват. Я был ассистентом у главного инженера, который сконструировал Управляющего всей автоматикой планеты...

— Это женщина? — спросил Георгий, взволнованно протягивая руки к Ио.

— Да, — удивленно ответил старый ученый. — Но откуда вы знаете?..

— Мы видели ее...

— Где? — встревожился Ио.

— Там... в помещении, где стоит Диктатор. Она под прозрачным покрытием...

Георгий коротко рассказал Ио о разговоре с уродливым человекоподобным существом. Старый ученый, выслушав его, затрясся в беззвучных рыданиях. Люди

Земли беспомощно смотрели на него, не зная, чем помочь.

— Простите, — наконец сказал Ио. — Стар я уже, не выдержал. Эта женщина — мой учитель! Она самый выдающийся ученый нашей системы. Ее имя — Сиой, что значит Заря. Все одиннадцать населенных планет нашего солнца преклонялись перед ее умом. И вот что случилось. Тот человек, которого вы видели — Ро, помощник Сиой. Это было девяносто лет назад...

Космонавты, затаив дыхание, слушали страшное повествование о судьбе гигантской системы. Все было невероятно, сверхъестественно, ужасно. Беда упала на человечество неожиданно. Сиой сконструировала Управляющего автоматикой планеты. Это была сложная квантово-гравитационная машина с зачатками технического мышления. Человечество освобождалось от каторжного громоздкого труда, выходило на светлую дорогу прогресса. И вот Ро предложил Сиой передать машинам функции всего мышления. Он утверждал, что это создаст условия для золотого века. Сиой была категорически против. Она считала, что самая большая радость для Человека — это мышление, способность мечтать и осуществлять свои мечты. Тогда Ро пошел на преступление. Он и ряд других ученых, поддержавших его, самовольно предоставили Управляющему агрегату функции мышления.

Сиой обратилась к общественным организациям. Совет народов начал требовать устранения Ро от работы в области автоматике. Но тут случилось страшное. Ро использовал положение и пустил в ход множество универсальных машин, которые подчинялись Управляющему агрегату. Человечество было сломлено. Большинство погибло, остальные спрятались под землей. Кучка ученых стала властителями мира с помощью машин...

— Так появился этот Железный Диктатор! — грустно сказал Ио. — Каста «властителей» понемногу выродилась.

Бездействие, разврат, никчемная жизнь привели всех их к гибели. Остался только Ро, которого вы видели... И еще — Сией!.. Бедная Сией!.. Я знаю, Ро добивался ее любви. Он любил ее! Но, наверное, она и в самые критические дни не согласилась! Она, очевидно, в состоянии анабиоза... Она — создатель машины, и машина же держит ее в плену!.. Весь мир лег перед волей Диктатора!.. — тихо закончил старый ученый.

— Не весь, — возразил Георгий. — Разве мы прилетели не из свободного мира?..

— А что вы можете сделать? — покачал головой Ио. — Вести в свою систему не передадите, сами же вы бесильны!..

— А вы, вы почему сидите, ничего не делаете? — почти закричал Джон-Эй. — Разве у вас нет технических средств? Я вижу электронные и квантовые машины, электричество. У вас есть энергия и научные знания...

Ио поднял сухую руку, оборвав вспылчивые слова Джон-Эя. Затем выдавил из себя:

— Не все сразу. Мы готовимся к борьбе с Диктатором давно, но для этого нужны сотни, а может, и тысячи лет.

— Но вы же умрете к этому времени! — воскликнул Джон-Эй. — Да и не только вы, а все, кто сейчас живет в подземельях!..

Ио грустно улыбнулся, ласково положил руку на плечо Джон-Эя.

— Ну и что? Мы умрем, но наши потомки будут свободными. Я уверен, что они не повторят нашей ошибки!..

— Вы забываете, что за то время, пока вы будете готовиться, Диктатор посеет страшное опустошение во многих системах!

— Другого выхода нет! — склонил голову Ио. — Наш план рассчитан на кропотливый труд многих поколений... Мы уже отыскали несколько подземелий с остатками людей, объединили все ресурсы и знания. План

такой: постепенно узнать основные жизненные, энергетические центры Диктатора, провести туда тоннели и одновременно уничтожить их...

— А потом? — заинтересовавшись, спросил Георгий.

— А потом все будет просто!.. Все автоматы, все машины без приказов Диктатора мертвы. Это, может быть, наше счастье, что им не предоставлена возможность действовать самостоятельно... После уничтожения Диктатора люди смогут спокойно выйти на поверхность и породить жизнь... Ничтожное чудовище Ро не страшно без машин...

— Тысячи лет! — не сдержавшись, ударил кулаком по креслу Джон-Эй. — Нам тоже придется умереть в этих подземельях!.. А тем временем железное чудовище может достичь нашей системы.

— Не в том дело, — перебил его Георгий. — Дело не в нас...

Повернувшись в Ио, он с надеждой спросил:

— Неужели нельзя неожиданно напасть на Диктатора и уничтожить его сейчас?..

— Это невозможно. Вся поверхность планеты контролируется локаторами. Ро уничтожает все, что не относится к миру машин...

Георгий обессилено опустил в кресло, замолчал.

— Неужели у вас не найдется добровольцев, которые бы пожертвовали собой? — спросил Джон-Эй у старика.

— Пожертвовали? — удивился Ио. — Зачем?..

— Откуда получает Диктатор энергию? — продолжал Джон-Эй.

— Энергетических центров тогда было много, — ответил старый ученый, — но основная масса энергии направлялась к Диктатору через параболическую антенну в горах Вио-литта.

— Мы видели ее, помнишь, Георгий?! — воскликнул Джон-Эй. — Это замечательно!

— Что? — не понял Ио.

— Надо уничтожить антенну, и Диктатор будет лишен энергии!

Джон-Эй сорвался с места, он торжествовал. Георгий с сомнением покачал головой.

— Диктатор восстановит антенну или переключится на другие, — колеблясь, сказал Ио. — У него, наверное, есть аккумулированная энергия... Но не мог не предвидеть такого случая!

— Это единственный выход! — не успокаивался Джон-Эй. — Мы сможем тогда захватить наш корабль и улететь отсюда!..

— А мы? — спросил Ио.

— Вы? Вы начнете новую жизнь, восстановите цивилизацию!.. Наша система поможет вам!..

— Так что же мы сделаем?..

Джон-Эй прошелся по залу, разворошил пепельные волосы.

— А вот что, — наконец остановился он. — Надо действовать немедленно, пока Диктатор не погубил корабль. Взрывчатка у вас есть?..

— Попробуем найти...

— Нужно несколько мощных зарядов. Урановых. Пойдем мы... и несколько ваших людей... Найдутся желающие?..

Ио молчаливо поднялся с кресла, открыл дверь в коридор и бросил несколько слов. Через минуту в зал вошли три юноши. Голубая одежда плотно облегла их прекрасные стройные тела. Они сдержанно посмотрели на гостей, потом подошли к Ио и замерли неподвижно.

— Сыны мои — тихо начал говорить Ио. — Вы не знаете прежнего прекрасного мира, который был на нашей планете до царства Диктатора. Вы родились в подземельях. Но такая жизнь недостойна человека. Мы уже начали впадать в отчаянье, думая, что у нас нет выхода. Случайно к

нам попали далекие друзья из другой галактики. Они потерпели катастрофу. Но ясность мысли подсказала им путь к спасению. Правда, спасая других, спасая мир, надо кому-то пожертвовать жизнью. Зато тогда придет время, когда наши дети будут рождаться под голубым солнцем, а не во тьме, и вокруг будет бесконечный мир, а не черная яма, где трудно дышать...

Вперед выступил высокий, плечистый юноша с открытым лицом, черными глазами и огненными волосами. Он мягко перебил Ио:

— Отец! Что надо делать и когда? Мы готовы!..

СНОВА ПЛЕН

...Георгий и Джон-Эй пробирались по ущелью к резиденции Диктатора. Их вел юноша, один из тех, которые шли на смерть ради будущего. Другие, наверное, уже были недалеко от гигантской антенны в горах. В точно назначенное время, когда на небе появится большой круг спутника планеты Мани-оо, герои должны включить атомную взрывчатку, чтобы уничтожить антенну, а юноша, который провожает гостей, пробьет кровлю резиденции Диктатора. Георгий и Джон-Эй проникнут внутрь и обезвредят машину. Таков был план, разработанный лишенными техники людьми против всемогущего Диктатора и его хозяина Ро.

Ясно сияли огромные звезды на черно-кровавом небе, призрачные тени людей прыгали по темно-рыжим пескам. Где-то на горизонте периодически мелькали тонкие лучи. Очевидно, там работали какие-то машины.

Наконец, юноша остановился. Пораженные люди Земли только теперь заметили прозрачную кровлю ангара, где прятался Диктатор. Она поднималась в

неизмеримую высоту темного неба. Трое смельчаков поползли между скалами, увлекая за собой цилиндр с зарядом взрывчатки. Метрах в ста от мощной стены ангара юноша остановился, взял цилиндр себе и протянул обе руки людям Земли. Глаза его горели пламенем отваги в слабом свете звезд. Георгий и Джон-Эй горячее пожали крепкие ладони смельчака.

— Имя? «Как твое имя?» — прошептал Джон-Эй. Юноша недоуменно покачал головой, что-то сказал низким мелодичным голосом.

— Ты забыл, что мы не знаем их языка, а переводной машины здесь нет, — сказал Георгий.

Юноша махнул рукой и пополз к стене. Вскоре он исчез между нагромождениями скал. На горизонте посветлело. Облака в вышине засеребрились. Затем выкатился краешек бледно-зеленого диска. Это взошел Мани-оо — спутник планеты. Сердца людей сжались. Сейчас! Время начинать!

Глухой взрыв потряс землю. Яркое, ослепительное сияние появилось на горизонте, расплылось по небу и быстро погасло. Только темное облако накатило на Мани-оо и закрыло его.

Георгий вытер крупный обильный пот со лба, сжал руку Джон-Эя. У ангара грянул второй взрыв. Он был намного слабее, чем первый. Люди Земли вскочили и побежали прямо к ангару. Им навстречу шел, спотыкаясь, будто во сне, юноша. На виске у него темнела рана, по груди стекала кровь. Он упал на землю и затих. Джон-Эй склонился над ним, послушал сердце. Оно не билось!

— Прощай, друг, — тихо сказал Джон-Эй. Георгий поцеловал мертвого, схватил товарища за руку, и они бросились в огромный проем, который был прорван взрывом. В отсвете звезд уже маячил недалеко их звездолет, окруженный рядами машин. Они стояли неподвижно и

грозно. Значит, Диктатор лишен энергии?! Скорее к кораблю!..

Но радость космонавтов оказалась преждевременной. Не успели они миновать и нескольких рядов полусфер, как впереди возникло слабое фиолетовое сияние. Затем оно стало сильнее, слышалось тихое гудение.

Георгий испуганно остановился. Волосы у него зашевелилось.

— Это Диктатор! — в отчаянии воскликнул он. — Бежать к кораблю! Быстро!

Друзья, не разбирая, где машины, где проходы, кинулись, падая и снова вставая, к звездолету, который возвышался в туманном освещении далеко от них. Вот скоро, сейчас родной корабль защитит их от чудовища!..

И вдруг ярким пламенем вспыхнула гигантская полусфера Диктатора, на антенне вверху запылали искры, и люди остановились безвольные, парализованные. Туман беспамятства отчаяния накрыл их сознание...

Когда они пришли в себя, вокруг снова заливал все пространство океан ослепительного света, перед ними неподвижно стоял Диктатор и справа, под прозрачным покрытием, как и раньше, стояла прекрасная женщина, создатель ужасной машины.

— Вот и все, — едва слышно прошептал Джон-Эй.

Возле Диктатора что-то зашевелилось. Вперед выступила сморщенная фигура Ро. Он держал в руках портативный пульт с золотистыми дисками. Черный рот торжествующе смеялся. Смеха не было слышно, космонавты разбирали только какое-то отвратительное хлюпанье. И вот Ро успокоился, помрачнел и торжественно сказал:

— Вы пытались бороться со мной, бесконечно могучим и непобедимым! Посмотрите!..

Яркий свет дня внезапно погас. Перед людьми, как на экране, возникли странные картины страшного мира машин.

Автоматы добывали в подземельях руду, переплавляли ее, обрабатывали и делали детали; автоматы конструировали новые образцы смертоносного оружия, предназначенного для уничтожения живого мира; автоматы руководили гигантскими энергетическими станциями. Без конца автоматы, автоматы, автоматы! И все это подчинялось единому повелению — приказам Великого Диктатора, которому давал распоряжения Ро. Георгий и Джон-Эй видели, как армии страшных боевых машин в аппаратах, конструкция которых превосходила лучшие человеческие образцы, летели в окружающее пространство и сметали все живое со встречных планет и систем. И, преодолевая любое пространство за мгновенный отрезок времени странным излучением своего мозга, повсюду эти армии сопровождала железная, негибкая воля Диктатора.

Георгий застонал. Холодные пропасти Космоса и в них — планеты с сожженной, изувеченной поверхностью без всякого кустика, без живых существ. Только машины, машины! Вот чем было грядущее царство Железного Диктатора!

Вокруг снова заиграли лучи голубого дня.

«Наверное, прекрасным был этот мир до господства машин», — подумал Георгий, но его мысли прервал холодный голос Ро.

— Все! Для тебя исчезает современный мир! Ты проснешься в мире грядущего!

Джон-Эй с ужасом смотрел, как на боковых антеннах вертушки Диктатора заискрились огни. Где-то из глубины помещения поднялись в воздух странные аппараты и подплыли к Георгию. Какие-то механические руки умело сняли с него одежду, и вот аппараты понесли неподвижное обнаженное тело к прозрачной сфере, проникли со своей ношей внутрь и поставили ее на пьедестал, рядом с женщиной. Глаза Георгия были открыты, они с

немым вопросом смотрели куда-то над рядами машин в безграничную даль, где сияло огненное голубое светило.

— А тебя, что называешься Джон-Эй на твоём языке, я отправлю назад, в Космос, — слышался холодный, равнодушный голос Ро, — я не уничтожу тебя...

Джон-Эй уже не понимал ничего. Последним усилием воли он удержался на ногах и поднял глаза на отвратительную фигуру Ро...

Часть четвертая ОДИН СРЕДИ ЗВЕЗД

ПОСОЛ В ВЕЧНОСТЬ

...Перед глазами Джон-Эя поплыли разноцветные круги, очертания окружающих предметов стали расплываться. Огромная полусфера грозного Диктатора вдруг показалась ему мордой сказочного чудовища с зелеными и красными глазами, блестящими носом и черным ртом, похожим на глубокую яму. А из той ямы слышались неумолимые слова, которые замораживали разум:

— Я дарю тебе никчемную жизнь, жалкий микроб материи! Вот твой звездолет — лети в свою систему! И пусть вместе с тобой летит весть о том, что в другие системы тоже придет воля всемогущего Диктатора, и так до Бесконечности! Пусть знают все представители так называемого разумного биологического мира, что им больше не нужны знания, законы, интеллект. На смену этому идет мир бессмертных машин, подчиняющихся чистому разуму! Все! Иди!..

Черное отверстие в куполе пропало. Спиралью завертелось фиолетовое пламя внутри Диктатора. Джон-Эй беспомощно оглянулся, все еще не поняв, чего от него хочет железное чудовище. И вот он увидел позади себя родной звездолет. Ага, ему разрешается вылететь отсюда! Вылететь из этой проклятой планеты! Скорее, скорее!.. Ро злорадно засмеялся и где-то исчез.

Непослушными ногами Джон-Эй сделал несколько шагов. На антенне Диктатора вспыхнул розовый луч, и к человеку подплыли те же машины, которые поставили Георгия на пьедестал. Они подхватили Джон-Эя под руки и быстро понесли его над черным матовым полом к

аппарату. Скорее, скорее! Пусть закончится страшный кошмар! Нет, не кошмар! Он, Джон-Эй, с ужасом ощущает прикосновение механических рук к своему телу и, немного повернув голову, прощается взглядом с Георгием, который стоит неподвижно за прозрачной стеной рядом с прекрасной женщиной. Прощай, Георгий! Теперь ты не человек! Ты — Идея холодной, жестокой машины, которая хочет покорить весь мир.

Машины внесли Джон-Эя в отверстие звездолета, отпустили и мигом исчезли. Двери автоматически закрылись. И тогда страшная ярость закипела в сердце штурмана. Он быстро поднялся вверх, в кабину управления и, сев в командирское кресло, включил внешние перископы. Сейчас он ядерными излучателями уничтожит проклятого Диктатора, отвратительное чудовище Ро, разрушит этот мир механических теней! Но что это?..

На экранах вокруг — звездное небо, страшная планета уже далеко внизу и даже голубая звезда-гигант, которая породила чудовищную угрозу для Вселенной, быстро уменьшалась, исчезала в темном провале. Каким образом он попал сюда? Ведь аппараты не включены!..

Но вскоре Джон-Эй понял все. В перископ он увидел, как от корпуса звездолета отделились чужие летательные машины и полетели назад, к планете. А потом автоматически, в невероятном ритме, заработал двигатель корабля. Ро сам отправил звездолет из своего царства. Он предусмотрел все.

Побеждая непреодолимую тяжесть, Джон-Эй потянулся рукой к пульту. Но руки были непослушными, вялыми, а перед глазами плясали причудливые разноцветные тени. Джон-Эй встряхнул головой, чтобы отогнать хаотические образы, которые душили его психику. Напрасно! Все напрасно! Неумолимая тьма надвинулась отовсюду, закрыла мир. Джон-Эй застонал и потерял сознание...

БЕЗДНА

Текли секунды, годы, века. Для Бесконечности это не имело никакого значения. Где-то во Вселенной мчался корабль — металлическая коробка с полутрупом человека внутри. Загорались в темноте и гасли снова галактики — гигантские звездные системы; на белых спиралях «Мысли» мерцали лучи пролетающих звезд, позади таили шлейфы гигантских газовых туманностей... Так было долго, очень долго...

А Джон-Эй неподвижно лежал, откинувшись в кресле. Глаза его были закрыты, челюсти крепко сжаты.

Действительность проходила мимо. Человеческий дух спал в лабиринте парализованного тела.

Но вот настало пробуждение. В темноте зазвенела струна. Она прозвучала едва слышно, но это были звуки жизни, что держалась в немощем теле. Тихие аккорды становились громче, вызвали в сознании другие звуки. Лавина мелодии нарастала. Затем покатилась еще одна лавина. Вторая! Третья! Они встретились в необъятном пространстве, сплелись в огненном клубке. Гром! Удар! Во все стороны полетели искры. Горячее стало от тех искр, в мозгу запекло, и Джон-Эй открыл тяжелые веки...

Это вернулось сознание...

Джон-Эй долго не мог понять своего положения, смотрел на пустое кресло рядом. Но вот взгляд его упал на ряд фотографий товарищей слева от пульта. Показалось, будто глаза Георгия блеснули веселой, бодрящей улыбкой. И штурман все вспомнил. Вспомнил трагическое путешествие «Мысли» от Земли к царству машин.

Вместе с сознанием вернулась воля. Джон-Эй посмотрел на перископы. Снаружи была тьма! Значит, антиполе включено? Кто это сделал? Наверное, он сам, когда был в состоянии обморока!

Штурман решительно включил автоматы. В иллюминаторах засияли звезды. Они объединялись в серебряный трепетный шар, который висел в пространстве левее курса корабля. Но это не родная Галактика! Куда залетела «Мысль»?

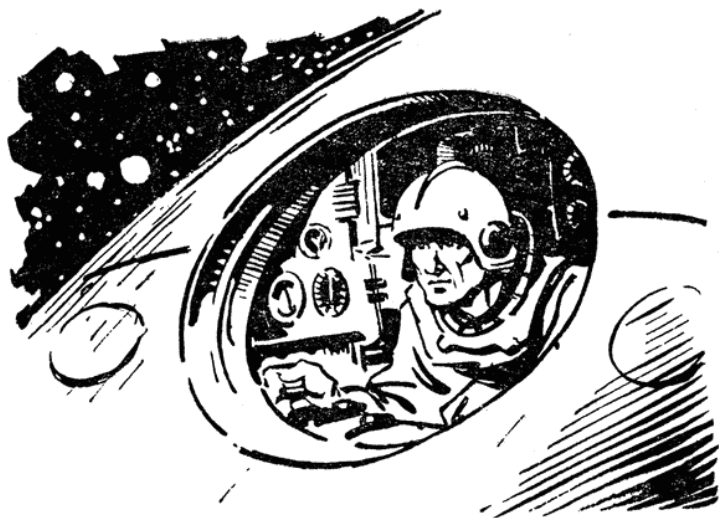
Взглянув на атомные часы, Джон-Эй ужаснулся. Корабль летел около трех часов по относительному времени. На Земле за этот же отрезок времени прошли тысячелетия. Быстро проведя с помощью счетной машины расчеты, штурман оцепенел от неожиданности. «Мысль» пролетела не менее пяти миллионов световых лет! Где же она находится? Куда летит? Как найти верное направление?..

Страх начал закрадываться в мужественное сердце Джон-Эя, сжал его холодными лапами. Конец! Смерть! А может, это и есть смерть — полет, бесконечный полет в металлическом гробу среди пустыни пространства?!

Джон-Эй посмотрел на портрет Георгия, и будто силы влились в его измученное тело. Нет! Надо бороться! Надо во что бы то ни стало довести «Мысль» к Земле! Он здесь не просто одинокий человек среди Космоса, он посланник далекой Родины в будущее, он — воин великой армии Разума!..

Перед взором штурмана проплыли далекие, волшебные воспоминания — образы родной Земли. Яркое воспоминание и заплаканное лицо матери. Ее уже нет на Земле! Но разве слезы ее прошли, любовь ее умерла? Нет! Нет! Она в сердце Джон-Эя, она в его воле, в предстоящих делах, в решимости довести «Мысль» к Земле!..

Штурман включил все телескопические установки. Заработали автоматы, анализируя данные телескопов. Один результат, второй, третий! Мерцает на экране сигнал. Джон-Эй тревожно и напряженно читает его. Нет! Нет! Ни одной знакомой системы! В какую же даль он залетел? Где родная Галактика?

Джон-Эй запустил запоминающую машину, пытаясь отыскать путь «Мысли» от Большого Магелланова Облака. Но и здесь его ждало разочарование. Запоминающая машина не имела этой информации. Она не была включена во время полета.

Остановив автоматы, Джон-Эй в изнеможении опустил руки. Да! Надо смотреть правде в глаза. Оптимизм не поможет! Он не имеет возможности найти путь назад. Не имеет!!!

Насмешливо моргали звезды впереди, чуть заметно передвигались туманности сбоку. «Мысль» летела в непонятную, неведомую даль.

Джон-Эй заскрежетал зубами, закрыл глаза. Он пытался овладеть собой. Надо было что-то делать. Но что? Невольно пришла мысль: звездолет — это колоссальный научный центр с бесценной информацией. Надо довести его до любого разумного мира. Может, люди других миров помогут кораблю найти родную Галактику...

Да! Складывать оружие еще рано! Пока жизнь и мысль не угасли, надо бороться!

Не колеблясь, штурман включил двигатели, дал приказ автоматам. Звездолет послушно повернул назад по огромной кривой. По команде автопилота мощная энергия реактора хлынула к мезонаторам. Оболочка аппарата стала невесомой, антиполе окутало звездолет, отрезав его от внешнего воздействия.

И снова биллионы километров поглощались аппаратом в стремительном, бешеном темпе. Молниеносно пролетели десятки галактик.

Прошло несколько часов. Джон-Эй включал поле, жадно запускал телескопические установки. Автоматы сверяли изображение окружающих галактик с фотографиями систем, близких к родной Галактики. Но все было напрасно!

И снова тысячи, миллионы парсеков слепого полета, неясная надежда, лихорадочные опыты. Безумная жажда успеха, желание вернуться на родную, теплую, украшенную цветами Землю, непобедимость жизни заставляли Джон-Эя лететь все дальше и дальше в страшную бездну...

И вот наступило неумолимое мгновение. Анализатор показывал, что скоро остановятся все узлы корабля. Истощилось ядерное топливо в реакторе, обслуживавший энергетическую систему «Мысли». Центральный реактор, от которого работало антиполе и двигатели, не мог пригодиться — он не имел связи с ядерной энергостанцией.

Мысль Джон-Эя кружила в узком кругу возможностей. Выход был только один — найти планету в какой-либо системе, посадить звездолет и попробовать раздобыть уран. Хотя бы урановую руду! На «Мысли» есть обогатительная установка. Только бы найти! Найти!..

Рядом была спиральная галактика. Крайние звезды сияли на расстоянии десяти парсеков. Джон-Эй выбрал желтую звезду типа Солнца и решительно направил «Мысль» к чужой системе.

СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА

«Мысль» приближалась к планете у желтого солнца, которая была единственной в этой системе. Описывая спирали над ней, Джон-Эй гравиметодом¹⁸ определил ее массу. Можно было опускаться. Масса не превышала массу Земли.

Звездолет, погасив скорость вошел в облака. Они тянулись толстым, густым покровом на многие километры над поверхностью планеты. Это было опасно. Неизвестно, что внизу — море, степь или горы!

Джон-Эй включил инфракран¹⁹. По нему поплыли размытые пятна. Видно, было широкое озеро, дальше тянулась равнина, очевидно, пустыня, потом мелькнул большой залив моря. Наконец, звездолет, который медленно опускался, выскочил из облаков. В перископах открылась панорама планеты. Даль скрывалась в тумане. Из этого тумана стремительно вырастали массивы лесов, гряды гор, океаны, и снова таяли внизу, позади корабля.

¹⁸ Гравиметод. — измерение, определение состава коры планеты с помощью гравитационных приборов. (См. Гравитация).

¹⁹ Инфракран. — Любое тело излучает инфракрасные лучи (имеют длину волны большую, чем видимые лучи), которые дают возможность видеть вещь, человека, пейзаж в тумане или ночью с помощью специального фильтра — инфракрана.

Джон-Эй до максимума усилил мощность телеустановок. Он пытался заметить хоть какие-нибудь признаки разумной жизни. Но «Мысль» замыкала третью спираль вокруг планеты, а следов деятельности разумных существ не появлялось. Нетронутые леса, стремительные обрывы гор, необъятные просторы океанов. Где-то сбоку в небо поднялась мощная струя бурых газов, блеснул огонь. Анализатор показал, что это был вулкан.

Сердце Джон-Эя больно сжалось. Значит, планета не заселена разумными существами. Здесь ему никто не поможет. Надо возвращаться в пространство и искать другие системы.

Искать? Нет! Это уже невозможно! Сейчас, вот сейчас остановится малый реактор, и тогда двигатели не смогут работать, центральный реактор замрет, остановятся все автоматы.

Единственный выход — садиться! А дальше что? Джон-Эй перебирал тысячи вариантов. Ему нужна руда актинидов²⁰. Надо садиться вблизи залежей. Их можно обнаружить!

Лихорадочными движениями штурман включил актинометры. Чувствительные приборы будто насторожились, покачивая усиками-стрелками, ожидая сигналов с планеты. И вот на восьмом витке спирали пришел успех. Стрелочки приборов бешено прыгнули вверх, отмечая необычную активность гамма-радиации²¹.

²⁰ Актиниды. — Уран, торий, радий и другие элементы периодической таблицы элементов Менделеева; имеют свойство постепенно распадаться, превращаясь в другие элементы, более стабильные. При этом выделяется три основных вида радиации — альфа-лучи (ядра гелия), бета-лучи (электроны) и гамма-лучи (кванты большой энергии, или иначе, проникающая радиация).

²¹ Гамма-радиация. — См. Актиниды.

«Мысль» летела со скоростью километра в секунду. Джон-Эй круто повернул ее, сделал гигантский круг над пустынной равниной и повел корабль на посадку. Залежи руды радиоактивных элементов были где-то около горного хребта, от которого простиралась на сотни километров коричнево-желтая пустыня. С другой стороны гор возвышались массивы джунглей — гигантских деревьев с темно-зеленой окраской.

Джон-Эй выбрал место на огромной поляне, километрах в трех от гор. Недалеко протекала узкая бурная река. «Мысль», гремя двигателями, в вихре раскаленного воздуха опустилась на ее крутом берегу...

...Затихло все. Только в ушах kloкотала взбушевавшаяся кровь. Джон-Эй в изнеможении встал, пошатываясь, прошелся по каюте. Тело отвыкло от обычного притяжения, трудно было сохранить равновесие. Штурман прилег на кровать, закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться...

Да! Надо все понять! Он — человек с далекой Земли — в совершенно чужом мире! Топливо закончилось. Разумных существ здесь нет. Следовательно, необходимо рассчитывать лишь на свои силы...

Сначала разведать окрестности, познакомиться с животным миром. Однако животные, даже самые страшные, не причинят вреда — атомное оружие уничтожит любого гиганта. А потом... Потом надо найти залежи руды... Она где-то здесь, в кольце низких гор, тянувшихся перед главным хребтом...

Эх, если бы! Если бы удалось! Тогда — снова полет, опять поиски дорогой Земли... Пускай зря, пускай неудача постигнет его, но все-таки полет, действие, устремление!..

Джон-Эй вскочил с кровати. Сейчас нельзя киснуть! Действовать! Он быстро поел концентрированной пищи, включил анализатор. Насосы втянули порцию воздуха снаружи. Анализ показал, что в атмосфере достаточно

кислорода для дыхания. Вредных газов не было. Опасных бактерий анализатор не выявил...

Надев термозащитную куртку и теплый шлем, Джон-Эй пошел к выходу. Немного подумав, он захватил ядерный пистолет и портативный пеленгатор. Потом, включив передатчик, который излучал в эфир непрерывные сигналы, штурман спустился внутренним лифтом вниз.

Внешний люк открылся с тяжелым хрипом. Густая струя воздуха дохнула прямо в лицо штурману. От пьянящего запаха закружилась голова.

Джон-Эй схватился за стенку шлюза и медленно двинулся к выходу. Переступив барьер, он огляделся вокруг.

Поляну устилала сине-зеленая плотная трава. Она выбрасывала желтые метлы мелких цветов. Позади стояла стена леса. Джон-Эй отметил на глаз два вида деревьев: одни тянулись длинным стволом на сотни метров вверх, разрастаясь там копьевидными листьями, другие — широколистные, мясистые — устилали все промежутки между теми гигантами. Они имели густой маслянистый черно-зеленый цвет и росли не выше десяти метров.

Поляна обрывалась над рекой, которая клочкотала между нагромождениями скал. А за рекой виднелись в тумане такие же леса, как и вокруг поляны. Над этим ландшафтом нависали серые облака. Ветра не было. Казалось, серое одеяло придавливает все живое к земле, не дает дышать.

«Неудивительно, что здесь нет разумных существ, — грустно подумал Джон-Эй. — Трудно было бы жить в таких условиях...»

Он подошел к обрыву, посмотрел вниз. Из щели между камнями, резко крикнув, выскочила странная голубая птица. Она низко пролетела над водой и скрылась в лесу на противоположной стороне.

Тупая стихия, примитивной мир. Леса, низкие формы животных, девственные реки и скалы. Надо полагаться на свои силы!

Джон-Эй медленно повернулся и пошел к кораблю. Оттуда слышались странные звуки. Штурману показалось, что он разбирает членораздельные возгласы. Что такое?

Какие-то фигуры засуетились возле кустов, позади звездолета. Жестикулируя, они осторожно приближались к Джон-Эю. Штурман нерешительно остановился. С кем он имеет дело?

Вот существа уже совсем близко. В свете серого дня можно разобрать их очертания. Безусловно, это представители разумного мира, хотя и иной организации. Об этом свидетельствует вертикальная осанка, внимательный взгляд больших круглых глаз, высокий и широкий лоб. Только приземистое тело, покрытое голубоватым волосами, длинные передние конечности-руки, которые держат тяжелую палку, да примечательная одежда из кожи какого-то животного говорят за то, что путь развития этих существ до людей только начался.

Вот от толпы существ отделился гигантского роста самец. Он поднял палку вверх и, распевая странную мелодию, закружил в бешеном диком танце, приближаясь к космонавту.

Джон-Эй, с удивлением наблюдая за причудливым танцем дикаря, незаметно положил руку на ядерный пистолет...

ПОИСКИ ГОРЮЧЕГО

Покружив вокруг, Джон-Эя, дикарь грузно упал на землю, пуская пену. Его товарищи были разными

голосами, подсакивая и выкидывая всякие па. Космонавт с тревогой отступил на шаг назад. Но бояться было нечего. Дикарь-великан поднялся на колени, молитвенно протянул руки...

Джон-Эй засмеялся. Он понял, что могли подумать эти существа, увидев спуск гигантского звездолета с неба, а потом появление человека из странного аппарата. Его защитит примитивная религия этих существ! Для них Джон-Эй и звездолет — божественные, сверхъестественные существа.

Ба! Да это же идея! Необходимо использовать ситуацию! Времени достаточно! Надо познакомиться с этими существами. Они помогут разыскать топливо. Пусть на это уйдет месяц, год! Пустяки!

Большие круглые глаза существа встретились со взглядом космонавта. Они излучали восторг, благоговение, смирение. Джон-Эй бегло осмотрел лицо существа. Его поразило странное расположение органов обоняния. Их отверстия проходили по бокам большого рта, делая лицо неестественно широким и уродливым. Только глаза имели вполне человеческий вид, они смотрели на мир с любопытством, готовясь к борьбе с тайнами природы.

Джон-Эй поднял руку и показал на небо. Дикарь радостно закивал головой, что-то крикнул своим товарищам. Те поддержали его криками. Штурман протянул руку, коснулся пальцами палки, которую держал дикарь. Тот с готовностью подал небесному гостю свое оружие — сучковатый кусок черного дерева. Стало ясно, что существа доверяли Джон-Эю. Можно было налаживать отношения...

...Прошло несколько недель. Джон-Эй близко познакомился с жизнью и бытом существ, изучил их несложный язык. Они жили в пещерах между валунами, под корнями великанов-деревьев. Ели стебли болотных сочных растений, мелких животных, яйца птиц, плоды деревьев.

Изредка им удавалось совместными усилиями убить гоготу — неповоротливое гигантское животное с острыми колючками. Мясо ее было нежным, сытным и его хватало надолго для всех.

Джон-Эй начал различать существ по именам. Великан-самец был главным вожаком в племени, его распоряжения слушали и выполняли все. Звали вожака Та-Та. Он был достаточно умным и любознательным. Через месяц Джон-Эй смог уже разговаривать с Та-Та. Космонавт, узнав, что существа не используют огонь, решил научить их этому...

Настали ясные дни. Пелена облаков разошлась, появилось темно-синее небо, ярко засиял небольшой желтый диск чужого солнца...

В тот вечер Джон-Эй собрал дикарей на поляне и обратился к Та-Та:

— Я скоро покину вас, Та-Та!..

— Почему так хочет Человек сверху? — удивился вожак.

— Так надо. Я вернусь в свой край, туда, где я родился...

— Ты родился на небе, Человек сверху! Там вечно сияет солнце. Там много плодов и мяса гоготы...

— Нет, Та-Та. Я родился в таком же мире, как и ваш, только...

Джон-Эй запнулся, увидев выражение непонимания на лице Та-Та. Разве может примитивный мозг дикаря охватить невероятные просторы Вселенной? Пусть думает так, как хочет!..

Та-Та довольно засмеялся.

— Видишь, ты молчишь, Человек сверху! Я правду говорю! Ты — сын великого Солнца!..

— Да! Я сын Солнца! И я хочу оставить вам частицу его огня. Пусть он греет вас в туманные дни и темные ночи.

Пусть он поможет вам смягчать сырое мясо, делать его вкуснее...

— О чем ты говоришь, Человек сверху? — удивился во-жак.

— Вот смотри! — ответил Джон-Эй, вынимая автоматический воспламенитель. — Собирайте сухие листья и ветки...

Та-Та отдал приказ громким хриплым голосом. Дети и женщины расползлись во все стороны. Скоро перед космонавтом лежала большая куча хвороста.

Джон-Эй оглядел толпу.

— Видите, вокруг садится тьма. Будет темно и холодно. А я имею кусочек солнца. Я разгоню тьму и холод...

На конце воспламенителя вспыхнуло пламя. Джон-Эй направил его на хворост. Куча веток загорелась ярким огнем, бросая желтый свет вокруг. Послышались возгласы удивления и страха. Дикари разбежались прочь. Их испуганные лица выглядывали из-за стволов деревьев.

— Не бойтесь! — крикнул Джон-Эй. — Кусочек Солнца не будет кусаться! Я дарю его вам!..

Та-Та первый приблизился к огню, который весело прыгал по веткам, протянул волосатые руки.

— Тепло! — заявил он, довольно смеясь. Другие, осмелев, тоже подступили поближе.

— Мы видели такое! — сказал вожак. — С неба гремело, падал огненный клубок. И тогда горел лес. Было страшно... Все живое бежало прочь или погибало...

— Этот огонь ваш! Вы будете управлять им! Дадите пищи — он будет гореть, не дадите — умрет!..

Дикари весело засмеялись. Они расселись вокруг костра, со страхом поглядывая на фигуру космонавта.

— Та-Та, — сказал решительно Джон-Эй. — Настало время разлуки. Но прежде мне надо побывать в долине между горами. Дай мне проводника!..

Дикари живо переговаривались между собой. Та-Та важно поднял руку, положил себе на грудь.

— Мы готовы все сделать для тебя, Человек сверху! Только в Долину Смерти мы не поведем тебя...

— Долина Смерти? — удивился Джон-Эй. — Почему она так называется?

— Потому, что никто не остается живым, кто побывает там. Наше племя считает эту долину проклятой...

«Это, безусловно, действие актинидов» — радостно подумал Джон-Эй.

— Мне не страшна эта долина! — вслух сказал он. — Ведь я человек небес, сын Солнца!

Та-Та восторженно протянул руки над костром.

— Хорошо! Мы поведем тебя в Долину Смерти, Человек сверху!..

Весело перекликаясь, дикари приносили все новые и новые кучи хвороста. Костер пылал, разгоняя ночь, и облако мелких насекомых витало над ним, сгорая и падая в огонь.

В круг вышла Ла-ла, дочь вожака. Она встала перед Джон-Эем, приложила ладони к щекам и запела низким, но сильным голосом странную мелодию. Космонавт разобрал слова песни и понял, что Ла-ла поет о нем.

Странно. Как странно! Не снится ли это? В черном небе горят чужие созвездия, над головой шумят невиданные деревья, его окружают причудливые фигуры диких существ!

И, глядя темными круглыми глазами в даль небес, Ла-ла, девушка, облаченная в шкуру, слагает гимн чужезстраницу:

— Благословенна земля наша,
Духи витают над ней...
Сын горячего Солнца,
Человек с ясного Неба
Пришел к нам...
Мы сидим в лесу
Возле кусочка Солнца
И греемся от него...
Это подарок духов,
Это подарок Неба —
В темные ночи,
В хмурые дни
Он нам защитой будет!..

...Песня стихла. Ла-ла, скромно опустив глаза, ждала слова Джон-Эя.

— Прекрасно! — сказал он. — Я благодарю тебя, Ла-ла. Девушка смущенно убежала в круг своих подруг.

— Итак, — сказал Джон-Эй, — завтра, Та-Та, ты поведешь меня в Долину Смерти...

СНОВА В ПРОСТРАНСТВО

Захватив невесомый контейнер, надев защитный костюм, Джон-Эй утром вышел из корабля. Та-Та и пять ди-карей ждали его на опушке леса. Они повели космонавта узкими тропинками через лес, к ущелью. Дойдя до ручья, Та-Та остановился.

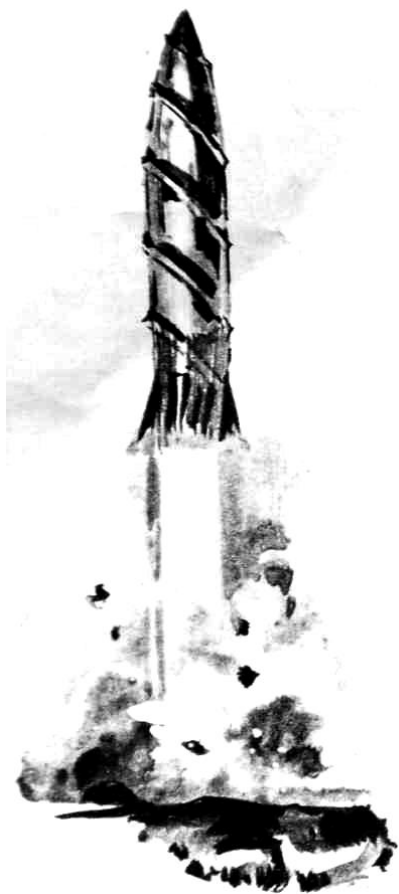
— Долина Смерти! — коротко сказал он, показывая в направлении гор. — Мы дальше не пойдем...

— Хорошо, — согласился Джон-Эй. — Вы подождете меня здесь...

Он решительно шагнул в ручей, осторожно вскарабкался на берег. Накинул капюшон с большими очками. Оглянулся.

Та-Та и его спутники замахали руками. Джон-Эй ответил им таким же движением и зашагал к горам. Медленно исчезала трава, не видно было живых существ. Кое-где в щелях между камнями белели кости животных. Наконец Джон-Эй опустился между двумя грядами скал в глубокую долину. Из-за горного хребта возшло светило, каменные обрывы заиграли разными красками. Сумрачная долина стала похожа на калейдоскоп. Казалось, здесь был музей минералов... Где-то между ними таилась радиоактивная руда...

Джон-Эй достал портативный счетчик направленного действия и двинулся с ним по широкому выступу у дна долины. Минут через пять прибор отметил наличие радиации. Невидимый луч упирался в подножие наклонной стены. Там, между красным камнем, виднелись серо-рыжие шарики какого металла. Джон-Эй, волнуясь, достал молоток-автомат, отбил несколько шариков. На разломах они имели серо-золотистый блеск. Что же это такое? Радиоактивный элемент — это безусловно! Но какой? Он не

похож на земные актиниды... Ладно! В космолете можно проанализировать! Это удача! Большой успех!..

Поставив контейнер на камень, Джон-Эй за полчаса наполнил его серыми шариками и радостно отправился назад, полный розовых мечтаний...

...Анализ был положительным. Серые шарики представляли собой трансурановый элемент, неизвестный на земле. Небольшое перестроение структуры ядра в установке звездолета давало прекрасное топливо для реактора...

...Два дня Джон-Эй добывал элемент. Та-Та и его спутники по-

могали носить контейнеры от ручья к «Мысли».

И вот настал день прощания. Перед этим, вечером, Джон-Эй сидел у огня и снова слушал песни Ла-ла. Она пела, а ему виделось море на Земле, широкие улицы Цветограда, необъятные степи и веселые рощи Родины. Все тело и душа были напряжены в непреодолимом желании обрести утраченную Землю...

Он пояснил Та-Та, как из камней добывать искры огня, как сберечь его.

Истекала короткая ночь. Взошло светило. Собравшись на поляне, дикари наблюдали невиданное явление. Посланник Небес, Человек сверху, Дух, подаривший им огонь, помахав рукой, исчез в отверстии звездолета.

Прошло несколько тягучих минут. И тогда посередине поляны грянул гром. Вихрь горячего воздуха повалил Та-Та и его соплеменников на землю. В лучах блеснуло огромное тело звездолета. Оно, как метеор, метнулось над лесом и исчезло возле ослепительного светила.

Джон-Эй снова возвращался в пространство, навстречу неведомому, на поиски любимой, дорогой родины...

ХРАМ РАЗУМА

...И снова «Мысль» рассекала неизмеримые просторы Вселенной. Тянулось неизмеримое время. Несколько раз Джон-Эй замедлял полет аппарата, выключая дегравитационное поле, чтобы определить местонахождение, но знакомых галактик не было. Отчаяние и безнадежность начали закрадываться в мужественное сердце человека. Опустив руки, Джон-Эй несколько часов сидел неподвижно, глядя тусклым взглядом вниз. Мысли текли вяло, приходило страшное равнодушие. Сознание закуталась туманом, а из этого тумана поплыли разные галлюцинации. Мелькнула странная мысль: а может, это его дух после смерти витает в пространстве? Может, нет уже Земли, людей, а он один, как Демон древних религий, витает по бездне, ища потерянный рай?..

И вдруг что-то случилось. Он не понимал, что именно, но почувствовал это по самочувствию, по ходу звездолета. Джон-Эй превозмог слабость и посмотрел на иллюминатор.

В одном месте пространства звезды исчезли. Там было какое-то тело. Что же именно?

Джон-Эй посмотрел на счетчик. «Мысль» передвигалась в пространстве с ничтожной скоростью — километра два в час. Что случилось? Кто остановил ход звездолета, который пролетал двести пятьдесят тысяч километров в секунду?

Казалось, будто какие-то ласковые, добрые руки вели «Мысль» в определенном направлении. Тело, которое

закрывало звезды и галактики, приближалось. Оно слабо просвечивалось. Сквозь него виднелись едва заметные тени, непонятные очертания.

Создавалось впечатление, будто в пространстве возникла стена из какого-то странного вещества. В полупрозрачной стене появилось отверстие. Там переливалась голубая мгла. «Мысль» медленно вошла в гигантский проем и остановилась.

Звезды исчезли за иллюминатором. Вокруг расстился только голубой мрак. Затем со всех сторон ринулось море света, и Джон-Эй с удивлением понял, что он попал на какое-то гигантское космическое тело искусственного происхождения. Все: стены, потолок, пол в помещении — переливалось в лучах света розовыми искрами, создавало эффект призрачности всего строения.

Но какими должны быть существа, создавшие такой корабль? Откуда они? Какого мира?

Джон-Эй решительно встал и направился к выходу. Надо встретиться с хозяевами немедленно. Бояться нет причин. Ведь они, очевидно, специально остановили его корабль и завели в шлюз. Штурман проверил состав воздуха вне «Мысли». Это был почти чистый кислород с ощутимой долей озона. Многие молекулы имели признаки радиоактивности. В любом случае, таким воздухом дышать было можно.

Джон-Эй вышел из космолета и удивленно остановился. Помещение, в которое попала «Мысль», казалось таким грандиозным, что его можно было сравнить разве только с размерами ангара, где стоял Железный Диктатор.

Но где же хозяева этого сооружения? Куда они летят?

Ответа не было. В помещении стояла абсолютная тишина. Только где-то далеко-далеко, будто в бесконечности, слышалась низкая музыкальная нота. Джон-Эй сделал несколько шагов от звездолета. Его шаги

откликнулись эхом под куполом помещения. Джон-Эй остановился и вдруг вздрогнул. Прямо перед ним появились две высокие фигуры в матовых розовых плащах. Сердце Джон-Эя затрепетало. Наконец-то! Они похожи на людей. Нежно-желтое продолговатое лицо, длинные черные волосы кудрями спадают на спину, большие лучистые зеленые глаза смотрят дружески и внимательно. Только голова этих людей необычайно широка и ясное чело — очень высокое. Во взгляде существ, во внешнем виде чувствовалась огромная интеллектуальная сила.

Несколько секунд хозяева рассматривали Джон-Эя, затем взяли его под руки и, дружески улыбаясь, легко подняли в воздух. Джон-Эй удивленно оглянулся. Они летят?.. На чем? Ведь нет никакого летательного аппарата!

Действительно, они летели, будто в сказке. Вот стена. Как во сне, они проникли сквозь стену и оказались в небольшом сферическом помещении. Снизу вверх по стенам ползли причудливые растения синего цвета с розовыми цветами, похожими на цветы розы.

Джон-Эй не мог прийти в себя от удивления. Как вести себя? Как найти общий язык с этими сверхлюдьми?

Один из хозяев указал рукой. Джон-Эй удивленно посмотрел в ту сторону и пожал плечами. Там ничего не было. Хозяин еще раз повторил жест. Теперь Джон-Эй заметил некое подобие прозрачного стула. Он осторожно сел на него и устало выпрямился. Хозяева сели напротив, один из них пристально посмотрел в глаза космонавту. И тогда начало происходить неожиданное. Прямо перед Джон-Эем вспыхнуло родное Солнце. В темном небе быстро плыла бледно-зеленая звездочка. Это была Земля. Она приблизилась, превратилась в диск. Проступили очертания океанов, материков... Джон-Эй не выдержал. Его сердце переполнилось чувством. Он распростер руки и бросился прямо в черную пропасть, навстречу чудесному видению...

Хозяева подхватили космонавта на руки. Все его тело содрогнулось от волнения. Успокоившись, Джон-Эй снова сел на стул.

Он внимательно осмотрел хозяев, особенно их лица. Было ясно, что организация этих существ намного выше, чем у людей Земли. Об этом свидетельствовали размеры головы и длинные чувствительные пальцы рук. Но как же найти общий язык с ними? Неужели у них нет переводных машин? Почему они молчат?

С удивлением Джон-Эй заметил, что у хозяев почти нет рта... На том месте краснели миниатюрные губы. Они не открывались. И еще одна деталь — кожа на лице этих странных существ будто просвечивалась, изнутри проступал желтоватый цвет.

И вдруг Джон-Эй понял, что к нему обращаются. Не было сказано ни слова, хозяева оставались неподвижными, но Джон-Эй ясно почувствовал вопрос. Даже понял его смысл. Хозяева хотели знать, откуда он летел и куда?

Как он понял их? Как он будет им отвечать? Может, вызвать в памяти образы событий в логическом порядке?

Джон-Эй вспомнил события перед вылетом с Земли. Они возникли в памяти с удивительной ясностью. Хозяева довольно закивали. Они понимали гостя, они легко ловили слабые биоволны, что порождались в его мозгу...

Плыли картины полета «Мысли» в антимир, битвы в мире красного карлика, приключения в царстве машин. И, наконец, блуждание Джон-Эя в поисках родной системы...

Долго штурман, закрыв глаза, снова переживал невероятные события. Наконец, он посмотрел на хозяев и удивился. На их лицах было написано восхищение и гордость. И Джон-Эй ясно читал мысль этих людей. Они передавали, что гордятся представителями Земли — своими братьями по интеллекту — и преклоняются перед их

мужеством. Только разум с большим будущим дерзает осуществлять такие сложные задачи...

В сознании Джон-Эя возникло желание узнать все о своих хозяевах. И сразу же пришел ответ. Он строился стройными рядами образов и понятий в мозге и превращался в цепь событий...

Люди эти были из далекой галактики. Их раса в научном отношении обогнала людей Земли на миллионы лет по счету времени в обычных системах. Раскрытие глубоких тайн природы дало этим людям в руки поразительные силы. Они освободили себя, прежде всего, от ежедневного употребления пищи, что приковывало их к животному, грубому образу жизни, и начали вводить в организм радиоактивные элементы, которые осуществляли непрерывную биологическую перестройку клеток. Вместо обмена клеток с окружающей средой наступил внутренний самообмен.

Человек уже не зависела от среды, от наличия определенных условий. Он сам творил их силой могущественного Разума.

Джон-Эй не совсем понял такие преобразования. Он попросил объяснить это конкретнее.

Один из хозяев кивнул головой — он понял желание гостя. Штурман теперь чувствовал уже более простую мысль хозяев, которая по своей необычности поразила его.

Эти люди уже не были полуживотными, как люди Земли. От физической структуры остался только мозг, конечности, форма фигуры, органы размножения и высокоорганизованная периферийная нервная система. У новорожденных был небольшой аппарат дыхания, который впоследствии превращался в рудимент.

Материал для обмена в организме существа брали из квантов мирового поля. Поэтому они могли находиться не только в атмосфере, но и в полном вакууме.

Поврежденные конечности регенерировались, оживлялись силой активизирующего действия мозга. О смерти не могло быть и речи. Существа имели такое многогранное естество, что не боялись механических ударов, а свободно переходили из одного измерения пространства в другое, недоступное для тела, угрожающего им...

Полное освобождение от влияния среды усилило и активизировало функции мозга. Он неизмеримо вырос и стал господствовать над телом. Было достигнуто бессмертие. Объединялись все новые и новые миры. Бесконечность не страшила людей этого мира. Она была их домом, полем работы.

Люди свободно использовали стихии Космоса, знали их суть. Еще давно, разгадав субстанцию единого поля, они начали осуществлять любое преобразование материи в поле и наоборот. Сила их интеллекта настолько поднялась над своей прародительницей-материей, что по желанию могла творить необходимые вещи просто из мирового поля. Это стало возможным потому, что людям была ясна закономерность развития любой вещи или явления.

Представители этой расы могли свободно передвигаться в пространстве, проникать сквозь вещество, преодолевать любые расстояния за любой отрезок времени.

Джон-Эй сначала не мог понять многих законов явлений, о которых узнал. В его голове никак не могло уместиться понятие о создании вещи из квантов поля.

Один из хозяев корабля продемонстрировал это явление. Он протянул руку, сосредоточил взгляд. Джон-Эй ясно видел, как над рукой хозяина завихрился воздух. Казалось, что к этому вихрю со всех сторон стекаются чуть видимые голубые ручейки. Будто кистью художника водил в этом вихре — вырисовывались, яснили, материализовывались какие-то очертания. И вот ярко блеснул луч из руки человека. На ладони лежал абсолютно прозрачный кристалл алмаза.

Джон-Эй с благоговением смотрел на мистическое явление. Да, мистическое с точки зрения людей Земли! Разве это не творение, божественный акт рождения новой вещи?..

Разум ответил — нет! Разве поле, из квантов которого создавалась вещь, не материя? Разве победоносный интеллект этих людей, которым подчиняются стихии Космоса, не порождение материи? Джон-Эй ясно понял, представил, как из хаоса первичных масс вещества создаются звезды, планеты, на них возникают первые капельки жизни, усложняются, эволюционируют, начинают мыслить, осознавать свое место в мире. Проходят тысячелетия, и созревший мозг наливается такой силой, что интеллект поднимается над материей, становится ее противоположностью и, наконец, господствует над Космосом.

Таков логичный, закономерный путь развития разумных существ. Так будет и на Земле. Поняв и представив это, Джон-Эй исполнился несказанной радостью.

Недаром он и его товарищи гибли в пустынях страшных миров, страдали в титаническом полете. Это была одна из цепей торжествующего развития человеческого разума.

После демонстрации создания кристалла алмаза хозяева объяснили гостю цели их путешествия. Корабль, куда попал Джон-Эй, был гигантской лабораторией на тысячи километров в диаметре. На нем осуществлялся очередной эксперимент проникновения в другие измерения пространства и ряд непонятных Джон-Эю исследований. «Мысль» они встретили случайно и захотели познакомиться с представителями других цивилизаций... Один из хозяев объяснил, что они понимают положение звездолета. Джон-Эй не может найти свою Галактику. Они могут ему помочь. Они были когда-то в той Галактике и даже посещали Землю. Это произошло около миллиона лет назад. Тогда на Земле еще не было разумных существ. В их центре есть сведения о мире Джон-Эя. Расстояние до него около ста миллионов световых лет.

Штурман ужаснулся. Сто миллионов световых лет! В какую бездну он залетел! Как он вернется?

Его чувство страха напрасно, пояснил один из хозяев. Они укажут автоматам корабля путь назад. Они могли бы сами отправить гостя к родной системе, но их ждут в другом измерении. Расхождение во времени может вызвать катастрофу.

Второй добавил, что Джон-Эй может остаться с ними. У них есть возможности ускорить его физическую эволюцию и сделать бессмертным. Джон-Эй категорически отказался.

Он пояснил, что хочет пройти путь побед, поражений и успехов вместе с родной расой, на родной Земле.

Хозяева одобрительно переглянулись, в знак дружбы приложили ладони к груди, а затем встали.

Опять полет в воздухе поразил Джон-Эя. «О, человек! Ты поистине станешь титаном, когда выйдешь из своей

колыбели Земли! — подумал он. — Смотри, этого достигли твои старшие братья в других мирах».

Хозяева остановились возле огромного сферического зала. Они объяснили, что эта сфера — колоссальная подобие мозга. В ней создаются громоздкие вещи с помощью энергии мощных станций. Материалом служит, так же, как и в малых экспериментах, мировое поле...

Джон-Эй был в восторге. Какие поразительные явления! Для людей Земли продолжением их мозга служат руки, машины, станки, инструменты. А мозг этих существ имеет такую гигантскую потенцию, что по своему желанию формирует материю!

Хозяева и Джон-Эй приблизились к звездолету «Мысль», зашли в него. Они ознакомились с аппаратурой корабля и поняли принцип ее работы. Не мешкая, они составили задание автоматам.

Вот и все! Надо прощаться! Растроганный Джон-Эй обнял хозяев, выразил свою глубокую благодарность. Они обещали, что обязательно прибудут на Землю в течение следующего миллиона лет, чтобы увидеть, какие там будут изменения.

Джон-Эй не мог отвести взгляда от лучистых, прекрасных глаз этих титанов. Ему хотелось навсегда сохранить в сердце мечту о чудесном мире интеллекта...

И вот их нет! Две высокие фигуры мелькнули вдоль зала, исчезли... «Мысль» медленно двинулась к выходу, выплыла в пространство. Ярko засияли звездные системы, в сердце прошел холодок страха. Снова в скитания, на поиски!

Нет! «Мысль» уверенно возвращается, идет по курсу. Гремят двигатели, звездолет набирает скорость. Перед тем, как включить антиполе, Джон-Эй еще долго затуманенным взглядом смотрел на гигантский дворец — храм Разума, который медленно исчезал в бездне Вселенной...

ОДИН СРЕДИ ЗВЕЗД

Случилось непредвиденное. Не хватило антивещества. Антиполе исчезло. «Мысль» не могла лететь со сверхсветовой скоростью. Об этом ясно свидетельствовали приборы.

Джон-Эй, который уже был убежден в успехе, взволнованно бросился к телескопической установке. Он уже в родной Галактике! До Солнца осталось не более пятисот световых лет. Какая неудача!

Что же это? Он не сможет достичь теперь нужной скорости. Дегравитационной силы нет! Теперь звездолету лететь более тысячи лет до Земли! Никакая относительность времени не сохранит человека!

Где она — родная планета? Телескопы могут найти среди необозримого сгорища звезд в Галактике Солнце — небольшую желтую звезду. Но не это страшно! Электронный мозг сохраняет все данные, касающиеся курса звездолета, вращения Галактики и собственного пути Солнца и Земли! Он приведет аппарат точно домой!..

Страшно то, что впереди — долгие годы одиночества во тьме Космоса, бесконечное угасание, потом смерть, а потом... металлический гроб сотни лет будет нести его холодный труп в Бесконечность...

Для чего?..

В памяти Джон-Эя возникло лицо Георгия. Вот он — совсем рядом его взволнованный голос:

«Я не смогу успокоиться никогда, если нам не удастся осуществить своей мечты! Смерть товарищей, наши муки должны принести пользу грядущим поколениям, приблизить время бессмертия! Если я погибну — ты не забудь об этом!..»

— Я слышу, Георгий! Я сдержу слово... — сухими губами шепчет он. — Человечество получит сведения о других мирах! Я верю! Я так хочу!..

Джон-Эй включил электронный мозг, проверил курс. Звездолет шел правильно. Хозяева чудесного храма в пространстве сделали свое дело безупречно!..

Джон-Эй лихорадочно достал пленку, заложил в магнитофон. Он знает, что ему делать. Раз нет возможности вернуться на любимую Землю, пусть далекие братья услышат его слово, завещание его товарищей.

Джон-Эй, глядя в иллюминатор, сосредоточился. Он уже был полностью спокойным. Вот включена аппаратура магнитной записи. Загорелся сверху красный огонек. В микрофонплыли, отражаясь на пленке, четкие, лаконичные слова рассказа о героической экспедиции двенадцати героев, прощание на Земле, приключения в антимире, о гибели семи членов экспедиции в страшном бою на границах Галактики, о событиях в царстве Железного Диктатора и, наконец, о встрече с людьми несравненно высокого интеллекта.

Отдохнув немного, Джон-Эй продолжил говорить:

— Далекие братья! Пусть наши смерти послужат на благо грядущих поколений. Я включаю автоматическую

аппаратуру исследований, а сам умираю. Не осуждайте меня — очень страшно в одиночестве доживать ненужные дни перед лицом Бесконечности. Я впущу в каюту инертный газ, мой труп сохранится, чтобы вы могли обнаружить, откуда, из какой системы и планеты экспедиция. Очень хотелось увидеть будущий мир. Я надеюсь, горяче верю — вы воскресите всех нас! Я верю в торжество Науки, в безграничность ее возможностей! Образцом может стать мир прекрасных людей с интеллектом титанов!.. Я верю также, что вы поможете братьям в системе Большого Магелланова Облака, которые борются с отвратительным миром машин — результатом вырождения интеллекта. Не повторяйте, не допускайте ошибки того мира — не отдавайте функций мышления автоматам! Смысл жизни человека — в бесконечном развитии интеллекта! Машины должны не заменять разум человека, а помогать ему! Что может быть лучше чудесной, живой, горячей человеческой мысли, с ее ошибками и достижениями, с ее горем и радостями, с ее исканиями и борьбой, — несравнимой ни с чем мысли живого мира?.. До встречи, далекие братья!

Джон-Эй замолчал и устало откинулся на кресло. Затем вытащил пленку с записью, несколько необходимых кинофильмов и положил перед собой на пульт.

Все! Он выполнил свой долг. Но почему снаружи такая тишина? Ага, это выключился двигатель. Звездолет летит с наибольшей возможной скоростью. Тело совсем невесомое — система искусственного притяжения не работает.

Четкими движениями Джон-Эй включил насосы. Воздух, который был в каюте, циркулируя, устремился в специальные отверстия. Быстро понизилась температура, руки и ноги парализовал холод. В голове промелькнула мысль: «А может, не надо?» Строго посмотрел с портрета Георгий, укоризненно нахмурился...

Вслед за тем улыбка появилась на лице Джон-Эя. Он подмигнул звездам, которые весело смотрели через перископ на человека, прошептал непослушными губами:

— Это извечный страх человека перед смертью, славные мои звезды! Но я не поддамся ему! Прости, Георгий! Я не могу больше!..

Еще слабый щелчок автоматов. В каюту хлынула струя инертного газа. Голова Джон-Эя легла на пульт. Он падал в черную пропасть, а из пропасти — последнее, что он видел в мыслях, — летела навстречу ему закутанная белоснежными облаками, излучая ласку и любовь, родная Земля — Родина...

Часть пятая ПУТИ ТИТАНОВ

ПОБЕДА НАД БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ

...Давно уже умолк голос далекого предка, а все еще молчали члены Космического Совета, пораженные удивительным рассказом о великом подвиге и бесстрашии людей прошлого. И только через несколько минут из передних рядов вскочил Аэровел и легким юношеским шагом вышел к зеленому овалу. Он строгим взглядом окинул присутствующих.

— Ты хочешь говорить? — спросил его Римидал.

— Да...

— Мы слушаем тебя.

— Я считаю, — начал Аэровел и его острый взгляд впился в лицо Семония, — я считаю, что нам сейчас, подчеркиваю — именно сейчас надо закончить вчерашнюю дискуссию...

— Почему? — На лицах многих ученых появилось выражение удивления. — Ведь мы ничего не решили относительно прибытия к нам звездолета!..

— А потому, — спокойно ответил Аэровел, — что рассмотренные нами документы имеют непосредственную связь с проблемой, которую мы вчера обсуждали. Скажи, Семоний, неужели и теперь ты потребуешь, чтобы твой проект был осуществлен? Неужели ты хочешь, чтобы и наша планета, а вслед за ней и тысячи других пошли по пути регресса и вырождения?..

Взгляды всех ученых обратились к Главе Института Электронно-гравитационных машин. Тот тяжело поднялся с кресла и тихо сказал:

— Мне трудно говорить это, но истина — превыше всего! В нашу дискуссию, к счастью, вмешался человек — наш далекий предок. Он показал нам, к чему привел в другом мире эксперимент, который я предлагал провести у нас. Я снимаю свой проект с обсуждения и, если кто-то другой будет защищать его, выступлю против...

Тысячи собравшихся приветствовали криками одобрения заявление Семония. Но Аэровел, улыбнувшись, сказал:

— Ты всегда выражаешься поспешно, Семоний. Твой проект научно-технической революции надо осуществить, но не в таком масштабе. Везде и всюду должна господствовать человеческая мысль — только тогда машины будут служить для прогресса, а не для разрушения. Я предлагаю обсудить этот вопрос чуть позже, когда у нас будет достаточно экспериментального материала. А теперь вернемся к выслушанному рассказу. Все вы слышали завещание Георгия и Джон-Эя. Наш долг — сделать все, чтобы выполнить его. Согласны ли вы?..

Перед Римидалом загорелись огоньки. Все они были зелеными.

— Все согласны, — сообщил Председатель Космического Совета. Аэровел довольно склонил голову.

— Но как мы выполним завет людей прошлого? — слышался голос из сектора системы Центавра. — Не слишком ли сложную задачу берем на себя сейчас?

— Нет, — ответил старейший ученый. — Многое зависит от Института Воскрешений, которым руковожу я. Что касается экспедиции в Большое Магелланово Облако, то об этом будем говорить на следующем заседании... Такое мое предложение.

Римидал встал из-за стола.

— Предлагаю прервать заседание. Пусть члены Совета внимательно подготовятся, проконсультируются со

своими академиями, учтут все услышанное здесь. О времени следующего заседания будет сообщено отдельно...

В зале исчезли розовые волны, вспыхнул дневной свет. Члены Совета и гости один за другим молчаливо, в торжественной тишине, исчезли за дверью. Аэровел последним сошел с возвышения и горячо пожал руку Лиахиму. В сияющих серых глазах проступали удовольствие и радость.

— Вот видишь, как хорошо все получилось. Теперь перед нами много интересной работы. Летим ко мне...

— Ладно!

— А тебя попрошу об одном, — обратился Аэровел к Римидалу, — чтобы к завтрашнему дню мне нашли все материалы, которые, возможно, имеют отношение к периоду экспедиции. Особенно данные о городе, откуда вылетел звездолет и где был тогдашний Институт Анабиоза...

— Хорошо, — отозвался Римидал, — все будет сделано!

Аэровел и Лиахим вышли из помещения Космического Совета и, сев в закрытый салон, вылетели в направлении Института Воскрешений, который поднимался прозрачными куполами чудесных зданий над густым лесом гигантских белокорых деревьев недалеко от широкого канала, что тянулся в туманную даль.

— Значит, мертвый человек в звездолете — Джон-Эй? — с интересом спросил Лиахим.

— Да. Это его труп. Он полностью сохранился.

— Ты хочешь провести с ним какой-то эксперимент?

— Да. Именно для этого я и пригласил тебя...

— Что же ты будешь делать?

— Увидишь сам.

— Понравился ли тебе рассказ Джон-Эя о мире интеллекта?

— Это просто невероятно! «Его материалы во многом помогут нам!» — восторженно сказал Аэровел. — Но разве мы идем не тем же путем? Тот мир — наше будущее!..

Салон бесшумно приземлился на стартовой площадке среди огромного двора Института Воскрешений. Вокруг помещений стояла сплошная стена леса, обвитого у подножия вьющимися растениями с нежно-розовыми душистыми цветами.

Аэровел, а за ним Лиахим, выйдя из салона, ступили на серую гофрированную дорожку, которая сразу же двинулась в направлении здания. Его стены были светло-изумрудного цвета — казалось, они впитали в себя горячие соки земли и наполняли гигантские дворцы здоровьем и непобедимостью.

Неслышно открылись полуовальные двери, автоматические ступени вынесли прибывших выше, к другим дверям, за которыми открылась панорама многочисленных коридоров, которые расходились в разные стороны. Одним из коридоров ученые попали в огромное круглое, метров на сто в диаметре, помещение, увенчанное прозрачным куполом. Море света лилось со двора, но, пройдя через изумрудные стены, превращалось в мягкое, приятное глазу освещение.

На противоположной от входа стороне были полукругом расположены белоснежные столы с прозрачным покрытием, которые поднимались на два метра над полом. В центре зала виднелся небольшой пульт. Над одним из столов нависли странной формы рефлекторы, к ним поднималась система проводов и труб.

Аэровел показал пальцем на этот стол.

— Видишь? Там лежит труп Джон Ея...

— И ты...

— И я решил воскресить его!

— Но ведь тысячи лет!..

— Ты слышал его завещание? — строго спросил Аэровел. — Они верили, что мы — люди будущего — сможем воскресить их. И, если говорить откровенно, они имеют

не меньшее право жить в наше время, чем наши современники...

— О друг мой! — горячо пожал руку товарища Лиахим.
— Я рад за тебя. Но уверен ли ты в успехе?..

— Абсолютно! Сохранились все ткани. Мы только восстановим их жизнеспособность.

Аэровел подошел к пульту, нажал кнопку вызова. Сразу же в помещении появилось несколько человек. Они приблизились к возвышению, на котором лежало тело человека, и остановились, ожидая распоряжений ученого.

Аэровел кивнул им, включил аппаратуру. Над столом навис огромный кожух, из него исходило чуть слышное, но мощное гудение. Рефлекторы вспыхнули голубым светом, под прозрачным покрытием поплыли зеленовато-фиолетовые волны. Ассистенты склонились над экранами, внимательно глядя с их помощью на труп.

На маленьких экранах пульта отмечались изменения, происходившие в организме человека, которого воскрешали. Аэровел, не отводя взгляда от пульта, тихо говорил:

— Ты понимаешь, все происходит очень просто. Ранее, на протяжении сотен тысяч лет наука искала живой синтетический белок, чтобы возвращать мертвых к жизни или продлевать жизнь вообще. Последние исследования показали, что в этом нет необходимости. Осуществляется атомно-молекулярная перестройка живого вещества — и никаких добавок живого белка!

Бессмертие — это практически регулярное стимулирование клеток организма с помощью вот этой активизирующей аппаратуры. Воскрешение — это восстановление функционирования всех связей организма с помощью восстановления прежнего расположения клеток. Это возможно до тех пор, пока организм не разложился.

— Когда же ты предложишь открыть эру бессмертия?
— тихо и торжественно спросил Лиахим.

— Это решит Космический Совет. Институт приготовил все материалы, аппаратуру. Но я проведу эксперимент сейчас. Джон-Эй будет не только воскрешен, но и первым введен в бессмертие.

Гудение внутри покрытия прекратилось. Кожух поплыл вверх. Один из ассистентов тихо сказал:

— Все связи в организме восстановлены, углеродные наложения удалены.

Аэровел кивнул, еще несколько секунд безмолвно наблюдал изображения на экранах.

— Вот видишь, — заговорил он, — магнитно-биологическое поле, согласно закону неповторимости данного индивида, возобновило абсолютно такое же соотношение клеток и молекулярно-кристаллических структур в организме, как и при жизни. Теперь можно...

— Стимулятор! — приглушенным голосом промолвил Аэровел.

Лиахим посмотрел на шкалу и ужаснулся. В конденсаторе накопилась энергия в миллионы вольт! Аэровел дал команду автоматам. Ассистенты, которые стояли у стола, вздрогнули. Тело Джон-Эя подпрыгнуло и снова замерло. Но вот на темных круглых экранах пульта засияли золотые звездочки, они увеличивались, вытягивались, превращались в змейки.

Через минуту ясные живые зигзаги весело забегали по темному полю, сообщая о том, что человек воскрес.

Аэровел вытер обильный пот, выступивший на высоком матовом лбу от волнения, и с радостной улыбкой посмотрел на товарища.

— Ну?..

— Я поражен, — прошептал Лиахим. — Покажи мне его.

Ученые подошли к столу. Ассистенты уважительно расступились. Лиахим увидел за навесом фигуру человека, закутанную тонкой сеткой. Грудь его вздрагивала.

— Освободить тело! — приказал Аэровел.

Ассистенты быстро убрали сетчатые электроды, прозрачное покрытие и отступили от возвышения. Обнаженное тело Джон-Эя было бледно-синим. Но вот оно постепенно наполнялось красками, розовело. Красные пятна появились на желтом худом лице, превратились в сплошной румянец. Задрожали веки, раскрылись и снова закрылись губы. Прошло несколько минут в полной тишине.

Мышцы человека напряглись, рука задвигалась и легла на глаза, будто закрывая их! Джон-Эй тихо поднялся на локоть и сел. Из-под ладони посмотрел вперед. Его туманный взгляд встретил внимательные глаза Аэровела, наполнился удивлением, скользнул вниз, на голубой плащ ученого, перескочил на других присутствующих. Из его уст сорвались слова, непонятные ученым...

Аэровел быстро включил связь с Космическим Советом, вызвал аппаратную машину памяти. На пульте загорелась зеленая лампочка.

Губы Джон-Эя снова вздрогнули, зашевелились.

— Где я? Что со мной? Кто вы? — переводила машина вопросы человека из прошлого.

— Вы на родной планете, Джон-Эй, — ответил Аэровел. — Вы вернулись домой через десять тысяч лет после вылета экспедиции. Согласно завещанию мы воскресили вас...

— Десять тысяч лет, — удивленно прошептал Джон-Эй. По его худых щеках покатилась прозрачная слеза, руки судорожно сжались в кулаки. — Воскрешение... Бесмертие... Мы не ошиблись в своих... мечтах?..

— Нет! «Вы не ошиблись!» — твердо сказал Аэровел. — Но об этом потом, когда вы будете совсем здоровым...

— Наконец-то! — вырвалось из пересохших уст Джон-Эя и он, побледнев, со стоном откинулся на спину...

СЕРДЦЕ АЭРОВЕЛА ГОВОРИТ

Аэровел стоял на берегу реки и задумчиво смотрел в ночную мглу. В омуте — внизу — колыхались далекие звезды. Над горизонтом периодически пролетали разноцветные огни — искусственные спутники планеты. Где-то под облаками в темном небе золотился в лучах прожекторов воздушный дворец для детей — будущих космонавтов. Издалека донеслись звуки симфонии — эта мелодия проникала глубоко в сердце и будила давно уснувшие желания и чувства...

Что же она говорила? Чего хотелось Аэровелу? Разве не все ясно? Разве не осуществляются лучшие надежды и мечты тысяч и тысяч поколений? Разве не имеет старейший ученый всего, что может желать человек?.. Кажется, нет. Наверное, все есть. Но на сердце беспокойство... Сердце — ты, сколько существует человечество, вызываешь тревогу, бунтуешь кровь!..

Аэровел закрыл глаза. И вот тенью появилась перед ним фигура. Она... Опять она!.. Любимая моя, Осенний Лист, почему ты так долго преследуешь меня? Отпусти, дай мне свободу перед бессмертной дорогой!..

И кажется ученому, что вздымаются вверх прозрачные руки и на фоне звезд благословляют его. Откуда эти видения? Пожалуй, со дна души поднимается древняя муть наивной веры в чудеса! А может, эта вера была интуитивным ощущением возможности для людей стать бессмертными, всемогущими? Может, потому и создавали люди богов и наделяли их теми качествами, о которых мечтали сами? А теперь! Теперь люди получили силы мощнее, чем все боги древних народов! Но все же не удовлетворяет одно только могущество человека, одна только возможность раскрывать самые невероятные тайны. Есть еще одна тайна, которая вечно зовет и будет

звать каждого к решению. Женское сердце! Нежное, полное любви и верности, готовое на самопожертвование и смерть ради любимого! В нем тоже — бесконечная тайна, к нему вечное стремление, в нем — будущие поколения и поиски смысла бытия!..

Аэровел улыбнулся. Надо идти. Достаточно сентиментальных рассуждений. Скоро снова соберется Космический Совет и потом — небывалый эксперимент. Надо подыскать сильных людей для осуществления замыслов, проверить каждую деталь.

Километра два ученый брел через травы в степном заповеднике. По пути из-под ног испуганно прыгнули два зайца, недалеко пробежала косуля. Из-за плотной ограды широколиственных пальм и дубов сверкал сферический колпак над виллой Аэровела. Ученый быстро выбрался на гладкую дорожку и через несколько минут был в своем кабинете.

Там Аэровела встретили тишина и покой. Он давно жил один, и редко его беспокоили сыновья или внуки, или дети внуков, приглашая на разные праздники. Сегодня предполагалась серьезная работа над старинными материалами, и поэтому ученый принял специальную электробиологическую ванну между двумя рефлекторами для стимуляции мозга. Потом сел на стул, придвинул папку с серыми листами законсервированных бумаг, магнитофонные пленки далеких времен. Но ему помешали. Над столом загорелась лампочка вызова, на экране появилось лицо Искорки. Она виновато улыбнулась, тихо сказала:

— Прости меня, Аэровел. Мы получили записи автоматов того корабля. Среди них есть пленки кинофильмов с планеты, где властвует Диктатор... тот самый... Железный Диктатор! Я считаю...

— Давай! Давай, Искорка! — взволновался ученый. — Ты молодчина. И нечего извиняться... Я как раз над этими материалами работаю...

— Высылаю автоматической почтой, — ответила де-вушка, покраснев от похвалы ученого. Экран погас.

Вскоре в стене слева от стола открылось отверстие, и на стол выпал пакет с несколькими пленками. Аэровел достал старый аппарат для проектирования плоской пленки и подключил его к пространственному проектору.

Ученый, волнуясь, включил аппарат. Сейчас он увидит то, что они слышали на словах, — трагические картины гибели экспедиции, перелет в царство Диктатора, планету, где люди борются с миром машин...

В полной тьме возник куб пространства, загорелся розовым светом. Перед ученым поплыли эпизоды невероятной экспедиции в бездонные глубины Космоса. Аэровел забыл о времени, забыл, сколько он просидел на стуле, что ему надо делать. Он преклонялся перед несравненным героизмом людей, своих предков, и понимал, что всегда будет торжествовать в мире человеческий разум, что светлая, красивая, наполненная любовью и борьбой жизнь победит все черные силы в Космосе...

Но вот появились кадры, снятые на планете, в помещении Диктатора. Пленка помутнела, начала прерываться. Будто какая-то сила выводила из строя аппараты, и они не могли нормально действовать...

Вот показались ряды полусферических машин-слуг, ярко освещенный голубым светилом круг черного пола, зеленовато-прозрачный горб Диктатора, отвратительная фигура Ро... Снова затемнение!.. И, наконец, уродливые машины несут обнаженное тело человека в какое-то прозрачное покрытие. Ах, это же Георгий — начальник экспедиции!.. А вот и женщина на пьедестале...

Аэровел вздрогнул от неожиданности, впился глазами в неземное видение. Пленка закончилась... Ученый

поспешно прокрутил пленку назад и начал просматривать снова. На нужном месте остановил кадр... Как живая, возникла перед ним фигура огненноволосой красавицы. Лицо ее, будто высеченное тонким резцом скульптора, излучало спокойствие, печаль и ожидания. Волосы тяжелыми волнами закрывали маленькие округлые груди, и казалось, что это струится вокруг тела клубок лучей...

Аэровел оцепенел. Горячо забилося сердце. Сердце? Почему именно оно?

О, прекрасное создание! Какой светлый ум должен быть в ней! И там, в том мире, господствует машина, она стережет живой ум в состоянии полусмерти! Нет! Нельзя допустить этого! Разбить мрак, развеять отвратительное царство чудовищ, восстановить прекрасную цивилизацию!..

Аэровел включил аппарат связи. На экране появилось лицо Римидала. Он склонился над столом и что-то внимательно рассматривал. Увидев Аэровела, председатель Космического Совета приветливо улыбнулся.

— Что произошло?..

— Я сам возглавляю экспедицию в Большое Магелланово Облако, — сказал Аэровел. — Я решил. Мне надо поговорить с тобой о кандидатуре на мое место в Институте...

— Почему ты так решил? — удивился Римидал.

— Скажу потом. Я знаю одно — моего решения не изменит ничто.

Экран погас. Ученый прошелся по комнате, открыл герметичные ставни. Снаружи ворвался гомон утра, первый луч зари.

Сердце Аэровела снова заговорило...

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ

Летающая площадка плыла на восток низко над землей. На ней в удобных креслах сидели Аэровел, Лиакхим, Искорка, а также Джон-Эй, встревоженный, напряженный, одетый в непривычную для него одежду — легкую, нежно-зеленую накидку. Он заметно поправился, помолодел за двадцать дней после своего воскрешения, но

взгляд его был суровым и мрачным. Новый мир, необычность условий сковывали Джон-Эя. Искорка украдкой поглядывала на странного гостя из далекого прошлого. Ее светлые глаза с интересом и восхищением смотрели на него. Что-то странное творилось с Искоркой, она еще никогда не испытывала такого. Но по извечной женской хитрости девушка не показала и знака на своем лице. Она несколько дней сопровождала Джон-Эя в его экскурсиях по новой Земле, учила его язык, рассказывала о событиях, людях и машинах. Джон-Эй грустил. Не осталось ничего от того, что было десять тысяч лет назад. Разве что так же печально шелестели дубы и березы в заповедниках, как и раньше, да блестели тревожными искорками глаза у девушки, как и у тех, давно умерших девушек...

И еще одно подняло настроение Джон-Эя, примирило с необычными условиями — разговор со Светозаром, который очень просил свидания с Человеком Прошлого. Наивно и непосредственно Светозар спрашивал Джон-Эя, так ли представляли себе предки будущее, то ли это, за что они умирали, боролись, имеют ли право потомки забывать о тех, которые готовили им пути и отказывали в счастье себе...

— Счастье для нас, — ответил Джон-Эй, — было не в достижении личной цели. Мы видели далекие поколения, свободные, прекрасные, вооруженные знаниями и мудростью. Мы страдали не для того, чтобы нас оплакивали или нам ставили памятники. То, что я вижу, — общество прекрасных, всемогущих людей — лучший памятник миллиардам безымянных героев Прошлого...

Светозар слушал Джон-Эя, и его серые глаза горели восторгом. Замыкался круг тысячелетий, прошлое встречалось с будущим. Мечта тысяч поколений воплощалась в жизнь, торжествовала, горела уже не в душах немногих людей, а победно шагала по Космосу...

Джон-Эй хотел знать, что решит Космический Совет по поводу его рассказа о мире машин. Он просил Искорку помочь ему связаться с Аэровелом. Но сегодня Аэровел сам вызвал их к себе, и они вылетели к месту старта старинного корабля, в котором прибыл Джон-Эй. Все спутники склонились над столом, где были разложены две карты одних и тех же материков Земли, но с заметными изменениями в очертаниях морей и континентов.

— Я знаю, — сказал, разгибаясь, Аэровел. — Я читал в старых книгах. Этот город назывался Цветоград. Он стоял на берегу моря...

— Вспомнил, вспомнил! — воскликнул Лиахим. — Лет двести назад я тоже был там на экскурсии. Археологические раскопки и прочее... Да?

— Совершенно верно, — подтвердил Аэровел.

— Правильно, — тихо промолвил Джон-Эй, глядя вниз на проплывающую землю, — это город назывался Цветоград. Но почему назывался? — спохватился он. — Разве он уничтожен? И кем?

— О, это далекое прошлое, — покачал головой Аэровел. Его глаза закрылись, он как бы возвращал из древности какие-то туманные воспоминания.

— Расскажите мне об этом прошлом, — попросил Джон-Эй.

— Хорошо, — колеблясь, сказал Аэровел. — Я расскажу. Но без хронологических дат, без имен. Вы сами понимаете — десять тысяч лет...

— Да. Понимаю. Но не обращайтесь ко мне на «вы». Ведь у вас нет этой формы обращения...

— Что ж, — засмеялся ученый, — я перенял не самую худшую привычку прошлого, изучая за двадцать дней ваш язык...

Джон-Эй смутился.

— Простите... Но я не смог изучить так быстро ваш язык.

— Понимаю, понимаю. Ничего удивительного. Ведь наш язык совершенствовался на протяжении тысяч лет и имеет совсем другие законы... Потом изучите, не беда!.. Ну, тогда слушайте, я начинаю!

Тихо звенел теплый ветер за площадкой, будто аккомпанируя чудесному рассказу Аэровела.

— Двадцать первое столетие. Вы сами оттуда. Век удивительных открытий, фантастических устремлений и первых дальних звездных путешествий. Человечество, освободившись от социальных противоречий, ринулось с необыкновенным рвением к познанию Космоса в другие миры. Было открыто несколько заселенных систем по соседству с нашей, но меньше, чем думалось раньше. Новые открытия, связь с новыми мирами стоили огромных жертв, многочисленных материальных затрат. Пагубная гигантомания часто приносила вред, человеческая мечта и мысль обгоняла технические возможности, вызывая противоречия. Однако, ломая вредные традиции, освобождаясь от предрассудков и ненужных обычаев, медленно приходила эра гармонии Разума и Сердца.

И вот в это время — шло как раз двадцать четвертое столетие по древнему календарю — титаническая борьба за Человека была прервана вмешательством извне. Это произошло так.

Третий по счету дегравитационный корабль вылетел в дальнюю экспедицию к планетной системе звезды, которая называлась Полярной или Альфой Малой Медведицы. Готовилась другая экспедиция для выяснения причин очевидной гибели первой. Но эта экспедиция не была осуществлена ...

В середине двадцать четвертого столетия, через сорок восемь лет после вылета корабля на Полярную, Землю постигла страшная катастрофа. Города и села планеты вдруг по неизвестной причине охватывались всепожирающим пламенем, уничтожались посевы, леса, заводы,

библиотеки, культурные центры. Сначала думали, что это стихийное бедствие, вызванное повышенной активностью Солнца, но скоро увидели, что огонь охватывает определенные участки, будто выбранные чьей-то рукой.

Потом выяснилось, что в нашу систему вторглись несколько звездолетов с Полярной, где в течение многих тысячелетий разумная раса развивалась в направлении жестокости, эгоизма, ненависти ко всему живому. Конечно, не все разумные существа, населявшие систему, а верховная каста, которой удалось на долгие века заковать волю низших существ. Так вот, эта раса достигла высоких вершин Знания и в других мирах искала возможности осуществить свои экспансионистские устремления. Она захватила наш космический корабль, экипаж которого не подозревал ничего, и, узнав секрет дегравитации, напала на нас, чтобы покорить Землю.

Это были страшные дни. Многие думали, что цивилизация погибла. Единый мировой центр был уничтожен, координация действий исчезла. Наступал постыдный конец человечества.

Но спасение нашлось в полном любви, готовом на жертву ради других сердце человека. Трое молодых ребят вылетели на старых самолетах с атомными зарядами к месту концентрации агрессоров и их аппаратов. Это было в пустыне, где расположены наши биологическо-исследовательские плантации и центры. Пустыня называлась тогда Сахара. Чужаков не было видно: их укрывало дегравитационное поле. Герои распределили между собой квадраты, где должны были прятаться враги, и, ринувшись вниз, вызвали страшные взрывы на площади в сотни квадратных километров. Жестокое порождение чужого мира посчастливилось уничтожить. Мир освободился от страшной угрозы, угрозы рабства.

Человечество торжествовало, склоняя голову перед безымянными героями. На месте, где произошли

упомянутые события, им построили памятник. Он стоит до сих пор.

Человечество заплатило огромную цену за жестокую науку. Оно поняло порочность тогдашней системы распространения знаний и воспитания. Огромные достижения Науки, которые готовили небывалые прыжки в познании Мира, были в большинстве случаев монополией отдельных Институты и ученых, а для широких масс готовились только пилули, которые легко было переваривать, но которые не давали настоящих знаний. Это было несчастьем. Почти все научные центры сгорели, и Человечество было отброшено назад, к знаниям двадцатого столетия.

Но урок не прошел даром. Люди запомнили, что интеллект может быть антигуманным, и были начеку. Впоследствии с помощью соседних систем человечество восстановило знания и двинулось вперед.

Наибольшее внимание мы уделили воспитанию сознания, борьбе за долголетие и бессмертие. Мы не спешили, как раньше, лететь за пределы нашей Галактики, пользуясь относительностью Времени, потому что на примере прошлой истории знали, что в этом нет ни смысла, ни необходимости. Мы поняли, что рваться в полную силу в глубину Бесконечности можно только тогда, когда Человек будет бессмертным, когда на Земле не останется ни одного существа, отягощенного хоть в малейшей степени эгоизмом. Только свободный, гордый и ясный Разум надо нести в другие миры, соединяя его поток с другими потоками.

В наши дни пришло новое испытание для разума. Некоторые ученые хотели освободить человечество от главного, что дает смысл жизни, — от научного мышления. Прилет вашего звездолета и рассказ об ужасном царстве машин пресек опасный замысел.

Это основное, что я могу рассказать. Ты попал в век, когда побеждена смерть и когда перед Разумом открывается бесконечный грандиозный путь исследования и познания. Мы гордимся тем, что можем заявить: Человечество готово для этого славного пути! И, может, не так далеко от нас тот чудесный мир высокого разума, о котором ты нам рассказал, Джон-Эй!..

Аэровел умолк. Джон-Эй, закрыв глаза ладонью, сидел неподвижно, пораженный историей планеты. Даже Искорка, которая знала все это, по-детски открыла губы, очарованная рассказом.

— Я хотел бы видеть памятник героям, — попросил Джон-Эй, опомнившись от впечатлений.

— Хорошо, — сказал Аэровел. — Я включу телепередачу оттуда. Всегда можно наблюдать этот памятник, снятый пространственным проектором ночью. Это очень волнительное и прекрасное зрелище. Смотрите!..

Ученый включил небольшой экран. На нем была полная тьма. Затем среди сплошного океана ночи возникли три светлых пятнышка. Они увеличивались, излучали кровавое сияние. В этом свете появились три фигуры юношей с поднятыми вверх руками, с непобедимым устремлением вперед. Груды их были разорваны, в поднятых руках горели их сердца, которые они отдали смерти ради людей. Джон-Эй сразу вспомнил старинную легенду о Данко. Очевидно, скульпторы использовали именно этот образ.

Где-то внизу пьедестала вспыхнуло пламя. Оно, как сказочный цветок, охватило разноцветными лепестками трех юношей. Отсветы огня сверкали на молодых прекрасных лицах, полных любви и пылкой стремительности. Казалось, горят так они на костре бессмертия и никогда не сгорят.

Видение исчезло. Аэровел выключил телеприем. Глаза Джон-Эя блеснули восторгом и гордостью.

— А та раса, что напала на Землю, и до сих пор правит там? — спросил он ученого.

— Нет! Мы, согласовав действия с нашими соседями, послали на Полярную вооруженную экспедицию, чтобы уничтожить очаг агрессии и угрозы для миролюбивых систем. Но мы опоздали. Там, на планете в системе Полярной, произошла междоусобная война. Рабы восстали, и напали на правящую верхушку. Силы с обеих сторон были колоссальны. Вся поверхность планеты сожжена, уничтожена полностью. Атмосфера планеты отравилась так, что мы не нашли ни одного живого существа, ни одного растения, даже примитивных бактерий... Как видите, не везде, как у нас, эволюция общества приводит к положительным формациям...

— Чем же ваше общество отличается от предыдущих?
— тихо спросил Джон-Эй.

— Думаю, что всем. Особенно тем, что нами полностью ликвидирована проблема, которая раньше терзала человечество и даже определяла политическое или экономическое лицо предыдущих социальных формаций — проблема пищи, проблема следующего дня. Наука полностью удовлетворяет потребности человека в пище и предметах потребления. Но это стало второстепенным. Ты видишь, что наша пища упрощена и унифицирована, хотя и имеет в себе все необходимые вещества, из которых формируется организм. Мы совсем отказались от мяса животных и вообще живых существ... Мы выращиваем такие плоды, которые концентрируют в себе все элементы в нужных пропорциях и пригодны к употреблению их организмом. Очень упрощать процесс потребления пищи мы не хотим, так как при этом будет меняться аппарат пищеварения, а отсюда и формы человека, которые создавались миллионы лет и считаются эстетическими образцами. Но и подражать людям прошлого, которые имели даже эстетику питания, мы также не будем, потому что это унижает

Разум. У нас есть значимые и высокие цели. Каждый индивид освобожден для того, чтобы впитывать в себя мудрость Знания. Наше общество — поистине общество равных. Мы сделали много для Человека. То, о чем только мечтали вы, — притворено в жизнь. По всей планете создан одинаковый мягкий климат, полностью уничтожены болезни и возможность их возникновения, отношения между людьми регулируются не законами, как раньше, а сознанием... И, наконец, Человек так глубоко проник в тайны Материи, что получил неограниченные запасы энергии — мощной, удобной в пользовании. Именно это обстоятельство позволяет проводить колоссальные эксперименты, которые открывают новую страницу в жизни Разумного Мира. Это — победа над Пространством!

В жертву новому Знанию было принесено много жизней молодых энтузиастов, так как часто мы шли вслепую, но теперь все самое трудное позади. Мечты ваших поколений мы воплощаем в действительность...

— Это слова Георгия, — прошептал Джон-Эй. — Вы оправдываете надежды своих предков. Но поясните хоть немного суть ваших открытий. В двадцатом веке и даже в наше время такие проблемы относились к сфере мистики, и в лучших случаях о них говорили только на страницах фантастических книг...

— Хорошо. Я скажу, — согласился Аэровел. — Дело в том, что издавна культивировались ложные представления о сути Пространства. Люди упорно верили своим чувствам, которые убеждали, что пространство — этоместилище материи. Эйнштейн и Лобачевский первые стали на путь разрушения привычных представлений. Долго их взгляды были непонятными или малопонятными и относились к сфере абстракций. А для нас это — жизнь, практика. Опыт показывает, что Пространство есть там, где есть поле гравитации. Пространства нет без поля, поля

нет без материи, значит, Пространство — это функция тяготеющей материи...

Мы научились нейтрализовать пространство. В нужном направлении, например, на Луне, мы создаем полосу антитяготения такого же напряжения, как и притяжения. Пространство исчезает, мы оказываемся на другом космическом теле. Короче, — полет связан с Временем. Время — это измерение определенного количества энергии, необходимой, чтобы преодолеть напряжение поля и добраться до другого мира! А мы не преодолеваем притяжения механическим передвижением, а уничтожаем его, нейтрализуем!..

— Колоссально! — воскликнул Джон-Эй. — Это... это... Я не знаю даже, как назвать!..

— И не надо, — улыбнулся Аэровел. — В древности были великие люди, которые предвидели такие возможности, могучий разум которых пробивал все оболочки закостенелых догм и консерватизма в мышлении, чей разум опережал современников на тысячелетия...

Вдали засинела гладь моря. На берегу, среди пышных растений, поднимались снежно-белые, розовые, голубые дворцы. Они казались сказочным порождением морской волны, которая плеснула в небо и окаменела на солнце в неповторимых прекрасных формах, переливаясь различными красками. Летучая площадка, повинувшись руке Аэровела, повернула налево и поплыла над плантациями растений на север. Показался большой квадрат пространства, свободного от плантаций и зданий. Над этим местом площадка остановилась и начала снижаться. Джон-Эй с волнением смотрел на раскопки, которые проводились внизу. Насколько хватал глаз, из-под земли вырастали остатки чудесных старинных дворцов.

— Это ваш город, — сказал Аэровел, обращаясь к Джон-Эю.

— Но он же был на берегу моря?

— Море отошло...

Площадка остановилась. К ней подбежали какие-то люди — молодой розовощекий мальчуган и кудрявая миниатюрная девушка.

— Старейший археолог, — прошептал Аэровел.

— Старейший? — засмеялся Джон-Эй.

— Да! Вы забываете о долголетию. Берали и Мрия — руководители раскопок, — представил ученый.

Те поклонились гостю, о котором уже слышали.

— Мы должны обнаружить местонахождение Института Анабиоза, — обратился к археологам Аэровел.

— Мы поможем с радостью, — ответил Берали. — Но как?

— Я пройду по улицам, — сказал Джон-Эй. — Думаю, мне удастся узнать что-нибудь и согласно плану вспомнить, где был Институт. Но для чего все это нужно?..

— Секрет, — засмеялся Аэровел. — Узнаете потом...

Руководители раскопок и прибывшие медленно двинулись по улицам мертвого города. Многие были чужим для Джон-Эя, так как от времени вылета экспедиции до гибели города прошло почти четыре века и его вид изменился до неузнаваемости. Но вот они остановились на краю широкой звездообразной площади, и у Джон-Эя вырвался радостный возглас:

— Узнал! Вот Дворец Съездов! Теперь мы найдем легко...

Он развернул карту, все склонились над ней.

— Вот. Два километра двести метров на север.

— Но, как вы думаете, там что-нибудь сохранилось? — осторожно спросил Аэровел.

— Наверное, — ответил Джон-Эй. — Все основные помещения Института были под землей. Полная изоляция от внешнего воздействия...

Старейший ученый повернулся к Берали.

— Прошу закончить раскопки за два дня. С максимальной осторожностью...

...Группа сотрудников Института Воскрешений, возглавляемая Аэровелом, Лиахим, Джон-Эй, Искорка и Светозар с Нени, медленно спускались по широкой матово-зеленой лестнице в подземелье древнего Института Анабиоза. В электропровода, которые сохранились, был пущен ток, длинный коридор освещался.

Группа вступила в помещение с низкими овальными сводами. Вдоль стен были установлены своеобразные массивные резервуары, прикрытые матовыми плитами. Возле каждой установки виднелась аппаратура явно радиотехнического характера.

— Магнитная запись, — отозвался Джон-Эй и включил первый слева магнитофон.

Послышались слова, сказанные на языке, который понимали только Джон-Эй, Аэровел, Лиахим и Искорка.

— Воскресить в тридцатом году двадцать пятого столетия. Синегор. Тридцати лет.

Джон-Эй, волнуясь, включил еще одну установку, затем другую. И вот все увидели, как Человек Прошлого побледнел и зашатался. Из динамика магнитофонаплыли спокойные слова:

— Марианна. Двадцати трех лет. В состоянии искусственной клинической смерти. Воскресить после возвращения первой внегалактической экспедиции в Большое Магелланово Облако. Время вылета — две тысячи пятьдесят восьмой год. Руководитель экспедиции — Георгий. Эксперимент проводится в соответствии с желанием самой подопытной...

— Так вот почему вы разыскивали этот Институт, — тихо сказал Джон-Эй. — Но откуда вы узнали о Марианне, о том, что она здесь?.. Я ведь тоже не знал этого...

— Марианна — ваша возлюбленная? — неестественно живо перебила Искорка. Аэровел засмеялся, глядя на

девушку, которая покраснела до ушей. Джон-Эй бросил на Искорку внимательный и дружеский взгляд.

— Нет, — ответил он. — Это невеста Георгия...

— Я узнал об этом, — перебил Аэровел, — из материалов Мирового Фонда, и вы понимаете, что я не мог оставить все так. Вот кто наткнулся на эти материалы, — показал он на Светозара.

Джон-Эй горячо сжал парню руку. Тот покраснел от похвалы, смутился. Джон-Эй тревожно повернулся к Аэровелу.

— Что же вы думаете сделать с ней?..

— Воскресить!

— А потом?

— Вы услышите об этом на заседании Космического Совета...

По знаку старейшего ученого резервуар был открыт. Все увидели в его глубине за прозрачным покрытием молодую красивую женщину. Длинные ресницы отбрасывали на бледные щеки скорбные тени, еще больше подчеркивая красоту лица.

— Это она, — прошептал Джон-Эй. Он внезапно и неожиданно для других заплакал слезами радости и счастья.

Марианна через десять тысяч лет возвращалась к жизни в новый сказочный мир...

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Рассказ Аэровела о преодолении пространства без аппаратов так поразила Джон-Эя, что он не выдержал и попросил Искорку продемонстрировать это. Девушка переговорила с Лиахимом. Институт Галактических Экспедиций дал разрешение.

...Перед рассветом они вылетели на гравилете к космодрому. Теплый ветер дул прямо в лицо. Невысоко над горизонтом сияла туманная Луна. Джон-Эй посмотрел на нее и понял, что спутник Земли теперь не такой, как был раньше. Что с ним произошло? Не видно известных привычных пятен. Вокруг диска появилась туманная корона...

— Искорка! — отозвался пораженный Джон-Эй. — Объясните мне, что это значит?..

Искорка засмеялась. Она поняла его.

— Сейчас вы про все узнаете. Несколько минут терпения...

На космодроме их ждали. Гравилет приземлился в ослепительно освещенном круге.

Искорка взяла Джон-Эя за руку и потащила к какому-то проему.

Они зашли в сферическую кабину с маленьким круглым матовым экраном и миниатюрным пультом, сели в глубокие кресла из прозрачного, почти невидимого материала.

На экране Джон-Эй увидел диск Луны. Он был далекий, как и тысячелетия назад. Казалось невероятным то, что должно было произойти.

Искорка гордо положила руку на пульт.

— Можно? — Блеснула она глазами.

Джон-Эй молча кивнул, не сводя взгляда с Луны. Он, как во сне, слышал голос девушки, который говорил:

— Специальные локаторы фокусируют направление, определяют расстояние с точностью до миллиметра. Теперь в конденсаторах накапливается необходимая энергия, чтобы создать антиполе. Мощные потоки квантов изолируют эту линию, не допускают, чтобы какой-либо микрометеор ликвидировал полосу антипространства... Внимание! Включаю установку! Пространство исчезает!

Колыхнулось небо, диск Луны в какую-то ничтожную долю секунды вырос до невероятных размеров и исчез. За иллюминаторами видно было синее небо, облака и ветви зеленых пальм, которые слегка колыхались.

Джон-Эй изумленно посмотрел на Искорку.

— Почему снаружи день? Где мы?..

— На Луне! — засмеялась девушка. — Не удивляйтесь, выходите и убеждайтесь.

Джон-Эй, изумленный, безмолвный, шагнул в открытый люк наружу. Вокруг расстилались ряды плодовых деревьев, аппарат стоял на небольшой площади. Недалеко возвышались антенны и какие-то энергетические сооружения. Высоко в небе сияло солнце, чуть ниже видно было туманный серп Земли.

— Луна, — прошептал Джон-Эй. — Это волшебство... Значит, вы заселили его, создали атмосферу...

— Да, — подтвердила девушка. — Луна теперь — курорт, место для отдыха... Но это не единичное явление. Несколько пустынных ранее планет преобразованы в заселенные центры. Для современной науки это не трудно...

Джон-Эй глубоко вдохнул душистый воздух Луны и гордо посмотрел вокруг. Это была гордость за человечество, за его величие и гений, который не знает преград. Прогресс идет шагами титанов, темпы его все ускоряются, и кто знает, так далеко Земля от того уровня, которого достигли представители далекого мира в чужих галлактиках...

Искорка тронула его за руку, ласково улыбнулась.

— Пора! Аппарат необходим для практических нужд. Вернемся на Землю...

Джон-Эй благодарно схватил ее руку, пожал, заглянул в глаза, которые излучали нежность и любовь.

— Девушка, мечта моя! Это невероятно! Это титанически!..

Искорка молча смотрела на Джон-Эя и с радостью видела, что Человек Прошлого оживает духовно, сердце его растапливается, освобождается от скорлупы печали и готовится к великому бессмертному пути по дорогам Вселенной. И еще Искорка поняла, что на той дороге рядом с ним непременно будет она, как незаменимый друг, товарищ и жена...

ВЕЛИКОЕ СВЕРШЕНИЕ

...С закрытыми глазами она поднялась на твердом ложе, села. Лицо ее улыбнулось, руки протянулись вперед.

— Георгий... — тихо позвала она. Присутствующие молчали, пораженные этим словом, которое первым сорвалось с уст девушки после целой вечности. Она, не услышав ответа, нахмурилась, медленно открыла веки, приучая глаза к мягкому освещению.

— Марианна, — прошептал Джон-Эй.

Марианна вздрогнула, оглянулась, удивленно посмотрела на колоссальный купол помещения, потом на группу странно одетых людей и вот, наконец, увидела Джон-Эя. Глаза ее вспыхнули, на бледных щеках заиграл румянец.

— Это ты?.. — прошептала она. — Значит, экспедиция вернулась?

— Да, звездолет вернулся, — осторожно ответил Джон-Эй.

— А Георгий... Георгий где?..

— Подожди, не спеши, Марианна... Тебе надо полностью выздороветь...

Девушка встала, остановилась на возвышении, где происходило воскрешение. Ей подали плащ из розового блестящего материала. Она, не стесняясь наготы, легко

соскочила вниз, накинула плащ на плечи, закуталась. Глаза Марианны излучали радость и тревогу. Она, не отрываясь, смотрела на людей нового мира, куда ей удалось перескочить с помощью смерти.

— Сколько я пролежала? — наконец спросила она.

— Десять тысяч лет, — скромно ответил Аэровел.

— Десять тысяч лет?.. — Марианна умолкла, пытаясь осознать эти слова. — Только теперь вернулась экспедиция? Ведь вы меня воскресили согласно завещанию?..

— Да...

— Значит, Георгий вернулся? Джон-Эй, почему его нет? Что все это значит? Почему ты не смотришь мне в глаза?

Искорка, откровенно любуясь женщиной прошлого, подошла к ней, ласково положила руку на ее плечо.

— Дорогая сестра. Успокойся. Ты попала в такой век, когда и смерть уничтожена...

— Значит, он умер? Его нет? — закричала Марианна в отчаянии. — Зачем вы воскресили меня?..

— Он не умер, — серьезно сказал Джон-Эй. — Он жив, но сейчас очень далеко отсюда. Вернулся я один — вернее, не я, а мой труп. Меня воскресили. Нашли также тебя в погребенном под землей Институте Анабиоза по старым записям...

Джон-Эй сделал шаг вперед.

— Я прошу тебя... Марианна... будь спокойной... Наберись терпения. Я сегодня тебе все расскажу...

— А через месяц, — ласково улыбаясь, добавил Аэровел, — решится и судьба вашего Георгия.

Члены Космического Совета и гости были потрясены словами Аэровела, которые звучали над залом заседаний:

— Пришло время великих свершений. До сих пор мы накапливали силы и возможности, а теперь открываем для разумного мира новый путь к будущему, еще прекраснее и разумнее, чем когда-либо... Мы поможем соседней

системе возродить цивилизацию и, объединив усилия, поднимем Разум на небывалую высоту. Эра Бессмертия — это эра полного подчинения Космоса, это торжество Человека над Бесконечностью!..

Мы готовы к экспедиции! Энергии Системы достаточно, чтобы осуществить этот подвиг! Что скажет Космический Совет?..

Аэровел сошел с возвышения. И сразу же в зале поднялась буря. Мнения Совета разделились надвое. Необычность задачи и сверхграндиозность ее выполнения настроили многих против проекта.

Один за другим выходили к зеленому овалу ученые системы Солнца, Сириуса, Центавра, планеты Кома, представители народов Земли, чтобы принять участие в горячей дискуссии. Наконец поднялся с места Семоний и, сверкая черными глазами, проговорил:

— Проект имеет бесконечную перспективу. Кто будет противоречить этому? Мы стали бессмертными — чего же бояться? Откроем двери к нам другим Мирам, которые борются против ужасной опасности! Предлагаю передать решение вопроса Великому Совету Человечества.

Предложение было принято. На пять минут включилась с помощью гравитационных установок связь с другими системами. Разумные существа Великого Союза Систем слушали краткий пересказ проекта Аэровела и перспективы, которые он дает. На пятой минуте пришло решение — проект полностью был одобрен...

Зал заседаний Космического Совета взорвался овациями в честь автора проекта. Аэровел улыбнулся, скромно склонил голову.

К нему подбежала Марианна, обняла, горячо поцеловала.

— Это чудесно, невероятно! Ваше поколение — это поколение титанов!..

Аэровел серьезно посмотрел на девушку.

— Мы обязаны всем, чего достигли, далеким и неизвестным труженикам прошлых веков, потому что это они дали нам невероятные возможности и силы. Идите, готовьтесь, завтра мы вылетаем!..

ПОД СИЯНИЕМ ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДЫ

...Эксперимент был вынесен на просторы Антарктиды, которая служила Человечеству как стартовая площадка для всяких опасных исследований. Самые точные электронно-квантовые машины вычислили все — расстояние, пройденное системами за десять тысяч лет, направление, координаты планетной семьи голубой звезды в Большом Магеллановом Облаке.

Четыре гигантских звездолета были установлены на высоком горном плато. По краям материка ученые смонтировали кольцо энергетических установок, которые должны были обеспечить создание нейтрального пространства в узкой полосе между Землей и планетой, где властвовал Железный Диктатор.

Две тысячи человек заняли свои места в жилых помещениях звездолетов. Колоссальные космические корабли, которые достигали километра в диаметре, потрясая страшным грохотом материк, пробили атмосферу и вышли в мировое пространство. И тогда, по сигналу со звездолетов, невероятной мощности энергетическое поле было включено. К установкам хлынула энергия, сконденсированная на Меркурии, спутниках Юпитера и Сатурна. Руководил экспериментом с Земли Семоний, который стал страстным защитником проекта Аэровела после предпоследнего заседания Космического Совета. Он следил за звездолетами с помощью мощной электронно-

телескопической установки, защищенной прозрачной броней от внешнего мира.

Когда, по знаку Аэровела, энергия солнечной системы сконденсировалась на установках в Антарктике, невероятный вихрь, казалось, сотряс Вселенную, звездное небо слилось в сплошную сияющую сетку, и все это происходило одно неповторимое мгновение. Перед глазами Семония возникла лучезарная гигантская звезда и на фоне ее сияния четыре земных звездолета...

Эксперимент удался. Узкая полоса в поле притяжения двух галактик нейтрализовалась. Пространство в десятки тысяч парсеков было пробито. Автоматы молниеносно отключили источники энергии от установок. Сильное землетрясение сотрясло материк. Но когда Семоний отвел взгляд от экрана телескопа и оглянулся вокруг, за прозрачной броней снова было видно знакомые горы Антарктиды.

А звездолеты по точно вычисленному курсу, окружив себя дегравитационным полем, невидимые для любых приборов, приближались к страшной планете — резиденции Железного Диктатора. Главный звездолет вел Джон-Эй, другие — Аэровел, Лиахим и Искорка.

Нервы двух тысяч человек напряглись до предела. Ведь теперь должна решиться судьба не только посланцев человечества, но и заселенных систем родной Галактики...

Аэровел соединился с руководителями всех звездолетов, и когда их лица появились на пространственных экранах, лаконично сказал:

— Я на несколько минут включу электронные телескопы. Для этого надо нейтрализовать возможную реакцию Диктатора. Будьте наготове!..

Три невидимых корабли вышли вперед. Аэровел, волнуясь, включил автоматы. Перед ним вспыхнул экран электронного телескопа. В глаза ударил поток лучей

голубой звезды. Крупным планом в углу выплыла последняя планета системы с большим спутником. Аэровел мигом повернул регулятор увеличения. Планета приближалась, невероятно увеличивалась. Редкие прозрачные облака расступились, показалась поверхность чужого мира.

Аэровел не верил своим глазам. Перед ним на экране, увеличенные до натуральных размеров, проплывали населенные пункты планеты. Вот сверкнула лента реки, озеро, большие квадраты полей, леса, сады, вот опять населенный пункт, на широкой площади суетливая толпа. Это же люди, разумные существа! Неужели расчеты были неверны и звездолеты взяли не тот курс? Нет! Не может быть! Но Диктатор! Где он? Неужели...

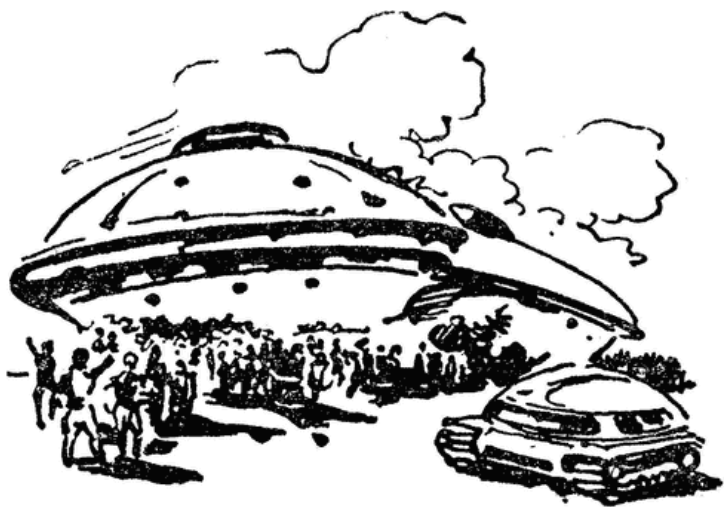
Аэровел не мог закончить внезапной мысли, не смел!..

Но факты были сильнее сомнения. На планете господствовала разумная человеческая раса!..

— Друзья! — взволнованно обратился Аэровел к своим спутникам и командирам звездолетов. — Телескопы свидетельствуют, что на планете процветает разумная жизнь. Думаю, что людям этой системы удалось победить Диктатора и его хозяина Ро. Предосторожность теперь не нужна! Выключайте дегравитационное поле и ведите корабли на посадку.

Восторженные возгласы радости были ответом на его слова. На экранах перископов загорелись алмазные огни планет системы и круг голубого солнца. Быстро приближался диск крайней планеты. Звездолеты еще раз окружили себя мощными полями, которые лишали их веса, и медленно опустились сквозь горячую атмосферу на песчаное плоскогорье. В розовое небо поднялись тучи песка, серо-фиолетовые деревья вокруг были раздавлены гигантскими аппаратами...

Некоторое время космонавты настороженно ожидали, наблюдая пустынный пейзаж. Но вот на горизонте появилась пыль. Это быстро приближались какие-то машины.

Их было не меньше сотни. Колонна этих машин остановилась метрах в двухстах от звездолетов. На песок высыпали тысячи существ — совсем похожих на людей Земли. Они приветственно поднимали руки вверх, они что-то кричали на непонятном языке.

Аэровел облегченно и радостно улыбнулся, аппараты связи понесли его слова по всем кораблям:

— Всем быть на местах! Джон-Эй, Марианна и десять человек вашего экипажа пусть вылетают к этим людям...

От колонны машин отделился огненноволосый гигант. Он восторженно смотрел на гигантские звездолеты, которые верхушками достигали облаков. Вот он увидел, как из верхушек двух звездолетов скользнули два летательных аппарата и бесшумно опустились вниз. Толпа замерла. К гиганту приблизилась площадка Аэровела. Ученый жестом пригласил представителя нового мира к себе. Тот, не колеблясь, легко поднялся по ступеням к людям Земли. Его глаза горели волнением и каким-то

необъяснимым странным чувством, в котором можно было прочесть и восхищение, и радость, и благодарность.

— Аэровел! — крикнул со своего аппарата Джон-Эй. — Клянусь, что он похож на Ио! Ты помнишь мой рассказ?..

Аэровел не успел что-нибудь ответить, как послышался голос гиганта. Он живо сказал языке Джон-Эя и Марианны:

— Ты правильно сказал, брат! Ио — наш далекий предок! Он рассказывал нашим родителям о прилете в далекие времена людей из другой галактики. Они погибли тогда в поединке с Диктатором.

— Но откуда вы знаете этот язык? — спросил пораженный Аэровел.

— Этот язык был записан квантовыми машинами, — пояснил огненноволосый. — Мы навек сохранили воспоминание о героях. Мы все время ждали, что к нам придут братья на помощь. Я вижу, что это вы — потомки героев. Но как вы узнали обо всем? Ведь тем двоим не посчастливилось убежать от Диктатора!..

Но вот взгляд гиганта встретился со взглядом Джон-Эя. Его глаза расширились от удивления, слова замерли на устах.

— Я видел это лицо на портретах, — прошептал он. — Джон-Эй... Но ведь прошли тысячелетия с тех пор!..

— Не удивляйтесь, — весело отозвался Джон-Эй. — Наука на нашей планете достигла такого уровня, что меня воскресили и даже сделали бессмертным!.. Но об этом потом. Скажите прежде — как вы одолели Диктатора?..

— По плану старого Ио, — ответил гигант. — Мы объединили усилия всех людей в подземельях, за много веков проделали пещеры до энергетических центров и уничтожили их. Это случилось недавно — лет тридцать назад... Ро умер через пятьсот лет после вашего прилета.

Напоследок он дал задание Диктатору уничтожать все живое. Только обезвредив главную машину, мы предотвратили полное уничтожение человеческой расы...

— А где же сам Диктатор теперь?..

— Диктатор остается на своем месте неповрежденный до сих пор. После Ио не было ни одного человека, который бы знал его конструкцию или конструкции автоматов того времени... Теперь у нас нет возможности так быстро восстановить свое могущество!..

Лицо Аэровела расцвело доброй улыбкой.

— Мы поможем вам. Показывайте нам дорогу. Летим в резиденцию Диктатора!..

Две летательные площадки легко поднялись в воздух и поплыли над землей. Сотни машин, поднимая пыль, помчались назад от плоскогорья, где возвышались звездолеты.

Вдруг Джон-Эй побледнел, в глазах мелькнули какие-то болезненные воспоминания. Марианна схватила его за руку.

— Что с тобой, друг?..

— Вио-литта! Горы Вио-литта! — прошептал Джон-Эй. Гигант услышал, одобрительно кивнул головой.

— Верно! Видите — руины антенны? Ее уничтожили наши смельчаки!

Внизу промелькнули рыжие холмы. Они уже зарастали бледно-зелеными кустами. Вот из-за холмов показалось гигантское прозрачное покрытие. Летательные площадки влетели через широкий проем внутрь и спустились на широкой черной площади среди тысяч неподвижных полусфер, которые сверкали потемневшими телами во круг. Прямо перед пораженными космонавтами возвышался прозрачный горб мертвого Диктатора — некогда грозного механического чудовища. Он теперь был бессилен... Джон-Эй метнул взгляд влево. Там, как и раньше, под прозрачным куполом стояли две фигуры.

— Георгий, — прошептал Джон-Эй.

— Где? Где Георгий? — иступленно крикнул Марианна. Слезы застилали ей глаза.

— Мы не знали, что с ними делать, — тихо отозвался гигант. — Мы их оставили так, как они стояли. Это — женщина-инженер, создатель Диктатора, и один из тех героев!..

Марианна не дослушала. Она выпрыгнула с площадки и метнулась к прозрачному покрытию. Джон-Эй кинулся за ней. Они первыми нашли вход и проникли в него. Перед ними на черном пьедестале стояли две неподвижные фигуры — Георгий и прекрасная женщина этого мира. На их лицах, как и раньше, замерло непонимание и болезненный вопрос — когда же закончится эта пантомима и над миром прекрасной звезды загорится огонь живого, а не призрачного Разума?..

Джон-Эй опередила Марианна. Она легко выбежала по извилистой лестнице к пьедесталу и бросилась, рыдая, к ногам Георгия. Ее подхватил Аэровел, который тоже поднялся сюда, поставил на ноги.

— Спокойно, девушка, — сказал он. — Мы воскресим их...

Он говорил это, а сам взволнованно смотрел на лицо огненноволосой красавицы — создателя страшной машины.

— Прости меня, Осенний Лист, далекая звезда моя! — прошептал он. — Я пошел навстречу судьбе своей. Вот она — передо мной. Я верну ей жизнь и разум. Мы вместе с ней создадим прекрасный мир. Мы соединим усилия двух галактик — и это будет трамплином в Бесконечность...

По знаку Аэровела прозрачные саркофаги с телами Георгия и женщины-инженера перенесли на площадки.

— Они в состоянии глубокого анабиоза, — сказал Аэровел. — Через два часа мы будем говорить с ними...

Упало покрытие над операционными столами. Люди взволнованно замерли. И вот... Свершилось!..

Сначала зашевелился Георгий, потом застонала Сией — огненноволосая женщина. Они возвращались к жизни, вырванные всемогущей рукой человека из тисков вечного сна.

Георгий медленно поднимался, нащупывал руками опору. Медленно открыл глаза. Туманным взглядом скользнул по собравшимся и вдруг... увидел Марианну.

Неясные воспоминания тенями пролетели в мозгу, яснили, наполнялись содержанием.

— Марианна! «Какой чудесный сон», — прошептал он.

Марианна не выдержала. Она не видела, как Аэровел помогает Сией вставать с ложа, как на широком плато народы планеты приветствуют братьев из далекой системы. Плача от счастья, она неотрывно смотрела на лицо

своего возлюбленного — осунувшееся, худое. Сердце ее билось так сильно, что казалось, оно выскочит из груди. А может, то не сердце билось, а рвалась в пространство, зарождалась судьба нового мира — бессмертная, прекрасная, счастливая...

Александр Колпаков

ГРИАДА

«Земля — колыбель человечества, но нельзя же
вечно жить в колыбели».
К.Э.Циолковский.

Часть первая НА КРЫЛЬЯХ ТЯГОТЕНИЯ

РОЗЫ И ТЕРНИИ

Развив силу тяги, в тысячу раз ослабившую земное притяжение, гравиплан медленно падает с восемнадцатого спутника в верхние слои атмосферы.

Что меня ждет? Сегодня я был срочно вызван на Землю Советом по освоению Космоса, а на мое место штурмана в межзвездной экспедиции к Альфе Эридана назначен другой астролетчик. Жаль, что пришлось расстаться с товарищами... Со многими из эридановцев я не раз делил тяготы межзвездных экспедиций.

Когда до Земли остается сто километров, мягко загорается экран миниатюрного астротелевизора.

Сейчас на нем должно возникнуть лицо дежурного диспетчера Космоцентра, который укажет сектор для приземления.

Я бросаю взгляд на экран. Чуть улыбаясь, на меня смотрят большие зеленоватые глаза. Красивая девушка в форме диспетчера.

— Пятый сектор, семьдесят девятая эстакада, — говорит она. — Включайте вторую ступень антигравитации.

Мне очень захотелось узнать, как ее зовут.

Вдруг гравиплан резко трянуло. В иллюминаторе полыхнула ослепительная голубовато-белая вспышка. Прибор показал предельное для двигателя-конденсатора напряжение — пятьдесят миллионов вольт. Короткое замыкание! С корпуса гравиплана срывается огромная голубоватая молния. Что-то затрещало, взвизгнуло. Сильно запахло гарью. Начинаю понимать, что сгорел аппарат, создающий анти тяготение. Но почему? А, все понятно! Безупречно точный и — чуткий прибор говорит мне языком цифр, что в двигатель попал метеор весом в 50 граммов.

Я всегда благоговел перед теорией вероятности.

Как утверждают ученые, метеор такого веса можно встретить у поверхности Земли лишь раз в тысячу лет. Ну вот я и встретил его... Повезло!

Гравиплан наклоняется вперед. Сила притяжения Земли, сдерживаемая до сих пор гигантской концентрацией электромагнитной энергии, цепко схватывает гравиплан и неудержимо влечет вниз. В плоскостях антенн обреченно завыл ветер.

«Конец? — спросил я себя. — Да, это конец моих звездных дорог...» Приятное ощущение, характерное для состояния невесомости, разливается по телу.

Лицо девушки, на которое я продолжаю упорно смотреть, вдруг затуманилось и поплыло...

— Пилот Андреев! Алло! — резко отдастся в ушах ее звенящий голос. — Что с вами? Держитесь! Я сейчас... одну минуту!

Стрелка радиоальтиметра быстро падает вниз.

До поверхности Земли остается 90... 80... 60 километров.

Отчаянным усилием поднимаю отяжелевшую голову и смотрю на экран телевизора. Повинуясь быстрым пальцам диспетчера, в операторской Космоцентра замигала сигнальная лампочка на пульте аварийной электронной машины. Та мгновенно выработала команду для радиотелеуправляемой спасательной ракеты. Через секунду ракета взмыла в небо. Электронный пилот осторожно подвел ее к падающему гравиплану. Еще миг... Наши скорости уравнились, и гигантский электромагнит спасательной ракеты притянул мой аппарат. Но до Земли остается всего двадцать километров!

Захлебываясь от перегрузки, гулко рокочут кислородно-водородные тормозные двигатели ракеты.

Я не мог тогда видеть, что прибор на пульте диспетчера показывал 12 «жи». Это означало, что перегрузка, вызванная резким торможением, в двенадцать раз превышала собственный вес гравиплана и всех предметов, находящихся в нем. Я согнулся под тяжестью тысячи килограммов, навалившихся на мои плечи. Но уменьшать темп торможения нельзя, иначе ракета вместе с гравипланом врежется в космос. «Лишь бы выдержать! — кажется, молил я тогда. — Выдержать несколько минут».

Опрокидываюсь на спину, чтобы снять невыносимый пресс торможения.

Наконец спасательная ракета уравнивает реактивной тягой земное притяжение и в десяти метрах от Земли неподвижно повисает в воздухе. Но она сожгла все топливо, запас которого не был рассчитан на столь необычный случай: ведь ракета «подхватила» гравиплан почти у самой Земли. Гулко выстрелив огненными фонтанами, ее двигатели умолкли. Вместе с гравипланом спасательная ракета тяжело обрушивается на поле космоса, ломая легкие части конструкции.

От сильного удара я теряю сознание...

В Космоцентре я считался опытным астронавтом, хотя и не звездой первой величины. Товарищи по профессии меня ценили и уважали. Но после этой злосчастной истории с гравипланом, когда я едва не погиб, фортуна перестала мне благоволить. Как только я немного оправился — спустя пять недель после приземления с аварийной ракетой, — меня вызвал начальник Космоцентра Андрей Чешенко.

— Не повезло тебе, — хмуро сказал он и смешно пошевелил пышными усами, предметом острословия всех звездоплавателей Восточного полушария. Потом укоризненно посмотрел на меня добрыми голубыми глазами. — А я ведь специально тогда отозвал тебя из эриданской экспедиции. Хотел назначить командиром квантовой ракеты, которая три дня назад улетела к сверхкарлику Койпера. Интереснейшая экспедиция! Опоздал... Отдохни пока на межпланетных трассах или поработай на орбитальных ракетах.

Я порывался возразить, но он уже говорил с кем-то по видеофону.

Понурив голову, я вышел в таком скверном настроении, какого еще никогда у меня не было. Ведь следующей звездной экспедиции придется ждать, может быть, три — четыре года!

Некоторое время я, работал на линии Земля — Марс, дважды побывал на Венере, участвовал в экспедиции по изучению астероидов. Но после межзвездных полетов это было легкое и притом скучное занятие. Я запросился на Землю, не зная, куда себя деть, и был переведен командиром аварийной ракеты на двадцать третий спутник Земли. Там я проболтался еще полгода — и, в сущности, без толку.

Аварий не случилось, и я часами слонялся по отсекам и лабораториям спутника, выискивая партнеров для партии в шахматы.

При всяком удобном случае я отпрашивался на Землю и первым делом спешил в Космоцентр — повидать свою спасительницу, о которой не забывал ни на минуту.

Едва мне разрешили после аварии покинуть лечебный санаторий Космоцентра, как я отправился искать девушку-диспетчера, предварительно разузнав, как ее зовут.

Приближаясь к залу операторов, я внушал себе, что просто исполняю долг вежливости. «Поблагодарю только и сразу уйду», — твердил я.

Я разыскал Лиду в громадном зале, уставленном электронными машинами. Она стояла вполборота ко мне. Ее тонкие пальцы уверенно перебегали по клавишам панели управления.

— Благодарю... — пробормотал я. — Вы спасли мне жизнь.

Лида удивленно повернулась.

— Пустяки, — слегка смутилась она. — Я лишь исполнила свой долг.

— Все равно я не забуду этого никогда!..

— Не преувеличивайте, — насмешливо ответила Лида, внимательно разглядывая свои пальцы.

Пришла моя очередь смутиться. Потоптавшись на месте, я собрался уходить, как вдруг она быстро спросила:

— Сильно тогда испугались, горе-пилот?

Наконец-то я рассмотрел ее глаза: мне показалось, что они излучают море света!

— Горе-пилот больше испугался ваших строгих глаз, чем земного тяготения.

Лида снисходительно улыбнулась. Так состоялось наше знакомство.

Постепенно я все больше узнавал Лиду. Три года назад она окончила Институт радиотелеуправления.

Дипломную работу Лида выполняла на двенадцатом спутнике. Там она предложила двойное радиосопровождение марсианских грузовых ракет, за что получила Почетную грамоту Высшего Совета по освоению Космоса. Последний год, до перевода в Космоцентр, она работала радиоштурманом на пассажирском кругосветном стратоплане, обслуживающем трассу Москва — Нью-Йорк — Москва.

...Мы часто улетали с ней за город в пышные заволжские степи, ставшие неузнаваемыми после обращения сибирских рек на юг, в сторону Средней Азии и Закаспия, Там я рассказывал ей о далеких мирах: о планетах Сириуса, затопленных могучим океаном пышной растительности; о синем безоблачном небе, на котором пылают два солнца: одно — большое, ослепительно яркое и горячее — это сам Сириус; другое — маленькое голубовато-белое светило, карликовый спутник его, наперсток вещества которого весит шестьдесят килограммов.

Я вспоминал трагическую гибель астронавтов, неосторожно попавших в сильные поля тяготения; рассказывал о долгих годах блужданий при поломках электронных счетно-решающих машин, когда астронавтам приходилось десятилетиями вычислять путь к Солнцу, о гигантской, изматывающей работе, которую машина проделала бы за день; о встречах со стадами странных существ на планетах Шестьдесят Первой звезды Лебеда — существ, которые через миллионы лет эволюции, возможно, станут носителями разума еще в одной части Вселенной...

— Как интересно побывать там, где был ты! — воскликнула как-то Лида.

— Когда-нибудь твоя мечта осуществится, — пообещал я.

— Нет, мне не вырваться с Земли, — печально отозвалась она. — Я не профессионал-астронавт...

Разве мы могли тогда предполагать, что ее желание действительно исполнится... через миллион лет!

Ведь нам с ней удалось побывать в удивительной стране Уо...

Незаметно летели месяцы. У меня не хватает слов рассказать о счастье, которое вошло в мою жизнь вместе с Лидой. Я полюбил ее глубоко и сильно. И Лида платила мне взаимностью. Каждый раз при возвращении из очередного космического полета она встречала меня у семьдесят девятой эстакады, придирчиво расспрашивала о подробностях путешествия, ласково заглядывала в глаза, словно желая убедиться, прежний ли я, не забыл ли о земной девушке в просторах Космоса. Потом мы отправлялись путешествовать на берега Средиземного моря и возвращались оттуда полные сил и здоровья, истосковавшиеся по любимой работе. Да, я не меньше, чем Лиду, любил свою работу — опасную, но интересную работу в Космосе.

Я по-прежнему грезил межзвездными полетами и настойчиво обивал пороги Межзвездного сектора Космоцентра. От меня отмахивались, как от назойливой мухи. А Чешенко даже отворачивался и делал вид, что не замечает меня. Когда же мы неожиданно сталкивались в коридорах, он поспешно скрывался за первой дверью или начинал оправдываться: — Ничего не могу сделать, дорогой Виктор. Дел сейчас по горло: расширенная программа освоения Космоса. Что? Когда к звездам? Просто ума не приложу! — Он виновато разводил руками. — Куда бы это тебя направить? Как назло, все межзвездные экспедиции намечаются не раньше будущего десятилетия. Знаешь, что, не торопись, поработай на межпланетных трассах! Подвернется что-нибудь интересное — сразу сообщу.

Я уходил, огорченный неудачей, подолгу бродил по улицам Космоцентра, проклиная скучную работу

аварийщика. Ведь я межзвездник. Это мое призвание, об этом я мечтал еще в детстве. И я давно познал то чувство бесконечного пространства, которое отчасти было знакомо в старину летчикам. Они называли его «чувством воздуха». Я говорю «отчасти» потому, что летчики не были полностью свободными: незримые цепи тяготения намертво приковывали их к Земле; им не дано было увидеть звездные миры.

И вот однажды в Управлении Космоцентра я услышал удивительную новость. В Академии Тяготения академик Самойлов спроектировал новый межзвездный корабль — гравитонную ракету.

— Говорят, это второй Эйнштейн, — сказал мне начальник Космоцентра, когда я примчался к нему. — Он открыл новые законы природы. Академик Самойлов утверждает, что его ракета сможет долететь до других Галактик, так как обладает почти неисчерпаемыми источниками энергии.

— Когда он летит? — с нетерпением спросил я.

Андрей Михайлович рассмеялся:

— Не так скоро, как хотелось бы тебе. Во всяком случае, мне это неизвестно. Я лишь знаю, что строительство гравитонной ракеты осуществляет Всемирный Научно-Технический Совет. Ее строят уже десять лет, без излишнего шума, так как дело новое и неосвоенное.

Я стал упрашивать Андрея Михайловича рекомендовать меня академику Самойлову. Начальник долго отнекивался, но потом сдался.

— Ладно, я позвоню ему. Хотя ничего не обещаю. Самойлова осаждают сотни добровольцев, а он чрезвычайно разборчив.

АКАДЕМИК САМОЙЛОВ

Спустя неделю я мчался по автостраде Космоцентр — Москва и неотступно думал о гравитонной ракете. Принцип ее действия был для меня совершенно неясен. Я имел самые общие представления о гравитонах — носителях тяготения, полученные еще в Академии Звездоплавания. Другое дело — моя профессия, прикладная астронавигация. Любой астронавт скажет, что тяготение — это вполне реальная вещь. И для меня, тяготение было таким же естественным свойством материальных масс, как и инерция, физическая природа которой тоже не познана. Однако в сущность тяготения я никогда не вдавался, ибо знал, что для познания этой сущности моей жизни явно не хватит.

Прямая как стрела электромагнитная автострада, электронное управление машиной и полная бесшумность движения создавали идеальные условия для путешествия. Я то дремал, убаюканный своими мыслями, то разглядывал проплывающие ландшафты. Дорога пересекала гигантские индустриальные районы, раскинувшиеся на всем протяжении от Волги до Москвы. Они сильно отличались от промышленных очагов в прошлых веках. Давно исчезли дым, копоть, шум и грохот. Новые заводы и фабрики, построенные из пластмассы и стекла, работали совершенно бесшумно. Ни один клуб дыма не поднимался даже над металлургическим заводом. Домны отошли в область предания. Энергия, необходимая для плавки металлов, поступала от атомных и термоядерных электростанций. Технологический процесс получения металлов осуществлялся в индукционных вакуумных печах.

...Машина проносится мимо титанового комбината. В начале XXI века титан окончательно вытеснил железо, так верно послужившее человечеству долгие

тысячелетия. По сравнению с железом титан обладает исключительной стойкостью к действию кислорода и влаги воздуха, прекрасно противостоит кислотам, щелочам, солям, превосходя в этом отношении даже благородные металлы: золото, серебро, платину. Конструкции и машины из титана живут столетия, тогда как железные и стальные изделия — не более сорока лет. С помощью нейтронного облучения титану придаются самые разнообразные ценные свойства.

Легированный титан — основной металл межзвездных ракет. Его свойства неожиданны и удивительны: он не пропускает космических лучей, выдерживает удары небольших метеоров, необычайно тверд и жаростоек при легкости, не уступающей алюминию.

На горизонте встали строгие корпуса радиационного металлургического завода. Радиационная металлургия — новая, развивающаяся отрасль промышленности XXIII века. Работая в тончайших режимах, радиоактивные аппараты, управляемые кибернетическими машинами, изменяют структуру атомных ядер обычных химических элементов. В результате целой гаммы искусственных превращений возникают редкие и рассеянные элементы — германий, галлий, скандий, иттрий и многие другие, получение которых Обычными методами металлургии чрезвычайно сложно и стоит дорого.

Промышленные районы сменялись сельскохозяйственными. До самого горизонта тянулись прекрасно возделанные поля. Искусственный подогрев и облучение, подземное орошение позволяли снимать по два-три урожая в год, выращивать в северных широтах рис, хлопок, лимоны.

Через шесть часов я подъезжал к столице Восточного полушария, сохранившей название Москва.

В Москве всегда помнишь о героическом XX веке, который смело шагнул к светлому будущему, в тот

прекрасный мир, где сейчас живу я и мои братья во всех уголках Земли. Люди XX века принесли неисчислимые жертвы, пролили реки крови, но рассеяли страшную черную тучу фашизма, нависшую над миром в те времена.

И сколько бы раз я ни подъезжал к столице Восточного полушария, меня всегда охватывали чувства сына, встречающего ласковый взгляд матери, ее светлую улыбку и прикосновение заботливых рук.

Гул биения жизни огромного города волнами вливается в мое сердце.

Центр города угадывался легко: там возвышалось гигантское здание Всемирного Научно-Технического Совета. Верхняя часть здания заканчивалась статуями Маркса, Энгельса, Ленина и Труженика Освобожденного Мира. Ночью статуи освещались изнутри и были видны за сотни километров. Сколько раз, возвращаясь из межзвездных экспедиций, я еще издали приветствовал великих провозвестников нового мира. Трасса орбитальной ракеты, возвращавшей меня с восемнадцатого спутника на космодром, всегда проходила севернее Москвы на высоте ста километров. И первое, что возникало на экране моего астротелевизора, была статуя Владимира Ленина, ярко выделявшаяся на фоне погруженной в ночь Земли. И каждый раз мое сердце наполнялось бесконечной гордостью: Ленин, деяния которого принадлежат всем будущим временам, — мой земляк!

...Движущиеся многоярусные тротуары бесшумно и быстро несли меня в научный сектор города.

Был весенний полдень; небо, с утра закрытое густыми облаками, посылало теплый рассеянный свет; солнце из-за складок облачных гор изредка бросало на землю робкий луч, ясный и радостный, как улыбка ребенка. На крышах зданий бесшумно работали электрические установки, направляя вниз ионный ветер-ветер дивной свежести и здоровья. Удобно расположившись в легком

кресле восьмого яруса, я скользил глазами по сторонам. Поток бесшумных автомобилей внизу; стаи вертолетов, словно птицы снующих по всем направлениям; колоссальные громады зданий из стекла и пластмассы; тихий говор людей, едущих выше и ниже меня; мелодичный гул пассажирских кругосветных стратопланов, пронсящих высоко за облаками...

Но вот, наконец, и Академия Тяготения. Я перешел на эскалатор, перевозивший пассажиров вниз, на улицы, и очутился у подножия здания. С некоторым смущением вошел я в просторный вестибюль Академии, где меня строго встретили бюсты Ньютона и Эйнштейна, установленные по бокам широкой, как приморская терраса, мраморной лестницы главного входа. Справочный экран указал мне, где найти Самойлова. Дверь его комнаты была приоткрыта.

— Можно? — спросил я, заметив в глубине небольшой, просто обставленной комнаты пожилого коренастого человека, уткнувшегося в толстые кипы проектов.

— Кто там? — недовольным голосом ответил ученый, не поворачивая головы. — Если студент, то принимаю от двух до пяти...

— Нет, не студент, — проговорил я, входя в комнату.

— Тогда что вам нужно?

У Самойлова были серые, колючие, как иголки глаза в очках.

Не очень радушная встреча. Я немного растерялся, но виду не подал.

— Вам говорил обо мне Чешенко? Я из Космоцентра.

Ученый наморщил лоб, очевидно вспоминая. Потом его лицо разгладилось, и он почти тепло взглянул на меня.

— Вспомнил, — сказал он более миролюбивым тоном.

— Вы Андреев?

— Да.

— Тогда садитесь. — Он широким жестом указал мне кресло, заваленное рулонами чертежей. — Могу обрадовать: будете пятьсот шестьдесят вторым претендентом на должность штурмана.

Я присел на краешек кресла.

— Так ты участвовал в экспедиции, исследовавшей систему Сириуса? — оживленно спросил физик, вспомнив, вероятно, подробности разговора с начальником Космцентра. — И собственными глазами видел знаменитый белый карлик Сириус В?

Польщенный вниманием, я приготовился подробно рассказать, но Самойлов уже забыл о своем вопросе. Он что-то разыскивал в гряде бумаг.

— Сколько тебе лет? — неожиданно спросил он.

— Тридцать восемь, — ответил я, решив ничему не удивляться.

— Давно летаешь на фотонных ракетах?

Вместо ответа я отвернул лацкан куртки, показывая ему медаль, на которой было выгравировано: «Сто световых лет».

— Ага... — удовлетворенно протянул ученый, с минуту помолчал и заговорил о вещах, совсем как будто не связанных с предыдущим разговором. — Вот здесь должна быть эта планета, — он энергично обвел красным овалом юго-восточную часть созвездия Змееносца. Перед ним лежала подробная карта ядра Галактики, густо испещренная обозначениями.

— О какой планете вы говорите? — осторожно спросил я, разглядывая карту из-за его плеча.

— О той, к которой нужно лететь.

Тогда я более внимательно посмотрел на Самойлова, и мне вдруг показалось, что он просто шутит.

Светлую точку на окраине Галактики, отмечавшую местоположение Солнца, и красный овал в центре Галактики на карте можно было соединить расставленными

пальцами. Но я — то знал, что на самом деле здесь улеглось расстояние, равное тридцати тысячам световых лет! Я не рассчитывал прожить столько и не представлял, как это можно всерьез говорить о поисках планеты в центре Галактики.

— Центральное ядро нашей Галактики состоит из десятков миллиардов звезд, — Самойлов, кажется, разговаривал сам с собой. — Даже если только у одного из ста миллионов этих солнц имеется по обитаемой планете, и то в центре Галактики должно быть не менее тысячи обитаемых планет. Десять лет я вел точнейшие наблюдения с помощью уникальных телескопов двадцать второго спутника за движением звезд в центре Галактики, на три года загрузил вычислениями целый комбинат электронно-счетных машин — и вот результат.

Самойлов любовно погладил стопку толстых книг.

— Это расчеты движений планеты Икс (пока назовем ее так) и ее центрального светила, — пояснил он. — Я утверждаю, что планета Икс предельно близка по условиям жизни к нашей планете. Более того, я уверен, что там есть разумные существа.

— Ну и что из этого? — спросил я, еще не понимая, к чему он клонит.

— Как что из этого?! — возмутился Самойлов. — Если бы удалось разыскать общество, близкое по развитию к человеческому, установить с ним связь и обмен достижениями науки, техники, культуры, — это принесло бы неоценимую пользу землянам.

Да, но тридцать тысяч световых лет!.. Я не решался перебивать увлеченного академика.

Словно угадав мои мысли, ученый спросил: — Ты, конечно, знаком с основами теории относительности?

— Да, еще с Академии, — ответил я.

— Тогда расскажи, что ты знаешь о парадоксе времени.

— Лорентцево замедление течения времени?²² — переспросил я. — Так это известно любому астронавту.

— Ну и за сколько же лет можно долететь до центра Галактики на современном астролете?

Я немного подумал и ответил:

— Звездолет высшего класса — высокочастотная квантовая ракета — развивает скорость 299 с половиной тысяч километров в секунду. Время в ней замедляется в двадцать раз по сравнению с земным. Полет в ней займет полторы тысячи лет.

Академик в притворном ужасе всплеснул руками: — Я не дожил бы до конца этого перелета!.. Даже ты не вернулся бы на Землю.

Я не мог понять, шутит он или говорит всерьез.

— А что ты сказал бы, — тут Самойлов заговорщически понизил голос, — о скорости больше световой?

— Что такой не существует в природе. Это знали еще наши предки, в частности старик Эйнштейн. — Собственный ответ показался мне удачным.

Академик загадочно усмехнулся.

— Смотри сюда. — Он щелкнул переключателем, и на противоположной стене засветился объемный экран супертелевизора. Зеленоватые отблески упали на предметы. — Это макет новой межзвездной ракеты, по сравнению с которой квантовая ракета просто черепаха.

Вот что рассказал мне академик о новом межзвездном корабле.

²² Лорентцево замедление течения времени — явление, открытое Эйнштейном. Заключается в том, что течение времени в материальной системе, например ракете, движущейся со скоростью, близкой к скорости света, замедляется, и тем сильнее, чем ближе скорость тела к скорости света. Названо «лорентцевым замедлением» в честь голландского физика Лорентца (Лоренца). (Здесь и дальше примечания автора)

Это гравитонная ракета. Ее идея стала реальной всего лишь пятнадцать лет назад, когда физикам удалось извлечь энергию, заключенную внутри гравитонов. Теперь почти разгадана физическая сущность тяготения, им научились управлять. Гравитация, или тяготение, — это очень сложное электромагнитное взаимодействие между телами. Гравитоны — как бы «атомы» тяготения, его передатчики. Любое материальное тело излучает в пространство кванты (порции) гравитационной энергии и создает вокруг себя поле тяготения. Гравитоны фантастически малы.

Электрон и гравитон — все равно, что Солнце и песчинка! Ясно, что в таких крайне тесных областях пространства, как внутригравитонный объем, энергия сконцентрирована неизмеримо больше, чем в атомном ядре.

На Меркурии был построен грандиозный ускоритель мезонов — ядерных частиц. Ускоренные мезоны необходимы для бомбардировки ядра атома. Кольцевой магнит ускорителя опоясывал планету по экватору. При бомбардировке вещества ускоренные мезоны проникали в бесконечную глубь материи, до последних границ микровселенной, и вызывали распад гравитонов. Энергия гравитонов выделялась в виде электромагнитных квантов.

Но ведь не станешь на ракете монтировать гигантский ускоритель!

Два года спустя был открыт катализатор, ускоряющий распад гравитонов в обычных условиях; необходимость строить громадные ускорительные машины отпала. Этот катализатор называется каппа-частица; с ее открытием стало возможным применение энергии гравитонов в звездоплавании. Вот как появилась гравитонная ракета! Так как энергия гравитонов имеет сверхгигантскую концентрацию в ничтожно малом объеме — это вулкан, заключенный в булавочной головке, — то десять тысяч тонн гравитонов заменяют миллионы тонн обычного ядерного

топлива. Поэтому гравитонная ракета в десятки раз меньше фотонных и квантовых кораблей.

Скорость ее — двести девяносто девять тысяч семьсот девяносто пять километров в секунду, только на две десятых километра в секунду меньше скорости света.

Фотонным²³ и квантовым²⁴ ракетам никогда не достичь такой скорости! Ядерное топливо, на котором они работают, не дает столько энергии, сколько необходимо для увеличения скорости с двухсот девяноста девяти с половиной тысяч километров в секунду еще на двести девяносто пять. Вот что значат эти оставшиеся километры у самого порога скорости света! Чем ближе к нему, тем все более громадные количества энергии нужно затрачивать на каждый новый километр в секунду. Ведь для увеличения скорости со ста тысяч до двухсот девяноста тысяч километров в секунду надо израсходовать энергии в миллионы раз меньше, чем на один — только на один! — километр у порога скорости света! А чем ближе к скорости света, тем стремительнее замедляется время.

В гравитонной ракете время замедлится ровно в тысячу двести раз по сравнению с земным. До центра Галактики она долетит за двадцать пять — тридцать лет.

— Но это не все, — продолжал академик. — Гравитонная ракета может развить скорость больше световой!

— Это невозможно, — храбро возразил я. — Скорость света предельна и недостижима для материальных тел.

Самойлов торжественно поднял кверху указательный палец:

²³ Фотонная ракета — космический корабль, который движется за счет отражения фотонов (квантов света) от его параболического зеркала. В двигателе фотонной ракеты вещество полностью преобразуется в излучение.

²⁴ Квантовая ракета — то же, что и фотонная, но вместо фотонов она отбрасывает кванты невидимого света (например, ультракороткие радиоволны).

— Постулат Эйнштейна о том, что скорость света есть наивысшая скорость в природе, не абсолютно верен. Открыт более глубокий закон природы, который гласит: скорость света — это лишь нижний предел скорости передачи взаимодействий в мезонном поле. Верхний предел — скорость распространения гравитонов.

— Какова же их скорость? — спросил я голосом, хриплым от волнения.

— В тысячу раз больше скорости света!

Передо мной словно рушился мир. Теория относительности, полтора столетия державшая все здание физики, оказалась всего лишь частным случаем более общей теории пространства-времени-тяготения...

Насмешливый голос академика вывел меня из задумчивости:

— Итак, ты пришел вербоваться на гравитонную ракету?

— Да, — ответил я смущенно. — Согласны вы меня взять?

Ученый некоторое время молчал, дружелюбно рассматривая меня.

— Ты мне нравишься. Беру штурманом, — просто ответил он.

— А сколько человек входит в состав экипажа ракеты?

— Двое.

— Как?! Всего лишь два человека?

— Не удивляйся. Гравитонная ракета — новая и еще не испытанная машина для преодоления пространства — времени. Поэтому Всемирный Научно-Технический Совет вначале хотел послать ракету вообще без людей, заменив их роботами. Но после жарких споров Совет удовлетворил мое желание самому лететь на гравитонном корабле... и разрешил взять одного добровольца-штурмана. Мне надо лично проверить ряд теоретических положений. Чрезвычайно интересно проверить на практике, какие свойства

получат пространство, время, масса тел за порогом скорости света.

— При скорости, равной скорости света, время в астролете должно остановиться, — несмело заявил я, вспоминая формулы Лорентца.

— Вот именно, — поддержал меня Самойлов. Однако я не могу сейчас предсказать, что произойдет со временем при сверхсветовой скорости. Только познав все, можно умирать, — неожиданно грустно улыбнулся академик. — Я хотел бы жить бесконечно...

И тотчас перешел на сухой, деловой тон:

— И так, решено, мы летим. Через полгода на лунном космодроме, в Море Дождей, состоится старт гравитонной ракеты «Урания».

СЕРДЦЕ ОСТАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

С тех пор как Всеобщая Связь объявила всей планете о предстоящем полете к центру Галактики, нас с Самойловым непрерывно осаждали толпы любопытных, щелкая перед самым носом фотоаппаратами. Моя физиономия не сходила с экранов телевизоров. Иногда меня неожиданно останавливали на улицах незнакомые люди, горячо поздравляли, жали руки. Некоторые по-хорошему завидовали.

Но никто не знал, как тяжело приходилось мне в эти дни. Пожалуй, больше, чем предстоящее галактическое путешествие, меня мучил вопрос: что я скажу Лиде? В глубине души я сознавал, что поступил не совсем по-товарищески, внезапно уехав в Академию Тяготения. Но ведь я не знал, увенчается ли успехом моя поездка.

Вот уже пятый день, как я возвратился в Космоцентр, с болью думая о разлуке. К Лиде я боялся заходить, иначе

не смог бы с ней расстаться. Едва я начинал думать о встрече, как все мужество покидало меня.

Как разрешить эту мучительную проблему, вставшую перед космонавтами с тех пор, как начались первые межзвездные полеты? Жизненный опыт, накопившийся за истекшие века межзвездных путешествий, указывал лишь на два разумных выхода: либо обоим избирать профессию звездоплывателя, либо астронавту не вторгаться в жизнь земной девушки.

Волей обстоятельств я оказался в безвыходном положении. Неужели эта светлая девушка должна будет страдать? Ночи напролет я проводил в мучительных раздумьях, терзаясь и укоряя себя.

Академик, поглощенный подготовкой к полету, ни о чем не догадывался. Мой унылый вид он принимал за сосредоточенность, неразговорчивость — за скромность.

— Подумай только, как нам повезло, — говорил он, почти с нежностью глядя на меня. — Ты увидишь то, чего не видели самые прославленные астронавты Земли.

Встреча, которой я так боялся, произошла, как это часто бывает, совершенно неожиданно: я чуть не столкнулся с Лидой под аркой Дома Астронавтов — так внезапно она вышла из-за колонны главного входа.

— Лида... — выдохнул я и замолчал.

Я ожидал слез, упреков, умоляющих взглядов.

Плохо же я знал свою подругу!

Лида приветливо улыбнулась и как ни в чем не было взяла меня под руку. Она была спокойна!

— Здравствуй, Виктор... Или ты лишился дара речи?

— Лида... — снова начал я.

— Не надо, — мягко остановила она меня. — Я знаю, что ты хочешь сказать.

— Лида! — воскликнул я. — И ты...

— Да, я горжусь тобой, — быстро закончила она, хотя я собирался произнести совсем другие слова.

Я был сбит с толку, чувствуя себя сентиментальным идиотом.

— Но...

— Зачем ты усложняешь? — упрекнула меня Лида. — Разве я не понимаю?.. — Она ласково коснулась моей руки. — Полет к центру Галактики стоит любых жертв... Повторяю: я горжусь! Тебе оказана величайшая честь.

Я смотрел на нее, широко раскрыв глаза, словно видел в первый раз. Вероятно, у меня был настолько глупый вид, что Лида громко рассмеялась. Однако этот смех показался мне не таким уж искренним.

— Не будем больше говорить об этом. Пойдем лучше в Парк Молодости. — Она махнула рукой в ту сторону, где пышно разрослись березы, липы, клены. Зеленую стену пересекали прямые стрелы стартовых колонн, у подножия которых располагались «космодромы» детских прогулочных «ракет» и «гравипланов».

...Последние дни, проведенные с Лидой, остались в моей памяти самым ярким воспоминанием. По молчаливому уговору мы не касались больше предстоящего галактического путешествия. Мы просто брали от жизни все, что она могла дать и, соединив руки, плыли по шумной Реке Жизни, с гордостью всматриваясь в цветущие берега Страны Осуществленных Надежд.

Втайне я не переставал восхищаться выдержкой и стоицизмом Лиды. Она была настоящей дочерью Нового Мира, Женщиной с большой буквы. Почти с ненавистью вспоминал я свои гамлетовские терзания. Лида оказалась сильнее меня! Впрочем, может быть, я преувеличиваю? Возможно, и в ее душе бушует море противоречивых чувств, и она так же мучается и грустит? Кто знает! Все мои попытки проникнуть в ее душу неизменно разбивались о броню приветливости, завидного самообладания, какого-то высокого духовного спокойствия.

Лишь однажды в словах Лиды прозвучал слабый намек на боль, которую причинила ей весть о нашей разлуке.

— Вскоре я покину Космоцентр, — медленно промолвила она. — Здесь все... — спохватившись, она умолкла. Потом закончила твердым голосом: — Меня давно привлекает Меркурий.

Я понял ее невысказанную мысль. Она не останется в Космоцентре, где все напоминало бы ей о днях нашего счастья.

— Но почему именно Меркурий? — удивился я.

— Там не хватает радиооператоров, — спокойно пояснила она. От ее минутной слабости не осталось и следа. — Фотоэлементный энергоузел на дневной стороне Меркурия строят тысячи роботов и кибернетических механизмов. Чтобы управлять ими, нужны операторы на пунктах радиотелеуправления.

Я вспомнил, свой первый полет на Меркурий, посадку в Пограничном Поясе, разделяющем дневную и ночную стороны Меркурия, и внутренне содрогнулся. Перед глазами встали необычные ландшафты этой замороженной Солнцем планеты. Черно-фиолетовое небо, на котором яростно пылает огромный косматый диск вечно незаходящего Солнца; подавляющее зрелище рек и озер расплавленного олова; горящие черные равнины; мрак ледяных пустынь на ночной стороне, долины и плоскогорья, засыпанные слоем смерзшихся газов.

— Только не на Меркурий! — поспешно воскликнул я. — Борьба с природой замороженной планеты под силу лишь мужчинам...

Лида гневно взглянула на меня, словно осуждая за недооценку сил и способностей женской половины человеческого рода.

— Я знаю причину твоей позорной отсталости, — насмешливо сказала она. — Ты слишком много времени

провел в Космосе... и не уловил новых веяний в жизни общества.

Мы принялись ожесточенно спорить. Я долго убеждал Лиду, что льды на земных полюсах, где полным ходом шел монтаж термоядерных солнц, или просторы Гренландии, половина ледяного щита которой уже была растоплена, — не менее грандиозное поле для приложения ее сил, нежели фотоэлементная стройка на Меркурии.

В конце концов она согласилась со мной.

Дни летели стремительной чередой. Как будто вчера мы вошли с Лидой в Парк Молодости... Я искренне удивился, когда обнаружил, что до отлета на Луну осталось немногим больше недели.

Впоследствии, когда мы долго блуждали в центральной части Галактики и беспощадный Космос, казалось, готов был раздавить нас, я всегда ощущал великую моральную поддержку при воспоминании о Лиде. Я всегда вызывал в памяти один из последних вечеров с ней.

Мы сидели в причудливой беседке, прилепившейся у высокого обрыва речного берега. Волга, серебрившаяся в лунном свете, с тихим рокотом катила свои воды на юг, в Большое Море. Где-то внизу раздавались фыркание, смех любителей ночных купаний. Изредка по стрежню реки проносились ярко освещенные гидролайнеры, почти бесшумно скользя на подводных крыльях.

Лида напряженно смотрела в пространство, словно разглядывала что-то в сумраке заволжской стороны.

Молчание прочно соединяло наши сердца и мысли.

— Я хотела бы раствориться в бесконечности, — внезапно заговорила она. — Превратиться в астральную субстанцию, вечно следовать за «Уранией». Но не совсем перейти в бесплотное состояние, а так, чтобы вы ощущали мое присутствие... не забывали бы земную родину.

— Ни один космонавт-межзвездник еще не забыл отчизны даже ради самых лучших миров Вселенной, — возразил я. — Он оставляет на Земле самое дорогое...

— Не забывай же... — она не закончила фразы, но я все понял, встретив бесконечно любящий взгляд.

Я молча обнял ее и поцеловал.

* * *

Незадолго до отлета на Луну, где нас ожидала «Ура-ния», Высший Совет по освоению Космоса устроил в Космоцентре прощальный вечер. Огромный зал со сферическим куполом, уставленный столами с легкими напитками, яствами и цветами; тысячи оживленных лиц, друзья, с которыми расстаешься навсегда; музыка, дети, по давнему обычаю пришедшие пожелать нам благополучного возвращения.

Вступительные речи произносились в наше отсутствие: мы с Лидой не успели к началу, с трудом пробившись сквозь массы людей, заполнивших Площадь Астронавтов. Перед телевизионным экраном во всю стену здания стояли тысячи космонавтов, не сумевших поместиться в зале.

Наконец мы добрались до входа в Зал Совета и заняли свои места.

И вовремя! Выступал академик Самойлов.

— Мы счастливы! — начал академик, и я невольно расправил плечи. — Да, мы счастливы, что именно нам выпало счастье... — Тут он запнулся, сообразив, очевидно, что слишком много получается счастья. — Мы рады, что первыми из людей полетим туда, где человечеству откроются новые горизонты познания. Еще Циолковский ска- зал...

Я так и предполагал, что академик не умеет произносить торжественных речей, и облегченно вздохнул, когда

он принялся отвечать на записки. Первая из них, смятая в комок, спикировала с галерки, где сидели молодые слушатели Академии Звездоплавания. Самойлов развернул записку, прочел и торжественно поднял палец.

— Вопрос по существу, — объявил он. — Чувствуется, что его задал мой студент. (Протестующие возгласы сверху.) Почему к центру Галактики, а не ближе? Видите ли, планетные системы в тех областях много старше нашей, и именно там мы рассчитываем найти не просто органическую жизнь, но и древние цивилизации. Не случайно намечена и конкретная цель: желтая звезда, совершенно идентичная нашему Солнцу, с планетной системой. Несомненно, что там отыщется хоть одна планета, подобная нашей Земле.

— Каким принципом вы руководствовались при выборе вашего астронавигатора?

Это было сказано неокрепшим мальчишеским басом (вероятно, первокурсник Академии Звездоплавания). «Да, да!», — подтвердило сверху множество голосов. Начальник Космоцентра, сидевший справа от меня, привстал со стула, прокашлялся и зазвонил в колокольчик.

— Извольте, отвечу, — отпарировал Самойлов и успокаивающе повел ладонью в мою сторону. — Мне импонирует, что Виктор Андреев высокого роста и не придется в продолжение долгих лет смотреть на него сверху вниз.

Мальчишеский бас не унимался:

— Это не ответ!.. Все хотят лететь!

— Да, да! Мы тоже высокого роста.

— Увы, — академик развел руками. — Приятно видеть ваш энтузиазм, но вместе с тем и прискорбно. Всех желающих не возьмешь! Мой спутник имеет еще одно неоспоримое преимущество: он молод... (Возглас с галерки: «Я тоже молод!») Это заметно, — немедленно отозвался Самойлов под общий смех. — Он молод, но, несмотря на это, налетал уже триллион километров.

Наконец слово предоставили мне. Я не стал подниматься на кафедру, чтобы не усугубить впечатления, произведенного речью академика, а встал у стола в позе, которая казалась мне наиболее естественной. И вдруг я произвольно поднял руку, повторяя жест академика:

— Мы счастливы...

Галерка разразилась ироническими аплодисментами.

Поправляться уже было поздно, и я с мужеством отчаяния продолжал:

— Да, да... Я горжусь оказанным мне доверием. Вы увидите, я оправдаю его.

— Мы не увидим, — заметил чей-то голос. — Когда вы вернетесь, нас уже давно не будет в живых.

— Виктор имел в виду человечество в целом, — вмешался профессор.

Я готов был провалиться сквозь землю! Утешало лишь то, что рядом со мной была Лида.

Несмотря на неудачные упражнения в ораторском искусстве, академика и меня вынесли на Площадь Астронавтов, как древних триумфаторов, передавая с рук на руки. Люди, стоявшие на площади, встретили нас бурей приветствий.

Меня чуть не раздавили в своих объятиях слушатели Академии Звездоплавания. Я потерял Лиду в толпе, и тщетно осматривался по сторонам.

Толпа на площади была так густа, что мы с Лидой до тех пор не могли найти друг друга, пока космонавты не начали расходиться. Оказалось, что Лида стояла в трех шагах от меня.

Вскоре отыскался и академик. Он внимательно посмотрел на нас с Лидой и вдруг нахмурился — я, кажется, угадал почему.

— Это... Лида, — начал я и запнулся, не решаясь продолжать.

Петр Михайлович долго жал ей руку. Вероятно, он понял все. Поговорив с нами несколько минут, Самойлов заторопился, ссылаясь на неотложные дела в Совете.

На другой день академик вызвал меня по видеофону из Сектора Межзвездных Проблем. Лицо его было мрачно.

— Вы давно вместе? — сразу ошарашил он меня.

— Давно, — промямлил я. — Вы имеете в виду Лиду?

— Конечно, не центр Галактики! — ни с того ни с сего вспылил Петр Михайлович. — Почему ты раньше не сказал мне о ней?

Я опустил голову. Что я мог ответить ему?

Молчание продолжалось целую вечность. Петр Михайлович о чем-то размышлял, изредка взглядывая на меня и сердито шевеля бровями.

— Если бы было возможно взять ее в путешествие, — задумчиво произнес академик.

— А почему невозможно? — наконец решился я подать голос. — Вот уже свыше полувека женщины участвуют в космических полетах.

— Нет, нельзя, — пожал он плечами. — Не позволят... без специальной подготовки, без профессиональных навыков. Я для себя-то еле добился разрешения Совета Тружеников. Однако, что бы такое предпринять?..

Забыв обо мне, Петр Михайлович быстрыми шагами направился к выходу. С тоской и надеждой проводил я взглядом его широкую спину. Экран связи медленно угас.

* * *

Чаще, чем нужно, я поглядывал на зеленый циферблат. Его гигантский круг с черными цифрами и красными стрелками четко проецировался в бледной лазури неба. До старта рейсовой ракеты «Земля — Луна» оставалось сорок три минуты. А Лиды все не было. Неужели не

придет? Вероятно, она была права, когда вчера упорно отказывалась присутствовать при сегодняшнем старте: «Это было бы слишком тяжело».

Необъятное поле Заволжского космодрома заполнено толпами провожающих. Из всех стран съехались сюда ученые, астронавты, инженеры, конструкторы межзвездных ракет, корреспонденты Всеобщей Связи и просто энтузиасты освоения Космоса. Многие из них полетят вслед за нами, чтобы на Главном Лунном космодроме наблюдать старт первой гравитонной ракеты. Всемирный Научно-Технический Совет разрешил столь массовый перелет на Луну лишь ввиду исключительности предстоящего события: ведь это был первый полет к центру Галактики на невиданной ракете, способной развить суперсветовую скорость. Предстоял полет в такую грандиозную даль, по сравнению с которой все прежние межзвездные экспедиции казались легкой загородной прогулкой.

В последний раз я вгляделся в море, струившееся на западе, — там, где медленно катила свои воды воспетая в поколениях, Волга, река моего детства. И вдруг отчаянно заколотилось сердце: в этом море возникла крохотная темная точка, на глазах превращаясь в машину. Это она!.. Забыв обо всем на свете, я побежал навстречу Лиде.

И вот я снова увидел ее глаза. У меня вдруг пропало желание лететь. Сказочный астролет, ожидающий нас где-то в Море Дождей, померк, съежился, растворился в воздухе.

— Лида... как хорошо, что ты все-таки пришла!

Она молчала, не сводя глаз с циферблата Мировых Часов на небе.

Мы взялись за руки. Я не мог произнести ни слова и будто окаменел. Разве могут слова — этот условный код — передать все, что я чувствовал тогда?

— Ни о чем не жалею... дорогой, — тихо, с расстановкой сказала Лида.

Я лишь крепче сжал ее руки. Она все-таки приехала! Я смотрел в ее родные глаза. Вероятно, она крепилась из последних сил. Как и раньше, внешне она была спокойна, ее голос звучал ровно и твердо, но взгляд был красноречивее слов.

— Скажи же что-нибудь, — тихо произнесла она.

— Будь счастлива... Всегда... — я хотел сказать на прощание что-то значительное и важное для нас обоих, но, взглянув на Мировые Часы, ужаснулся: до старта оставалось едва пять минут!

Возле нас никого не было, кроме вахтеров. Из лунной ракеты выглядывал Петр Михайлович и отчаянно жестикулировал, призывая меня на место. Не выпуская Лидиной руки, я опрометью пустился бежать через поле космодрома. От стремительного бега мы оба прерывисто дышали и не могли вымолвить ни слова. У корабля нас оставил дежурный, преградив дорогу Лиде. Тревожно прогудела стартовая сирена. Тогда Лида приблизила свое лицо к моему.

— До свидания... Мой дорогой!..

«Почему «до свидания», когда «прощай»? — удивился я. — Ведь ее не будет в живых, когда мы вернемся!» Потом уже, не думая ни о чем, прильнул губами к ее теплой ладони.

К нам быстро подошел начальник Космоцентра и легко дотронулся до моего плеча: — Пора, Виктор! Сейчас дадут третий сигнал. Прощай! — и он крепко обнял меня.

Со звоном лягнул автоматический люк, закрывшись за мной. Все кончено...

Академик ожидал меня в шлюзовом отсеке. На его лице было беспокойство.

— Ты неаккуратен! — только и сказал он. — Еще минута, и мне в одиночку пришлось бы лететь на Луну...

Он с силой потащил меня к противоперегрузочному креслу, ибо в третий и последний раз мощно загудела стартовая сирена-автомат.

Я хотел ответить академику, но в радиотелефоне раздался голос пилота:

— Готовы?

— Да, да, — торопливо ответил Самойлов.

— Готов! — крикнул я.

Дрогнула и понеслась вниз Земля. На экране стереотелевизора она вскоре приняла отчетливо сферическую форму, только не выпуклую, а вогнутую, предметы на ней получили неясные, расплывчатые очертания. Одновременно краем глаза я следил за экраном инверсионного проектора, преобразующего импульсы мощных радиолокаторов наземных станций управления. На экране было видно, как наша лунная ракета серебристо-голубой молнией скользнула по вечернему небу Земли. Вот она заметна уже в виде туманной звездочки: ее обшивка раскалилась вследствие трения о воздух. Через несколько секунд звездочка померкла. Астролет вырвался за пределы атмосферы, стал быстро охлаждаться и меркнуть.

Мерно гудел атомный жидкостно-реактивный двигатель. Его гул насыщался все более мощными басовитыми нотами, словно торжествуя победу над косной силой земного тяготения. Свинцовая тяжесть навалилась на плечи, вдавила в сиденье. Ни вздохнуть, ни пошевелить рукой...

Я осторожно посмотрел на Самойлова.

Академик почти лежал в соседнем кресле и, полускрыв глаза, наблюдал за мной. Его надутое лицо показалось мне смешным.

Насколько это было возможно, я постарался принять необходимое, (защитное, как говорят астронавты) положение и смог, наконец, вдохнуть воздух.

Спустя две минуты перегрузка исчезла: ракета перешла на инерциальный полет, достигнув первой космической скорости.

— Слишком поспешно делаете выводы, — заметил я, продолжая разговор, прерванный взлетом ракеты с космодрома. — Я даже не успел как следует попрощаться с Лидой.

Академик отбросил мои оправдания решительным жестом и разразился длинной тирадой, из которой я понял только, что он, Самойлов, никогда не взял бы меня в полет, если бы вовремя узнал, что я оставляю на Земле такую чудесную девушку.

Я опять хотел возразить ему, но он сердито воскликнул:

— Отправляйся в отсек пилота! Там тебя ждут!

Удрученный, я перешел в кабину пилота: по традиции я должен был помогать вести ракету вплоть до лунного космодрома. Пилот, черноволосый молодой индус с орлиным взглядом, дружески кивнул мне головой и указал глазами на кресло рядом.

Я стал машинально следить за точностью совпадения радиосигналов станции сопровождения с показаниями приборов управления. Хотя мое брненное тело со скоростью пятнадцати километров в секунду летело к Луне, сердце, мысли, чувства возвращались на поле космодрома, к подножию стартовой эстакады. Там осталась Лида. Я закрыл глаза и увидел ее — спокойную, мужественную, с напряженной улыбкой на лице и затуманенным взглядом.

Такой она и осталась у меня в памяти.

«УРАНИЯ»

Ракета приближается к Луне. Настраиваюсь на Лунный радиоцентр: он передает торжественную музыку, очевидно, в нашу честь. Впоследствии я прочел очерк корреспондента Всеобщей Связи о нашем прибытии. Вот он: «Ваш корреспондент Сергей Назаров, находится в диспетчерской башне Главного Лунного космодрома, — место в которой ему любезно предложил главный диспетчер. Прекрасные телевизионные установки позволяют мне быть поистине вездесущим. Вот я переносусь в подлунный город.

— Сейчас прибывают! — сообщил дежурный диспетчер Главного Лунного космодрома, вбегая в зал, где собралось около ста человек, одетых в тяжелые белые скафандры с прозрачными шлемами.

Все вскочили с мест и устремились к подъемникам. Через несколько минут зал опустел. Подъемники вынесли ожидающих из подземного (вернее, из подлунного) города на поверхность Моря Дождей.

Это были инженеры, техники, рабочие особой комиссии Всемирного Научно-Технического Совета — наладчики, контролеры и инспекторы, готовившие гравитонный корабль «Уранию» к полету.

Целых полгода они придирчиво, с невероятной тщательностью выверяли, выстукивали, прощупывали излучениями всю сложную систему ракеты — до последнего контакта, до последнего транзистора.

Теперь они с нетерпением ожидают прибытия с Земли отважных астронавтов.

Лунный пейзаж всегда поражает воображение...

Насколько хватает глаз, расстилается пустынная, голая равнина Моря Дождей — «моря» без всяких признаков влаги. Дно «моря» слагают темные горные породы.

На юго-востоке вздымаются черные громады Лунных Карпат со сверкающими вершинами самых высоких пиков.

С юго-запада, запада и юга равнину окружают Апеннины, Кавказ, Альпы, образуя нечто вроде крепостного вала. Прямо на севере виднеется пологая холмистая гряда Цирка Архимеда. И лишь башни радиотелескопов, установленных на вершине горы Пико, да многочисленные служебные сооружения космодрома вносят странный диссонанс в ландшафт лунного мира.

Над головой раскинулось густо-черное небо с ослепительно-ярким пылающим Солнцем и крупными немерцающими звездами. Неправдоподобно резкие тени, отбрасываемые неровностями лунной поверхности, лишь подчеркивают мертвую безжизненность пейзажа. Сейчас пора полноземелия, и в западной части небосвода висит огромный сверкающий шар Земли, заливая окрестности голубоватым светом. Земной диск почти недвижно стоит в небе Луны, всегда на одном месте. Позади него медленно скользят звезды. Если долгое время наблюдать за равниной, то увидишь, как изредка взметнется беззвучный столб пыли и камней: это ударил в почву метеорит. Здесь нет газовой подушки атмосферы, как на Земле, надежно прикрывающей от метеоритной бомбардировки.

Дуга гигантской эстакады уходит своим верхним концом в направлении на Цирк Архимеда. Гравитонный астролет загадочно просвечивает зеленоватой обшивкой корпуса сквозь ажурное плетение конструкций. Вокруг него еще работают люди, заканчивая последние предстартовые операции.

У броневого купола космопорта собрались почти все жители подлунного города. Они то и дело поглядывают на северо-восток, откуда должна появиться первая ракета «Земля — Луна» с членами экипажа «Урании».

— Когда назначен старт «Урании»?

— Да ты что, с Земли свалился? Вчера вечером объявляли по городской сети.

— При чем тут свалился, да еще с Земли, — обиделся Леня Гилязетдинов, наладчик электронных машин, не поняв шутки. — Я как раз был в астролете. Показалось, что шалит электронный регулятор приемника равновесия, провозился с ним до глубокой ночи.

Узкие черные глаза Гилязетдинова неприязненно посмотрели на Анатолия Кулика, контролера ядерной сварки.

— Прости, я не знал. Старт состоится восемнадцатого мая в двенадцать дня.

Помолчали.

— А ты давно здесь работаешь?

Гилязетдинов с недоверием смотрит на Кулика, ожидая нового подвоха, и настороженно спрашивает:

— А что?

— Да ты не обижайся, друг.

— Полтора года. А ты?

— Пятый год уже здесь... Да-а!.. — Кулик любовно смотрит на отливающий изумрудным блеском корпус астролета. — Пришлось поработать над этой игрушкой. Знаешь, что такое ядерная сварка нейтронитных швов?

— Слышал. — Гилязетдинов иронически усмехается. — Это не диковинка. Академик Самойлов в центр Галактики летит и то не хвастается...

— И везет же людям! — с завистью произносит Кулик. — Ты полетел бы с ним?

— Еще бы!

— Путешествие не из близких, — заметил кто-то за их спиной, видимо желая принять участие в разговоре.

Но в это время на диспетчерской засиял зеленый сигнал.

Почти одновременно раздался возглас:

— Вот они!

Все как по команде повернули головы на северо-восток: в черной бездне неба ослепительно горит точка. С каждой секундой она увеличивается в размерах, на глазах превращаясь в подобие хвостатой кометы. Все ближе, ближе... Вот уже отчетливо виден серебристый корпус ракеты. Повернувшись дюзой к Луне, она начинает торможение. Лунный мир — это мир безмолвия. Поэтому странно видеть, как в полной тишине содрогается корпус ракеты, медленно опускающейся на огненном столбе реактивной струи.

Вскоре в той же стороне небосвода вспыхивает еще несколько подобных звездочек. До конца дня на космодроме царит необычайное оживление: через каждые полчаса приземляется ракета с очередной партией провожающих. Бурлящее море людских голов в прозрачных шлемах заполнило до краев площадь перед зданием космопорта.

* * *

Реальность гравитонного астролета как-то сразу успокоила меня. Вплотную я с ним стал знакомиться на другой же день после нашего прибытия на Главный Лунный космодром. Грандиозная стартовая эстакада потрясла мое воображение: ее длина равнялась двенадцати километрам, а выходная арка оканчивалась на высоте восьми километров, опираясь на самый высокий пик Апеннин. Трехсотметровое тело «Урании», напоминающее ископаемого рыбащера, покоилось на тридцати шести стартовых тележках.

Обычные атомные жидкостно-реактивные двигатели сообщают тележкам в конце разгона скорость, равную трем километрам в секунду. Эта скорость вполне достаточна для отрыва «Урании» от Луны. Дальше вступит в действие гравитонный прожектор астролета.

По сравнению с громадами фотонных ракет, на которых я летал прежде, «Урания» кажется малюткой. Но я уже знал, что эта малютка тяжелее старинных дредноутов. Восемьдесят две тысячи тонн — вот сколько весит ее изящная конструкция! При сравнительно небольших размерах ракеты этот вес показался мне неправдоподобно громадным.

Академик Самойлов разрешил мое недоумение:

— Столь колоссальный вес придал астролету нейтронит. Ты ведь о нем слышал: этот металл занимает в таблице Менделеева особое место. Атомы нейтронита содержат только нейтроны и другие электрически нейтральные частицы. Нейтронит во всех отношениях является чудо-элементом. Нейтронит — это как бы веха, разделяющая мир обычного вещества и мир антивещества, плюс — материи и минус — материи. Свойства его фантастичны. Он страшно тяжел: один кубический сантиметр нейтронита весит четыре тонны!

Это самое твердое, самое плотное, самое инертное вещество во Вселенной. Для него не страшны звездные температуры, так как он плавится лишь при двенадцати миллионах градусов. В нейтронитном скафандре можно жить на Солнце! Нейтронитная броня астролета выдерживает удар даже крупных метеоров, не пропускает самых мощных космических излучений.

— Это же замечательно! Надеюсь, для нас изготовлены нейтронитные скафандры?

— К сожалению, нет, — ответил академик. — За десять последних лет вся атомная промышленность Восточного полушария при полном напряжении мощностей смогла синтезировать лишь семнадцать тысяч кубиков нейтронита, так как его производство чрезвычайно сложно и энергоемко. Этого количества едва хватило на постройку «Урании». Будем надеяться, что к моменту нашего

возвращения нейтронит будет добываться так же легко, как и титан.

— Семнадцать тысяч кубических сантиметров нейтронита — это примерно два ведра, если, конечно, можно было бы налить его в ведра. Хватило ли этого количества на обшивку корпуса ракеты? — усомнился я.

— Вполне достаточно. И даже осталось для покрытия внутренних поверхностей гравитонного реактора, квантового преобразователя и канала дюзы. Ведь толщина нейтронитной обшивки «Урании» невероятно мала: всего одна сотая доля миллиметра.

Я бегло прикинул в уме: если один кубик нейтронита весит четыре тонны, то «два ведра» — шестьдесят четыре тысячи тонн. Вес двух крупных океанских судов, вместившийся в тончайшей пленке, которая покрывает ракету!

Запасы гравитонного топлива составляли около восемнадцати тысяч тонн. На долю механизмов, приборов, деталей и конструкции приходилось всего сто тонн веса, так как они были изготовлены из сверхлегких и в то же время сверхпрочных сплавов.

— По расчетам Академии Тяготения, — сказал Самойлов, — запаса гравитонов хватит на десятикратный разгон корабля до скорости света и на обратное торможение до обычной скорости, равной пятидесяти километрам в секунду. Фотонная ракета должна быть длиной от Москвы до Нью-Йорка, чтобы заменить нашу «Уранию».

— Так мы можем на ней лететь хоть до края Вселенной! — воскликнул я.

— И даже дальше, — пошутил академик.

* * *

Месяц, отведенный для ознакомления с «Уранией», пролетел незаметно. Академик весь этот месяц провел в бесконечных научных совещаниях, обсуждая с

проводящими нас учеными, астрономами, конструкторами и инженерами детали полета к центру Галактики, режимы ускорений и замедлений, способы ориентировки и нахождения обратной дороги к Солнцу. Его постоянно окружали математики и программисты, переводившие решения ученых в строгие цифры программ-команд для электронных машин и роботов. Я изучал внутреннее устройство астролета, приборы управления и функции роботов. В этом чудесном корабле все было так необычно и интересно, что я уже ни о чем не жалел. Особенно полюбился мне небольшой уютный салон, служивший одновременно и столовой, и спальней. Одна из стен салона напоминала пчелиные соты: в глубоких узких ячейках, прикрытых пластмассовыми прозрачными створками, находилась особая питательная среда для микроскопических, водорослей. Водоросли представляли собой искусственно выведенный вид хлореллы — водоросли, обладающей огромной активностью фотосинтеза. При микроскопических размерах каждой особи хлорелла имела максимальную площадь соприкосновения с окружающей средой, а значит, поглощала много углекислоты и выделяла в больших количествах свободный кислород. Кроме того, эти водоросли, на худой конец, могли употребляться астронавтами в пищу.

Противоположная стена, тоже ячеистая, служила информарием: там в сотнях выдвижных ящичков хранились микрофильмы, в которых были собраны важнейшие достижения современной человеческой культуры, науки и техники. Достаточно было вложить микрофильмы в проективный автомат, как на экране появлялись тексты научных книг, изображения приборов в сопровождении голоса комментатора, цветные картины великих мастеров живописи, художественные фильмы или концерты выдающихся артистов.

Снизу из стены выдвигались две складные койки.

Посреди салона стоял круглый стол с креслами.

Дверь из салона вправо вела в лабораторию, до отказа заполненную приборами, установками, инструментами. В стены салона были ввинчены портреты великих ученых, открытия которых позволили человечеству завоевать Космос. Среди них были Лобачевский, Лорентц, Циолковский, Эйнштейн. Тут я вспомнил, что у меня есть небольшой портрет Лиды, и решил повесить его в лаборатории.

Дверь налево вела в анабиозную комнату. Там были смонтированы две анабиозные ванны. В старых конструкциях анабиозных ванн применялся обычный переохлажденный физиологический раствор с довольно грубой дозировкой излучений, что не позволяло находиться в них более пяти лет кряду без обновления среды. В наших ваннах применялся особый анабиозный раствор, в состав которого входил дейтерий. Живительные свойства дейтерия были известны еще в 50-х годах XX века, но лишь совсем недавно люди научились точно дозировать его микрорастворы. Дейтерий как бы «консервирует» организм человека на той стадии, в которой его застал. «Проспав» в дейтериевой ванне пятьдесят — сто лет, мы постареем не более чем на два — три года. Особые излучения, понижая ванны, вызывают резонанс колебаний атомов дейтерия и микроструктур тела, обеспечивая сохранение всех функций организма. Реле времени, соединенное с радиевыми часами, по мере надобности будет включать автомат пробуждения астронавта, лежащего в анабиозе.

При прежних кратковременных полетах мне не приходилось сталкиваться с устройством такого рода, и я спросил академика:

— Верно ли сработает реле времени? Выведет ли оно нас из состояния «вечного сна»?

— Думаю, что да, — коротко ответил Самойлов.

Я недоверчиво покачал головой. Инженер электрофизиолог, сопровождавший нас, рассмеялся.

— Все выверено, — успокоил он меня. — Можете хоть сейчас испытать на себе.

Мы продолжали осмотр. Ближе к носовой полусфере ракеты располагалось важнейшее помещение корабля — небольшая Централь управления, точнее говоря, штурманская рубка с огромным, как концертный рояль, пультом управления и широким экраном астротелевизора. Вместо обычных иллюминаторов служили радарные и инфракрасные локаторы. «Здесь мое будущее рабочее место», — подумал я, с удовлетворением разглядывая приборы. Центральную часть пульта занимал искатель траектории — электронный прибор, соединенный с вычислительной машиной. Он имел небольшой экран, на котором электронный луч во время полета ракеты непрерывно рисует траектории пути — вычисленную и действительную.

Траектории автоматически проецируются на подвижную звездную карту. Пока траектории совпадают, прибор поет ровную мелодию. Но как только траектории расходятся, искатель тотчас издает тревожный сигнал и автоматически включает электронную машину, которая тут же вычисляет поправку и дает команду роботу, управляющему двигателем.

Всю правую сторону рубки занимал УЭМК — Универсальный Электронный Мозг для космических кораблей. Его панель сверкала множеством разноцветных индикаторных лампочек.

Академик Самойлов, в начале осмотра лаконичный и джентельменски сухой, заметно подобрел, видя мое восхищение астролетом. Он подошел ко мне, похлопал по плечу и одобрительно произнес:

— Вот, кажется, и все... Пойду к диспетчеру: надо согласовать последние детали завтрашнего старта. А ты, если хочешь, оставайся. Заодно еще раз проверишь действие автомата, создающего микроклимат. Привыкай к астролету... считай, что мы уже в пути.

Но и без его советов я понимал, что теперь надо при-
выкать. Об экспериментальном полете гравитонной ра-
кеты без людей, который планировался раньше, сейчас не
могло быть и речи: это было бы фантастически дорогое
удовольствие! Из разговора инженеров-атомников, слу-
чайно услышанного вчера, я узнал, что из-за строитель-
ства «Урании» и необходимости «наработать», как они
выразились, двадцать шесть тысяч тонн гравитонов при-
шлось резко свернуть монтаж пяти новых спутников
Земли, всех межзвездных ракет, заложенных на верфях
Титана, спутника Сатурна, и временно прекратить «отап-
ливание» полярных областей термоядерными солнцами.
Гравитонный запас ракеты и нейтронит стоили гораздо
больше, чем военные издержки в последних в истории че-
ловечества мировых войнах XX века.

Последние сутки я совсем не выходил из астролета,
еще и еще раз упражнялся в управлении системой авто-
матов, следил за размещением и креплением грузов, про-
верял механизмы. Когда за мной закрылся массивный ав-
томатический люк, я долго не мог уснуть в эту предстар-
товую ночь. Казалось, Солнечная система осталась далеко
позади, невероятно далеко. Словно ее не было вовсе. Ми-
нуты протекали как вечность. Лежа без сна, я размыш-
лял: «Неужели на целые десятилетия я запру себя в этой
стремительной гробнице!.. Пусть для меня, погруженного
в анабиоз, они пролетят как мгновения. А замедление Ло-
рентца? Вернувшись, я все равно не застаю в живых ни
друзей, ни Лиды — никого из современников.

И буду доживать свой век в зоопарке энного тысяче-
летия, словно ихтиозавр, воскрешенный из небытия?

Или вернусь на Землю к настоящим живым стегозав-
рам и рыбащерам? Интересно, как в таком случае я про-
тяну миллионы лет, дожидаясь современной мне цивили-
зации?..

Временами я высокомерно представлял свое возвращение не к допотопным ящерам, а к первобытным предкам, которые непременно сочтут меня богом.

А может быть, боги прошлого и впрямь были космонавтами других миров, обогнавшими время? Например, Озирис с его птичьим лицом? Возможно, что он некогда прилетел на Землю с неведомой внегалактической планеты. Я тяжело засыпал, чтобы вновь переживать во сне несурязицу.

МЫ УХОДИМ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Великий день настал.

Лихорадочно посматриваю на хронометр, висящий в зале Лунного космопорта. Сейчас одиннадцать десять. Через пятьдесят минут — старт. Зал набит битком. Оpozдавшие примостились на площадках, лестницах, даже на опорных балках. Уже было все: бесконечные поздравления, пожелания, советы, тысячи вопросов, на которые невозможно ответить. Прощальная речь Анатолия Кулика, молодого парня с рыжим чубом, бригадира сварщиков тончайших нейтронитных листов.

— Принимайте, товарищи астронавты, звездолет! Сделан по всем правилам — по проекту академика Самойлова. Летите хоть в другую Метагалактику или в Антимир.²⁵ Не подведет машина! Жаль только, что летят вдвоем... все-таки трудно одним. А то возьмите меня, не пожалеете... не подведу! — Зал смеется, аплодирует. — Вот Почетная грамота Всемирного Научно-Технического

²⁵ Антимир — область Вселенной, в которой астрономы и физики предполагают наличие звездных систем, состоящих из антивещества, античастиц, антиатомов.

Совета... Возьмите! Ну, нельзя, так нельзя. Но мы всегда с вами! Шлите вести из центра Галактики!

...Торжественно звучит Гимн Освобожденного Мира. Последние рукопожатия, последние слова.

— Прощайте, друзья... Счастливого путешествия!..

Большинство провожающих спускается в глубь подлунного города, чтобы там, перед телевизионными экранами, наблюдать исторический старт. Ни одна живая душа не уцелеет на поверхности Луны, когда заработает наш гравитонный прожектор: сверхмощные излучения тяжелых электромагнитных квантов испепелят человека в мгновение ока, а чудовищной силы реактивная струя раздавит его в лепешку.

И вот мы остались одни со своим астролетом.

Далекие звезды бесстрастно сияют в черном небе.

Со звоном захлопывается тяжелый люк. Я сразу включаю астротелевизор и инверсионный проектор.

Параболические чаши радиотелескопов, словно насторожившись, повернуты в нашу сторону. Их задача — создать в пространстве узкую зону направленных радиоволн, по которой будет двигаться «Урания» на первом этапе взлета с Луны. После включения гравитонного прожектора они, несомненно, будут разрушены действием реактивного луча.

Над диспетчерской башней вспыхивает огромный красный шар — сигнал старта. Одновременно на экране возникает лицо главного диспетчера.

— Старт!

Корпус астролета содрогнулся. Громоподобно заревели сверхмощные двигатели стартовых тележек.

Говорящий автомат монотонным железным голосом начал отсчитывать ускорение: «Двадцать метров в секунду за секунду... тридцать метров... восемьдесят...» Рев

стартовых двигателей достиг наивысшего напряжения и резко оборвался. Мы отчетливо увидели, как разгонные тележки срываются с края выходной секции эстакады и, кувыркаясь, беспорядочно падают в глубокие ущелья и пропасти южного склона Апеннин. Они сделали свое дело. Вихрем пронеслись под нами котловины лунных цирков, стремительно уменьшаясь с каждой секундой.

Снова возникло лицо диспетчера.

— Переключение! — прокричал он. Это значит, что пора включать гравитонный прожектор. — Прощайте, друзья! Счастливого пути!

Только теперь я ощутил величие минуты. Первая гравитонная ракета уходит в бесконечность. Вот так же волновались, должно быть, первые звездоплаватели двести лет тому назад. В памяти всплывает Центральный космодром Титана, крупнейшего спутника Сатурна, колоссальный обелиск, круто вонзающийся в синее небо Сатурновой Луны, и золотые буквы на нем, скупое и строго возвещающие всем будущим поколениям: «В две тысячи шестидесятом году отсюда стартовала к Альфе Центавра первая в истории человечества межзвездная эскадра «Циолковский». И дальше — славные имена первых звездоплавателей, из которых я помню лишь одно: Иван Руссов.

Я осторожно потянул рубильник на себя, и стрелка акселерографа качнулась вправо. Меня тотчас вдавило в кресло, перехватило дыхание, мертвенный холодок разлился по лицу. Кровь отлила к затылку, губы мгновенно пересохли. Впрочем, это были давно знакомые мне физиологические симптомы при перегрузке.

«Девяносто метров в секунду за секунду... сто двадцать метров...» — бесстрастно отсчитывал автомат.

Самойлов страдальчески морщился: вероятно, ему приходилось тяжелее, чем мне. Все-таки я привык к перегрузкам. А Самойлов, насколько мне было известно,

участвовал всего лишь в двух — трех экспедициях на заурановые планеты.

— Как там сейчас, на Луне? — обратился я к академику спустя некоторое время.

Петр Михайлович загадочно усмехнулся и стал настраивать инверсионный проектор. На продолговатом экране возник лунный шар, окутанный пыльным мерцающим облаком.

— Что это за туман вокруг Луны? — поразился я.

Поразмыслив, ученый неуверенно проговорил:

— Вероятно, вихри «Урании» подняли на Луне пыльные бури...

Он оказался прав. Через некоторое время нас нащупал Памирский радиоцентр Земли. Молодой оператор радиоцентра восторженно передавал по мировой радиосети: «В северном полушарии Луны происходят грандиозные явления: бушуют пыльные смерчи невиданной силы! Деформировался весь горный хребет Апеннин! Часть лунных цирков разрушена! Из подлунного города нам

сообщают, что вся планета содрогается; ощущение такое, будто Луна вот-вот расколется. Из Пулковской обсерватории только что передали: зарегистрировано заметное смещение Луны с орбиты. На Земле разразилась магнитная буря необычайной силы. По Мировому океану прокатилась приливная волна десятиметровой высоты!.. К счастью, жертв и разрушений не было».

— В Академии Тяготения не сумели точно рассчитать последствия взлета «Урании», — тихо заметил Самойлов, прослушав передачу Памирского радицентра. — Развязаны силы невероятного могущества... Теперь ясно, что старты следующих гравитонных кораблей необходимо производить подальше от системы Земля — Луна, во всяком случае, не ближе, чем со спутников Сатурна.

Мы не ощущали привычной вибрации астролета, свойственной фотонным ракетам. Бесшумно работал гравитонный двигатель. Ни полыхающих протуберанцев света, характерных для фотонных ракет, ни оглушающего рева ионных кораблей. В реакторе удивительно равномерно распадались гравитоны, выделяя колоссальное количество энергии. В квантовом преобразователе внутри гравитонная энергия превращалась в тяжелое электромагнитное излучение высокой частоты. Магнитные поля большой силы отбрасывали излучение на параболоид гравитонного прожектора, который сверхмощным параллельным пучком отражал его в пространство. Из дюзы «Урании» рвался невидимый реактивный луч, создавая тягу в миллионы тонн. Мы могли бы сбить с орбиты любой спутник Юпитера, Сатурна или Урана размером меньше Луны — например, Мимас, Диану, Оберон или Нереиду, — если бы стартовали с них.

Траектория нашего движения пока совпадала с обычными путями космических кораблей. Яркие немигающие зрочки звезд, казалось, пристально следили за мной с экрана астротелевизора. Блестящий, как серебряный

поднос, диск Луны с оспинками кратеров, занимавший вначале пол-экрана, медленно сползал вправо. Все отчетливее вырисовывались на нем резкие изломанные тени гор, а края казались выщербленными. Наконец он исчез. Скорость непрерывно нарастала. В мерцающем овале источника траектории дрожал маленький силуэт астролета, и карта неба над ним смещалась к орбите Марса. Время отлета было рассчитано так, чтобы пересечь орбиту вблизи планеты. При гигантской мощности гравитонного двигателя притяжением Марса можно было пренебречь, а в Высшем Совете по освоению Космоса хотели, чтобы марсианская научно-исследовательская база наблюдала и в последний раз сфотографировала астролет в движении, прежде чем он умчится в межзвездные дали.

Марс постепенно заполнял весь экран. Пустынная жалкая планета с чахлой растительной жизнью!

Года два назад я пробыл здесь только месяц и чуть не умер от скуки. Сизо-фиолетовые и голубоватые лишайники да карликовые деревья по берегам «каналов» ... Ученые древних лет были бы страшно разочарованы при виде их.

Не отхожу от экрана. Вот они, знаменитые «каналы» Марса! Я смотрел на них, точно ехал по знакомым местам. Сколько хлопот причинили они в свое время ученым! Сколько бумаги исписали безвестные ныне авторы фантастических романов! Людей прошлых эпох больше всего смущало то обстоятельство, что «каналы» расположены в меридиональном направлении, наиболее удобном для стока вод со снеговых шапок полюсов. Умея в то время соединять лишь близкие русла рек и прорезать неширокие перешейки, они, унижая род человеческий, населили красную планету умнейшими существами с головами больше туловища и конечностями-щупальцами. И в поддобных вот марсианок влюблялись их герои.

Бр-р-р!.. Я вспомнил Лиду, ее красивые руки, маленькие сильные кисти.

Восторженным сердцам наших предков были милее самые сногшибательные гипотезы, нежели нормальные умозаключения. Куда проще было бы сообразить, что раз уж каналы расположены сообразно суточному вращению Марса, то устроены они самой природой — самым незатейливым и мудрым фокусником.

Из задумчивости меня вывели резкие повторяющиеся радиосигналы: сотрудники марсианской базы посылали нам прощальный привет. Я торопливо повернул рукоятку резкости. Очертания планеты на экране померкли, зато появилось лицо молодого человека с рыжеватыми усами. Я тотчас узнал его: однокурсник по Академии Звездоплавания Володя Сквиров, отличный партнер в шахматы и отчаянный выдумщик. Из любой туристской прогулки (еще в студенческие годы) он возвращался начиненный историями о схватках с медведем, или о том, как он ловил за хвост барса в Восточных Саянах, или о нависших скалах, бездонных пропастях и охотничьих тропах. Где он все это выкапывал на нашей исхоженной милой Земле, ума не приложу!

Сейчас он улыбался и размахивал руками, точно встреча произошла на улице.

Какие новые небылицы привезет он с Марса? Кому их теперь будет рассказывать? Мне взгрустнулось. Никогда больше не встречусь с ним, а может быть, и вовсе не вернуться на нашу маленькую уютную Землю.

— Прощай, Володя! — крикнул я.

— Прощай, друг! — как эхо, откликнулся он.

Впервые я увидел, как помрачнело его открытое веселое лицо.

После Марса траектория «Урании» резко искривилась: мы пошли выше плоскости эклиптики,²⁶ чтобы избежать неприятного пояса астероидов и нежелательных встреч с этими космическими снарядами.

Могучая сила все убыстряла движение «Урании».

Я включил указатель скорости.

«Девяносто тысяч километров в секунду», — доложил автомат монотонным голосом.

Оказывается, Петр Михайлович ведет дневник!

Я узнал об этом только вчера, случайно наткнувшись на раскрытый блокнот академика, забытый им среди книг в нашей библиотеке. Мой взгляд невольно остановился на ровных строчках.

«...Марс остался далеко позади. На экранах астротелевизора быстро уменьшается его огромная вогнутая чаша, на глазах превращаясь в чайное блюдечко. Через пять минут Марс уже не больше копейки. Виктор сидит у штурманского пульта и сосредоточенно смотрит на акселерограф. Штурман нравится мне все больше и больше. Выбор спутника по величайшему из путешествий был правильным.

— Смотрите, как нарастает ускорение! — воскликнул Виктор. — Каждую секунду мы увеличиваем скорость на один километр в секунду. Никогда еще я таким темпом не набирал ускорения!

Видно, что он восхищен высокими качествами гравитонного корабля, а ведь он не новичок в межзвездных путешествиях.

— Стократная перегрузка, — заметил я. — Сейчас каждый из нас весит семь — восемь тонн!

Виктор с уважением потрогал кнопки своего антигравитационного костюма. А костюм стоил уважения: он

²⁶ Эклиптика — плоскость, в которой движутся планеты и астероиды вокруг Солнца.

легко нейтрализовал действие ускорения, при котором собственный вес давно раздавил бы нас. Пятнадцать лет разрабатывал и совершенствовал его конструкцию Институт Антигравитации.

— Как он работает? — спросил Виктор.

Мне нравится его любознательность, и я стараюсь как можно проще объяснить ему принципы действия аппаратов, построенных на основе сложнейших теорий новейшей физики.

— Антигравитационный костюм — это как бы волшебный экран, прикрывающий нас от действия силы тяжести. Но чудес тут нет: в обыкновенный космический скафандр вмонтированы гравитонные излучатели, которые преобразуют энергию электричества в энергию противотяготения и нейтрализуют перегрузку.

— Замечательно! — воскликнул штурман. — В этих костюмах можно лететь с любым ускорением! Я практик, и уж я — то знаю, что значит ускорение... Однажды звездолет африканского Космоцентра, посланный в далекую разведку, попал в поле тяготения звезды Койпера, притяжение которой в четыре миллиона раз сильнее, чем земное. В борьбе с ее притяжением астролет израсходовал все аварийные запасы энергии и даже часть основного. А ведь основной был нужен для разгона корабля в обратный путь. Оставшейся энергии астронавтам едва хватило для разгона до девяноста пяти тысяч километров в секунду, так как их противоперегрузочные кресла не позволяли развить ускорение большее, чем шесть «жи».

Виктор помолчал и тихо закончил:

— Они летели к Солнцу ровно тысячу лет и не дожили до конца пути. У них ведь не было и анабиозных ванн. Вот если бы они могли набирать скорость таким же темпом, как мы, тогда они были бы спасены.

Я часто наблюдаю за работой штурмана, любуюсь его смелым лицом, высокой, сильной фигурой,

поражительной быстротой реакции. Вот и сейчас глаза Виктора вдохновенно светятся: вероятно, для него многоголосая песнь астронавигационных приборов — открытая книга. Внезапно он насторожился: радиолокатор-робот издал тревожный резкий звук. Звездолету угрожало столкновение с крупным метеором. Радиоимпульс, отразившийся от метеора, был воспринят роботом, который мгновенно рассчитал прицел и включил носовую лучистую пушку. Пушка «выстрелила» в метеор мощным пучком электрически заряженных молекул. Немного отклонилась от своего пути «Урания», немного — метеор, и их траектории разошлись.

К исходу первых суток мы миновали Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун. Звездолет достиг границ Солнечной системы. Впереди лежат необозримые межзвездные дали, *terra incognita*²⁷... Родная Солнечная система, колыбель человечества, осталась позади. Мы молча проводили глазами зеленоватый диск Плутона — последней планеты из семьи Солнца. На миг на экранах проекторов засветились Магеллановы Облака — ворота Вселенной. Виктор проверил по этим спутникам нашей Галактики местоположение и курс «Урании».

Вдруг вспыхнул экран астротелевизора, и на нем появилось суровое лицо неизвестного мне человека.

Он долго всматривался в моего штурмана, потом его губы раздвинулись в скупой улыбке.

— Это Николай Глыбов, — обернувшись, пояснил Виктор. — Начальник космодрома межзвездных ракет на Плутоне, гроза всех нарушителей режима космических полетов.

²⁷ Происходит от лат. *terra incognita* «неизвестная земля». Первоисточник — надпись, которую делали на старинных географических картах и глобусах по чистому, белому месту, означающему неизведанную, неоткрытую землю.

В голосе штурмана звучало уважение к прославленному деятелю Космоса.

Глыбов поднял над головой руки в крепком рукопожатии, и мы услышали его взволнованный голос:

— Счастливого плавания, братья! Вас приветствуют все астронавты Системы! Научных побед и благополучного возвращения!

«Урания» все дальше уходит в межзвездные просторы. В рубке царит полумрак, прорезаемый вспышками индикаторных лампочек да миганием звезд на боковых экранах.

Виктор положительно не дает мне покоя. В этом человеке заключен неисчерпаемый запас зоркой наблюдательности, предприимчивости и энергии, бьющей через край. Я подумал, что таким, очевидно, и должен быть профессионал звездоплавателя, видевший то, что недоступно большинству землян: неведомы планетные системы, жизнь, не похожую на земные формы, необычные состояния вещества и переходы энергии, удивительные цветные солнца и звездные катастрофы... Пусть он не теоретик-ученый, но его разум, поднявшийся над ограниченными земными представлениями, жадно вбирает бесконечную мудрость Вселенной. Я убедился, что он достаточно эрудирован в основных отраслях знания, и это понятно: длительные сроки межзвездных перелетов заставляли астронавтов превращать свои корабли в своеобразные летающие университеты, где учились все, чтобы не сойти с ума от томительного однообразия межзвездного полета.

Вот и сейчас Виктор ходит за мной по пятам, мешая проанализировать показания приборов, регистрирующих параметры гравитонного распада.

— Скорость достигла ста пяти тысяч километров в секунду, — крадчиво говорит он за моей спиной. — Через

тридцать с половиной часов достигнем порога скорости света.

Мне понятна его наивная попытка привлечь внимание.

— Очень может быть, — спокойно отвечаю я и хочу скрыться от него в сектор УЭМК.

— Подождите, Петр Михайлович, — он осторожно берет меня за плечо железными пальцами. — Я давно хотел спросить вас о разных вещах, да вы все были заняты...

— Хорошо, — сдался я, зажатый в угол.

— Я до сих пор восхищаюсь гравитонной ракетой, — продолжал он. — Это как в сказке.

— Что ж тут сказочного?

— Почти все... Хотя бы возможность достижения суперсветовой скорости.

— Конечно, это необычно. Вообще говоря, я сам до конца не уверен, возможно ли будет победить скорость света. По теории как будто да. Но пока нет экспериментальных подтверждений, ученый должен сомневаться.

— Ну, хорошо. Я опять возвращаюсь к старому разговору... Помните, в Академии Тяготения? Допустим, мы превысили скорость света. Что произойдет с массой корабля, с пространством и временем? Ведь старик Эйнштейн строго доказал, что при скорости света масса бесконечно возрастает, пространство сжимается до нуля, а время останавливается. Неужели время потечет вспять?

Его лицо выражало удивление перед великими вопросами познания, которые — увы! — не были еще до конца ясны и мне.

— Посмотрим, что будет в действительности, — осторожно ответил я. — Пока моя уверенность основана на твердо установленном факте — на том, что скорость гравитонов больше скорости света. Продукты внутригравитонного распада также имеют сверхсветовую скорость

истечения, следовательно, реактивная тяга «Урании» должна позволить ей превысить скорость света.

— Каким же образом достигается в двигательной системе ракеты сверхсветовое истечение материи? — продолжал допытываться Виктор.

— Довольно просто. Как тебе известно, «Урания» представляет собой, в сущности, огромную летающую трубу, в передней части которой смонтирован купол с салоном, рубкой, анабиозными ваннами, оранжереей, где осуществляется круговорот веществ, и складом материалов. Для чего сквозная труба в корпусе? Помнишь древние прямоточные реактивные двигатели? Они засасывала в трубу воздух, он сжимался до большого давления, затем туда впрыскивалось топливо и происходила вспышка, дающая начало газовой реактивной струе. ВРД как бы прогонял воздух через себя. В какой-то мере аналогично построена и наша ракета. Только у нас прогоняется через трубу межзвездная среда: пылинки, частицы, атомы водорода, гелия, кальция. При субсветовой скорости они, влетев в нашу трубу, вызывают ядерные реакции, которые становятся дополнительным источником энергии для нашей ракеты. Как видишь, эта совершенно даровая энергия, практически неисчерпаемая, заключена в самом пространстве. Но главную роль играет, конечно, истечение тяжелых квантов, порожденных распадом гравитонов. Гравитонный реактор находится в средней части корпуса, сразу после складов горючего. По сорока восьми волноводам в него поступают гравитоны, а по двум каналам в дне впрыскивается катализатор — капта-частицы. Невероятно бурно, но не бесконтрольно освобождается внутригравитонная энергия. Точнейшие автоматы регулируют реакцию с помощью электромагнитных полей гигантской напряженности; причем сами эти поля создаются за счет той же энергии внутригравитонного распада. Они направляют продукты распада в квантовый

преобразователь, где рождаются тяжелые кванты. По спиральным тоннелям в кормовой части звездолета кванты направляются в фокус гравитонного прожектора, а последний отбрасывает их в пространство. В районе же фокуса прожектора начинаются и ядерные реакции влетевших в звездолет межзвездных частиц. Происходит новый мощнейший всплеск энергии, и реактивная струя извергается из дюзы со сверхсветовой скоростью.

— А чем это вы измерили скорость истечения?

Его вопрос поставил меня в тупик. Действительно, все это известно теоретически. А где же приборы, измеряющие сверхсветовую скорость истечения?.. Их нет... Невозможно сконструировать в земных условиях такой прибор, ибо в любом электронном или электромагнитном измерителе сигналы сигналы по цепи передаются со скоростью света и ни в коем случае не выше.

Я с интересом взглянул на Виктора. Он оказался не таким дилетантом, как представлялся мне вначале».

Академик зашевелился и, младенчески почмокав губами, повернулся на другой бок. Я быстро закрыл блокнот и положил его на место. По-моему, Петр Михайлович уж слишком расписал меня!

Прошло семь суток с тех пор, как мы распрощались с Николаем Глыбовым. Академик безвылазно сидит в салоне и колдует над книгами и микрофильмами, время от времени сердито ворча. Что означает это ворчание я еще не научился отгадывать. Иногда это, видимо, недоумение перед математическим парадоксом, а чаще — восхищение, если не восторг по поводу эквилибристических рассуждений какого-нибудь физика-теоретика.

Делать почти нечего: электронные автоматы и роботы с безупречной точностью ведут корабль по курсу. Откидываюсь в кресле, закрываю глаза.

ЗА ПОРОГОМ НЕДОСТИЖИМОГО

Скорость близилась к световой. Академик разбудил меня, чтобы сообщить эту весть. Лицо его сияло. Я отвернулся к стене, собираясь снова уснуть. Мозг, еще окутанный дурманом сна, не осознал всей важности сообщения. «Зачем будить? — сквозь сон подумал я. — Торопиться некуда»

— Алло, Виктор!.. Звездоплаватель-первооткрыватель!.. Не узнаю прежнего энтузиаста! неужели тебе не интересно взглянуть на картину мира при суперсветовой скорости?

Наконец я проснулся и встал, потягиваясь. Едва я протер глаза, как тут же забыл об усталости. Главный экран и все остальные проекторы были включены. Звездное небо переливалось всеми цветами радуги. Я никогда раньше не видел такой волшебной картины. Начал проявляться эффект Допплера, то есть изменение длины световых волн, идущих от звезд при субсветовой скорости относительного движения. Мы настолько близко подошли к порогу скорости света, что цвет звезд менялся буквально на глазах. Те звезды, к которым мы летели как бы уменьшали длину волны своего излучения. Они вначале голубели, синели, а затем, вспыхнув зловещим темно-фиолетовым светом, потухали вовсе, так как их излучение смещалось для нас в невидимую ультрафиолетовую область спектра. Из бесконечной дали навстречу «потухшим» появлялись мириады новых, проходя ту же гамму цветов. И так без конца.

Звезды, от которых «Урания» удалялась, представляли собой иную картину: их цвет изменялся в сторону красного конца спектра.

В течение ряда часов я наблюдал, как наше Солнце — крохотная желтая звезда в левом углу экрана —

последовательно превращалось в оранжевую, красную, багровую, темно-вишневую звезду; затем оно погасло для нас потому, что стало излучать невидимый инфракрасный свет.

Самойлов пожевал губами. Я уже знал эту характерную привычку — признак сильного волнения. Еще бы! Впервые в жизни не умозрительно, а в действительности наблюдал он субсветовую картину Вселенной. Куда ни взглянешь, всюду дрожат, мерцают и переливаются всеми цветами радуги небесные светила.

В свете этой величественной иллюминации мы плотно пообедали (или позавтракали, как угодно. Обычный земной распорядок суток для нас просто не имел смысла). Электронный автомат-повар готовил пищу гораздо лучше, чем шеф-повар «Грандотеля» в Космоцентре.

Звездолет буквально пожирал пространство. Теперь мы мчались по заполненной межзвездным туманом великой Галактической дороге. Так называли астрономы Земли орбиту, по которой движется большинство звезд, в том числе и наше Солнце, вокруг центра Галактики, завершая один оборот в двести миллионов лет. Мы давно оставили окрестности Солнца, которое плелось по этой же дороге где-то позади. Его скорость — двести семьдесят километров в секунду — смешно даже было сравнивать с нашей, ибо мы вплотную приблизились к самому порогу световой скорости, к «эйнштейновскому» порогу, как скептически сказал Самойлов, намекая, очевидно, на то, что ему первому из людей Земли дано переступить его.

Меня точно заворачивала стрелка автомата — указателя скорости. Она предательски дрожала у самого индекса «С» — «Скорость света». Перейдет или нет?.. Академик тоже уже не пытался казаться невозмутимым. Он в который уж раз включал автомат, неизменно

докладывавший своим нечеловечески бесстрастным голосом одну и ту же скорость движения:

«299 795 и одна десятая километра в секунду...»

— Подумать только! — нервно шептал он. — На оставленной нами Земле время течет в тысячу двести раз быстрее, чем в нашем астролете! Значит, полчаса, проведенные нами за едой, равнялись двадцати пяти земным суткам. Почти месяц!

Следовало, видимо, торопиться с подобными житейскими мелочами. А то как-то не по себе становится, когда подумаешь, что, вздремнув в анабиозной ванне астролета четверо суток, одновременно просыпаешь полтора десятилетия в истории Земли.

Космическая иллюминация стала угасать. Позади потухли все багровые, красные и вишневые светила.

Ни единой звездочки, ни единого проблеска и светового луча. Сплошной мрак! Впереди же из невообразимой дали тускло мерцали инфракрасные звезды, ставшие видимыми благодаря все тому же эффекту Доплера. Лишь светила, пересекавшие направление движения «Урании», по временам вспыхивали голубым светом, чтобы вскоре, заалев, также исчезнуть в черноте звездной ночи. Вокруг астролета бушевали радиоактивные излучения, в тысячи раз более опасные, чем самые мощные космические лучи. Наружные бортовые ионизационные счетчики показывали предельную для их шкалы интенсивность излучений, а звуковые индикаторы, выведенные на панель управления, непрерывно трещали. Эти излучения возникали вследствие того, что астролет, мчавшийся почти со скоростью света, непрерывно сталкивался с частицами межзвездного тумана. Однако нам можно было не бояться. Десятиметровой толщины защитный экран, расположенный между нейтронитной броней и внутренней обшивкой ракеты, надежно охранял нас от радиации. Гораздо страшнее было бы теперь какое-нибудь из

бесчисленных полей тяготения. Неизбежное при полете в поле тяготения искривление прямолинейной траектории «Урании» увеличило бы кажущийся вес астролета и всего находящегося в нем в десятки тысяч раз! Не помог бы никакой антигравитационный костюм.

— Нет ли на нашем пути потухших звезд или газово-пылевых туманностей, глобул? — спросил я Самойлова.

— Кто знает? Кто знает?.. — пожал он плечами.

Оба мы думали, очевидно, об одном и том же, напряженно вслушиваясь в тревожную песнь гравиметра, чудесного прибора, чувствующего поля тяготения на большом удалении от астролета. Гравиметр связан электронной схемой с роботом, управляющим двигателями торможения. Иногда ровная мелодия гравиметра повышалась — и наши сердца сжимались от страха. Но потенциал гравитации был невелик, и страх отпускал нас.

А стрелка указателя скорости продолжала издеваться над нами. Она судорожно вибрировала почти на красной черте, отмечающей скорость света. Происходили странные вещи: акселерограф неизменно показывал, что ускорение равно одному километру в секунду за секунду, а скорость не возрастала.

«Двести девяносто девять тысяч семьсот девяносто пять и одна десятая километра в секунду», — точно смеясь над нами, повторял автомат.

— Мы настолько близко подошли к порогу скорости света, — объяснял мне Самойлов, — что в каждую следующую секунду скорость астролета возрастает на все более малую, если не сказать бесконечно малую, величину. Это и вызывает вибрацию стрелки указателя скорости, так как он не проградуирован на такое ничтожное приращение скорости, как сейчас.

Впрочем, я и сам уже догадался о причинах странного явления. Но все-таки! Ускорение-то было громадное — один километр в секунду за секунду!

Наш земной опыт, логика и здравый смысл явно оказывались бессильными.

Я задал роботу программу почти на полный режим гравитонного распада. Если раньше двигатель работал бесшумно, то сейчас он издавал тонкий мелодичный звук. Все, нарастая, этот звук перешел в мощное низкое гудение. По экрану кормового перископа разлилось розовато-фиолетовое сияние: начал светиться холодный поток энергии, вырывающийся из дюз.

Прошло два часа. Предательская стрелка никак не хотела шагнуть на красную черту. Решительно взмахнув рукой, Самойлов вдруг сказал:

— Включай на все сто процентов! Запаса энергии у нас хватит!

Я дал роботу соответствующую команду. Гравитонный двигатель заревел. Даже сквозь толстые защитные экраны и звукопоглощающие перегородки его гул властно лез в уши.

Экраны астротелевизора не показывали ничего — полный мрак, словно все светила Вселенной давно погасли. И вдруг стрелка микроскопическими рывками стала подползать к индексу «С». Теперь-то я знал, что каждый такой бесконечно малый рывок к скорости света давался ценой огромного расхода энергии, равного миллиардам киловатт на тонну массы корабля. Вот стрелка точно зацепилась за левый край красной черты. Ну!.. И академик и я привстали в креслах, хотя самое разумное, что мы сейчас должны сделать, — это распластаться в них, приняв на всякий случай защитное положение. Было совершенно неясно, можно ли в таких условиях надеяться на наши чудесные антигравитационные костюмы.

— Свершилось! — воскликнул Самойлов. Он улыбался и довольно потирал руки. — Об этой минуте мечтали сотни лет все физики-теоретики Земли. Как жаль, что с нами нет сейчас Эйнштейна!

Пока как будто не происходило ничего особенного: наши массы не возросли до бесконечно большой величины, с пространством тоже все было в порядке. Я посмотрел на Самойлова, он — на меня.

Казалось, ученый был разочарован. Я украдкой прикусил кончик языка — больно. Нащупал пульс: он бился, может быть, немного учащенное, чем обычно, но это легко объяснялось волнением.

— Часы!.. Что с ними?! — вскрикнул вдруг Самойлов.

С универсальными часами, отсчитывавшими темп времени для астролета и для Земли, явно творилось что-то несуразное: если верить им, то на Земле истекало тысячелетие, а в астролете — всего лишь минута. Затем стрелка часов падала к началу отсчета, и время на Земле шло назад. Я встряхивал головой, проверяя, не сплю ли я?

Все приборы точно сразу сошли с ума. Стрелка акцелерографа вдруг завертелась с такой быстротой, что совершенно пропала из глаз и нельзя было понять, в каком направлении она вращается. В овале искатели траектории бешено метался силуэтик ракеты. Мелодия до-мажор гравиметра перешла в какое-то дикое хрипение. Электронный регулятор приемника равновесия сыпал сплошной пулеметной дробью, прерывающейся щелкающим треском. В одно мгновение стройная симфония астронавигационных приборов сменилась душераздирающей какофонией. Я выключил телефоны шлема, боясь оглохнуть.

Вдруг по корпусу корабля прошла гигантская волна мучительной вибрации. Все вокруг нас — стены, предметы обихода, столы, диваны, части оборудования — сразу зазвучало, заглушив искаженную мелодию приборов. Астролет болтало.

— Что творится?! — прокричал я прямо в лицо Самойлову.

Не отвечая, он включил механизм, сдвигающий массивные щиты с иллюминаторов. Я отшатнулся, пораженный фантастическим зрелищем: вместо прежнего непроглядного мрака в астролет хлынули целые океаны ослепительного света. Небесная сфера пылала тысячами радужных полос, спиралей, шаров. Из глубин пространства прямо на нас, точно к единому центру, мчались мириады пылающих лохматых солнц и бешено вращающихся Галактик. Вся Вселенная, казалось, сжалась в небольшую сферу, или конус, по внутренней поверхности которого мы стремительно описывали спирали. На мгновение даже показалось, что я завертелся в «чертовом колесе» под куполом какого-то фантастического цирка, где огни люстр, разноцветные одежды зрителей, блеск стекол биноклей, ярко-желтый песок арены с брошенным на него впопыхах алым клоунским плащом сменялись с быстротой молний; и казалось, что весь этот калейдоскопический хаос красок ринулся, чтобы смять, раздавить меня.

Внезапно я почувствовал, что слабею, и безвольно опустил голову. В отяжелевшей голове бились беспорядочные мысли.

«Мы существуем, или нас уже нет?..» — хотел я спросить Самойлова, но вместо слов вырвалось лишь невнятное бормотание. Последнее, что я успел заметить, была рука академика, слабо шарившая близ аварийной кнопки, включающей тормозные двигатели.

...Очнулся я уже на койке в салоне. Было тихо. Во рту ощущалась приятная горечь препарата «ВГ». Самойлова в салоне не было. Жив ли он? Я окликнул его.

— Ну что, дружок, — отозвался он из лаборатории. — Очнулся? Знаешь ли ты, что произошло? — оживленно заговорил он, входя в салон, как будто ничего не произошло. — При приближении к гравитонной скорости (я отметил этот новый для меня термин) начался распад материи на гравитоны — именно то, что происходит все

время в двигателе ракеты. Я пытался сейчас проверить эти новые данные математически. Считай, что мы открыли новую страницу в науке.

— И как подвижки науки, едва не пожертвовали для этого жизнью, — слабо усмехнулся я.

— Стоило! Стоило, брат! Наука требует жертв! Не правда ли? — и он снова удовлетворенно потер руки.

— Но кто сообщил бы об этом открытии людям? — напомнил я ему.

— Ах, да... ты прав.

Самойлов вдруг сделался серьезным.

Лишь теперь я отчетливо вспомнил все, что видел, теряя сознание, и сильно встревожился за академика.

— Вы очень бледны. «Вам плохо?» — спросил я.

— Пустяки! А как ты себя чувствуешь?

Я попытался встать и не смог. Это была скорее не мышечная слабость, а безотчетная апатия, неумение сосредоточить волевое усилие на механическом движении мышц. Я сказал об этом Самойлову. Он кивнул головой: — Этого следовало ожидать. Нервная ткань наиболее восприимчива к малейшим изменениям. Распад ничтожной доли ее — и вот...

Он замолчал, присел в кресло и потер ладонью лицо.

— А вы?.. «Как же вы?» — снова спросил я.

— Очевидно, у меня больше нервной массы, устойчивее мозг. Да ты не расстраивайся, — ободряюще улыбнулся академик. — Вероятно, твой организм быстрее подвергается внешним изменениям, но он так же быстро сможет восстановиться, а вот мой старый организм трудно вывести из строя, но зато и восстановить нелегко.

— Вам нужно прилечь, — потребовал я.

— Я еще могу продержаться, — возразил он тоном, не допускающим возражений. — Поправляйся скорее. — И нетвердой походкой тяжело прошел в Централь управления.

После ухода Самойлова я попытался подняться.

Но это было нелегко. Я сосредоточил свое внимание на том, что мне необходимо опустить на пол правую ногу, затем левую. Чтобы опустить на пол обе ноги, потребовалось нечеловеческое усилие. Прошло немало времени, пока я смог сесть. Наконец, собрав последние силы, я поднялся и, цепляясь за стены, двинулся за Самойловым.

В штурманской рубке все было по-прежнему.

Успокоительно мерцал овал искателя. Стрелка указателя скорости стояла левее красной черты. Акселерограф показывал отрицательное ускорение, то есть замедление движения. Наш сумасшедший полет был приостановлен аварийным роботом. Повинуясь руке академика, нажавшей кнопку, робот привел в действие тормозную систему. Сейчас «Урания» летела по инерции. Лишь после того, как УЭМК уточнил программу торможения, я заметил, что Самойлов едва держится на ногах.

— Давай ляжем в анабиозные ванны, — вяло произнес он. Его усталые глаза лихорадочно блестели сквозь стекла сильных очков. — Пока скорость «Урании» упадет до заданной величины, надо хорошенько отдохнуть.

* * *

Я с трудом открыл глаза. Слабо мерцал голубой огонек сигнальной лампочки реле. Циферблат показывал, что прошло восемнадцать суток местного времени. Анабиозная жидкость, булькая, уходила в резервуар консервации. Тело сладко ныло, возвращаясь к обычному ритму жизни. Сознание заработало четко и ясно. Я быстро совершил процедуру пробуждения и пошел в рубку. Еле слышно пели силовые ноля квантового преобразователя. Убедившись, что астронавигационные приборы работают нормально, я погрузился в изучение траекторий на

экране ориентировки. Ощущение какой-то неправильности в их расположении слегка обеспокоило меня.

Вдруг за моей спиной неслышно появился Самойлов; он тоже успел пробудиться и был озабочен.

Вероятно, он также почувствовал что-то неладное.

— Встал уже? — улыбнулся он и тут же перешел на деловой тон. — Что-то неладно у нас с траекторией. — Он беспокойно посмотрел на экраны обзора, где ярко сияли чужие звезды, потом озадаченно взгляделся в карту Галактики под силуэтом ракеты-искателя. — Нужно определить наше местоположение.

Прибор звучал как-то глухо, а носик ракеты показывал в... никуда. Мы переглянулись. У академика вытянулось лицо.

— Как, по-вашему, — испуганно спросил я, — где мы можем сейчас находиться?

— А я тебя хотел спросить. Где угодно, даже в соседней Вселенной!

— Не шутите...

— К сожалению, я не шучу. Перейдя порог скорости света, мы, вероятно, сбили всю вычисленную заранее траекторию движения к центру Галактики. Как можно скорей надо определиться в пространствен снова задать программу электронному вычислителю.

Битый час мы напряженно сверялись с проективной картой Галактики, но ничего не могли понять: на небе не было звезд-ориентиров. Да, да, их не было!

Внезапно Самойлов тихо свистнул: — Вот оно что!.. Знаешь, где мы теперь? В межгалактическом пространстве!

— Не может быть! — Я бросился к пульту и включил сразу все экраны, проекторы и открыл иллюминаторы.

Вид небесной сферы был ужасен: мы находились в центре огромного мрачного полого шара. Куда девались

бесчисленные светлячки звезд! Я видел лишь мрак и черноту. Где-то далеко, невообразимо далеко — или это только мерещилось мне? — чуть-чуть светились белесоватые или золотистые пятна. С большим трудом я осознал, что каждое из этих пятен является Галактикой, Млечным Путем, то есть огромным звездным островом, содержащим миллиарды и десятки миллиардов солнц. Я ужаснулся. Где же наша Галактика? В какой стороне ее искать?

Я с мольбой посмотрел на Самойлова.

— Взгляни в том направлении, — сказал он, указывая в задний левый иллюминатор.

В бездонной глубине пространства четко рисовалась гигантская раскручивающаяся спираль, истекая брызгами звездного молока. На некотором расстоянии вокруг спирали, как бы обрамляя ее, светились яркие сферические облака — шаровые звездные скопления.

— Это наша Галактика! — радостно воскликнул я.

Мы долго смотрели туда, где миллиарды звезд, сгущаясь, образовывали сплошное облако. То был центр Галактики. И где-то там — планета Икс, которую мы должны разыскать.

— Мы первые люди, которым выпало огромное счастье наблюдать свою Галактику из мирового пространства, — с гордостью сказал Самойлов. — Сделаем как можно больше снимков и надежно их сохраним: на Земле нам за это поставят золотой памятник благодарные астрономы.

И он поспешил в фотолабораторию. Вскоре я увидел, как ученый направил широкий, как жерло вулкана, телеобъектив кинофотоаппарата на далекую Галактику.

— Да, но сколько же световых лет до нее? — крикнул я через дверь.

— Сейчас узнаем.

Некоторое время раздавался лишь треск электронного интегратора. Закончив вычисления, Самойлов вдруг выбежал из лаборатории и склонился над звездной картой.

— В чем дело? «Что случилось?» — спросил я, ничего не понимая.

— Эти непонятные возмущения пространства, которые появились при суперсветовой скорости, забросили нас черт знает куда, — глухо сказал он. — Оказывается, наш астролет поднялся над уровнем звездного колеса Галактики более чем на двести тысяч парсеков. Следовательно, до центра ее теперь не менее миллиона световых лет, то есть триста семь тысяч парсеков!

— То есть в тридцать раз дальше, чем в тот день, когда мы стартовали с Луны, — в тол ему закончил я.

Самойлов озадаченно потер лоб.

Воцарилось угрюмое молчание. Неведомый страх перед грандиозным расстоянием охватил меня. Триста семь тысяч парсеков! Если лететь со скоростью обычных фотонных ракет, нужно двести четыре тысячи лет! Я с благодарностью посмотрел на Самойлова, вспомнив, что именно ему и его сотрудникам из Академии Тяготения обязано человечество чудесной машиной пространства-времени. Она-то не будет преодолевать это расстояние две тысячи веков...

Двадцать три дня мы расходовали драгоценное гравитонное топливо, погашая световую скорость почти до нуля, чтобы иметь возможность повернуть «Уранию» обратно к звездам, свету, жизни — к Галактике.

Скучать не приходилось, все это время мы кропотливо составляли программу для электронного вычислителя.

Еще два месяца пришлось ждать, пока машина вычислила траекторию обратного пути, режим работы двигателя и другие данные.

И вот снова заработал главный двигатель. Спустя семьдесят два часа «Урания» развила скорость, только на одну сотую километра в секунду меньшую скорости света. Робот с бесконечной осторожностью перевел ракету на инерциальный полет.

— Ну что ж... — облегченно вздохнул академик. — Теперь мы довольно быстро долетим до центра Галактики. Автоматика работает безупречно. Расстояние, равное одному миллиону световых лет, астролет покроет за двенадцать лет.

Еще раз проверив работу приборов, мы погрузились в анабиозные ванны.

ВЗРЫВ СВЕРХНОВОЙ

Третий год мы блуждали в центральной зоне Галактики, разыскивая таинственную планетную систему. Самойлов почти не спал, осунулся и побледнел.

Хмуря клочковатые жесткие брови, он без конца вычислял все новые и новые варианты траекторий, не давая отдыха электронному вычислителю. Но все было безрезультатно: на экранах сияли, словно смеясь над нами, незнакомые звезды, сплетаясь в узоры никогда не виданных созвездий.

— Мы израсходовали семьдесят процентов топлива, — упавшим голосом доложил я академику, проверив интегральные кривые расхода энергии.

Петр Михайлович ничего не ответил, а только ниже опустил голову, в который уже раз подбирая траекторию движения, выводящую нас в планетную систему желтой звезды типа Солнца в юго-восточной части Змееносца. Если, конечно, верна его гипотеза, разработанная еще на Земле...

Три года мы окружены этим сверкающим калейдоскопом цветных солнц, которые густо усыпали небесную сферу. Как хочется снова увидеть ласковый земной небосвод! Именно небосвод, а не этот черный, точно сажа, полый шар, в центре которого мы как будто помещены. Внутренняя поверхность шара усыпана блестящими шляпками звезд, число которых бесконечно больше числа звезд, видимых с Земли. Каким мертвым представляется галактическое небо, блестящие звезды которого совершенно неподвижны, как золотые гвозди в церковных куполах! Они не мерцают и видны предельно отчетливо. Кое-где чернота позолочена или посеребрена — это туманности и Млечный Путь, яркой широкой полосой идущий по большому кругу внутри черного небесного шара. Из бортового иллюминатора видно сияющее золотое облако — центр Галактики.

Досадно, что нельзя развить большую скорость движения: не позволяют чудовищно сильные поля тяготения, окружающие нас со всех сторон.

Вот и «сегодня» меня разбудил тревожный, все нарастающий вой гравиметра. Сомнений не было: астролет вошел в неведомое гравитационное поле. Но почему это произошло так неожиданно? Почему прибор безмолвствовал несколькими часами раньше, хотя он должен был подать сигнал еще сутки назад, судя по силе встретившегося поля?.. Может быть, мы опять перешагнули какой-нибудь порог недозволенного?

Но ничего подобного не было. Стрелка акселерографа показывала замедление, скорость держалась на уровне девяноста тысяч километров в секунду. Прибор продолжал выть.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Петр Михайлович. — Похоже, будто это поле тяготения было окружено какой-то стеной, а мы ее внезапно пробили.

Я включил экраны. Та же черная полая сфера.

Но в левом углу бокового проектора мы заметили необычно огромное солнце-звезду, расположенную к нам явно ближе всех остальных.

— Половина светового года, — сказал я Самойлову, определив до нее расстояние.

— Вероятно, это потухающая.

Неожиданно все экраны астротелевизора вспыхнули ослепительным иссиня-фиолетовым светом причудливых оттенков. Интенсивность лучистой энергии была столь велика, что три экрана мгновенно потухли: очевидно, у них вышли из строя преобразователи излучений. Ничего не понимая, я смотрел на это призрачно-фиолетовое лохматое светило. Словно неведомый великан взглянул на нас своим огромным зловещим оком. Звезда была величиной с купол Исаакия!

Ее видимый диск был в десятки раз больше солнечного, наблюдаемого с Земли. В довершение всего светило увеличивалось, распухало на глазах. Во все стороны от него тянулись огромные газовые струи.

— Вспышка Сверхновой, — произнес Самойлов напряженным голосом. Я видел, что он находится в состоянии сильнейшего волнения. — О Сверхновых звездах я знал лишь по учебникам астронавигации, где они вскользь упоминались, и не придавал большого значения волнению академика.

Временами часть поверхности звезды мутнела, заволакивалась клубящимися газовыми вихрями, и казалось, что звезда подмигивает нам.

С трудом разбираясь в необычном узоре созвездий, я определил, что астролет на пути к созвездию Змееносца. Это было утешительно: траектория не слишком уклонилась от недавно намеченной Самойловым. Значит, все в порядке? И я вопросительно повернулся к ученому.

— Проклятая звезда! — с досадой заговорил он. — Она закрывает нам путь к желтой звезде. Мы должны пойти

на сильное искривление траектории. А это уменьшит нашу скорость до черепашьего хода, мы потеряем массу времени и энергетических ресурсов, так как в результате вспышки Сверхновых звезд вокруг них образуются гигантские туманности, состоящие из раскаленной материи. Они имеют размеры в пять — шесть световых лет.

— Мне это известно, — вставил я.

— Но это еще не все, и даже не самое главное, — продолжал он. — Эти раскаленные газовые массы несутся наперерез нам со скоростью шести тысяч километров в секунду.

— По сравнению с нашей это ничтожная скорость.

— Неужели? — с иронией возразил академик. — А мы не знаем, сколько времени они уже в пути... И потом ты забываешь о поле тяготения. (Я невольно прислушался к зловещему гулу гравиметра). Если оно искривит прямолинейную траекторию корабля, нас не спасут никакие антигравитационные костюмы. Смерть живого существа будет неизбежна.

Значит, нужно развить максимальную скорость самым бешеным темпом, на пределе допустимого ускорения. Свернуть в сторону «Урания» не может; при скорости в девяносто тысяч километров в секунду можно двигаться только по линии светового луча. Нужно проскочить зону вспышки Сверхновой прежде, чем раскаленная материя перережет нам путь. С помощью электронного анализатора я быстро прикинул: газовые вихри пройдут оставшееся до нас расстояние за два с половиной часа. Медлить было нельзя. Я бросился включать главный двигатель.

Прошло полчаса. Экраны заволочло туманной дымкой, пронизанной ярко-синими и бело-голубыми газовыми вихрями. Я все подбавлял и подбавлял мощности.

Гравитонный двигатель ревел, сотрясая корпус «Урании». Я неотрывно следил за стрелкой акселерографа. Монотонно бормотал авто-

мат:

«Двести метров в секунду за секунду... пятьсот... девятьсот...»

— Представляешь, какие грандиозные процессы совершаются сейчас в недрах этой Сверхновой! — с хорошо знакомым мне воодушевлением начал вдруг Петр Михайлович. Как видно, его ничто не смущало, даже наша возможная гибель, которую он только что предрекал. — Сверхновые звезды — это особый тип неустойчивых, самовзрывающихся звезд. Родившись на заре времен, они затем проходят путь превращения от звезды, состоящей из атомных ядер, в нейтронную звезду. Как это происходит? В конце своей жизни звезда «сожжет» в термоядерных реакциях весь водород, который в ней содержался. В этот момент в ее недрах развиваются температура, равная миллиардам градусов, и чудовищное давление в сотни миллиардов атмосфер! Под действием давления электроны «втискиваются» в ядра атомов и нейтрализуют электрический заряд протонов. Ядро атома

превращается в скопление нейтронов. Силы электрического отталкивания в атомах исчезают, и начинается мгновенное сближение нейтральных теперь ядер атомов. Звезда сжимается с огромной скоростью, и сразу бурно освобождается энергия тяготения. Сверхновая вспыхивает с гигантской, страшной силой, превращаясь в сверхяркую, сверхгромадную звезду величиной с нашу Солнечную систему! Температура ее поверхности достигает пятисот тысяч градусов — почти в сто раз выше температуры поверхности Солнца! Избыток светового излучения срывает со звезды ее «одежды», внешние слои, которые с огромной скоростью уносятся прочь, в мировое пространство. Остаток звезды спадает к ее центру, как карточный домик, и утрамбовывается до плотности нейтронов. Диаметр звезды уменьшается до десяти — да-да! — всего до десяти километров! Утрамбовывание настолько плотное, что наперсток с веществом звезды весит сто миллионов тонн!

— Не увлекайтесь, — предупредил я ученого. — Нам пора сцепить зубы и распластаться в креслах, ибо ускорение все нарастает.

«Девятьсот девяносто пять...» — подтвердил говорящий автомат.

Академик умолк, с трудом переводя дух. Вскоре нельзя было шевельнуть ни рукой, ни ногой... Тысяча «жи», то есть десять километров в секунду за секунду.

Тысячекратная перегрузка веса! Это был предел защитной мощности антигравитационных костюмов. Мы и так до отказа вывели гравитонные излучатели. Выйди сейчас из строя антигравитационная защита — и конец, ибо при таком ускорении каждый из нас весил семьдесят-восемьдесят тонн! Нас мгновенно раздавила бы собственная тяжесть.

Истекал второй час. Больше не выдержать перегрузки. «Ураания» развила за эти сто двадцать минут

скорость с девяноста тысяч до ста шестидесяти тысяч километров в секунду. «Кажется, проскочили», — с облегчением сказал я себе, когда турбулентные вихри, сквозь которые призрачно проступало лохматое светило, стали медленно сползать с экрана.

Едва мы отдышались после этой бешеной гонки, как Самойлов снова заговорил о Сверхновой:

— Я изложил только одну из теорий процессов, вызывающих гигантскую космическую катастрофу, вспышку Сверхновой. Более обоснованной является радиоактивная теория вспышек. Установлено, что спустя сто дней после вспышки Сверхновая достигает максимума блеска, а через пятьдесят пять дней излучает половину всей энергии. Эта закономерность говорит о радиоактивном распаде в ядре звезды, которое состоит из бериллия, стронция и калифорния — самого тяжелого элемента в таблице Менделеева. Грандиозная энергия, выделяющаяся при вспышке Сверхновой звезды, получается за счет образования в ее недрах калифорния из железа.

Я заинтересовался.

— Из железа? Но как это происходит? Ведь для синтеза тяжелых элементов требуются невероятные температура и давление.

— Все это имеется в глубинах Сверхновой. До вспышки она представляет из себя старую, «отжившую» свой век звезду, которая потеряла почти весь свой водород. Все легкие элементы в ней уже образовались. Но звезда — запомни этот важный факт! — сохраняет первоначальное количество железа, возникшее в ней еще в дни рождения. Бериллий и стронций при радиоактивном распаде испускают большой поток нейтронов. Ядра атомов железа жадно захватывают эти нейтроны, «поедают» их и быстро растут до тех пор, пока не образуется калифорний, ядро атома которого содержит уже двести пятьдесят четыре протона и нейтрона. Калифорний начинает

возникать постепенно во все более глубоких слоях Сверхновой. Изотоп неона превращается в изотоп натрия, а изотоп натрия тут же испускает ливень радиоактивных частиц и превращается в другой изотоп неона. В результате этих процессов образуется около двухсот нейтронов на каждое ядро атома железа, что и требуется для «рождения» калифорния. При рождении калифорния внешняя оболочка звездных недр нагревается до ста миллионов градусов! При этой температуре легкие ядра начинают поглощать нейтроны, освобождая чудовищные количества энергии. Часть энергии расходуется на световую вспышку, которую мы наблюдаем, а другая часть переходит в энергию расширения, сообщаемую газовым вихрям, от которых мы только что убегали, скорость в шесть тысяч километров в секунду...

— Петр Михайлович! — взмолился я. — Пощадите... Мне все это хорошо известно!

— До вспышки оболочка Сверхновой имеет сто тысяч километров в диаметре, — продолжал Самойлов, словно ничего не слышал. — А после вспышки — десять километров! Вспышка происходит в течение восьмидесяти секунд! Представляешь, какой получается эффект от выделения энергии в столь малый отрезок времени?

— Представляю, представляю...

Ученый усмехнулся и снисходительно произнес:

— Ну, хорошо. Закончим беседу о Сверхновых звездах в другой раз.

Описывая сложную кривую, «Урания» с малой скоростью огибала океан бурлящей раскаленной материи, детище Сверхновой звезды. Меня мучило то обстоятельство, что, идя в обход Сверхновой, мы затратим годы и годы, так как нельзя развить скорость больше пяти тысяч километров в секунду. Интересно, сколько времени прошло на Земле? Универсальным часам после их странного поведения при суперсветовой скорости я не доверял.

За очередной едой академик сказал мне:

— А эта Сверхновая — старая знакомка ученых: первую ее вспышку они наблюдали на Земле еще в 1604 году.

— Скажите, — перебил я Самойлова, — сколько лет мы уже в пути по земному времени?

— Не знаю, — был ответ. — И, признаться, это меня не беспокоит. Земля, безусловно, вертится, а человечество наверняка достигло высочайшего развития цивилизации. И мы по-прежнему молоды.

— Положим, не так уж молоды, — намекнул я.

— Это еще как сказать, — бодро отпарировал академик.

Однако через минуту он помрачнел.

— Прожить бы еще тысячу лет, — задумчиво промолвил Петр Михайлович. — Я до конца использовал бы эти годы для изучения свойств материи.

— И скитались бы по Вселенной без родины, без близкого человека, одержимые лишь манией познания?

— Нет, я постарался бы обрести близкого человека. И, отлучаясь надолго, ну, скажем, как мы, — оставлял бы его в анабиозной ванне нестареющим...

Лида как живая встала у меня перед глазами.

— ...а ты забыл об этой великолепной возможности новой науки! Другим пришлось взять на себя трудную задачу устройства Лиды в Пантеон Бессмертия. Если ты вернешься на Землю через миллион лет, все равно ее возраст не будет сильно отличаться от твоего... Да оставь свои медвежьи благодарности! Задушишь!

Но я не слушал академика и пустился, пританцовывая, по салону.

Самойлов с веселым любопытством следил за мной.

— Дорогой мой Петр Михайлович! Вы вернули меня к новой жизни.

Он поморщился:

— Избегай говорить напыщенно. От этого предостерегал наших предков еще Тургенев.

Я остановился, чтобы возразить ему, но потом махнул рукой и снова пустился в пляс.

— Странное существо любящий человек... — задумчиво сказал академик, наблюдая за мной.

Я просидел потом несколько часов перед портретом Лиды. Милый Петр Михайлович! Как отблагодарить его за эту услугу? Величие души сухого на вид академика еще ярче вырисовывалось передо мной.

Анабиозные ванны, установленные в усыпальнице, позволяли избранныкам совершать чудесное путешествие в будущее: если, например, великий ученый или Герой Земли желал увидеть последствия своих открытий или деятельности в любом далеком будущем, он мог лечь в свою ванну еще при жизни, то есть как бы «умереть» досрочно. Перед усыплением служители Пантеона настраивали реле времени ванны на тот век будущего, в котором он хотел проснуться.

Лида сладко спит и ждет нашего возвращения.

Никто не нарушит ее сна: шифр ее пробуждения известен только счетчику времени и нам. «Двадцать восемь дробь сто двенадцать», — в упоении твердил я заветные цифры.

— Виктор! — окликнул академик, пробуждая меня к действительности. — Очевидно, тебе хочется вернуться на Землю не слишком старым? Хотя бы, скажем, в моем возрасте?

— Моложе, — потребовал я.

— Так скоротаем же время в анабиозе. Пусть протекут годы, не старя нас!

— Не говорите напыщенно, — напомнил я Самойлову. Он виновато улыбнулся.

Однако, прежде чем, погрузиться в анабиозные ванны, пришлось проделать бездну работы: в сотый раз

кропотливо проверяли и уточняли программу для робота-пилота, определяли с помощью электронного вычислителя новую траекторию полета и режим ускорений. Дважды за время нашего сна скорость должна автоматически падать до сорока километров в секунду, чтобы астролет мог безопасно описать ряд кривых на значительном удалении от Сверхновой и по прямой устремиться к ядру Галактики.

* * *

Наконец мы были почти у цели: как показывала карта, от желтой звезды Самойлова нас отделяли уже не десятки тысяч парсеков, а всего лишь сотни миллиардов километров.

Перед последним погружением в ванну академик спросил:

— Ты не забыл умыться, почистить зубы и принять препарат МЦ?

Я хотел воспринять вопрос как шутку, но сразу вспомнил, что бактерии и вирусы, отнюдь не шутя, могут продолжать свою разрушительную работу в то время, как мы находимся в анабиозе, не ощущая самих себя. Микроцидный препарат предохранял организм от бактерий и вирусов.

Пришлось проделать утомительную и сложную процедуру.

Уже в ванне, включив автоматическую подачу растворов и биоизлучения, я, как всегда, делал, чтобы уснуть, начал считать: «Раз, два, три...» Под закрытыми веками замелькали фиолетовые круги, проплыло чье-то очень знакомое лицо... Затем наступило небытие.

ПЛАНЕТА ИКС

Мне казалось, что это обычный сон. Встану сейчас, открою дверь, окно, и в комнату ворвется прохладный ветерок утра. Потом я вспомнил, что окна не открыть — его вовсе нет, понял, что меня разбудило реле времени, а значит, протекли годы и годы с момента погружения в анабиоз. Интересно, где мы сейчас находимся?

Я едва дождался конца цикла пробуждения и, накинув одежду, выскочил в рубку. На экранах, почти рядом — рукой подать — ослепительно сиял центр Галактики. Небесную сферу густо усеивали яркие крупные звезды.

— А где наша желтая? — спросил я Петра Михайловича, который, вероятно, давно находился в рубке.

— Прямо по курсу. И всего в полумесяце пути.

Искатель уверенно нацелился в желто-белую звездочку. Она светилась ярче остальных и уже показывала маленький диск. Очевидно, в мощный телескоп можно было бы разглядеть ее поверхность.

— Где-то теперь наше Солнце?..

— Даже не ищите. Где-то на заброшенной окраине Галактики. Мы уже в центре ее, в столице, так сказать. Что нам за дело до каких-то окраинных обитателей!..

Ровно пел свою мелодию гравиметр. Скорость держалась на уровне пяти тысяч километров в секунду. Да, здесь не разгонишься! Повсюду мощные гравитационные поля, и вместо нужной нам желтой звезды можно набрести на какую угодно другую. Интересно, есть ли жизнь на здешних планетах? А может быть, вообще органическая жизнь в этой части Вселенной существует только на двух-трех маленьких островках вокруг захолустного Солнца?

Я поделился с Петром Михайловичем своими сомнениями.

— Чушь, — уверенно сказал он. — Если Вселенная бесконечна в пространстве-времени, бесконечно и число обитаемых миров, пусть они разделены даже биллионами парсеков!

— Но в ближайших к Солнцу звездных системах ведь не оказалось разумных существ? И это несмотря на упорные поиски астронавтов в течение последних двухсот лет?!

Самойлов на минуту задумался.

— Это нисколько не противоречит философии диалектического материализма, — сказал он. — Действительно, в окрестностях Солнца не оказалось разумных существ, хотя и обнаружена богатая зона органической жизни в экосфере²⁸ Сириуса, Шестьдесят Первой звезды Лебеда и Альфы Центавра.

...Но кто сказал, что разумные существа, высший цвет материи, должны быть именно в ближайших к Солнцу планетных системах?

— Этого никто не утверждал, — согласился я. Скорее всего, разумные существа не часто будут встречаться астронавтам Земли, даже если они обследуют все пространство вокруг Солнца радиусом до тысячи парсеков. Неужели мы не встретим их здесь, в центре Галактики? И будущим поколениям человечества придется лететь за биллионы световых лет, чтобы увидеть, наконец, своих собратьев по разуму?

— Сомневаюсь. Это все равно, что на Земле искать древнюю цивилизацию где-то в Антарктике, а не в бассейнах великих рек теплого и умеренного климатов.

— Они, конечно, неизмеримо выше нас по развитию?
— предположил я.

²⁸ Экосфера — область пространства вокруг звезды, в которой имеются условия, необходимые для развития органической жизни.

— Отнюдь нет! — живо возразил Самойлов. — Мы явимся к нашим предполагаемым галактическим собратьям далеко не бедными родственниками. Вот хотя бы наша «Урания» ... Но поучиться нам, видимо, будет чему.

— Похожи ли они на землян? Неужели какие-нибудь медузы или насекомоподобные уродцы?

Я не мог сдержать отвращения.

— Вряд ли высокая организация живого существа совместима с подобным строением тела. Ты просто начался фантастических романов. Скорее всего это будут существа, подобные нам. Или даже лучше, пожалуй.

— Почему лучше? — признаться, я не представлял себе ничего гармоничнее, красивее человеческого тела, и последние слова Самойлова поколебали это мое представление.

— Потому что Земля не есть лучший из миров для широкого развития разума, как сказал древний астроном Фламарион.

— Что-то непонятно, — сказал я.

— Это очень просто объясняется. Дело в том, что царь и венец творения — *homo sapiens* — тратит большую часть своих усилий на приобретение средств к существованию. По астрономическому положению Земля — не очень выгодная планета. Ось ее вращения наклонена к плоскости эклиптики под острым углом в двадцать три с половиной градуса, обуславливая резкую разницу в климатах. Это не совсем благоприятно для развития человечества.

Мне стало немного обидно за нашу прекрасную Землю. Возвращаясь к ней после скитаний в холодных, безжизненных просторах Космоса, я всегда испытывал буйный восторг, погружаясь в ласковую, теплую атмосферу Земли, залитую солнечным светом, и вдыхая опьяняющий воздух ее просторов.

Петр Михайлович с легкой улыбкой посмотрел на мое, вероятно обиженное, лицо.

— Чем продолжительнее годы и чем меньше отличаются друг от друга времена года, тем условия существования животных и растений более благоприятны, — продолжал он тоном лектора. — Если, например, ось вращения планеты перпендикулярна к плоскости орбиты ее движения вокруг звезды, — одно и то же время года будет царствовать везде. На каждой широте будет своя, постоянно одинаковая температура, а дни всегда равны ночи. Можно себе представить, как плодородна такая привилегированная планета, как удобна для материальной и нравственной жизни разумных существ! На такой планете жизнь должна проявляться в высших формах, согласно большим удобствам обстановки.

— Да есть ли такая планета где-либо в небесных пространствах? Ведь все это пока теория...

— Конечно, есть, — убежденно подтвердил Петр Михайлович. — И мне кажется, что здесь, в центральных зонах Галактики. Может быть, та самая планета Икс, которую мы разыскиваем.

— Как интересно было бы познакомиться с другими разумными существами! — размечтался я. — Намного ли они опередили нас в развитии? Легко ли дается им познание окружающего мира? Общим ли для всех разумных существ является путь развития науки?

— Вряд ли, — отвечал ученый. — Наш путь развития науки — не самый лучший. Для нас, землян, процесс познания есть долгий и трудный процесс. Такими уж создала нас природа. Но могут быть разумные существа, которые обладают такими тонкими чувствами и таким сильным разумом, что чудеса и законы природы постигаются ими невольно и почти сразу.

Я недоверчиво покачал головой.

— Что же, у них будет восемь глаз или шесть рук?

— Ну зачем так грубо... — Петр Михайлович поморщился. — А впрочем, я уверен, что у них не пять органов чувств, как у нас, а больше...

— Это уж сказки! — запальчиво сказал я. — Ведь законы развития природы общие для всей Вселенной, и не может быть каких-то фантастических вундеркиндов!

— Их существование не противоречит законам природы, — возразил Самойлов. — Большое число органов чувств неизмеримо расширяет возможности познания мира. Кроме того, их наука может развиваться совершенно иными путями, в то же время правильно отражая единые для Вселенной законы бытия. Вот, например, математика — основа человеческого знания. Из основных аксиом математики мы на Земле последовательно вывели все правила и теоремы арифметики, геометрии, алгебры, тригонометрии и высшего анализа, начиная с первых теорем Евклида до тензорного анализа. Однако это не значит, что на других мирах разумные существа построили точно такое здание математики. Ничто не доказывает, что наши методы счисления были единственно возможными и что путь, пройденный нами в науке, был единственным, открытым для разума. Может случиться, что их математика дошла до методов, которые мы себе и представить не можем...

Я невольно заслушался. Петр Михайлович увлекся, его голос звучал почти торжественно, глаза блестели: академик сел на любимого конька. У меня в голове тоже стали зарождаться фантастические идеи.

— Скажите, — робко начал я, — могут ли быть существа, воспринимающие кривизну пространства — времени так же наглядно и конкретно, как мы воспринимаем свет или пейзаж?

Самойлов одобрительно посмотрел на меня.

— Bravo, bravo!.. Ты начинаешь размышлять. Это очень интересный вопрос. По-моему, такие существа возможны.

Мы долго молчали, размышляя о затронутых вопросах каждый по-своему. На экранах загадочно светились далекие и близкие миры, на одном из которых, возможно, есть удивительные существа, воспринимающие недоступные пока нам свойства материи.

— А мне все-таки очень хочется посмотреть мир вечной весны... — нарушил молчание Петр Михайлович.

— Скучный мир, — сказал я.

— А вам нужны ураганы, наводнения, морозы?.. — Он скептически усмехнулся.

— Мне нужна жизнь. Мне недостаточно только познать мир. Я хочу еще и померяться с ним силами. Земная цивилизация возникла не на райских островах, и первобытный человек, впервые взявший в руки дубину и первым добывший огонь, чтобы спастись от голода и холода, стоит у ее истоков... В конце концов мы открываем этих счастливых небожителей, а не они нас. Пока они не жили под своим превосходным небом, человек Земли покорял стихии, пересекал океаны и нехоженые континенты, проливал кровь и приносил неслыханные жертвы, чтобы построить новый мир и стать господином земной природы. И вот поднялся теперь к центру Галактики!

После этого разговора меня почему-то еще сильнее потянуло на Землю, пусть и не на лучшую, как уверяет академик, планету, но где все соответствует моим понятиям о правде, красоте, разуме. И где меня ждут...

* * *

Грандиозный путь близился к концу, но только к какому? Этого мы не могли знать. Ракета приближалась к звезде-солнцу Самойлова. Затаив дыхание я не отходил

от астротелевизора. Снизив скорость до обычной космической — пятьдесят километров в секунду, — «Урания» мчалась прямо к центральному светилу. Чужое солнце, ослепительно яркое и горячее, светило на правом экране. Оно было удивительно похоже на наше Солнце. Казалось даже, что мы, напрасно пространствував в Космосе бездну лет, описали замкнутую кривую и возвращаемся к родным пенатам. Слева закрыл четверть неба шар неведомой планеты, сияя холодным блеском.

— Это она! — воскликнул я. — Долгожданная планета Икс!

Самойлов улыбался. Планета Икс оказалось там, где ей предназначалось быть по расчетам. Это была победа разума ученого, триумф тензорного анализа и научного предвидения.

Самойлов вдруг толкнул меня в бок.

— Кажется, туземцы не подозревают, что их сейчас открывают.

Серебристый диск чужой планеты заполнил все экраны. Самойлов повернул масштабную ручку, и сквозь дымку атмосферы проступил лик планеты, ее материки и океаны непривычной конфигурации, Синева океанов сгустилась, казалось, до фиолетового оттенка. Я выключил гравиметр и искатель траектории, ненужное теперь гудение которых лишь отвлекало. Вот и приборы показали неожиданный скачок температуры корпуса корабля: очевидно, мы коснулись атмосферы. Я плавно развернул астролет на полуэллиптическую орбиту и все внимание сосредоточил на уравниателе скоростей. Тормозные двигатели густо пели успокаивающую мелодию нормального режима замедления.

Самойлов включил автоматический газоанализатор.

— Атмосфера почти земного состава, — обрадованно сообщил он. — Только больше, чем в земной, кислорода — двадцать пять с половиной процентов. Довольно

значительно содержание благородных газов. Аргона, например, около четырех процентов, а водорода полпроцента. В общем жить можно!

Вскоре «Урания» превратилась в искусственного спутника планеты Икс, и мы начали ее широтный облет. Интересно, есть ли здесь жители?.. С такой высоты еще ничего нельзя было рассмотреть. На экранах мелькали какие-то расплывчатые, смазанные полосы. Иногда мерещились группы зданий, которые вполне могли оказаться нагромождением мертвых скал. Впрочем, планета под нами казалась такой приветливой и уютной, что хотелось верить в лучшее. Открытие необитаемого мира или планеты, населенной жучками и букашками, было бы сомнительной наградой за долгий и опасный путь. Здесь что-то есть, я уверен. Может быть, впервые за все путешествие я почувствовал радостное волнение галактического первооткрывателя.

Я должен был проявить все свое профессиональное мастерство, чтобы правильно выбрать место предстоящего «приземления». Нужно было рассчитать посадку так, чтобы не причинить вреда здешним обитателям, если они, конечно, есть. Высаживаться на поверхность планеты мы собирались отнюдь не на «Урании». Ведь у нас была замечательная миниатюрная атомно-водородная ракета весом в двести тонн, уютно покоившаяся пока в носовом ангаре. Она специально предназначалась для посадки на небесные тела. Вообще говоря, мы могли бы посадить на планету и «Уранию». Но поднять потом в Космос восьмидесятитысячетонную громадину — это не шутка. Для взлета пришлось бы израсходовать ровно половину всего гравитонного топлива.

А еще неизвестно, удастся ли где-нибудь пополнить его запасы.

Вдруг, почти пересекая наш путь, беззвучно пронеслось большое, отсвечивающее в солнечных лучах

эллипсоидальное тело. Метеорит? Нет, это не мог быть метеорит: слишком правильная форма, да и траектория была иной, чем у метеора.

— Видел! Нет, ты видел?! — возбужденно сказал академик. — Спутник!.. Искусственный спутник! Их должны быть здесь десятки, если так быстро встретился один из них!

Последние сомнения исчезали. Здесь есть разумные существа! Необходимо удвоить осторожность: неизвестно еще, как нас примут неведомые собратья, но разуму. Удастся ли вовремя втолковать им цель нашей миссии?

Наконец при очередном пролете над экваториальной зоной планеты я заметил обширную равнину, пригодную для посадки.

— Ну, что ж... — хриплым от волнения голосом сказал я и вопросительно посмотрел на академика. — Будем собираться на планету?

Он кивнул головой, торопливо рассовывая по карманам микрофильмы, магнитофон, электроанализатор и даже портативную электронную вычислительную машину размером с саквояж.

В последний раз мы тщательно проверили программу корректировки орбиты, по которой «Урания» будет послушно вращаться вокруг планеты, дожидаясь нас. В случае возмущений ее орбиты робот-пилот, повинуясь программе, возвратит астролет на правильную траекторию.

— Пошли, — решительно произнес Самойлов и сделал несколько шагов к люку, ведущему в ангар атомно-водородной ракеты.

И тут началось непонятное... Астролет вдруг стал резко замедлять движение, вследствие чего мы кубарем покатались на пульт. Зазвенело разбитое стекло прибора: я угодил в него головой. Хорошо, мы были в скафандрах! Вслед за тем страшный рывок сотряс весь корабль. «Урания» дважды перевернулась вокруг поперечной оси и

неподвижно повисла в пространстве носом к планете. Меня больно защемило между стойками робота-рулевого.

— Что это?! Что происходит с нами?! — крикнул я, цепляясь за механические руки автомата и поручни пульта.

Петра Михайловича швырнуло в угол — к счастью, на мягкую обивку стены. Он шарил по стене руками, пытаясь встать. Его «телескопы» валялись у моих ног.

Однако ученый не потерял своего неизменного спокойствия, и я услышал, как он пробормотал:

— Нас, кажется, не желают принимать.

Все плыло и дрожало перед глазами. Я лихорадочно всматривался в экраны обзора, надеясь открыть причину происходящего. Но экраны словно взбесились: они то пылали всеми цветами радуги, то потухали, и их черные зловещие овалы мрачно давили на сознание. Астролет продолжал висеть в пространстве. Странно, почему он не падает на планету?

— Куда же пропало тяготение планеты? — глухо спрашивал меня Самойлов, близоруко всматриваясь из своего угла в цветную шкалу гравиметра.

В довершение ко всему, мы не только не падали на планету, а наоборот, стали удаляться от нее прочь, в мировое пространство. Что же делать?

Я раздумывал лишь одно мгновение. Потом бросился к главному сектору управления и включил гравитонный реактор. Из дюзы вырвался сверхмощный сноп энергии. Но тщетно! Двигатель пронзительно завизжал, словно ему что-то мешало в работе, а корабль ни на йоту не продвинулся к планете. Я осторожно переводил квантовый преобразователь на все большую и большую мощность — и все же «Урания» медленно ползла «вверх»! Мы походили на неумелых ныряльщиков, которых вода выталкивала обратно.

Тогда двигатель был включен на полную мощность, и я чуть не потерял сознание от сильнейшей вибрации. Академик совсем ослабел: он сидел, уронив голову на грудь.

Экраны вдруг «прозрели»: слева стал вырастать колоссальный ребристый диск километров двадцати в диаметре — вероятно, искусственный спутник.

Чудовищная сила неумолимо влекла нас к диску, словно смеясь над двигателем, извергавшим миллиарды киловатт энергии. Так продолжалось несколько часов...

Внезапно наступила тишина: умолк громоподобный гул работавшего на пределе реактора. Я стоял, опустив руки, и с ужасом смотрел на стрелку прибора, измерявшего запасы гравитонов. Она показывала ноль! Астролет опять перевернуло. Я не мог сообразить, диск ли наплывал на нас, или мы притягивались к нему.

Вот мне показалось, что сейчас неминуемо столкновение с диском — и тотчас астролет отбросило назад: очевидно, реактивная тяга «Урании» долго сдерживала страшный энергетический напор извне.

Дальнейшее происходило без нашего участия.

Астролет описал замысловатую кривую вокруг диска, перевернулся еще несколько раз, точно его

перебрасывали гигантские руки, и, подчиняясь неведомой силе, снова притянулся к диску. Только сейчас я разглядел, что поверхность спутника не ребристая, а безукоризненно отшлифована и прозрачна.

Словно в гигантском аквариуме, внутри спутника вырисовывались длинные переходы, каюты, лаборатории, сложные установки, эскалаторы, движущиеся между этажами. Как будто я рассматривал океанский корабль в разрезе!..

— Не вздумай включать двигатель, — хрипло шепнул пришедший в себя Самойлов. — Мы находимся в сильнейшем искусственном поле притяжения... Астролет, кажется, хотят уложить в колыбель.

Я открыл рот, чтобы сказать ему, что все гравитонное топливо «вылетело в трубу» в результате неравного поединка с чужой техникой, но Петр Михайлович вдруг вытянул руку:

— Смотри, сейчас нас будут пеленать!

Я увидел, как в днище диска раскрылись гигантские створки: в них свободно уместились бы два таких астролета, как наш. Словно игрушка, «Урания» была взята в створки, которые беззвучно сомкнулись под ней. Наступила непроницаемая темнота.

СОБРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

— Не кажется ли вам, Петр Михайлович, что мы в плену?

— М-да, — сконфуженно согласился академик. — Туземцы оказались более расторопными, чем можно было ожидать. А ты заметил, какие у них энергетические возможности? Остановить «Уранию» в пространстве! Ни за что не поверил бы этому раньше.

— Того ли еще надо ожидать, — угрюмо предположил я. — Если когда-нибудь мы и выберемся на свет из этой космической ловушки, то лишь затем, чтобы попасть в здешний зоопарк. Представьте себе: клетка номер один — академик первобытной цивилизации Земли Петр Михайлович Самойлов! Мне придется довольствоваться соседней клеткой, менее комфортабельной, сообразно моей широко распространенной по Вселенной профессии звездоплывателя.

— Ты слишком мрачно смотришь на вещи, — не сдавался Самойлов. — Никогда не соглашусь, чтобы столь высокий интеллект — а о нем свидетельствует уровень их техники — сочетался с подобным варварством в обращении со своими собратьями.

— Можете не соглашаться. Это ничего не меняет в нашем положении.

Вдруг стены астролета стали прозрачными, и в него хлынул голубоватый свет. Я быстро выключил освещение салона. Наступил полумрак, но с каждой секундой он все более рассеивался. Наконец стены точно растаяли, и мы увидели себя в центре огромного цирка не менее двух километров в диаметре. До самого купола цирка амфитеатром поднимались ложи, заполненные существами, напоминавшими людей, одетых в свободные одежды нелепой для нашего глаза, если не сказать безвкусной, расцветки.

Множество холодных глаз рассматривало нас с оскорбительной бесцеремонностью. Я внутренне возмущился, но тут же съезжился, встретив взгляд высокого старика с черно-бронзовым лицом.

Его огромные фиолетово-белесые глаза, беспощадно-внимательные, изучающие, спокойно разглядывали меня, словно букашку. Громадный череп старика, совершенно лишенный волос, подавлял двоими размерами. Лицо, испещренное тончайшими морщинками, было бы

вполне человеческим, если бы не клювообразный, почти птичий нос и необычные челюсти, состоящие, вероятно, всего из двух костей. Это было непривычно для земного человека и отталкивало.

Но глаза! Они скрашивали черты его лица. Бездонные, как Космос, настоящие озера разума, в которых светилась мудрость поколений, создавших эту высокую цивилизацию.

Я с удовлетворением отметил, что во всем остальном это были именно люди. Однако «собратья» сохраняли странное спокойствие, молчали и сидели неподвижно, точно изваяния.

— Попробуем представиться, — шепнул Петр Михайлович.

Он с достоинством выпрямился и внятно произнес:

— Мы — люди, жители Земли. Так мы называем свою планету, расположенную в конце третьего спирального рукава Галактики.

И он включил карту-проектор Галактики на задней стене рубки.

— Мы прилетели оттуда...

Палец ученого пустился в путь от окраины Галактики к ее центру.

Существа, как говорится, и ухом не повели. Ни звука в ответ. Огромная аудитория продолжала молча разглядывать нас.

— В конце концов, — рассудил Самойлов, — никто нас не держит. Мы можем подойти к ним поближе и попробовать растолковать что-нибудь на пальцах.

Я тотчас решил сделать это и, выйдя из астролета, направился к ближайшим ломам. Но в двух-трех шагах от астролета преобильно стукнулся головой о невидимую стену. Чудо, да и только! Стена была абсолютно прозрачная, но тем не менее существовала! Теперь я понял, что все привычные предметы вокруг нас стали до

нереальности прозрачными, а видимым остаются только центр рубки да салон со столом и креслами.

— Да... это тебе не клетка, — растерянно пробормотал академик.

— Чего они уставились на нас? — возмутился я.

Академик покачал головой.

— Станный вопрос! На их месте мы делали бы то же самое, рассматривая на Земле внезапно появившихся космических собратьев.

Внезапно на куполе амфитеатра возникли замысловатые значки и линии.

— Ага! — с удовлетворением сказал Петр Михайлович, — С нами, кажется, пожелали объясниться.

Несколько минут он пристально вглядывался в непонятные знаки. Потом широко улыбнулся.

— Нам предлагают какую-то математическую формулу или уравнение. Судя по структуре, она напоминает закон взаимосвязи массы и энергии — этот универсальный закон природы.

— Ну, не ударьте лицом в грязь, — взмолился я. — Предложите им что-нибудь посложнее, чтобы и они задумались.

Самойлов быстро включил проектор: подчиняясь его команде, электронный луч написал сложнейшее тензорное уравнение.

В ответ замелькали целые вереницы новых знаков, таких же непонятных, как и предыдущие.

— Такие приемы объяснений ни к чему не приведут, — в раздумье сказал Петр Михайлович. — Ни мы их, ни они нас не поймут... Стой-ка! Напишем им лучше нашу азбуку.

И электронный луч принялся выписывать на экране алфавит: академик отчётливо, громким голосом называл каждую букву.

На куполе тоже сменились значки. Они стали несколько упорядочением. Очевидно, это была их азбука. Ничего себе! Букв не менее сотни — в два раза больше, чем в нашей азбуке.

Значки под куполом поочередно вспыхивали, и громкий звенящий голос, очевидно механический, отчетливо произносил звуки. Похоже было, что мы сидим за школьными партами и учимся читать по складам.

Затем купол померк, стерлись и лица сидевших в амфитеатре, зато явственно проступили очертания знаковой обстановки астролета. Мы снова остались вдвоем в салоне, и родные стены сомкнулись вокруг нас.

— Как вам нравится такая демонстрация? — сердито сказал он. — Homo sapiens в роли пригостишки!..

Но Петра Михайловича это не смутило.

— Любопытно, как они достигают полной прозрачности предметов.

Я пожал плечами.

— Давай откроем люки и выйдем из астролета, — внезапно предложил Самойлов.

Включили экраны. Однако нас встретила непроглядная тьма. Где же амфитеатр и существа?

Или это была галлюцинация?

Приходилось пассивно ждать развязки событий.

Время тянулось нестерпимо долго. О нас точно забыли. Нельзя было даже определить, движется ли наша тюрьма, или повисла неподвижно в пространстве.

Вдруг мы ощутили легкий толчок, будто «Урания» с чем-то столкнулась. Вслед за тем с экранов полился ласковый солнечный свет. Мы остолбенели: оказывается, «Урания» была уже на поверхности планеты.

Как это случилось? Я поднял глаза на проектор верхнего обзора и увидел, что спутник-диск, медленно смыкая створки «колыбели», в которой незадолго до этого

покоился астролет, по спирали уходил ввысь, на прежнюю орбиту движения вокруг планеты.

— Нет, ты представь себе только! — поразился Самойлов. — Какая грандиозная сила должна быть приложена, чтобы свободно опустить нас на поверхность планеты! Сколько энергии надо, чтобы удерживать или передвигать в любом направлении громадину спутника в поле тяготения планеты. Вот это, я понимаю, техника!

Нам задали новую загадку. Астролет находился на огромной пустынной равнине. Она была поразительно ровная и гладкая, точно зеркало. Отполированная поверхность тускло отражала лучи солнца. Ясно, что это было искусственное поле — вероятно, космодром. Но почему не видно служебных и стартовых сооружений, эстакад, мачт радиотелескопов и локаторов? И вообще, как это нас не побоялись оставить одних?

Я тщетно ломал голову, а чувства между тем впитывали окружающий мир. Чужое небо — нежно-фиолетовое, неправдоподобно глубокое и чистое — вызвало в моей душе целую бурю. Сами посудите: десятки лет мы ничего не видели, кроме мрачной черной сферы. И вдруг это ласковое, почти земное, небо, удивительно напоминающее родину.

Мы открыли нейтронитные заслоны всех иллюминаторов и, прильнув к стеклам, жадно всматривались в даль. Искусственная равнина уходила за горизонт, который здесь был чуть ближе, чем на Земле: вероятно, размеры планеты были несколько меньше земных. Далеко-далеко, там, где небо сходилась с «землей», неясно мерещились какие-то деревья — вернее, их причудливые кроны. Возможно, это был лес...

— Надо начинать разведку, — сказал Петр Михайлович. — Хотя состав атмосферы благоприятен для жизни, но кто его знает, может быть, в ней имеется какой-нибудь

ядовитый для нас компонент. Выпустим вначале животных.

И академик отправился в анабиозное отделение, где в специальных сосудах «грезили» в анабиозе кролики, мыши и даже шимпанзе. Через полчаса он «оживил» наш зоопарк, подкормил пару мышей и, соблюдая все меры биологической защиты, выпустил их на волю.

Мы прильнули к иллюминаторам, наблюдая за «разведчиками». Мыши побегали, побегали, потом остановились. Их, очевидно, смущала полированная «почва». Одна из них подняла мордочку вверх и деловито понюхала воздух.

«Сейчас лапки кверху и — конец», — предположил я.

Но мышь как ни в чем не бывало побежала под корабль.

Потом мы выпустили кролика и, наконец, шимпанзе.

— Вот кому должны по праву принадлежать лавры первооткрывателей планеты Икс, — пошутил Петр Михайлович. — Они первыми вступили на ее почву, а не мы.

Шимпанзе, жадно нюхавшая воздух, вдруг опрометью бросилась к входному люку астролета и, жалобно крича, стала царапаться, словно просила впустить обратно.

— Чего она испугалась? — удивился академик.

Неожиданно откуда-то сверху в поле нашего зрения появился летательный аппарат, представлявший собой яйцо — да, огромное яйцо с прозрачными стенками. Внутри него находилось «человек» пять существ весьма ученого вида. Они сидели в мягких удобных креслах вокруг овального стола, на котором стояли различные непонятные приборы. Часть яйца была занята какой-то установкой, напоминавшей нашу высоковольтную подстанцию в миниатюре, — очевидно, это был двигатель. Аппарат неподвижно повис в полуметре от «земли». В нем открылась дверь, и существа не спеша вышли наружу.

— Вот и хозяева, — сказал Петр Михайлович. — А мы боялись, что оставлены на произвол судьбы. Однако надо впустить бедную обезьяну, а то ее вопли испугают их.

И он нажал кнопку автоматического открывания люка. Вконец перепуганное животное вихрем ворвалось в астролет. Дрожа всем телом, обезьяна забилась в дальний угол.

Итак, всемирно-историческое событие назревало: впервые за всю историю человечества сейчас состоится встреча его посланцев с собратьями по разуму! Мы бесстрашно вышли из астролета. Сила тяжести на поверхности этой планеты была, вероятно, слабее земной, так как передвигаться было удивительно легко. «Собратья» перестали рассматривать «Уранию» и повернулись к нам.

Некоторое время длилось общее молчание.

— Петр Михайлович, а вот знакомый старикан: я запомнил его еще на диске-спутнике.

Действительно, это был тот самый старик с фиолетово-белесыми глазами. Он что-то сказал резким, отрывистым голосом, в котором как бы перекатывались металлические шары, и тотчас один из его спутников вернулся в аппарат и вынес оттуда небольшой ящичек с экраном. Судя по всему, старик был у них руководителем.

— Интересно, что они собираются делать? Как вы думаете?

— Да это же ясно как день. Сейчас будут преподаны уроки разговорного языка.

Старик включил принесенную машинку. На зеленоватом экране возникли буквы нашего языка, которые мы общили им еще на спутнике. Потом «собрат» показал жёстками — вероятно, универсальным языком всех разумных существ Вселенной, — что хочет услышать от нас, как складываются буквы в слова.

— Понимаю, — заметил Самойлов. — Достаточно нам назвать несколько предметов, как они по этим немногим словам составят представление о нашей грамматике и смогут программировать для электронного перевода с нашего на свой язык.

Самойлов показал на себя и произнес: «Я — человек». Это прозвучало несколько комично. Я тоже вытянул руку и сказал, указывая на астролет: «Ракета». Показал на небосвод и назвал: «Небо». Потом показал на старика и сказал: «Ты — непонятное существо». Тот величественно наклонил голову в знак согласия. Самойлов расхохотался.

— Довольно, Виктор! Неси-ка лучше наш лингвистический аппарат.

Вскоре мы также вооружились серийной электронно-лингвистической машиной «ПГ-8» и звуковым анализатором. Попытки объясниться возобновились. Старик продиктовал и воспроизвел на экране свою азбуку, которая состояла из ста двенадцати букв, напоминающих наши математические символы и геометрические обозначения.

Да! Их язык был неизмеримо сложнее нашего. Это мы почувствовали сразу, как только попытались программировать для перевода.

Старик несколько раз назвал нам ряд предметов, обозначил некоторые простейшие, очевидно, понятия, но мы никак не могли уловить грамматических закономерностей их языка. С переводом же нашего языка на свой «собратья» справились легко. Вероятно, их лингвистическая аппаратура была гораздо совершеннее нашей.

— Как тебя зовут? — спросил я старика.

И тотчас на экране их прибора появились фразы местного языка. Старик понял мой вопрос и ответил:

— Элц, — вот как прозвучало для моего уха его имя.

Потом Элц, в свою очередь, задал мне какой-то вопрос. Звуковой анализатор преподнес такой перевод: «Хар-тры-чис-бак...»

— Дикая околесица, — констатировал Петр Михайлович. — Значит, составленная нами программа никуда не годится. Нужно еще долго вникать в структуру их языка. Придется объясняться односторонне.

Таким образом, мы оказались в положении спрашивающих, которые не понимают ответов на свои вопросы.

— Что ж, раз они превосходно понимают нас, расскажем о себе.

И он вкратце рассказал «собратьям» о Земле, о человечестве, о цели нашего прибытия на их планету. Они внимательно слушали. Лица их были холодные, почти неживые, как у бесстрастных мраморных статуй. Однако в глубине их глаз я уловил отблески интереса и удивления.

— Земляне — ваши друзья и собратья по разуму. Мы прилетели с единственной целью: познакомиться с вашей цивилизацией, обменяться опытом познания природы, установить постоянную связь между нашими мирами, — сказал в заключение Петр Михайлович. — Мы очень рады встретить здесь высокоразвитых людей.

Академик протянул Элцу руку, желая обменяться рукопожатием. Но, вместо того чтобы пожать протянутую руку, старик взял обеими руками кисть Самойлова и, поднеся ближе к своим глазам, стал внимательно рассматривать ладонь.

— У них, вероятно, не принято пожимать руку, — заметил я. — Возможно, жестом приветствия здесь служит потирание лба.

Элц прислушался к моему замечанию: ведь наш разговор был для него понятен, так как по экрану безостановочно бежали ряды слов. Поэтому после моей фразы Элц стал тереть свой лоб.

Академик рассмеялся:

— Он неправильно понял твоё замечание. «Как называется ваша планета?» — спросил Самойлов вслед за этим.

Мы услышали короткое слово, прозвучавшее как «Гриада».

— Гриада? — переспросил я. — Красивое название. Значит, жители планеты — гриане.

— Что вы намерены делать с нами? Куда мы сейчас пойдём?

Элц подал знак, и двое гриан показали на аппарат-яйцо, видимо приглашая куда-то лететь.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет! Я никуда не пойду от астролета. Мы уйдём, а они потом растащат «Уранию» по частям в свои музеи.

Нам снова показали на аппарат.

— Не упрямысь, Виктор, — тихо посоветовал Петр Михайлович. — Не забывай, что они хозяева, мы в их власти. Делай, что говорят. Я думаю, что с «Уранией» ничего не случится. Закроем её шифрованной комбинацией, ведь строители предусмотрели и это.

Наспех забрав кое-какие необходимые вещи, мы в последний раз окинули взглядом порядком надоевший, но

теперь такой родной салон, выключили все механизмы и приборы в рубке, сбросили скафандры и вышли наружу. Петр Михайлович набрал шифрованную комбинацию на своем радиопередатчике и излучил ее в виде радиоимпульсов. Эти импульсы воздействовали на электронный автомат, закрывающий люк. Теперь он откроется только после вторичного излучения такой же комбинации.

Едва мы вышли из астролета, как почувствовали, что вокруг царит неимоверный зной. Нас буквально обожгло. Академик быстро посмотрел на наручный термометр и воскликнул:

— Ого! Шестьдесят пять градусов жары!

Дело в том, что первый раз мы выходили из астролета в скафандрах, внутри которых автоматически поддерживалась ровная умеренная температура в любых климатических условиях.

Однако несмотря на жару, воздух Гриады был необычайно живителен. Грианский воздух вливался в легкие, словно целительный бальзам. Тем не менее, едва мы ступили несколько шагов, как стали дышать, точно рыбы, выброшенные на прибрежный песок. Нас просто оглушил этот льющий потоками зной.

— Назад в астролет! — прохрипел я, тяжело отдуваясь и смахивая катившийся градом пот.

Академик чувствовал себя не лучше.

Но гриане, заметив наше плачевное состояние, поспешили втащить нас в яйцевидный аппарат. Сразу стало легче: внутри яйца, несмотря на открытый люк, было прохладно. Здесь работала охлаждающая установка. В то же время мы видели, что гриане прекрасно чувствовали себя и вне яйца. Их организмы в результате длительной эволюции приспособились, вероятно, к необычно жаркому экваториальному климату Гриады.

Яйцо-аппарат очень плавно приподнялось в воздухе метров на десять и медленно поплыло в юго-восточном

направлении. Мы смотрели во все стороны и ничего не видели, кроме бескрайной полированной равнины.

— Что за планета? — недоумевал Самойлов. — Неужели эта неправдоподобно гладкая равнина — естественное образование?

В ответ на его вопрос Элц изобразил на лице нечто вроде улыбки и показал пальцем вниз:

— Троза, — сказал он.

Показал вдаль и снова произнес знакомое уже нам слово:

— Гриада.

— Ничего не понимаю, — сказал я, посмотрев вниз, где по-прежнему тускло отблескивала полированная «земля».

— Вдали что-то виднеется, — произнес академик.

На горизонте стали вырисовываться какие-то темные пятна, и вдруг полированная равнина кончилась.

Еще минута, и мы увидели далеко-далеко внизу леса, водоемы и отдельные сооружения. Полированная равнина оказалась на одном уровне с нами, а затем скрылась из глаз, уйдя куда-то вверх. И вот уже вместо полированной равнины мы видим слева от себя уходящую в обе стороны к горизонту выпуклую серебристо-желтую стену.

— Смотрите, Петр Михайлович! Сквозь эту стену я различаю какие-то постройки, растения! Вот загадка...

— Не может быть! — Самойлов стал пристально всматриваться, но, к несчастью, стена быстро удалялась от нас.

— Это какое-то грандиозное сооружение километровой высоты, но что, не могу понять.

Он повернулся к Элцу и спросил, указывая на стену: — Что это такое?

Элц снова отрывисто ответил: «Троза», как в тот раз, когда показывал пальцем в «землю».

— Сооружение называется Троза, — сказал мне Самойлов, пожимая плечами. — Но это ни о чем не говорит.

Между тем внизу разворачивался красочный пейзаж Гриады; спустя секунду мы уже сидели как зачарованные, любуясь природой. Пылающее белое солнце, чуть больше земного, нестерпимо ярко горело в фиолетово-лазурной бездне небосвода, разбиваясь мириадами искр на поверхности многочисленных фиолетовых водоемов и многоводных рек, в красноватой листве деревьев, на цоколях и шпилях причудливых строений. Спектр излучения у грианского солнца был несколько иной, чем у земного. Он был более радостным. Казалось, вся природа, зажмурив глаза, блаженно улыбается, широко раскрыв объятия навстречу живительному потоку лучистой энергии. На горизонте струилась пелена, нежнейшей фиолетовой дымки, пронизанной оранжевыми блестками. И куда ни бросишь взгляд, везде многоцветное море садов, парков, лесов. Но самым необычным

в пейзаже было, конечно, звездное сгущение центра Галактики. Оно сияло на небе в виде почти ослепительно белого облака, немного уступавшего по яркости солнечному свету. Теперь нам стала понятна чудовищная жара, царившая здесь: центр Галактики, посылая на планету дополнительный мощный поток теплового излучения.

На обширных пространствах красновато-зеленых лугов паслись стада весьма диковинных животных, отдаленно напоминавших наших овец или коз. Их заметно удлинённые туловища, без шерсти, на очень коротеньких толстых ножках, перемещались в высокой густой траве. На сравнительно маленькой голове сидели два огромных глаза и пара невысоких тупых шишек вместо рогов.

Окруженные пышным раздольем растительности, искрились под солнцем ребристые крыши и стены красивых зданий, разбросанных на значительном удалении друг от друга. Однако мы нигде не заметили обитателей Гриады, хотя аппарат снизился до ста двухсот метров. На северо-западе до самого неба возвышалась та самая светло-золотистая выпуклая стена, над которой находилась только что покинутая нами полированная равнина.

Мы с академиком изредка перебрасывались отрывочными замечаниями, поглощенные необычностью всего, что предстало нашим глазам. Часа через два полета, на расстоянии примерно восьмисот километров от полированной равнины, кончилась культурная растительность. Аппарат летел теперь на высоте пяти километров. На западе стала шириться и расти фиолетовая полоса, над которой стояли громады кучевых облаков.

— Море! — воскликнул я и привстал, чтобы лучше рассмотреть водное пространство.

Внизу обозначилась белая линия прибоя. Элц снизил аппарат до самой воды.

— Ого! — слышался голос Петра Михайловича. — Вот это прибой!

Действительно, волны, с гулом обрушивавшиеся на пологий песчаный берег, были высотой не менее восьми метров. Отдельные гребни чуть не задевали наш аппарат. Непомерная высота прибоя легко объяснялась меньшей силой тяжести на планете. Морской простор, раскинувшийся перед нами, был всех оттенков фиолетового цвета. Лазурно-синяя у линии прибоя, дальше от берега вода все больше насыщалась глубокими фиолетовыми тонами, переходя почти в черно-фиолетовую. На горизонте виднелись скалистые острова.

Все время, пока мы совершали это небольшое путешествие, гриане не проронили ни одного слова, даже не шевельнулись. Однако за этим бесстрашием мы постоянно ощущали изучающих, пытливых наблюдателей, не спускавших с нас настороженного взгляда.

Наконец Элц, видимо, решил, что достаточно ознакомил нас с Гриадой, и дал знак повернуть обратно. Аппарат круто пошел вверх. В течение трех минут мы поднялись на десятикилометровую высоту и с огромной скоростью полетели на северо-запад.

Солнце клонилось к закату, но не было того ощущения приближающегося вечера, которое испытываешь на Земле: центр Галактики, игравший здесь роль никогда не заходящего светила, лишал Гриаду прелестей наших сумерек.

— Сомневаюсь, бывает ли здесь ночь... — проворчал Петр Михайлович и вопросительно посмотрел на Элца, словно ожидая ответа.

Вскоре под нами открылось удивительное, никогда не виданное сооружение. Я посмотрел в портативный стереотелескоп, захваченный из астролета, и с трудом узнал полированную равнину, на которую мы опустились

несколько часов назад. Оказывается, это была не равнина, а...

— Это же крыша какого-то невообразимого по размерам цирка!

— Крыша, которая могла бы накрыть целую область, — уточнил Самойлов.

Глазам предстало грандиознейшее сооружение, очертания которого терялись за горизонтом. Представьте себе цирк диаметром в сотню километров, крышей которого служила полированная равнина.

Высочайшая желто-белая стена, поразившая нас еще раньше, оказалась лишь частью круговой стены этого цирка высотой в полтора километра.

— Это их город, — уверенно сказал Самойлов. — Даже, может быть, столица.

— Видите, на крыше лежит что-то вроде огромного червяка, — перебил я Петра Михайловича. — Это наша «Урания».

Вдруг аппарат камнем стал падать прямо на полированную равнину. Она приближалась с невероятной быстротой. Мы невольно взяли за руки, решив, что аппарат испортился и мы все сейчас разобьемся.

В последнюю минуту на крыше неожиданно открылся широкий конусообразный тоннель, в который мы и влетели. Взглянув вверх, я заметил, как горло тоннеля снова закрылось. И еще одно открытие: крыша над городом была абсолютно прозрачной. Над головой по-прежнему сиял центр Галактики и горели червонным золотом косые лучи грианского солнца, клонившегося к закату.

В СЕРДЦЕ ТРОЗЫ

Аппарат приземлился (вернее, пригрядился) на четырехугольной платформе из блестящего материала, напоминающего пластмассу. Платформа оказалась просто крышей восьмигранного здания этажей в восемьдесят. Открылся люк, и мы вышли из аппарата. Мне трудно выразить словами то, что я увидел и ощутил. Во-первых, воздух. Благоуханный освежающий нектар! Такой воздух бывает на горных вершинах. Ни следа зноя, свирепствовавшего над Гриадой. Это была идеально кондиционированная газовая смесь из атмосферных компонентов. Несколько больший процент кислорода в их атмосфере создавал чудесный жизненный тонус. Я почувствовал себя бодрым, полным сил и энергии.

С высоты нашей платформы дальность обзора равнялась двадцати — тридцати километрам, если не больше. Перед нами лежал гигантский город необычайной архитектуры. Колоссальные уступчатые громады зданий дугами охватывали центральную часть титанического цирка, своего рода арену, шириной, должно быть, в пятьдесят километров. Повсюду на уступах зданий сверкали великолепные по мастерству исполнения статуи. Арену занимали обширные парки, тянувшиеся на десятки километров, с водоемами и бассейнами, каскадами искусственных водопадов, стадионами и бесчисленной сетью своеобразных эскалаторов, перевозивших десятки тысяч существ из зданий на арену и обратно. Парки, сады, бассейны и фонтаны были также на крышах многих уступчатых громад, возвышавшихся вокруг, ниже и выше нас.

Во всех направлениях на различной высоте по воздуху мчались тысячи и тысячи гриан, и я удивился, как это они так легко и свободно парят в пространстве, словно птицы. Некоторые штопором ввинчивались в высоту и,

подлетев к прозрачной крыше города, подолгу рассматривали снизу «Уранию», лежащую километрах в пятидесяти от нашего восьмигранника. По всему видимому «горизонту», образованному уступчатыми громадами зданий, шла стена. Она также была совершенно прозрачной; и казалось, что нет никакого «цирка», никаких стен, а просто стоит на планете город под фиолетовым небом, окруженный со всех сторон парками, лесами и реками. Прозрачными были и стены большинства зданий, так что были видны анфилады комнат, длинные залы, заставленные сложными приборами и механизмами, переходы и эскалаторы, движущиеся улицы и лифты... И везде множество людей. Все это вызывало легкое головокружение.

Петр Михайлович тронул меня за руку:

— Нас зовут. Смотри, сколько их собралось.

Вероятно, весть о нашем прибытии на Гриаду мгновенно облетела Трозу, так как над платформой висели тучи гриан, без всякого усилия неподвижно держась на одном месте в воздухе. Равномерный гул, точно далекий шум моря, раздавался со всех сторон: гриане обменивались замечаниями по нашему адресу. Целые толпы усеяли близлежащие крыши и уступы.

То и дело к нам подлетали гриане и бесцеремонно разглядывали, выпучив огромные глаза. Один из них приблизился ко мне почти вплотную. Я приложил пальцы ко рту, давая понять ему, что хотел бы поговорить, да жаль, не знаю грианского языка. Элц, стоявший у лингвистической переводной аппаратуры, которую настраивала группа ученых, тотчас заметил мой жест и истолковал его, как желание закусить, ибо передо мной, словно изпод земли, появился низкий столик из серебристой пластмассы, уставленный треугольными сосудами и чашами.

Яства гриан были довольно странными на вид. Я осторожно поднес ко рту коричневый кусочек какого-то желе и остановился.

«Вот сейчас съем — и конец. Что хорошо для них, может оказаться ядом для земного организма», — в страхе подумал я. Однако все обошлось благополучно. Коричневый ломтик так и таял во рту. Вкус его был непередаваем, ибо он сразу напоминал три наиболее изысканных тропических плода Земли: дурьян, мангостан и пулассан. Остальные кушанья были так же замечательны. Мы быстро поглощали пищу тарелка за тарелкой, не обращая внимания на усиливавшийся гул: по-видимому, гриане были поражены нашим волчьим аппетитом. Но я перестал стесняться и почти забыл об окружении, так как изрядно проголодался.

Установленная грианами новая лингвистическая аппаратура была гораздо сложнее, чем та, которой они пользовались около астролета. Снова были предприняты попытки объясниться. Битый час мы с академиком называли различные предметы и движения гриан, а группа операторов усиленно подбирала программу перевода. Наконец, не веря своим глазам, я увидел, как на экране, перед которым говорил грианин, стали появляться осмысленные фразы прямо на нашем языке. Гриане в течение часа настолько уловили сущность нашей грамматики и основной лексики языка, что и мы стали понимать их — не полностью, правда, но в объеме, достаточном для общения.

Элц обратился к нам с речью:

— Люди так называемой Земли! Ваш карантин окончен. Все то время, которое вы со своим космическим аппаратом находились в днище спутника, вас интенсивно облучали бактерицидными лучами. Они уничтожили все бактерии и вирусы, гнездившиеся в ваших телах и

представлявшие страшную опасность для нашего мира. Теперь мы готовы познакомить вас с великой цивилизацией Гриады. Она развивается уже свыше двадцати тысяч лет!

Самойлов, внимательно следивший за световыми фразами на экране, в этом месте насмешливо улыбнулся и обернулся ко мне:

— Чудеса, Виктор. Их цивилизация развивается всего лишь двадцать тысяч лет; в тот момент, когда мы улетали с Земли, она еще не существовала. Пока мы добирались сюда, в нашем корабле прошло полтора десятилетия, на Гриаде же, как и на Земле, в тысячи раз больше. Значит, земная цивилизация насчитывает сейчас свыше десяти тысяч веков! Она неизмеримо выше грианской. Когда мы стартовали, предки этих существ ходили нагишом...

— Вернее, карабкались по деревьям, сбивая палкой плоды, — уточнил я. — Однако мы проспали в анабиозе и нашу и их цивилизацию и безнадежно отстали по

развитию как от своих, так и от чужих. Нам будет очень трудно, особенно вам.

— А почему же особенно мне?

— Вам не понять принципов грианской науки, — слегка уязвил я его.

— Плохо разбираетесь в научных принципах, молодой человек, — вспыхнул Петр Михайлович. — Законы природы едины везде...

Я погасил улыбку сомнения, не желая обижать славного академика.

Убедившись, что мы понимаем их язык, гриане, окружавшие Элца, буквально засыпали нас вопросами. Но из этого ничего не вышло, ибо на экране «переводчика» появилось так много фраз, что получилась настоящая тарбарщина. Петр Михайлович стал жестикулировать, давая понять, что мы ничего не понимаем. Элц знаком приказал всем умолкнуть.

Я заметил, что гриане беспрекословно слушаются его.

«Что бы вы хотели сейчас делать?» — спросил нас экран (вернее, Элц).

— Спать, — буркнул я, ибо страшно устал; к тому же сильно клонило ко сну после плотного обеда.

Самойлов удивленно посмотрел на меня, но потом согласился.

Сопровождаемые толпами зевак, мы стали спускаться по бесконечным эскалаторам внутрь восьмигранного здания, оказавшегося, как я узнал впоследствии, не то грианской Академией наук, не то высшим органом власти. По-гриански этот дом назывался несколько странно — «Кругами Многообразия».

Через два часа мы уже спали в отведенной нам комнате, утомленные необычными впечатлениями.

...На другой «день» спозаранку нас взяли в работу ученые. Я беру слово «день» в кавычки, поскольку здесь это было чисто условное понятие. День на Гриаде царил

всегда. Если грианское солнце регулярно всходило и заходило, то второе светило — центр Галактики — вечно сияло на одном и том же месте небосвода. Темноту же в своих жилищах и городе гриане, вероятно, создавали искусственно: когда мы вчера ложились спать, один из них нажал диск около двери, и прозрачные стены нашей комнаты фазу стали черными как сажа. Наступила глубокая темнота, располагающая ко сну.

Едва мы позавтракали, как десяток гриан бесцеремонно вошли в нашу комнату и с помощью «переводчика» предложили идти на «занятия».

— Какие занятия? — спросил я. Это слово сразу нагнало на меня скуку, ибо я жаждал зрелищ и путешествий.

— По грамматике и лексике языка, — ответил сухопарый высоченный грианин с густой огненно-рыжей шевелюрой и громадными миндалинами иссиня-черных глаз. Через все лицо у него проходил странный раздвоенный шрам.

— Эти занятия нам крайне необходимы, — сказал Петр Михайлович, заметив гримасу недовольства на моем лице. — Чем скорее мы овладеем программированием, тем быстрее узнаем о вещах, которые нам, возможно, и не снились.

Пришлось несколько недель париться над составлением простейших программ перевода с грианского языка на наш. Если Самойлову это давалось сравнительно легко, то для меня представляло настоящую абракадабру; обучал нас сморщенный старый грианин неопределенного возраста: я убежден, что ему было двести или триста лет.

Однажды нас привели в центральный зал Кругов Многообразия, где сидело не менее тысячи гриан в странных треугольных ермолках из голубой пластмассы. Мы снова разместились перед экранами больших лингвистических машин еще более сложного устройства, чем те, которые

применялись на платформе в день нашего прибытия. Потянулись долгие часы утомительных расспросов о Земле, о ее общественном строе, о развитии науки и техники. Больше отвечал Петр Михайлович. Он сразу нашел общий язык с учеными и, сев на любимого конька, пустился в малопонятные рассуждения о свойствах пространства — времени, так любезного сердцу физика-теоретика.

Академик увлекся, стал вскакивать со стула, возбужденно жестикулируя и поминутно поправляя «телескопы». Я предпочитал молчать, с интересом разглядывая обитателей этого мира. Строгие, бесстрастные физиономии, спокойные позы, короткие отрывистые фразы, отдававшие металлическим звоном... Гриане были предельно уравновешенными «сухарями». Ни разу в течение многих часов я не заметил, чтобы кто-нибудь из них сделал лишнее движение, жест или выразил что-либо похожее на эмоции. От всего этого собрания веяло невыразимо торжественной скукой.

— Как вам удалось остановить наш астролет в пространстве и отбуксировать его на спутник? — спросил академик у Элца, который в продолжение всей беседы молча сверлил нас глазами, о чем-то упорно размышляя.

Услышав вопрос, этот неприветливый старик долго размышлял, взвешивая что-то в уме. Потом заговорил отрывистыми фразами, падающими, как удар молота:

— Огромная концентрация тяжелой энергии... перестройка структуры пространства в локализованном объеме... возникновение силового облака... Варьируя частоту и мощность распада мезовещества, мы передвинули ваш корабль на спутник.

— Мы можем посещать свой астролет? — вмешался в разговор я, так как с тревогой обнаружил, что «Урании» на крыше Грозы не видно.

Элц мельком посмотрел на меня:

— Аппарат находится в музее Кругов Многообразия.

— В музее?!! — разом воскликнули мы.

В мозгу лихорадочно пронесли мысли, навеянные книгами фантастов: о вечном плене, о разумных, но бессмысленно жестоких существах других миров, о том, что придется навсегда распрощаться с надеждой снова увидеть Землю...

— Вы не имели права распоряжаться чужим кораблем! — в бешенстве закричал я.

Элц даже не пошевелинулся, только его глаза вдруг засветились холодно-холодно, словно в них был абсолютный нуль температур. Я бесстрашно глянул в глубину его белесых зрачков, и мне стало не по себе. Какие-то непонятные, но отнюдь не доброжелательные мысли пробежали в этих чужих, неземных глазах.

Стремясь сгладить впечатление от моего резкого тона, Петр Михайлович перевел разговор на другую тему:

— Можно каким-либо образом сообщить о нашем пребывании на Гриаде человечеству Земли?

— Передать сообщение? — повторил Элц, все еще пронзительно разглядывая меня. — Конечно, можно. Но только... Какой в этом смысл?

Я почувствовал, что Петр Михайлович внутренне напрягся:

— Вы не хотите передать сообщение?

— Не в том дело, — безжизненно улыбнулся грианин. — Всепланетный излучатель электромагнитной энергии отправит сигнал в любое время. Но ты сказал: до Земли девять тысяч двести парсеков, а это значит, что ваше сообщение получат только через тридцать тысяч лет. Есть ли смысл посылать?

— Вот как... — Петр Михайлович разочарованно потер переносицу. — А я предполагал, что вашей науке удалось преодолеть «световой предел» и овладеть скоростями передачи сообщений большими, чем скоростью света.

— Что ты называешь скоростью света?

Самойлов долго и сложно объяснял грианину наше понятие о скорости света.

Элц снова усмехнулся:

— Неправильно выражаешь смысл этого свойства материи.

— То есть как это неправильно? — сказал академик тоном оскорбленного самолюбия.

— Ваша скорость света — лишь усредненное значение другой величины, которая называется скоростью передачи взаимодействий во всеобщем мезополе.²⁹ Эта последняя скорость колеблется в некоторых пределах; одним из таких пределов является скорость распространения тяжелой энергии.

— Нет, ты видел! — радостно обернулся ко мне Петр Михайлович. — Их представление почти совпадает с теорией тяготения, разработанной нами в Академии!..

Я с огромным интересом слушал Элца, ибо каждое слово грианина о всеобщем мезополе было для меня откровением. Да, вероятно, и для Петра Михайловича.

— Так вы не умеете передавать сообщения со скоростью больше скорости света? — еще раз переспросил Самойлов.

— Нет, еще не умеем. Хотя... есть возможность научиться такой передаче с помощью...

Элц внезапно умолк, словно спохватился, что сказал лишнее. В воздухе повисла тайна, которую он не хотел открыть нам. Правда, в тот момент я не обратил особого внимания на это обстоятельство, но оно четко всплыло в памяти впоследствии, когда мы встретились с метагалактианами.

²⁹ Всеобщее мезополе — единое силовое поле Вселенной. Тяготение и электромагнетизм, по предположению ученых, являются различными формами проявления единого мезополя.

Часть вторая

ГРИАДА

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» НА ГРИАДЕ

Лениво покружив над восточной окраиной Трозы, аппарат опустился на площадку перед величественным уступчатым зданием, которое окружали километровые мачты параболоидных антенн. Пошел третий месяц (по привычке считаю на земной лад) с тех пор, как мы в Трозе. Все это время пришлось провести в обществе назойливых грианских ученых, упражняться в программировании, отвечать на многочисленные вопросы. Все это интересно, но уже страшно надоело. А Самойлову хоть бы что: он готов целыми сутками пережевывать с грианскими онфосами (так здесь называют физиков) свою теорию пространства — времени — тяготения.

Эта теория преследует меня даже во сне. Вчера, например, видел сон: как будто меня посадили в клетку, сплошь унизанную острыми зубьями. Стараюсь сжаться в комок, но зубья грозно надвигаются. Оказывается, это не зубья, а ряды тензорных уравнений, на языке которых академик «слагает стихи» о своем любимом тяготении. Они обвиваются вокруг меня, словно удавы, и душат... душат... Задыхаюсь, пытаюсь крикнуть... Все пропадает, но тяготение усиливается. Что такое? Вокруг меня — океаны ослепительно-белого огня. Где же клетка? «Мы уже не в клетке, — смеется неведомо откуда взявшийся Петр Михайлович и подмигивает левым глазом, — мы на поверхности белого карлика. Я специально прилетел сюда: здесь прекрасная естественная лаборатория для изучения тяготения. Чувствуешь, какая гравитация? В миллион раз сильнее, чем на Земле». Чудовищная сила тяжести

прижимает меня к раскаленной почве и неудержимо влечет к центру звезды. Я чувствую, что сейчас буду раздавлен в блин и... просыпаюсь в холодном поту.

Ни о чем не спрашивая, послушно следуем за своими «опекунами» и вскоре попадаем в сферический зал, где во всю стену высятся телевизионные аппараты. В полумраке замечаю приближающегося Югда.

Это один из помощников Элца, двухметровый детина.

Он мне не нравится. У него неприятные глаза и огромный нос, вся его черно-бронзовая физиономия производит отталкивающее впечатление. Убежден, что ему незнакомы чувства, хотя бы отдаленно похожие на человеческие. Этот грианин — олицетворение голого разума. Странно видеть холодное, безжизненное лицо Югда, пытающееся изобразить приветливость. Оно скорее напоминает маску, а улыбка — гримасу. Я давно понял, что грианам незнакомы улыбка и смех.

Просто они пытаются подражать нам.

— Здесь Главный телецентр планеты, — поясняет Югд. — Сейчас вас будет изучать население Гриады.

Слово «изучать» неприятно режет слух. Перехватываю насмешливый взгляд академика и зло шучу:

— Подопытный кролик номер два — бывший землянин Виктор Андреев. Специально проделал путь в тридцать тысяч световых лет, чтобы позировать здесь на задних лапках...

— Повернитесь! — командует в этот момент Югд, делая оператору знак переключить аппарат.

Я упрямо стою на месте, не желая быть для них заводной куклой. Академик выпячивает нижнюю губу, собираясь, вероятно, уговаривать меня. Но Югд так свирепо смотрит, что по коже пробегает мороз. Послушно поворачиваюсь, сажусь, встаю, поднимаю и опускаю руки, подтрунивая над собой и академиком.

— Представляю наши глупо улыбающиеся физиономии на экранах бесчисленных телевизоров планеты, — говорю я Самойлову.

— На Земле мы точно так же изучали бы обитателей другого мира. И ты первый стремился бы рассмотреть, их получше.

Петр Михайлович прав, и я молчу. После «изучения» нам любезно предложили один из телеаппаратов для обзора планеты. Шаг за шагом знакомимся с необычным миром Гриады. Особенно запомнилось мне северное побережье Фиолетового океана. На экране нескончаемой чередой плывут огромные города под такими же, как над Трозой, прозрачными крышами из особого рода поляроида,³⁰ научные центры, роскошные виллы, стадионы и цирки. Желтовато-белые здания все той же странной уступчатой архитектуры утопают в буйной тропической растительности. По-видимому, побережье служит местом отдыха. По роскошным аллеям прогуливаются группы гриан; на открытых террасах, спускающихся прямо к морю, гриане загорают. Они, очевидно, хотят, чтобы их и без того черно-бронзовая кожа стала под палящими лучами солнца и центра Галактики еще темнее. Время от времени гриане уходят под навесы. Видимо, даже их организм не может долго выдерживать невероятный зной. Иногда мы слышим звуки какой-то странной, но довольно ритмичной музыки. Она непривычна для нашего слуха и утомляет нагромождением высоких нот. Ландшафт побережья рельефно выделяется на фоне неправдоподобно фиолетового моря, простор которого так и манит к себе.

Передвигаю диски настройки аппарата, и побережье исчезает. Теперь кругом расстилается безбрежная водная гладь. Продолжаю вращать диски. На экране внезапно

³⁰ Поляроид — прозрачный материал, пропускающий лучи света под строго определенным углом.

вырисовывается неведомый материк или огромный остров. Югд, тихо переговаривавшийся в это время с оператором, с быстротой молнии бросается к пульта и рывком выключает аппарат. Я успеваю заметить лишь высокие пальмовидные деревья, цепь красноватых гор за, ними и какую-то необычную серебристо-голубую гору огромной высоты в форме шара.

Резко оборачиваюсь, чтобы узнать, почему он выключил аппарат. Всегда уравновешенный, почти безжизненный, Югд взволнован и смотрит на меня враждебным взглядом своих неприятных глаз.

— Нельзя... — произносит он. Металл так и звенит в его голосе.

— Почему? — изумленно спрашиваю я.

Грианин молчит, он явно не хочет отвечать. Очевидно, мы краем глаза коснулись какой-то тайны.

Медленно протягиваю руку снова к диску включения и жду, что будет делать Югд. Самойлов предостерегающе берет меня за локоть.

— Оставь, — мягко говорит он, осторожно косясь на Югда. — Вероятно, у него есть причины так поступать.

— Нет, вы видели, Петр Михайлович! Колоссальная гора правильной геометрической формы! А какой чистый серебристо-голубой цвет! Что бы это могло быть?

— Я думаю, мы это вскоре узнаем, — отвечает академик, понизив голос.

Югд подозрительно вслушивается в наш разговор, но, ничего не поняв, выходит в соседний зал, бросив оператору какое-то приказание. Оператор полностью отключает телеаппарат.

Присматриваемся к оператору. На первый взгляд он ничем не отличается от тех гриан, которых мы встречали до этого; но при более внимательном наблюдении я замечаю, что в отличие от Элца и Югда, которые держат себя

высокомерно и уверенно, в поведении оператора чувствуется какая-то подавленность, а в глазах не горит тот огонь знания, который так красит уродливые лица гриан. Внимательно смотрю оператору прямо в глаза. Он быстро опускает их. Глаза у него как у ребенка: чистые и ясные. Впечатление такое, что по развитию он недалеко ушел от новорождённого младенца. Оператор отворачивается к пульта и продолжает работать с поразительной быстротой, словно автомат, безошибочно ориентируясь в путанице приборов и деталей сложной радиосхемы. Его движения кажутся заученными, неосмысленными. Вероятно, это результат многолетней однообразной повторяющейся практики.

— Друг, — говорю я, — нельзя ли снова включить телеприемник?

Оператор пугливо осматривается по сторонам и отрицательно качает головой. Мы уже довольно свободно объясняем с грианами с помощью портативных лингвистических аппаратов. Поэтому я продолжаю допытываться:

— Почему нельзя?

Оператор смотрит на дверь зала, куда только что вышел Югд, и тихо роняет непонятные слова:

— Я не знаю, почему... Мы как в темноте... Нельзя нарушать великий распорядок жизни... иначе — ледяные пустыни Желсы.

— Что за великий распорядок жизни? — удивленно спрашивает академик. — Какие ледяные пустыни?

Вероятно, Петр Михайлович поражен. Высокая техника Гриады автоматически ассоциировалась в его сознании с общественным устройством типа государства Солнца древнего утописта Кампанеллы.

— А какой у вас общественный строй?

— Я не знаю, что такое общественный строй, — бесстрастно отвечает оператор.

— Кто у вас управляет страной? — поясняю я вопрос академика. — Кому принадлежит власть?

В это время в зал быстро входят Элц, Югд и несколько других гриан. Они, вероятно, слышали последнюю фразу. Элц подозрительно смотрит то на меня, то на оператора. Последний дрожит от страха: я вижу, как побелело его лицо.

— О чем он тебя спрашивал?

Югд берет оператора за руку и пристально всматривается в его глаза.

Оператор еще сильнее бледнеет и бессмысленно бормочет, тряся головой.

— О чем же? — звенит металл неприятного голоса.

— Я не понял... не знаю... Какой-то общественный строй...

— Да, да! — вмешиваюсь. я. — Я хотел спросить, какой общественный строй на Гриаде.

Элц подает знак, и Югд оставляет в покое несчастного оператора. От страха тот не в состоянии выполнять свои заученные операции.

Гриане холодно рассматривают меня с ног до головы, словно видят в первый раз. Элц что-то говорит своим спутникам. Они забирают оператора и быстро уходят. Остаемся вчетвером: мы с Самойловым, Элц и Югд.

— Общественный строй? — медленно переспрашивает старик, думая о своем. — Кто у власти?

Он кивает Югду, и тот включает экран, на котором возникает огромный сводчатый зал с роскошными ложками. В зале не менее трех сотен таких же облезлых стариков, как и Элц.

— Вот кто! — Элц выбрасывает указательный палец в сторону экрана.

— Избранники народа? — пытается уточнить Самойлов.

— Это Познаватели, потомки Хранителей Знаний, — отвечает Элц, и в глубине его зрачков вдруг загорается злорадство.

— Объясните, пожалуйста, кого вы имеете в виду, — деликатно просит Петр Михайлович. — Насколько мне известно, люди науки, как правило, далеки от административного честолюбия. У нас на Земле управление поручено специальным людям — избранникам трудового человечества. У вас же, по-видимому, техническая автократия?

Теперь недоумевает Элц.

— Гриада выполняет распоряжения Познавателей, — говорит он через некоторое время. — Понятие «общественный строй» сохранилось лишь в нижних слоях Информария.

— Я что-то ничего не понимаю...

— Это же просто, — академик напряженно размышляет над словами Элца. — В ответе грианина заложен

большой смысл. Скажите, нельзя ли побывать в вашем Информарии? — обращается он к Элцу.

Гранин колеблется, но потом, что-то вспомнив, соглашается допустить нас в Информарию.

— Только после того, как вас проверят в Секторе биопсихологии, — добавляет он, обмениваясь с Югдом многозначительным взглядом.

Чувствую какой-то подвох, но Петр Михайлович ничего не подозревает. Он уже загорелся желанием побывать в Информации.

— А эти гриане тоже потомки Хранителей Знаний? — спрашиваю я, указывая на молчаливых операторов, работающих в верхних ярусах Телецентра.

— И эти? — поддерживает мой вопрос Самойлов, кивая головой в прозрачный просвет стены: там, на дальнем конце «арены», копошатся фигурки гриан, монтирующих какое-то причудливое сооружение, напоминающее гигантского паука.

Элц враждебно меряет нас взглядом и ничего не отвечает.

...Ясно ощущаю, как незримо рассеивается мираж «золотого века» на Гриаде, который создали мы сами.

* * *

Опьяненный свежим воздухом, ароматом диковинных цветов и деревьев, я спал так крепко, что никак не мог проснуться, хотя сквозь сон слышал, что Самойлов тормозит меня.

Невероятным усилием воли открываю слипающиеся веки и слышу негодующий голос академика:

— Проснись наконец!

Я окончательно просыпаюсь. Три часа назад мы прибыли сюда, в этот громадный сад, окружающий Энергетический Центр Гриады. Ехали мы подземным тоннелем,

по которому стремительно мчатся длинные рыбообразные аппараты. Они без колес, а скользят по своеобразным желобам совершенно бесшумно и с огромной скоростью: сто километров мы покрыли за пять минут.

Энергетический Центр — это целый комплекс сооружений. Размеры Центра поистине циклопические: диаметр центрального сферического здания превышает десяток километров, высота — более пятисот метров. Из середины его, пронзая прозрачную крышу, взмывает в небо цилиндрическая колонна-волновод около километра в поперечнике.

Петр Михайлович с трудом добился у Элца согласия, на передачу сообщения землянам о результатах нашего полета на гравитонной ракете. Мы прибыли в Центр в сопровождении Югда. Внешне мы пользуемся полной свободой. Однако после памятного разговора с Элцем в Телецентре Югд, кажется, выполняет при нас обязанности не то гида, не то соглядатая. Смертельно надоела его отталивающая физиономия. Вот и сейчас долговязый грианин сидит поодаль, делая вид, что изучает листву деревьев.

— Где-то сейчас наша «Урания»? — говорю я. — Разобрали, вероятно, на составные части. Хотя все равно в ней кончился запас гравитонов. Не нравится мне что-то здесь... Была бы возможность — сейчас же вернулся бы на матушку Землю. Все-таки, как вы ни говорите, а Земля — лучший из миров.

Петр Михайлович не слушает меня, а о чем-то напряженно думает. Наверное, опять о природе кривизны четырехмерного многообразия, как называют физики окружающий нас мир. Взгляд академика устремлен на волновод, виднеющийся в просвете живописной аллеи.

— Двадцать километров, если не больше, — прикидывает он высоту волновода. — Какой же гигантский луч энергии может быть выброшен в Космос этим каналом?

Вероятно, его мощность выражается астрономической цифрой.

— Триста семьдесят два биллиона киловатт, — раздаётся вдруг голос Югда.

Мы оба вздрагиваем от неожиданности. Оказывается, у грианина феноменальный слух, и он все время следит за нами.

Лениво созерцаю легкие, пушистые облака, послушно огибающие волновод: их отталкивает силовое поле огромной напряженности. Высоко в небе бесшумным видением проносится гигантский воздушный корабль, напоминающий дворец из сказок Шахразады. Очевидно, он перемещается за счет взаимодействия с электромагнитным или гравитационным полем планеты.

Вдруг над кронами деревьев появляется грианин. Сначала он круто поднимается в высоту, а затем спускается вниз по наклонной и повисает в пространстве почти над нашими головами.

— Здорово придумано! — говорю я в восхищении. — До сих пор не пойму, где же летательный аппарат? Хотя на груди виднеется что-то похожее на тарелку или диск. Как работает их аппарат?

— Ничего сверхъестественного, — небрежно изрекает Петр Михайлович. — Или ты забыл о земном электрогравитане, который помог тебе познакомиться с Лидой? Здесь тоже используются обычные законы электрогравитики.

Югд подает «птице» какой-то непонятный знак, и она летит прочь. Однако я успеваю отметить огромные лиловые глаза существа и сравнительно приятное лицо. Вероятно, это грианская женщина. Покружившись еще немного над садом, она опускается недалеко от нас в густую чашу пальм.

— Пора идти, — напоминает Югд, взглянув на окутанный коронирующим разрядом волновод. — Скоро начнется передача сообщений.

Неожиданно из-за поворота аллеи выходит высокая изящная девушка. Она быстро идет к нам упругим, свободным шагом. Жесткое лицо Югда светлеет. Вероятно, их связывают какие-то родственные узы.

— Виара, — бесстрастно произносит грианка, подойдя вплотную.

Ее голос чист и звонок. Словно серебряные монетки падают на стальной лист, смешивая свой звон с ответным звоном стали. Я рассматриваю ее с большим интересом. Неповторимое своеобразие лица грианки оставляет странное, раздвоенное впечатление. Оранжевые с ярко-золотым отливом волосы неплохо гармонируют с лиловыми глазами. Широкие дуги черно-синих бровей подчеркивают необычайную чистоту высокого лба и темно-алый румянец щек, проступающий сквозь светлую бронзу кожи. Клювообразный нос, так резко выраженный у Югда и других гриан, у нее почти красив. У нее непривычный для нашего глаза подбородок и длинная, гибкая шея.

Тихо переговариваясь с Югдом, она пошла впереди нас. Необычайно легкая, почти воздушная ткань ее одежды при малейшем движении четко обрисовывала красивые, сильные линии тела.

— Только сотни миллионов лет сложной и трудной эволюции бесчисленных живых существ сделали возможным подобное совершенство форм, — услышал я знакомый голос лектора.

Это Петр Михайлович, как всегда, дает свое заключение по поводу очередного объекта познания. Я недоволен: эстетическое восприятие обнаучено и сразу блекнет.

Через двадцать минут мы подходим к главной арке Центра, украшенной загадочной скульптурой. Величественное существо трехметрового роста, совершенно не.

похожее на грианина, держит в вытянутой руке странный предмет — какую-то причудливую модель. Вдохновенное лицо статуи с незабываемыми, удивительно красивыми чертами озарено доброй мудрой улыбкой.

— Странное существо. «Тип лица абсолютно чужд грианскому», — заметил Самойлов, заинтересовавшись скульптурой.

— Не пойму только, что за предмет у него на ладони? Что-то вроде седла...

— По-моему, это модель Вселенной.

Вот и вестибюль. Наши шаги гулко отдаются под высокими сводами. Стены вестибюля покрыты изумительной по выразительности живописью, рассказывающей о завоевании грианами Космоса. Мы видим устремленные к звездам причудливые корабли, астронавтов, высаживающихся ста планеты, которые напоминают то дантов ад, то райские сады. Среди уродливых деревьев выглядят чудовищные морды зверей. Вероятно, гриане знали

какие-то новые методы изображения на плоскости: предметы на картинах имели глубину, а люди и животные казались настолько живыми, что я невольно протянул руку, пытаюсь проверить свое впечатление, и... наткнулся на холодный камень стен.

Самойлов рассмеялся. Виара и Югд, услышав его смех, необычный в этом мире, быстро обернулись и беспокойно посмотрели на нас.

Проходим длинными залами, наполненными тихой музыкой: это, звучат мелодии тысяч приборов и аппаратов, абсолютно мне непонятных. Даже Петр Михайлович, по-видимому, затрудняется хотя бы приблизительно угадать их назначение.

— Трудно понять мысль, ушедшую от нас вперед на тысячу лет, — задумчиво говорит он, словно извиняясь. — Мы сейчас как неандертальцы, попавшие в двадцать третий век...

— Из которого мы прилетели сюда, — доканчиваю я. — А я все же надеюсь понять принципы управления грианскими астролетами и, может быть, слетать на другую планету их системы.

Наконец мы в полукруглом зале с небольшим пультом посередине. Здесь нас ожидают ученые гриане во главе с Элцем.

— Сейчас включают Космос. Попробуйте передать свое сообщение... — отрывисто бросает он фразу куда-то поверх наших голов.

Поверхность свода озаряется бледным оранжево-зеленым сиянием. Ярко вспыхивает кольцо в центре пульта. Где-то над нами (то ли под нами?) разливается низкое рокочущее гудение.

— Говорите вот сюда, в это кольцо пульта.

Петр Михайлович осторожно приближается к большому кольцу из матового металла, по которому струятся те же, что и на своде, оранжевые блики.

— Земля! Земля!.. — От волнения голос академика дрожит. — Ты слышишь нас? — Он усиленно сморкается. — В две тысячи двести шестидесятом году мы — пилот Андреев и физик Самойлов — стартовали с Главного Лунного космодрома к центру Галактики. Если верить приборам, нам удалось превысить скорость света и достичь скорости, равной верхнему пределу флуктуации электромагнитного поля в пустоте. Вследствие необъяснимых пока возмущений была потеряна ориентировка. Корабль вышел из-под контроля автоматов. «Урания» прошла шаровые скопления и поднялась на двести шестьдесят тысяч парсеков выше плоскости звездного колеса Галактики... Мы очутились в межгалактическом пространстве.

Элц внимательно вслушивался в слова передачи, сверяясь с экраном лингвистического аппарата.

— Когда удалось снизить скорость до шестидесяти тысяч километров в секунду, мы снова вычислили траекторию полета к центру Галактики. После этого «Урания» повернула обратно, развила скорость меньше световой всего на одну сотую километра в секунду и через шесть лет полета (в собственной системе отсчета) достигла центрального сгущения нашей звездной системы. Планета Икс найдена!..

Голос академика при этих словах становится торжественным:

— Мы открыли здесь общество разумных существ, создавших своеобразную цивилизацию, более высокую по технике, чем земная в двадцать третьем веке. Стараемся познать важнейшие достижения гриан, сообщая галактические координаты планеты: плюс ноль целых две десятых градуса северной галактической широты, минус четыре...

Тут Элц мгновенно выбрасывает руку к пульту и рывком выключает подачу энергии. Оранжево-зеленые волны, бегущие в кольце, гаснут.

Самойлов вопросительно смотрит на Элца, и его глаза сталкиваются с холодно-враждебным взглядом.

Воцаряется напряженное молчание.

— Я прошу дать мне возможность закончить передачу, — требует Петр Михайлович.

«Передача окончена!» — звенит металлический голос переводной машины.

Я невольно делаю шаг к Элцу, но останавливаюсь, заметив предостерегающий жест Виары.

Элц сбрасывает переводной аппарат и, не сказав ни слова больше, идет к выходу. У самой двери он отдает короткое приказание. Югд, Виара и все остальные вздрагивают и быстро выходят вслед за ним. Мы остаемся одни.

Операторы невозмутимо работают у пульта и индикаторных щитов, словно происходящее их не касается.

Проходит несколько томительных минут.

— Почему они не дали мне закончить, передачу сообщения? Не вижу никаких оснований... — И Самойлов в недоумении пожимает плечами.

— Да все ясно как день, — говорю я. — Что же тут непонятного? Элц прервал передачу в тот самый момент, когда вы передавали координаты Гриады. Гриане не хотят, чтобы земляне когда-либо вновь нашли их мир. Недаром Эли: так подробно расспрашивал вас об общественном строе землян и о самоуправлении свободных трудящихся.

— Но у них, кажется, тоже не эксплуататорское общество, — возражает Петр Михайлович.

— Это только так кажется. Мы еще многого не знаем.

Резко щелкает входная дверь. Это возвратились Югд и двое гриан. Мне показалось, что в глазах Югда промелькнуло нескрываемое злорадство.

— Подождите в саду, — говорит он, — пока будет объявлено решение Кругов Многообразия.

— Итак, только через тридцать тысяч лет наше сообщение придет на Землю, — грустно произнес академик, когда мы снова вышли в сад. — А есть ли какая-нибудь надежда дожждаться ответа? Абсолютно никакой. Разве только лечь в анабиоз на шестьдесят тысяч лет? У гриан, видимо, есть анабиозные устройства, подобные нашим, а скорее всего более совершенные.

— Так они и положат нас в анабиоз! — Непонятное раздражение охватило меня. Сердце тревожно ноет, словно предчувствуя что-то недоброе. — Чем ждать ответа, лучше попробовать вырваться в Космос и вернуться на Землю.

— На чем? — иронически усмехается Самойлов.

— Надо захватить грианский астролет, — упрямо настаиваю я.

— А ты его видел? Умеешь управлять кораблем, построенным, может быть, на совершенно иных принципах?

Сзади раздались торопливые шаги. Нас догоняла слегка запыхавшаяся Виара. Она встревожена. Оказывается, у женщин Гриады эмоции проявляются более живо, чем у мужчин.

Вопросительно смотрю на грианку. В руках она держит небольшие блестящие диски. Точно такой же диск был у нее на груди во время полета над садом.

— Земляне должны знать... — торопливо заговорил ее переводной аппарат. — Вначале опыты по обучению... Потом операция в Секторе биопсихологии. Об этом говорил Югд. Я принесла вам диски...

Быстрыми точными движениями она прикрепляет антигравитационные аппараты на грудь каждого из нас, показывает, как включать.

Я нажимаю кнопку и... взлетаю метров на тридцать вверх. Затем переворачиваюсь и повисаю над их головами в нелепой позе, широко раскинув руки и как бы пытаюсь ухватиться за воздух.

Петр Михайлович неудержимо хохочет. Виара испуганно переводит взгляд с него на меня.

— Поздравляю с удачным дебютом! — кричит Самойлов снизу. — Ты забыл включить регулятор равновесия! Передвинь черный рычажок!

После нескольких самых нелепых движений в воздухе неловко «приземляюсь», вконец сконфуженный. Страх в глазах Виары сменился насмешливыми огоньками, но внешне она абсолютно спокойна и серьезна. Грианку, как я успел заметить, почему-то особенно интересует моя личность. Иногда я ловлю на себе ее внимательный, изучающий взгляд.

Мы почти забыли о ее тревожных, но непонятных словах. Признаться, я даже не обратил на них особого внимания. Какой-то Сектор биопсихологии. Вероятно, Самойлов будет с радостью изучать биопсихологию или любую другую «логию». А я постараюсь посмотреть жизнь Гриады, разобраться в ее непонятном общественном строе, поближе познакомиться с населением этой планеты.

Тревожный голос Виары прервал мои мысли:

— Вы должны уходить отсюда... Бойтесь биопсихологов...

— Куда? И зачем? — удивляется Самойлов. — Я не вижу никаких причин волноваться. Да и как уйдешь: на поверхности — адский зной, а мы к нему не приспособлены.

— Скоро начнется Цикл Туманов и Бурь, и зноя не будет. Летите на Большой Юго-Западный Остров Фиолетового океана.

— А что там? — Ее слова внезапно заинтересовали меня. — Другое государство?

Грианка не отвечает, но ее взгляд устремлен на фронтон Энергоцентра. Я невольно смотрю в том же направлении. На фоне густо-фиолетового неба скульптура загадочного существа выделяется с неестественной резкостью. Она будит в душе неясное стремление, зовет куда-то вдаль... Может быть, в бесконечные просторы Вселенной? Или к недостижимым вершинам абсолютного познания, о которых мечтает Самойлов?.. Загадка скульптуры волнует меня все больше.

— Кто здесь изображен? Это ваш предок? Или он оттуда, с Большого Юго-Западного Острова? — забрасываю я вопросами грианку.

Она колеблется, как будто собираясь ответить и в то же время чего-то опасаясь.

— Нет, это не предок гриан... это...

Из-за поворота аллеи неожиданно появляется Югд с тремя здоровенными грианами. Они молча подходят к нам и знаками велят идти вперед. Виара уходит в здание, опустив голову. В этот момент я незаметно прячу в карман диск, полученный от грианки.

— В Трозу, — снова услышали мы знакомое название.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ГРИАДА?

Много позже, когда все тревобления остались позади, Петр Михайлович дал мне прочитать свои записи, которые он вел в Информарии Познавателен — вернее, прослушать их с магнитофона. Я не удержался, чтобы не перенести их в свой дневник. Академик начинал свои воспоминания описанием рокового для нас заседания Кругов Многообразия. Итак, предоставляю слово Петру Михайловичу:

«Я полагал, что Круги Многообразия будут обсуждать вопрос о различии и сходстве грианской и земной цивилизаций, а также способы обмена достижениями науки, техники и культуры. Однако предметом обсуждения оказались мы с Виктором. Председательствовал Элц, которого я считаю сменным диктатором, избираемым, вероятно, какой-то могущественной группой технократов. Сначала он кого-то ждал, так как то и дело бросал взгляды на входную арку. И действительно, через несколько минут в зале появились гриане в странных оранжево-синих одеяниях. Впереди шел грианин со шрамом, который нам знаком: он учил нас программированию. Вошедшие полукругом рассаживаются перед нами. Все время чувствую испытующий взгляд человека со шрамом (я все-таки называю их людьми ввиду близости по разуму к землянам). Виктор настороженно осматривается по сторонам.

— Итак, земляне перед вами, — нарушает общее молчание Элц, обращаясь к оранжево-синим. — Что же вы предлагаете делать с ними?

Человек со шрамом встает и, указывая на меня, говорит:

— Этот землянин подходит для исследований в Высшей Ступени Познания. Из микрофильмов мы узнали, что он ученый. Это то, что нам нужно...

— Что дадут Познавателям ваши исследования этого дикаря?

Буквально так переводилось на наш язык соответствующее грианское слово, как это ни неприятно было сознавать.

— Мы подвергнем его биопросвечиванию, чтобы выяснить механизм работы мозга. Специально разработанная программа изучения позволит биопсихологам разрешить давно интересующий вопрос: сможет ли существо из другого мира, с иным развитием мозга познать законы

Великого Многообразия (так гриане называют природу, как я узнал впоследствии). Эти опыты помогут Познавателям углубить методы Отражения Многообразия.

— Хорошо, — сказал Элц. — Этот землянин будет отдан в Высшую Ступень Познания. Ну, а другой?

Он показал на Виктора.

Человек со шрамом мельком осмотрел моего штурмана.

— Этот землянин не подходит для Высшей Ступени Познания. У него примитивное мышление, которое не представляет для биопсихологов интереса.

Оскорбленный Виктор покраснел от возмущения и отвернулся. Я понял, что грианские ученые каким-то шестым чувством мгновенно определяли степень умственного развития индивидуума. В этот момент встал не замеченный мною грианин в желто-красном одеянии и сказал:

— Этим землянином интересуется Сектор усовершенствования организма. Он обладает давно утраченными на Гриаде качествами: активной жизненной силой, высоким энергетическим уровнем. В землянине сильна чувственная ступень отражения Великого Многообразия. В древнейших слоях Информария сохранились записи о том, что подобными качествами обладали наши далекие предки. Восстановить их — цель нашего Сектора. Холодный рационализм, зародившийся сорок пять столетий тому назад, грозит окончательно поглотить общество Познавателей.

— Ясно, — Элц наклонил голову. На его лице появился слабый отблеск удовлетворения. — Второй землянин передается в Сектор усовершенствования.

Биопсихологи одобрительно загнули.

Собственно говоря, пока не вижу в этом решении ничего угрожающего. Напротив! В их так называемой Высшей Ступени Познания я надеюсь познакомиться с завоеваниями грианского разума за истекшие тысячелетия. Не

понимаю возмущения Виктора: нужно радоваться такой возможности, а он недоволен. Штурман порывисто встал и подошел к трибуне, где сидел Элц. Старик, кажется, испугался и подал знак двум рослым служителям (или стражам) приблизиться вплотную к трибуне.

— Протестую против экспериментов над представителями разумного мира, равного вам по развитию! — гневно сказал астронавт. — Требую свободы передвижения по Гриаде, свободы общения с любыми лицами! Или вы боитесь? Конечно, боитесь! Вы не хотите, чтобы гриане узнали о жизни на Земле, узнали о принципах коммунистического человечества и стали им следовать? Молчишь? Тогда верните нам «Уранию» и дайте гравитонного топлива! Мы возвратимся на родину!

Элц слушал его речь с безжизненной усмешкой.

А биопсихологи, окружив Виктора, наставляли на него различные аппараты и приборы, фиксировали телодвижения и жесты, выражение лица. Сразу видно, что это люди дела: не теряя времени, они уже приступили к изучению нового явления Великого Многообразия.

Выведенный из себя полным равнодушием Элца к его требованиям, Виктор резко повернулся и устремился к выходу. Но в этот момент его взяли под руки служители и потащили к выходу. Виктор яростно упирался. А за ним почти торжественно двигалась вереница биопсихологов, быстро переговариваясь. Вероятно, они обменивались впечатлениями о непривычном поведении «полудикого существа».

Вдруг у самого входа Виктор вырвался из рук служителей и выбежал на площадку, где стояли летательные аппараты гриан. Остолбеневших от изумления служителей подстегнул резкий возглас Югда, и они бросились вдогонку за беглецом. Но было уже поздно: Виктор взлетел в воздух. Интересно, когда он научился управлять

грианским «яйцом»? Вероятно, запомнил манипуляции гриан на пульте того аппарата, на котором нас привезли в Трозу в день прибытия на планету.

Но увы! Произошло примерно то же самое, что и с нашей «Уранией». Не успел Виктор отлететь и километра, как его аппарат резко затормозил в воздухе, словно его схватила рука невидимого волшебника. Некоторое время аппарат висел над уступчатой башней, замыкающей группу зданий на краю «арены», а затем очень плавно возвратился ко входной арке.

Служители Кругов Многообразия втолкнули сопротивляющегося Виктора в кабину своеобразного лифта. Он махнул мне рукой и крикнул что-то. Из его слов я успел расслышать только: «Ждите! Найду!» И исчез в хаосе городских конструкций.

Но я почему-то спокоен за его судьбу и уверен, что он не пропадет при любых обстоятельствах.

Оранжево-синие, оставшиеся со мной, по-видимому, опасались, что я тоже попытаюсь бежать, и устроили

настоящий коридор, по которому и сопровождали меня на площадку. А там погрузили в прозрачную кабину лифта, который помчал нас по бесконечным тоннелям и переходам. Сверху, снизу, с боков вихрем проносились этажи, залы, какие-то сооружения.

В глазах рябило от попеременного чередования прозрачных и затемненных стен. Наконец лифт остановился в круглой выемке стены. Я осмотрелся и увидел внизу огромный зал, где около причудливых аппаратов сосредоточенно работали гриане в оранжево-синих одеяниях. Это были биопсихологи.

* * *

...Итак, вот уже третий день, как я нахожусь у биопсихологов. Как и предполагал, ничего сверхъестественного или варварского: оранжево-синие оказались довольно корректными субъектами. Они предоставили мне возможность беспрепятственно работать в гигантском Информарии, где сконцентрированы миллиарды микрофильмов и «запоминающих» кристаллов. Еще раз убеждаюсь, что пути развития науки разных миров в главных чертах не могут не быть сходными. Это положение подтверждает и способ хранения грианами накопленных за тысячелетия знаний. Информарии — память человечества — появились на Земле еще за сто лет до нашего отлета к центру Галактики. Тогда же была изобретена так называемая целлюлорная память. Что она собой представляла? Своеобразные кристаллы, ансамбль единичных электромагнитных клеточек — целлюл. В них электромагнитными колебаниями были записаны важнейшие достижения человеческого знания, культуры, искусства. В микроскопически малом объеме целлюлы записывался любой вид информации: книга, картина, театральное представление, кинофильм.

Электронные быстродействующие читающие устройства развертывали и воспроизводили на экранах эту запись в виде текста и цветных изображений, а динамики передавали звук.

Так и на Гриаде, в колоссальном Информарии, точно в гигантских сотах, покоились миллиарды запоминающих кристаллов, каждый из которых вмещал в себя содержание нескольких тысяч толстых томов. Здесь были собраны неисчислимые сокровища знаний, накопленных грианами за двадцать тысяч лет существования их цивилизации.

...Глубокая тишина окружает меня. Но я знаю, что в этой тишине непрестанно идет интенсивная работа. Потoki электромагнитных сигналов беззвучно циркулируют по многочисленным каналам информации, непрерывно, слой за слоем, укладываясь в запоминающие кристаллы. И передо мной развертывается картина чужого мира, неповторимая в своей истории, во многом чуждая земным представлениям, но неожиданно знакомая вследствие общности естественноисторического и социального развития разумных обществ во Вселенной.

Гриада возникла вместе с центральным светилом и остальными тремя телами их планетной системы семь миллиардов лет тому назад из единого сгустка дозвездного вещества. Эволюция планеты до появления на ней первых проблесков органической жизни продолжалась пять миллиардов лет; долгий, мучительно-сложный путь развития живой материи от первых коацерватных капель — «зародышей» жизни — до млекопитающих из отряда клювоносых — прямых предков гриан — тянулся полтора миллиарда лет. Появление первобытных гриан, уже наделенных разумом, произошло четыре миллиона лет тому назад.

Условия эволюции разумной жизни на Гриаде значительно усложнялись своеобразным астрономическим

положением планеты и наличием вечного теплового излучения центра Галактики. Ось вращения Гриады почти параллельна плоскости орбиты, то есть она вертится, «лежа на боку», как и планета Уран нашей Солнечной системы. Теперь я могу объяснить причину невероятного зноя, который царит и сейчас за стенами этого чудо-города. Раз ось вращения Гриады лежит в плоскости орбиты, это вызывает причудливую смену времен года и суток. Оказывается, общая продолжительность года на Гриаде равна девяноста трем земным годам. Из них двадцать три года подряд день и ночь аккуратно сменяют друг друга, но день постепенно удлиняется. Потом в северном полушарии наступает сплошной день и сплошное лето, которое длится двадцать три года. Затем солнце начинает спиралями опускаться к горизонту, и снова на двадцать три года возвращается нормальная смена дня и ночи, но ночи постепенно удлиняются. После этого воцаряется сплошная ночь и долгая зима, которая длится тоже двадцать три года.

Мы попали в северное полушарие Гриады совершенно случайно. Нам просто повезло. Попади мы в южное полушарие, грианская цивилизация, пожалуй, не была бы нами открыта. Центр Галактики не согревал своим излучением южное полушарие. Там сейчас свирепствует двадцатитрехлетняя зима и непроглядная ночь. Я просмотрел десятки микрофильмов с ландшафтами южного полушария: охватывает страх, когда видишь дикие нагромождения ледяных массивов и слышишь гул ураганов, невероятных по силе. Растительность причудливых форм — результат приспособления к среде — судорожно жмется к почве, замирает в расселинах скал, в глубоких долинах, доверху засыпанных снегом. Минус семьдесят градусов — такова средняя температура зимы в южном полушарии.

Но вот на экранах плывут другие пейзажи: в южном полушарии наступило двадцатитрехгодичное лето.

Словно спеша наверстать упущенное, растительность расцветает пышными красками, поражая обилием форм. Повсюду видны гигантские стелющиеся деревья, похожие на земные баобабы; среди них выделяются группы мохнатых грианских пальм, чьи искривленные стволы, поднимаясь на тридцатиметровую высоту, своими кронами образуют второй ярус леса, растущий над стелющимся. И все это переплетено вьющимися растениями, которые перебрассываются с дерева на дерево и образуют то замысловатые витые узоры на стволах, то непроницаемую массу красно-оранжевой «зелени».

Ни одного живого существа не оставалось в южном полушарии во время четвертьвековой зимы. Только наблюдательные автоматические станции метеопрогнозов, «подземные» заводы и фабрики по переработке богатств недр, полностью автоматизированные и управляющиеся Электронным Мозгом из северного полушария Гриады, продолжают свою неустанную работу.

Я еще раз повторяю: если бы мы случайно «приземлились» в южном полушарии, когда там господствовала зима, или в северном во время Цикла Туманов и Бурь, — грианское общество, вероятно, осталось бы не открытым землянами. Кстати, о Цикле Туманов и Бурь. Это климатическое явление наступает в северном полушарии периодически через каждые двадцать три года. Огромные холодные массы, надвигаясь из южного полушария, скованного зимой, вызывают резкое нарушение атмосферных процессов. Ни соединенное тепловое излучение ядра Галактики и солнца в северном полушарии, ни искусственные солнца мезовещества, подвешиваемые над Южной Гриадой, — ничто не может полностью нейтрализовать холод ледяных пустынь! Тогда над Северной Триадой разражаются невиданные ливни; бушуют многомесячные бури и смерчи, все завлакивается густым туманом. Гриане в этот период укрываются в своих городах-цирках под

прозрачными крышами, в «подземных» городах и на дне Фиолетового океана. Цикл Туманов и Бурь продолжается двадцать лет, после чего наступает переходное состояние, когда в Северной Гриаде становится влажно и душно, как в парной бане. Наконец, тепло светил подсушивает почву и растительность; мало-помалу возвращается палящий зной.

Эти климатические особенности чрезвычайно затруднили и усложнили социальную эволюцию грианского общества. На заре своего существования гриане бродили по равнинам и джунглям северного полушария, в суровой борьбе добывая пищу. Их первобытное общество поразительно напоминает первобытнообщинный строй землян. В период Туманов и Бурь они забивались в «подземные» норы. Вы, конечно, представляете себе, что значит прожить десять-двадцать лет в таких условиях? К концу цикла две трети первобытных гриан вымирало от болезней и недостатка пищи. Затем наступало благоприятное время года, и они снова размножались. Так в течение десятков тысячелетий продолжалась невероятно тяжелая борьба гриан с силами природы, гораздо более мощными и враждебными, чем на Земле.

В южном полушарии гриане вообще не жили даже в летний период. Туда забредали лишь в более поздние эпохи отдельные группы мореплавателей-охотников, стремясь добыть диких животных, порожденных южногрианскими природными условиями.

Так же, как и на Земле, на определенной стадии развития началось своеобразное классовое расслоение первобытного общества гриан. Суша Гриады состояла из трех огромных материков, из которых два находились в южном полушарии между восьмидесятым и пятнадцатым градусами южной широты. Третий континент — Северный Центральный Материк — лежал в северном полушарии. Вся остальная поверхность была занята Фиолетовым

океаном, на необозримом пространстве которого разместились десятки архипелагов и тысячи отдельных островов. Расположение материков оказало известное влияние на эволюцию грианских обществ. На Центральном Материке образовалось единое рабовладельческое государство, поскольку рабство также являлось неизбежным этапом на пути гриан к цивилизации. Только с помощью грубого физического принуждения можно было заставить первобытного грианина приобщиться к систематическому труду и за счет рабского труда дать возможность другим индивидам заниматься науками, культурой, искусством. Но и здесь я увидел большое своеобразие. На многочисленных архипелагах и больших островах Фиолетового океана первобытнообщинный строй существовал вплоть до эпохи Хранителей Знания, то есть до эпохи машинной цивилизации, начавшейся восемь тысяч лет тому назад. Островные гриане были неисчерпаемым резервуаром для пополнения армии рабов, на костях которых постепенно выросло здание цивилизации. Для того чтобы создать огромные крытые города — очаги устойчивого существования в период Туманов и Бурь, — погибли миллионы и миллионы островных рабов. Вся история Гриады на протяжении долгих тысячелетий до возникновения машинной цивилизации — это непрекращавшаяся классовая борьба, цепь грандиозных восстаний рабов. Восстания подавлялись со страшной жестокостью Хранителями Знаний — древнейшей господствующей кастой, овладевшей знаниями благодаря труду рабов. В период Туманов и Бурь борьба утихла, и полуодичавшие толпы восставших разбредались по Центральному Материку, отчаявшись проникнуть в крытые города — к свету, теплу, жизни...

Дальше я обнаружил в Информарии странный «провал» в истории Гриады. В каких формах развивался в ней феодализм? Как произошел переход к капитализму или

его разновидности, каким образом развернулась борьба пролетариата за свое освобождение, за построение нового мира? Увы, на все эти вопросы Информарии ответить не мог. С гигантских стеллажей на меня смотрели лишь пустые обоймы, в которых некогда хранились, может быть, микрофильмы. Целая эпоха в истории грианского общества непонятным образом осталась неописанной. Не было ли тут злого умысла со стороны каких-то господствующих классов?

Последующие слои микрофильмов и «запоминающих» кристаллов рассказали мне уже о том времени, когда грианское общество находилось на нынешнем уровне развития, когда был совершен переход от электричества к энергии мезовещества, к электронной технике полной автоматизации производства.

В то время как перед моими глазами на экранах развертывались картины общественной жизни Гриады, я пытался понять: что же это, собственно, такое? Новейшее рабство, в которое непонятным образом попали потомки тех, кто в прошлом так героически сражался против диктатуры Хранителей Знаний? Нет, этот строй нельзя было назвать рабством, как мы его понимали на Земле, изучая историю древних эпох. Гриане-труженики, работавшие на заводах и фабриках, энергостанциях и транспорте, все те, кто обеспечивал многообразную жизнь Гриады, не были похожи на рабов древности. Просматривая современные микрофильмы из жизни Гриады, я понял, что самым многочисленным классом тружеников были грианоиды, как называли их Познатели; это были труженики подводных городов и промышленных центров, расположенных на дне Фиолетового океана, на так называемых Сумеречных Равнинах. Я долго ломал себе голову, прежде чем сумел разобраться в этой загадке: каким образом девять десятых населения планеты очутились в подводных городах, в то время как суша была почти не населена, за

исключением крылатых городов Познавателей? Стеллажи с микрофильмами были пусты... Кто мне мог ответить? Лишь благодаря случайной встрече с Виарой я кое-что узнал впоследствии.

Потомки Хранителей Знаний — Познаватели, как видно, учли богатейшие уроки классовой борьбы прошлых веков. Они обеспечили грианоидов всеми необходимыми благами жизни, всем... кроме радостей настоящей творческой жизни, кроме духовных и культурных ценностей: культура, наука, искусство принадлежали Познавателям!

Единственное, чего не могли не дать Познаватели грианоидам, — это начатков технических знаний, необходимых для управления механизмами и автоматами. Эти знания и навыки передавались из поколения в поколение, ибо цивилизация Познавателей, как я вскоре установил, переживала застой; она застыла примерно на точке, которой достигла пять тысячелетий тому назад.

С громадным интересом, еще многого не понимая, наблюдал я жизнь грианоидов. Многомиллионные коллективы этих тружеников не производили впечатления рабских колоний. Моему удивлению не было границ, когда я понял, что их трудовая жизнь построена на совершенно самостоятельных, не зависимых от воли Познавателей разумных началах. Их коллективы напоминали мне первичные самоуправляющиеся трудовые ассоциации моей далекой родины на заре Эпохи Всемирного Братства. Но увы! Они были лишены радостей творчества и познания, они не могли подняться со дна Фиолетового океана на солнечные просторы Гриады.

Почему так случилось? Я еще не узнал этого. Остается лишь удивляться тому, как искусно добились Познаватели высокого расцвета цивилизации, закрыв широким массам дорогу к свету и высшим знаниям, а следовательно, и к познанию путей своего освобождения.

Шаг за шагом я постигал структуру грианского общества по разрозненным отрывкам микрофильмов, попадавших то тут, то там среди технических и научных целлюл. Кроме двух полярно противоположных классов, Познателей и грианоидов, существовал целый ряд социальных групп и прослоек, в пестроте и сложности которых не так-то просто разобраться неискушенному человеку. Я лишь понял, что существуют и космические братья грианоидов — эробсы, трудящиеся на других планетах этой же звездной системы. Они жили в «подземных» городах и добывали для Познателей металлы и элементы, не встречавшиеся на Гриаде, либо такие, искусственное получение которых требовало невероятно сложных методов и баснословного расхода энергии. Картин их жизни в Информарии, к сожалению, не было.

Те операторы, которых мы с Виктором видели а телецентре Трозы, не были грианоидами. Насколько я понял, это были потомки грианских племен, стоявших на самых низких ступенях развития. Поколение за поколением занятые «личным обслуживанием» Познателей, они подвергались постоянной и систематической «обработке» в Секторе биопсихологии, где, как я понял, их искусно лишали всякой воли к сопротивлению, «воспитывали» в духе безусловной покорности. Они также получали минимум технических навыков и условных рефлексов, необходимых для работы с машинами и аппаратами.

Была еще прослойка так называемых служителей Кругов Многообразия.

Это были наиболее преданные Познателям гриане, обладавшие значительными знаниями. Им доверялось управление энергостанциями и поддержание на планете общественного порядка.

Наконец, на вершине этой социальной лестницы находились Познатели — довольно многочисленный класс людей интеллектуального труда. Внутри этого

класса обособились Круги Многообразия, своего рода узкая технократическая группировка, вооруженная высшими знаниями.

Но каким образом эта технократическая группа сумела подчинить своей власти многомиллионные коллективы грианоидов и эробсов? Я узнал об этом лишь много времени спустя благодаря встрече с метагалактианами. В данный момент мне оставалось только гадать: в какой же период социального развития грианского общества трудовые массы, возможно незаметно для самих себя, допустили крупную ошибку? Несомненно, в их истории был критический момент, когда можно было предотвратить установление монополии Хранителей Знаний и сделать науку достоянием всех. Вероятно, они упустили эту возможность и расплачиваются теперь за свои ошибки.

Некоторый свет на мои недоуменные вопросы пролила находка своего рода текстов радиопередач, составленных некоей Службой Тысячелетней Гармонии. Я случайно обнаружил эти тексты в 926-м слое микрофильмов на 78-м ярусе Информария. То, что в них говорилось, повергло меня в искреннее изумление. Впрочем, судите сами.

«Братья грианоиды! — говорилось в одном тексте. — Товарищи по труду — эробсы! Привет вам от ваших братьев Познавателей, безропотно несущих свое тяжкое бремя по накоплению и применению знаний о Великом Многообразии! До нас дошли слухи, что какие-то невежественные грианоиды и эробсы распространяют в вашей среде предания и легенды первобытных веков. Не верьте им! Остатки диких суеверий прошлых эпох, говорящие, что Познаватели вас угнетают, что они якобы насильственно удерживают вас на Сумеречных Равнинах и в Космосе и некогда закрыли доступ к высшим знаниям вашим предкам, сами являются порождением дикости и невежества. Гармоничный Распорядок Жизни Гриады,

установленный на заре времен нашими общими братьями предками, является высшей, совершенной Тысячелетней Гармонией, и мы — ее служители. Развитие законов Великого Многообразия неизбежно и гармонично привело нас к Золотому Веку, в котором каждый занимает извечно предназначенное ему место. Грианоиды потому находятся на Сумеречных Равнинах, что они всегда там жили, это их естественная среда. На поверхности Гриады они не смогут жить, будут болеть и вымирать. Эробсы вообще никогда не были на Гриаде, они извечно жили там, где живут и работают сейчас, — каждая группа на своей планете.

Не верьте сеятелям суеверий и предрассудков, погрязшим в бездне невежества! Вылавливайте их и передавайте служителям Кругов Многообразия!

Братья! Думайте все время о ваших товарищах по труду — Познавателях, задыхающихся от непосильного умственного труда. Это тяжелое бремя взвалили на нас наши общие предки. Как мы завидуем вашему безмятежному существованию на блаженных просторах Сумеречных Равнин, в успокоительном свете «подземных» городов! Как хотели бы мы быть на вашем месте! Увы, это невозможно: ваши старшие братья — Познаватели, благодаря которым вы пользуетесь всеми благами жизни, обречены на вечный безрадостный умственный труд!»

Текст этот я привожу в моем вольном переводе. Таких текстов я обнаружил многие сотни, и все они были примерно одного и того же содержания. По датам на микрофильмах я установил, что эти передачи ведутся Службой Тысячелетней Гармонии вот уже на протяжении последних трех тысяч лет ежедневно, ежечасно, по всем каналам информации: по радио, телевидению, атмосферными проекторами и мезоволнами! Это была мощная идеологическая машина, вооруженная новейшей техникой,

применяющая электронные установки и специальных роботов-дикторов!

Слушая эти передачи, я не знал, удивляться ли мне, негодовать, или покатываться со смеху. Не пойму, чего в них больше — глупости или лжи, наглости или лицемерия, издевательства над тружениками или ханжества?..

* * *

Еще несколько дней оранжево-синие позволили мне заниматься в Информарии, окружив целым лесом каких-то регистрирующих приборов. Уголком глаза я вижу, как на экранах аппаратов бегут кривые линии и всплескиваются пики. Странно сознавать, что эти кривые — отображение мыслительных процессов, протекающих в моем мозгу.

...Только сейчас мне стала понятна нелепая расцветка грианских одежд. Дело в том, что в сетчатке глаза гриан содержатся цветоощущающие центры трех родов:

фиолетово-чувствительные, оранжево-чувствительные и чувствительные к голубому цвету.

Это было то же трехцветное зрение, что и у землян, но несколько отличное по качеству. Все многообразие красок видимого мира у землян воспринимается через оптическое сложение в сетчатке глаза трех цветных лучей: красного, зеленого и синего. У гриан этот же видимый мир имел другие краски. Там, где мы видели бледно-голубой цвет, грианин воспринимал темно-синий. Фиолетовый океан в наших глазах был на самом деле сине-фиолетовым, но грианин, пролетая над ним, любовался мрачными переливами фиолетово-черных волн. Гамма цветов, которая для глаза грианина была совершенной гармонией, в наших глазах казалась странной и безвкусной.

...Микрофильмы и целлюлы рассказали мне о высоком уровне промышленного производства на Гриаде. По бескрайним красно-оранжевым равнинам юго-восточной части Центрального Материка раскинулись колоссальные комбинаты, производящие синтетические пищевые продукты из... воздуха. И какие продукты! Я невольно вспомнил вкусное коричневое желе, которым нас угощали. Каждый из этих комбинатов — это целый город пластмассовых зданий всевозможных форм. Тут и ректификационные колонны, напоминающие легендарную вавилонскую башню, и длиннейшие корпуса цехов синтеза, и тысячи гигантских труб, по которым поступает воздух. Фабрики и заводы питаются преобразованной энергией солнца. Атмосферный воздух засасывается по трубам и с ураганной скоростью поступает в радиационные камеры. Здесь невидимые, но верные работники, радиоактивные излучения, производят ускоренный фотосинтез — волшебное действие, когда из кислорода воздуха и углекислого газа получаются сотни углеводов. Ну, а затем обычная химическая обработка, дающая десятки тысяч различных продуктов и материалов.

И нигде я не заметил ни одной живой души. Все производство было автоматизировано.

Металлургические и химические заводы расположены на спутниках или в южном полушарии...

Потом мое внимание привлекли длинные тоннели, протянувшиеся под поверхностью Гриады на тысячи километров. Словно реки, они вливались в крупные города и селения. По тоннелям, странным образом держась в воздухе, плыли изделия промышленности, пищевые продукты, бытовые материалы. Все это лилось бесконечной чередой во все уголки Гриады, снабжая ее обитателей благами жизни. Эти тоннели оказались антигравитационными конвейерами, в которых предметы и грузы теряли тяжесть и легко транспортировались по воздуху в любом направлении.

...Человек со шрамом (ранение он получил, как я узнал позже, во время опасного эксперимента с новыми излучениями) показал мне еще много диковинок. Не могу умолчать о планетоскопе. Это гигантский аппарат, установленный в семидесятиэтажном здании восьмого сектора Кругов Многообразия. Когда сверхмощный поток излучений насквозь «просветил» шар планеты, я не мог сдержать восторга: внутреннее строение Гриады было как на ладони, вплоть до мельчайших деталей. Как и следовало ожидать, ядро планеты, диаметром в три тысячи километров, состояло из тяжелых элементов, находящихся в особом пластическом состоянии под давлением в миллиарды атмосфер при температуре в семь тысяч градусов. Шаг за шагом я; как на выставке, рассматривал глубинные слои планетной коры, залежи ископаемых, движение подземных вод и расплавленной магмы, вековые перемещения материков. Этот получасовой сеанс дал мне больше, чем десятилетия напряженного изучения внутреннего строения Земли, которое я в свое время предпринял в связи с разработкой новой теории тяготения.

...Однако вскоре мне пришлось прервать увлекательный процесс познания чужой цивилизации. Обстоятельства снова ввергли нас в водоворот повседневной жизни».

ОСТРОВА ОТДЫХА

Увы! На десятый день меня признали слабоумным! Желто-синие, собравшись в кружок, бесстрастно кивают головами в такт словам своего вожака — красноглазого Люга, который так долго мучил меня: по четырнадцать — шестнадцать часов в сутки он вбивал мне в голову «знания», которые почти не воспринимались; с отвращением вспоминаю улиткообразные электронные аппараты, которые «обучали» меня. Надо признаться, что желто-синие изобрели чудесные аппараты: они искусно вызывали резонанс биотоков моего мозга с колебаниями биотоков в своем мозгу. Я мог бы многое понять из преподносимой науки. Но раз меня заставляли, я, по закону противоречия, настойчиво противился их воле.

После совещания красноглазый Люг холодно сказал мне:

— Вот что, полудикий... Твой мозг недоразвит. Еще одна попытка, и мы передаем тебя биопсихологам Высшей Ступени Познания. Там твой собрат. Может быть, он поможет тебе понять нашу науку.

— Вот это правильное решение! Конечно, надо в Высшую Ступень! — радостно восклицаю я и бросаюсь к Люгу, чтобы пожать его холодную руку.

Тот бесстрастно отворачивается, не поняв порыва благодарности, и отдает приказание. Меня усаживают в лифт, и через две-три минуты черно-белого мелькания стен я уже обнимаю академика Самойлова. Он смешно отмахивается от меня, уткнувшись носом в груды

микрофильмов, лежащих перед ним. Он страстно увлечен своим делом.

Даже немного обидно... Академик не выказал бурной радости по поводу нашей встречи. Он слегка изменился. Во взгляде нет прежней теплоты. Вернее, он какой-то отсутствующий. Грианские науки полностью поглотили его. Вот и сейчас, спустя пять минут после встречи, он уже забыл обо мне, так как автомат-библиограф подал ему очередную партию «запоминающих» кристаллов.

Снова изматывающее душу «обучение» по рациональной системе. Только еще худшее, чем у красноглазого Люга. В довершение к резонансу биотоков, от которого буквально раскалывалась голова, грианин с необычным шрамом на птичьем лице воздействует на мои нервные центры особым аппаратом. Ощущение, правда, довольно приятное: в тебя как бы вливают бодрость и работоспособность. Но я все равно почти ничего не усваиваю. Вот грианские астролеты и их астронавигацию я стал бы изучать с удовольствием. Я понял, что никакие сверхаппараты не заставят человека воспринимать то, что его не интересует.

А Петр Михайлович, наоборот, жадно впитывает грианскую науку, как губка воду. Он не знает усталости. У него дьявольская работоспособность!

Начинаю серьезно подумывать о том, как бы вырваться из этой новой «школы». Сегодня случайно подслушал разговор двух биопсихологов о подводных грианоидах. Вероятно, это труженики подводных городов, о которых мне вскользь сообщил академик. Но где они? Как их найти? Я осторожно завожу разговор с академиком.

— Петр Михайлович, вам не надоело в этой школе? Неплохо было бы совершить поездку по Гриаде.

Академик отрывается от микрофильмов и удивленно смотрит на меня: — Какие там еще поездки? — сердито

возражает он. — Надо спешить. Тут не хватит и двух жизней, чтобы познать хотя бы десятую часть.

— Считаю, что это не наша задача, — упорствую я. — По какому праву они проделывают над нами эксперименты? Летим на Землю!

— На чем? — осаживает меня академик.

— На грианском астролете! Надо разыскать грианоидов и просить у них помощи.

Петр Михайлович укоризненно качает головой.

— Надо ждать. Думаешь, я не хочу вернуться на Землю? А для чего тогда терпеть их эксперименты? Ради прогресса земной науки я буду работать круглые сутки! У гриан есть вещи, до которых земляне дойдут лишь через миллион лет. Это надо понимать! А к подводным грианам не так-то легко добраться. Ведь их существование наши хозяева держат от нас в строжайшем секрете. Мне удалось узнать о них благодаря беспечности биопсихологов. Подводные гриане надежно изолированы. Они не имеют доступа в города-цирки. А операторы в Трозе — это просто придатки к своим механизмам, у них нет ни желаний, ни стремлений; они даже не могут осознать своего положения. Не знаю, почему они таковы, — может быть, у них вместо соответствующих мозговых центров вмонтированы микрорадиоприемники и передатчики. На Земле капиталисты тоже когда-то мечтали проделывать такие операции с рабочими, чтобы лишить их разума и превратить в бессловесных рабов. Нельзя надеяться на помощь операторов! Операторы беспомощны, как младенцы. А подводные труженики когда-то позволили лишить себя доступа к высшим знаниям. И теперь пожинают плоды...

Я молчу, подавленный услышанным. По-новому смотрю я теперь на всех этих оранжево- и желто-синих. Вспоминаются ледяные глаза Элца и Югда. В душе поднимается волна ярости и возмущения. Как можно так

бесчеловечно лишить целый народ радости творческой жизни?!

* * *

Сегодня вечером Самойлов сумел убедить человека со шрамом, что для полного успеха экспериментов нас необходимо ознакомить с некоторыми сторонами жизни современных гриан.

— Завтра нам покажут «рациональную» систему обучения в грианских школах, — сказал он мне. — Посмотрим, посмотрим... Может быть, это тебя заинтересует больше, чем наука красноглазого Люга.

И вот мы в учебном зале, где царит абсолютная тишина. За низкими столиками сидят тысячи малышей. Я думаю, что каждому из них не более пяти-шести лет. На возвышении перед огромным черным экраном стоит преподаватель. В такт его монотонному голосу на экране вспыхивают слова и символы. Петр Михайлович долго всматривается в эти символы и вдруг издает возглас удивления:

— Так ведь он излагает малышам анализ бесконечно малых величин, который у нас начинают изучать только в высшей школе! А что же тогда преподают в грианских вузах?

— Во втором цикле познания начинается математика пространства — времени. Далее идет наука о восприятии четырехмерности кривизны Великого Многообразия, — откликается человек со шрамом, который неотступно сопровождает нас, продолжая Эксперименты с помощью портативного биогенератора. — Вторая ступень познания готовит гриан для работы в обществе Познателей.

— Восприятие четырехмерности мира и кривизны пространства — времени? Это вам доступно!? О, это надо записать!

И Самойлов выхватывает из кармана свой неизменный магнитофон.

Мелодично звучит гонг, возвестивший перерыв.

Я ожидаю, что сейчас раздастся разноголосый детский гомон, маленькие гриане вразпуски побегут играть куда-нибудь во двор; вместо этого дети, как по команде, бесшумно встают и без единого возгласа переходят в соседнее помещение. Заглядываю туда. Это спортивный зал. С бесстрастными лицами школьники выполняют различные упражнения: один равномерно сгибает и разгибает ноги, другой — руки; третий упражняет шею, четвертый — брюшной пресс. Затем малыши разбиваются по группам и начинают так же размеренно и методично перебрасывать белые цилиндры (очевидно, мячи).

На меня повеяло мертвящей скукой. Живые спортивные упражнения проделывались возмутительно бесстрастно, без всякого огня и задора. Слово это были не живые существа, а бездушные автоматы.

Потом мы посетили грианскую высшую школу, которую они называли Второй Ступенью Познания, где обучение оказалось более сложным. Человек со шрамом привел нас на кафедру физики и математики (я перевожу грианские термины на наш язык). Когда мы вошли, сухой высокий старик с серебристо-оранжевыми кудрями сурово экзаменовал грианского юношу. На учебном экране бешено вращались какие-то причудливые узоры, спирали и картины. Юноша судорожно напрягался, внимательно следя за фантазмагорией красок, линий и символов.

— Это первые шаги в искусстве восприятия единого пространства — времени, — коротко пояснил нам грианин со шрамом.

Ненадолго экран потухал, и юноша рассказывал о воспринятом. Время от времени педагог включал биостимулятор, чтобы подбодрить мозг обучаемого. Петр Михайлович весь превратился в слух и зрение. Сейчас он

наверняка забыл обо всем на свете, лихорадочно нашептывая что-то в магнитофон. Как же, ведь речь шла о его любимом предмете!

Для меня понятие о пространстве — времени, как едином многообразии, было чистейшей математической фикцией, ничего не говорящей ни уму, ни сердцу, хотя Самойлов за долгие годы полета к центру Галактики прочел мне ряд лекций по этому сложнейшему разделу человеческих знаний.

— Видишь ли, — говорил он мне тогда, характерным жестом потирая лоб. — В человеческом мозгу недостает, вероятно, какой-то извилины, слитно воспринимающей пространство-время. А может быть, причина коренится в еще низком развитии нашего мышления?

Я думаю, что Риман, Гаусс, Эйнштейн, Минковский и еще несколько ученых после них ясно представляли себе единое пространство — время. Они писали, что надо лишь мгновенно воспринять всю последовательность событий. Как это понять? На примере великих шахматистов. Они мгновенно воспринимают всю последовательность игры, сразу охватывая умственным взором все пространственные и временные следствия всех возможных ходов, производных первого начального хода, со всеми их отражениями на шахматной доске. Однако этот пример лишь отдаленно напоминает схему восприятия пространства-времени, которая неизмеримо сложнее.

Мгновенно осознать законы и причины, управляющие материальными процессами в данный момент, правильно отразить их в логической ступени познания и мгновенно предсказать их развитие в ближайшем будущем, — вот что значит восприятие пространства-времени-тяготения, дающее в руки человека неограниченное господство над природой.

Все это быстро проносилось в моем мозгу, и я не заметил, как педагог окончил обучение юноши и вызвал на

экране изображения многоэтажных формул и уравнений. Самойлов еще больше оживился. Несмотря на различные способы математического выражения законов природы на Земле и у гриан, академик интуитивно постигал смысл грианских уравнений. Он поспешил к педагогу и принялся горячо спорить с ним. Вначале грианин только бесстрастно кивал головой, но потом, вероятно, и его задело за живое: на экране снова замелькали символы, нагоняющие тоску. В дискуссию у экрана вступил и человек со шрамом.

Довольно! Это не для меня... Я решил действовать по-своему, отбросив все страхи и сомнения. Пользуясь тем, что обо мне забыли, я тихонько выскользнул из аудитории и очутился в широком коридоре, залитом призрачным светом невидимых ламп. Вдалеке сквозь толщу прозрачных стен смутно рисовалось огромное здание Кругов Многообразия. «Будь что будет!» — оказал я себе, быстро прошел по коридору и решительно свернул в первый боковой проход. И сразу уперся в тупик — вернее, в нишу, сделанную в стене. Здесь было почти темно. Присмотревшись, я чуть не вскрикнул от удивления: в нише находился голубоватый прозрачный шар! Внутри него стояли кресло и небольшой пульт с двумя рядами разноцветных кнопок. «Летательный аппарат!» — обрадовался я и шагнул ближе. На стороне шара, обращенной к нише, виднелся черный диск. Я осторожно повернул диск: открылся незаметный до того люк в средней части аппарата. Я вошел внутрь, сел в кресло и стал осматриваться. Еле слышно пел прибор над (рядами кнопок, загадочно мигая красноватым глазом. «Несомненно, это летательный аппарат, — размышлял я. — Но как же на нем вылететь из здания?»

Вдруг сверху полился яркий свет. Я поднял голову и увидел гигантскую конусообразную воронку, уходящую вверх. Ключок темно-фиолетового неба над горлом

воронки заставил учащенно забиться мое сердце. Это была свобода! Я понял, что случайно открыл ход во внешний мир, за пределы Трозы.

Время от времени высоко вверху проносились неясные силуэты, пересекая поле зрения. Очевидно, я попал в тоннель в тот момент, когда его открыли для сообщения с другими городами Гриады.

Я колебался всего одну секунду. Потом осторожно нажал одну из кнопок нижнего ряда — коричневую с желтой полосой. Сильно тряхнуло. Я зажмурился и несколько мгновений сидел с закрытыми глазами, а когда открыл их, обнаружил, что ничего особенного не произошло, если не считать, что аппарат сильно вздрагивал, словно живой. Мой взгляд снова пробежал по рядам кнопок управления и вдруг остановился на нижней левой кнопке с фиолетовой полосой. «Небо», — сразу подумал я, и рука непроизвольно нажала кнопку. Прибор над пультом сразу запел громко и уверенно. Аппарат рвануло вверх. Меня охватил сплошной мрак. Зато в следующее мгновение я был почти ослеплен морем света и снова зажмурился, втянув голову в плечи. И вдруг с изумлением заметил, что стремительно лечу вверх от знакомой полированной равнины.

«Вот так штука, — в веселом смятении подумал я. — Но как же управлять этим аппаратом?». Пульт не был похож на панель управления «яйца», на котором я пытался тогда улететь от желто-красных. Я нерешительно потрогал некоторые кнопки, боясь нового подвоха. Потом нажал кнопку с серой полосой шар резко затормозил, я больно ударился головой о переднюю стенку. Зеленая кнопка заставила аппарат понестись вперед, словно застоявшуюся скаковую лошадь. Результатом этого «опыта» был сильный удар затылком о высокую спинку кресла.

Тогда я стал действовать осторожно. Поразмыслив, я догадался, что все кнопки нижнего ряда, лежащие правее белой, постепенно снижают скорость полета, левее — увеличивают ее. Теперь остался верхний ряд. Левая крайняя кнопка повела шар вправо, следующая за ней — вверх, крайняя справа — вниз. Итак, управление аппаратом оказалось весьма несложным. Я вздохнул свободнее и осмотрелся. То, что я увидел, испугало меня. Гроза исчезала за горизонтом, а вокруг меня, подо мной и сверху бесшумно мчалось множество таких же шаров. Сплошным потоком они двигались в одном направлении, к югу. Куда они летят? Что это за таинственное массовое переселение? Попробую увязаться за ними.

Солнце почти закатилось, и центр Галактики засиял еще ярче. На горизонте встала густая оранжево-фиолетовая дымка; она приближалась, становясь все более прозрачной. И вот я снова увидел бескрайний Фиолетовый океан, побережье, усеянное павильонами уступчатой архитектуры, услышал гремющий голос необыкновенно высокого прибоя.

Шары гриан, достигнув линии берега, круто снижались почти до самых гребней волн и все тем же сплошным потоком продолжали лететь в сторону открытого моря. Я чувствовал себя одиноким в этом потоке. В наушниках плескался тысячеголосый гомон — это переговаривались между собой существа, сидевшие в шарах. Серебристо-звонкие голоса грианок можно было легко отличить от твердых, металлических раскатов мужских голосов. На меня, конечно, никто не обращал внимания: принимали, вероятно, за своего. Один аппарат пролетел так близко, что я отчетливо рассмотрел грианина с холодно поблескивающими глазами, который рассказывал что-то пожилой грианке. Совершенно случайно он бросил взгляд в мою сторону и умолк, раскрыв от удивления свой птичий рот. Такое существо, как я, вероятно, не снилось ему и во

сне. Он хотел рассмотреть меня получше, как вдруг его за-слонил другой шар, вклинивший-ся, между нами. Сквозь стенку этого нового шара на меня смотрели знакомые глаза. Виара!

Я так обрадовался ей, что стал возбужденно жестикулировать и выкрикивать слова приветствий, забыв, что она меня не слышит. Виара уже прикрепляла лингвистический аппарат, и я, наконец, смог с ней объясниться.

— Куда движется этот поток? — спросил я.

Вместо ответа она повела свой шар вверх. Я последовал за ней. Мы поднялись метров на триста.

— Видишь? — услышал я чистый голос грианки. — Это Острова Отдыха.

Впереди прямо из моря вставали острова, поросшие пышной растительностью. Мне стало понятно, куда стремились гриане.

Несколько минут полета, и мы опустились на лужайке, покрытой невиданными тропическими цветами. Под легким ветром лениво гнулись красновато-зеленые

кроны гигантских деревьев, напоминавших зонтичные пальмы. В просветах между стволами виднелся океан, сверкающий в лучах галактического света, и пустынный берег, окаймленный пеной прибоя.

Как горох, сверху сыпались шары с грианами. Оставив аппараты, они спешили в глубь острова.

— Почему ты здесь, а не в Трозе? — услышал я запоздалый вопрос Виары.

— Меня отпустил человек со шрамом, — солгал я, с преувеличенным вниманием рассматривая желтую птичку, похожую на миниатюрного лебедя. Она беззаботно распевала, порхая в кроне ближайшего дерева.

Виара испытующе посмотрела мне в глаза, и я понял: она догадалась, что это неправда.

— Землянин нарушил Гармоничный Распорядок Жизни, — тихо сказала грианка. — Элц и Югд пошлют тебя в ледяные пустыни Желсы. Тебе надо лететь на Большой Юго-Западный Остров.

Опять этот Большой Юго-Западный Остров! В конце концов я узнаю тайну этого острова! Настойчиво расспрашиваю грианку. Но в ответ она произносит загадочные слова:

— Они пришли из Великого Многообразия...

— Кто они?

— Голубой шар...

Я ничего не понимаю.

Виара идет впереди, раздвигая цветущие кусты. Неожиданно выходим на окраину огромного парка. Перед нами открылась широкая аллея, обсаженная кустами благоухающих цветов, похожих на голубые розы. Всюду мелькают силуэты гриан и грианок, доносятся тихие голоса. И над всем господствуют странные музыкальные звуки, наплывающие откуда-то сверху. Там и сям возвышаются причудливые легкие сооружения — вероятно, увеселительные или спортивные постройки.

Пройдя немного, натываемся на молчаливую группу гриан. Они тесно обступили небольшую площадку, напоминающую спортивную арену. Несколько десятков обнаженных темно-бронзовых существ как будто соревнуются в прыжках. Под тягучую мелодию невидимого инструмента они делают четыре — пять стремительных шагов и один за другим птицей взлетают над перекладиной. Прыжки в высоту поистине фантастические: три с половиной или четыре метра!

Немного поодаль другая группа так же молчаливо и методично прыгает в длину. Нагоняя уныние, протяжно вздыхает невидимый орган, его мелодия как бы подбадривает спортсменов, заставляя совершать шестнадцатиметровые прыжки.

Я никогда не видел таких соревнований. Ни спортивного азарта, ни бодрых, веселых лиц, ни одной живой улыбки! И зрители, и спортсмены одинаково бесстрастны и молчаливы. Невольно вспоминаю бурлящую жизнью

земные стадионы, особенно Большой Олимпийский Стадион в дни открытия Всемирной Спартакиады: море веселья, молодого задора, песен, смеха! Нет, здесь что-то не то.

Я даже не заметил, куда исчезла Виара, и теперь раздумывал, как бы ее найти. Направляюсь к зданию с прозрачным куполом, надеясь встретить ее там. Осторожно обхожу группу Познавателей, занятых подобием гимнастики: зажатые в странных аппаратах и креплениях, они с поражающим упорством исполняют одну и ту же серию упражнений под мерные падающие звуки, исходящие из черного ящика, установленного на высокой тумбе. Преобладающим упражнением является сложное конвульсивное движение рук и ног с одновременным поворотом головы чуть ли не на сто восемьдесят градусов! Пораженный этим зрелищем, невольно останавливаюсь. Мрачная вздыхающая мелодия завораживает, и я ловлю себя на том, что пытаюсь воспроизвести нелепое упражнение.

Вхожу внутрь здания с прозрачным куполом. Зал набит до отказа. Познаватели концентрическими рядами окружают серебристый пьедестал. Мне еще неясно, зачем они здесь собрались. Вдруг полилась тягучая, усыпляющая мелодия. Полузакрыв глаза, Познаватели смешно раскачиваются в такт звукам. На пьедестал поднимается высокий грианин с вдохновенным тонким лицом и выбрасывает вперед руки. Усыпляющая музыка сменяется резкими чистыми звуками. Может быть, целых десять минут я тщетно вслушиваюсь, но так и не улавливаю мелодии: это была не музыка в нашем, земном понимании, — музыка, дающая высокое эстетическое наслаждение, — а просто набор определенных звуковых колебаний, частота которых то понижалась, то повышалась, взлетая до еле уловимых нот, находящихся на пределе восприятия человеческого слуха. Со страхом ощущаю, как в такт колебаниям начинает резонировать слуховой центр моего

мозга. И вот уже во мне бушует океан звуков, стремясь, казалось, разорвать барабанные перепонки.

Я не выдержал, зажал уши и зажмурился. Все стихло. Наблюдаю за Познавателями; они блаженно раскачиваются, следя за «певцом» на пьедестале, который испускает пронзительные, тонкие крики. Меня охватывает страх, и я поспешно выбегаю из зала.

Так вот оно каково, искусство этой сверхвысокой, как утверждает Самойлов, цивилизации! Оказывается, Познаватели выхолостили живую душу не только у тех, кто трудится в городах, на дне морей и в Космосе... Они лишили радостей полнокровной, настоящей жизни и самих себя. Ведь то, что видел я, — нет, это не было искусство! Вместо прекрасной музыки, источника духовного наслаждения, — набор звуковых колебаний, воздействующих на нервные центры мозга; вместо спорта и физической культуры тела — автоматизированный комплекс бессмысленных упражнений. Все это было похоже на какую-то рационалистическую систему, может быть и имевшую в прошлом осмысленное назначение: оградить Познавателей, из века в век занятых напряженной мозговой работой, от вырождения и опасности чрезмерного развития мозгового аппарата. Сейчас же, на мой взгляд, эта система до неузнаваемости искажена.

...Задумавшись, я не заметил, как вышел к прибрежной террасе. Среди роскошной тропической зелени раскинулись павильоны и беседки, из которых доносился какой-то неясный звон и знакомые вздыхающие звуки «музыки». Подойдя вплотную к одному из павильонов, я раздвинул руками свисающую с крыши сплошную стену зелени и осторожно заглянул внутрь. Неожданное зрелище потрясло меня до глубины души. В густом полумраке, созданном стенами растительности, в центре павильона возвышался огромный конусообразный сосуд — вернее, это был не сосуд, а тысячи трубнообразных

сосудов, соединенных вместе так, что они образовывали какое-то причудливое фантастическое дерево. От общей массы трубок отходили длинные гибкие ответвления; одни из них опускались к головам Познавателей, лежащих в разнообразных позах под «деревом», другие, извиваясь по колоннам, достигали самых отдаленных углов павильона и также спускались вниз.

Это причудливое дерево излучало какой-то мигающий, волшебный свет. Вначале мне показалось, что в сосудах движется светящаяся жидкость, но, присмотревшись, я понял, что там пульсирует газ. Время от времени синеватые струйки газа фонтаном выбрасывались откуда-то снизу и, переливаясь всеми цветами радуги, мгновенно достигали концов трубочек, выполненных в виде букетов цветов. Познаватели напряженно ловили момент, когда газ испарялся из букетов, и с жадностью вдыхали его. Газ оказывал на них странное действие: их тела конвульсивно извивались, глаза безумно блуждали, а на всегда бесстрастных лицах было написано невыразимое наслаждение. Звон, который я услышал, выйдя к террасам, исходил от этих стеклянных трубок и букетов, соприкасавшихся при резких телодвижениях Познавателей. Их конвульсивные движения были вовсе не беспорядочными, как мне показалось вначале. Они подчинялись ритму вздыхающих звуков.

Опьяняющий сладковатый запах газа явственно дошел до меня, и я тотчас же представил себя конвульсивно дергающимся на полу подобно грианам. Охваченный внезапным отвращением к «культурному досугу» собратьев по разуму, я большим усилием воли заставил себя отскочить от павильона, ибо голова уже начала слегка кружиться от действия газа.

«Вот она, сверхвысокая культура! — думал я, машинально спускаясь по узкой аллее, образованной

переплетающимися кронами каких-то странных растений. — И ее создали существа, овладевшие высотами науки и техники? В чем же дело? Где истоки этого уродливого искажения?» Впервые я пожалел о том, что зря потерял время, которое можно было бы употребить, по примеру Самойлова, на глубокое изучение истории грианского общества.

Неожиданно аллея кончилась: я вышел на берег Фиолетовой океана и сел. Призрачно белел пустынный пляж. Мелкий серебристый песок ласковыми теплыми струйками сочился между пальцами. Прибрежные воды были густо усеяны судами всевозможных форм и размеров: вероятно, это увеселительные суда, так как с них доносилась знакомая усыпляющая музыка и характерный звон приборов опьяняющего газа.

Наступила своеобразная ночь — чудесная ночь чужого мира. Впервые за время нашего пребывания на Гриаде померк свет двух вечных светил: солнце закатилось, как обычно, а центр Галактики заволокло тяжелыми тучами, — вероятно, близкими предвестниками Цикла Туманов и Бурь. Крупные яркие звезды густо усеяли участки неба, свободные от облаков.

Свежий ветер поднял сильное волнение. Грианский океан сердился. Громадные черно-фиолетовые волны бесконечной чередой шли с юго-востока, с ревом обрушиваясь на пологий берег. Шипя и урча, вода подкатывалась к моим ногам, хотя до линии прибоя было больше ста метров.

Грохочущий удар особенно высокой волны потряс до основания все побережье. Вслед за этим я услышал позади тихий возглас и, обернувшись, увидел Виару: она стояла в тени ближайшего дерева. В ее фигуре было что-то напряженное и беспокойное. Я быстро подошел к ней. Грианка, вероятно, бежала, разыскивая меня, так как тяжело дышала.

— Землянина ищут, — прерывисто проговорила она. — Там, — Виара махнула рукой в глубину острова. — Прибыли служители Кругов Многообразия. Их послал Элц. Они сказали мне: «Землянина отправят в ледяные пустыни Желсы, в южное полушарие Гриады...»

— Зачем? — усмехнулся я, нисколько не представляя эту Желсу.

— Там все, кто нарушает Гармоничный Распорядок Жизни. Они работают у электронных машин... и сами как машины.

— Как это так? — не понимаю я.

— Перед ссылкой в Желсу биопсихологи монтируют им в мозг крохотные электронные приборы. Ссылные ни о чем уже не думают, а только работают.

Я внутренне содрогнулся и поспешно спросил:

— Что же делать?

Грианка показывает в сторону моря:

— Сейчас прибудет Джирг.

Она включила портативный радиотелеприбор. На миниатюрном экране возникло лицо грианина средних лет, преданно смотрящего на нее. Виара что-то быстро говорит ему. Грианин послушно наклонил голову.

Выключив прибор, она внимательно вглядывается в океанский простор. Вдруг в верхнем конце аллеи на фоне неба вырастают огромные силуэты.

— Служители Кругов Многообразия, — спокойно произносит Виара, хотя ее глаза выдают крайнюю степень испуга.

Она хватается за руку и стремительно увлекает к виднеющемуся вдали причалу. Проходит несколько минут томительного ожидания. Наконец, словно из мешка, из черноты моря вынырнул длинный блестящий корпус рыбообразного судна. Оно все просвечивает насквозь: видны внутренние помещения, каюты и отсеки. Но двигателя я не вижу. Возможно, его и нет совсем. На палубе

— никаких надстроек, кроме пулеобразной рубки на носу. На юте одиноко торчит мачта с зонтичной антенной. Вокруг антенны пульсирует голубоватое свечение.

Судно плавно подходит к причалу, к нашим ногам бесшумно падает автоматический трап. Из носовой рубки появляется грианин, с которым Виара только что разговаривала по радио.

Слышится тяжелый топот пробегающих по аллее служителей. Вероятно, они разыскивают меня по павильонам.

Вскоре их шаги затихают.

— Служители побежали на Телецентр, — говорит Виара, прислушиваясь к удаляющимся шагам. — Если землянин останется на острове, они быстро найдут его электронным искателем. Скорей, скорей на Сумеречные Равнины!

— Куда? — удивленно спрашиваю я.

— К братьям на Сумеречных Равнинах, — повторяет Виара.

— Ты тоже с нами?

Грианка отрицательно качает головой и подталкивает меня к трапу:

— Скорее!

Задерживаю ее руку в своей и внимательно заглядываю в лиловые глаза:

— Да, но почему ты так заботаешься о судьбе землянина? Ведь ты же из класса Познавателей?

Грианка долго молчит, видимо вникая в смысл моего вопроса. Потом так сжимает мои пальцы, что на миг перехватывает дыхание. Ее глаза странно светятся.

— Человек Земли! У тебя несовершенный разум, но ты... как те, которые пришли из Великого Многообразия...

Она вдруг привлекает меня к себе. Пораженный, я долго молчу. Это внезапное проявление своеобразных чувств грианки застает меня врасплох. Из глубины моего

существа поднимается глухое сопротивление. В крови заговорил голос бесчисленных поколений земных предков, рождая биологическое отвращение к существу совершенно другой породы.

Я резко отстраняюсь от Виары и перехожу на палубу судна. А она так странно смотрит мне вслед... В ее глазах как будто проходит невысказанная боль.

Грианка поднимает руку в знак прощания, говорит Джиргу три коротких слова и быстро идет в глубь острова.

Я с благодарностью смотрю ей вслед, размышляя о причинах, заставивших грианку покровительствовать мне. Потом мысли незаметно переносятся в грандиозную даль, к родной Земле. Как давно я не был там! Даже не верится, что Земля еще существует. Родная Земля! Плы-вешь ли ты еще в беспредельном Космосе по великой Галактической дороге? Вспоминаю Лиду.

Взглянуть бы на нее сейчас хоть краем глаза! По сердцу проходит теплая волна.

Джирг осторожно трогает меня за плечо и знаком приглашает в рубку. В рубке тихо и уютно. Мерцает огоньками квадратный пульт. Гул океана почти не слышен — его гасит звуконепроницаемый материал переборок. Джирг садится за пульт и передвигает желтый сектор вверх. От неожиданности вздрагиваю, так как наша рубка бесшумно съезжает вниз, почти вровень с палубой. Еще поворот сектора, и зонтичная антенна с легким шумом уходит внутрь судна. На палубе остается лишь грибовидный электромагнитный приемник волн. Догадываюсь, что судно движется за счет электромагнитной энергии. Овальная стена рубки прозрачна, как кристалл. Сквозь нее прекрасно видно, как вдали исчезают берега Островов Отдыха. Медленно уходят за горизонт огоньки увеселительных судов.

Успокаивающе гудит приемник энергии. Около получаса мы движемся на северо-запад. Судно, словно гигантская птица, взлетает на гребни волн. Но странное дело: хотя по океану ходят огромные валы, качка почти не ощущается. Водяные горы, не доходя ста — двухсот метров до судна, вдруг становятся вялыми, почти неподвижными и медленно опадают.

— Почему нет качки? — удивленно спрашиваю я Джирга.

— Тяжелая энергия, — односложно отвечает грианин и показывает на черные раструбы, установленные вдоль бортов.

Вероятно, это сверхмощные гравитонные излучатели, усиливающие тяготение в большом радиусе вокруг корабля.

Взглянув на кривые, трепещущие в овале курсового экрана, Джирг оборачивается ко мне:

— Сумеречные Равнины под нами. Иду на погружение.

Его пальцы быстро бегают по клавишам управления. Корабль на глазах преображается. Наша рубка еще ниже

уходит в корпус, а борта вдруг лезут вверх и плотно смыкаются над головой. Судно становится совсем похожим на рыбу. Грибовидный приемник энергии на корме придает кораблю сходство с китом.

ДЕТИ ОКЕАНА

Фиолетовая стихия окружает нас со всех сторон. Чем глубже мы опускаемся, тем голубее становится вода. На какой-то миг темнеет. Глубина — тысяча пятьсот метров (я перевожу грианские меры в земные). Неожиданно разливается голубоватый сумеречный свет. Опускаемся еще на четыре километра. Сумерки слегка сгущаются, приобретая зеленоватые тона. Мимо судна проносятся стаи причудливых морских тварей.

Наконец мягко садимся на дно океана. Вокруг расстилается равнина, поросшая невиданными водорослями, которые кажутся волшебными в странном голубовато-зеленом свете. Теперь начинаю понимать, почему эти места названы Сумеречными Равнинами. Здесь царство нежных голубовато-зеленых сумерек. А вода до неправдоподобия прозрачна! Прозрачнее, пожалуй, чем дистиллированная вода из земной аптеки. Отчетливо различаю мельчайшие подробности донной флоры на расстоянии трехсот метров.

Но откуда здесь, на глубине двенадцати километров, это голубоватое свечение?! Ведь океанские глубины Земли — это мир вечной ночи. Или это освещение — дело рук разумных существ?

Джирг знаком показывает, что надо двигаться на юго-восток, и вопросительно смотрит на меня. Впервые замечаю, что у него живые серо-фиолетовые глаза, горящие умом и смелостью. Я поразился. Ни у одного из

Познавателей, да и у всех встречавшихся мне до этого гриан, не видел я таких «человеческих» глаз. Значит, он не Познаватель? Тогда, может быть, он из подводных гриан?

— Хорошо, — говорю я ему. — Давай полный вперед.

Джирг включает освещение, и вокруг нашего судна рассыпаются снопы света. И сразу окрестность оживает: во всех направлениях бешено мчатся странные рыбы. Пытаться описывать их — значит дать искаженное, бледное представление об океанской фауне Триады. Некоторые рыбы отдаленно напоминали земных тунцов, макрелей или каменных окуней. На дне лежат плоские рыбы величиной с хорошего кита, лениво шевеля плавниками. Большинство же морских тварей, снующих вокруг судна, совершенно не похожи на земные. Вот из чащи фиолетово-зеленых водорослей выползло гигантское омароподобное чудовище величиной со слона и уставилось на судно холодными треугольными глазами. Потом его суставчатые огромные клешни поджались, и вдруг чудовище яростно ринулось на нас. Раздался глухой удар, я невольно вскрикнул от страха и отвращения и отскочил от прозрачной стены. Словно младенца, чудовище зажало судно в своих клешнях и стало его трясти и раскачивать. Содрогаясь, я рассматриваю его расплюснутую морду, на которой горят беспредельной злобой необычайные треугольные глаза.

Усмехаясь и искоса посматривая на меня, Джирг поясняет:

— Это глубинный хищник акугор.

Он производит несколько переключений на пульте. Судно окутывает ослепительное голубое сияние, от которого ломит в глаза. Чудовище, пронзенное голубыми молниями, судорожно извивается, выпускает судно из своих объятий и рывками удирает в подводные джунгли.

Потом наше судно превращается в своеобразный гидромобиль. У него вырастают подводные крылья-плавники. И вот мы мчимся по подводной тайге, бесшумно разбрасывая в стороны причудливые заросли подводных растений. Огромные тупорылые рыбы в панике разбегаются на нашем пути. Некоторые бестолково тычутся в прозрачные стены рубки и тут же отскакивают в стороны. На одном из виражей мы налетаем на гору-животное, оказавшуюся гигантским ракообразным. Гидромобиль сильно встряхивает.

Вскоре освещение гаснет, оно больше не нужно. Голубовато-зеленые сумерки сменяются мягким оранжево-золотистым светом, который все усиливается. Откуда этот свет?

Внезапно джунгли расступились. Насколько хватает глаз перед нами расстилаются возделанные нивы. Правильные ряды красновато-синих растений уходят к морю огней, возникшему в туманной подводной дали.

Пересекая наш путь, по нивам шагает громадное металло-электронное сооружение величиной с трехэтажный дом, отдаленно напоминающее земной картофелеуборочный комбайн. Вероятно, это — телеуправляемый автомат. Нет, оказывается, там хлопочут две тени, видимо, управляя движениями машины. Вокруг комбайна вращается бесконечная лента транспортера, на которую непрерывно подаются водоросли, срезаемые ножеобразным приспособлением. Поток водорослей исчезает в чреве машины. Готовый продукт переработки поступает, очевидно, в резервуары, которые буксируются за комбайном. Вдали виднеется еще несколько таких же комбайнов и других машин.

Слева от нас по полям ходят (вернее, плывут над самым дном) подводные гриане. Они внимательно осматривают растения и водоросли. Вероятно, это агрономы.

Море огней разливается все шире. Перед нами встает незабываемое видение: огромный подводный город, накрытый грандиозным изолирующим куполом. Сквозь кристально чистое вещество защитных стен отчетливо проступают такие же, как и в Трозе, уступчатые громады зданий. До жути странно видеть среди подводной стихии эти ярко освещенные улицы, проспекты, площади, на фоне которых то и дело проносятся рыбы и различные придонные твари.

Защитный купол простирается на многие километры вдаль, а самая верхняя его точка находится примерно на высоте двух километров. Как же держится этот купол? Ага, вот они — десятки, а может быть и сотни, тончайших колонн. Я вопросительно смотрю на Джирга, указывая на эти хрупкие, ненадежные опоры.

— Колонны из мезовещества, — коротко отвечает он и постепенно затормаживает бег судна-гидромобиля.

Мы почти у самых стен города. Все чаще попадаются грианоиды. С огромным интересом рассматриваю подводных обитателей. Они отличаются от Познавателей более удлиненным туловищем, сильно развитыми грудью и плечами. Это, конечно, результат приспособления к специфическим условиям подводного существования. На грианоидах прозрачные скафандры, на их спинах что-то вроде ранца с небольшим реактивным соплом, выбрасывающим струи воды. Они передвигаются в воде с большой скоростью, обгоняя даже рыб. У грианоидов тоже клювообразные носы и огромные глаза. Но в общем они гораздо привлекательнее, чем Познаватели.

Джирг подводит гидромобиль к выступающей из стены арке и включает телевизор. На экране выступает лицо грианоида-диспетчера. Они коротко перебрасываются фразами. Потом беззвучно открывается огромный люк тоннеля-камеры. Гидромобиль плавно въезжает в камеру, и створка люка закрывается.

Она так герметично входит в свои пазы, что невозможно определить, где стена камеры, а где пазы люка.

Наконец снова слышу звуки: мир безмолвия остался за стенами. Оглушительно шипит сжатый воздух, выталкивающий воду из камеры. Через несколько минут мы оказываемся в совершенно сухом помещении.

— Приехали, — говорит Джирг.

С некоторой опаской выхожу из гидромобиля.

Воздух чист и резок, так как отдает каким-то специфическим запахом, напоминающим запах озона.

Нас встречают два рослых грианоида. Здесь тепло, и они почти обнажены, если не считать за одеяние треугольный передник из какой-то поблескивающей материи. У них развитая мускулатура, но в то же время бледно-зеленый, нездоровый цвет лица. Да... Искусственная атмосфера, пусть даже идеально отрегулированная, все же не может заменить естественную, пронизанную лучами живительного солнечного света.

Встречающие нас грианоиды очень молоды. Их движения быстры и энергичны. Они приветственно поднимают руки и улыбаются Джиргу. Оказывается, это не «сухари», как их собратья на поверхности.

В глазах грианоидов я не нахожу младенческого выражения, свойственного операторам Трозы. Лица их светятся разумом. Дети океана рассматривают меня очень внимательно, силясь, очевидно, понять, что за создание они видят перед собою. Джирг коротко рассказывает обо мне. Грианоиды дружелюбно улыбаются, сопровождая улыбку гортанными певучими возгласами.

Джирг мягко касается моего плеча.

— Я ухожу вверх, — говорит он.

— Куда вверх? — не понимаю я.

— Вверх, — повторяет Джирг. — В контрольный сектор Фиолетового океана. Ведь я поставлен Познавателями следить, чтобы грианоиды не покидали своего подводного города. Краски вечной природы Гриады не для них.

И он угрюмо смотрит себе под ноги.

— Но почему не для них?

— Так было всегда, сколько я себя помню. Таков Гармоничный Распорядок Жизни. Его установили Познаватели шесть тысяч лет тому назад. Грианоиды должны работать, а не мечтать о солнечной Гриаде, видение которой лишь вселяет в них сожаление о недоступном.

— Бесчеловечный распорядок жизни, — говорю я ему.

Джирг долго размышляет над этим замечанием, потом тихо рассказывает:

— Моя мать была из грианоидов. Поэтому, может быть, я и стал мореплавателем. С детства меня тянуло к Фиолетовому океану. Потом отец — он был Познаватель — отправил мою мать обратно к грианоидам. Я ее больше, не видел. По образованию я Познаватель, а по духу грианоид! Я ненавижу то, что называется Гармоничным Распорядком Жизни! Выродившаяся система! Мои братья

грианоиды — ее жертвы. Когда-нибудь мы ее разрушим! И Виара, моя сестра, мечтает о том дне, когда рухнет бессмысленное здание Гармоничного Распорядка!

— Так в чем же дело? Надо лишь объединиться и начать борьбу за переустройство жизни на Гриаде.

Джирг отрицательно качает головой.

— Сейчас это невозможно...

— Почему? Неужели грианоиды, создавшие изумительные подводные города, не смогут разбить монополию Познавателей?

— Их удерживает угроза энергетического голода!

Вот в чем дело! И не грианоиды построили подводные города и индустриальные центры. Их создавали автоматы и самодвижущиеся механизмы, управляемые электронными машинами, еще пять тысяч лет назад. А грианоиды пришли позже.

— Откуда же?

— Они потомки островитян, которых постепенно загнали на дно океана, вытеснив с островов и архипелагов. Что они могли сделать? Разбросанные на громадных водных пространствах, едва вышедшие из первобытной машинной цивилизации, они не могли тогда противостоять Познавателям, их электронной технике и энергии мезовещества. Но пройдут годы, и грианоиды достигнут уровня развития Познавателей! Мои братья упорно учатся, чтобы избавиться от вечной угрозы энергетического голода. Власть над энергией — вот в чем сила Познавателей!..

— А таких, как ты и Виара, много среди Познавателей? Вы бы могли ускорить процесс знания для грианоидов?

— Мы это и делаем. Но нас еще мало. Управление энергией, то есть программы электронных машин, управляющих энергостанциями и генераторами энергии мезовещества, известно лишь узкому кругу Познавателей (технократов, как ты их называешь). Знание этих

программ передается по наследству. Но когда-то этому придет конец!

Мы долго молчим, понимая друг друга. Потом я протягиваю Джиргу руки:

— Спасибо за все, друг. Надеюсь, мы еще встретимся.

— Конечно, — откликается Джирг и захлопывает люк гидромобиля.

Грианоиды знаками показывают, что надо уходить из камеры. Несколько минут я наблюдаю, как вода заполняет зал. Гидромобиль плавно трогается с места и вскоре растворяется в океанских просторах.

* * *

Время как будто остановилось. Сколько дней я уже здесь нахожусь? Меня окружает деятельная жизнь. Грианоиды всегда в движении. Они непрерывно работают. Не понимаю, когда они отдыхают. Сколько часов в сутки они спят? Вероятно, не более двух-трех. Вспоминаю, что в этом нет ничего необычного: на Земле еще в период нашего там пребывания начали применять электросон: специальные электроаппараты присоединялись к голове, электроколебания определенной частоты воздействовали на спящие нервные клетки коры головного мозга. Эти колебания восстанавливали работоспособность за каких-нибудь три-четыре часа, в то время как при естественном сне для отдыха клеток мозга требовалось не менее семи часов.

Этот подводный город — грианоиды называют его Леза — представляет собой гигантский индустриально-электронный центр. В результате сложнейших технологических процессов здесь синтезируются сотни и тысячи ценнейших веществ. Все здесь делается без помощи человеческих рук; процессы автоматизированы до предела. Значительную часть города занимает комбинат по

извлечению металлов из морской воды. Гигантские насосы гонят миллионы кубометров воды к целому лесу грибовидных ионитовых фильтров. Пройдя фильтры, вода поступает в башенные бактериальные фильтры, где триллионы бактерий «высасывают» из нее химические элементы, растворенные в океане.

Бактерии последовательно улавливают все металлы. Затем гравитационные трубопроводы переносят фильтры, насыщенные металлическими бактериями, в индукционные вакуумные печи, которые питаются энергией солнца, подаваемой с поверхности Гриады. Расплавленные металлы кристаллизуются в ультразвуковых камерах и там затвердевают. Все производство осуществляется автоматически: им управляют два оператора из Электронного Мозга Лезы.

Грианоиды предоставили мне полную свободу. Я непрерывно наблюдаю их жизнь. Чудеса встречают меня на каждом шагу. Как-то зашел я в Телецентр и вижу: перед огромным экраном грианоид следит за фигурами в голубоватых костюмах (они двигаются в центре экрана). Фигуры копошатся среди бешеного мелькания розоватых струй. Густые зелено-голубые сумерки не позволяют мне рассмотреть заросли зловещих черно-желтых водорослей. На пульте рассерженно гудит большой счетчик радиоактивных частиц. Он показывает чудовищный уровень радиации — сто миллионов рентген!

— Далеко ли отсюда этот очаг излучений? — с беспокойством спрашиваю я.

Возможно, грианоиды невосприимчивы к радиоактивным лучам? А я в этот момент получаю, может быть, смертельную дозу радиации?

Грианоид включает огромную проективную карту океанского дна. В тысяче километров от Лезы на карте загорается зеленый огонек. Около него обозначение глубины: пятнадцать километров. Вот так впадина! В

полтора раза глубже, чем знаменитая Марианская впадина Тихого океана. Ну, тогда можно не беспокоиться: излучения слишком далеки, чтобы их можно было опасаться. Да, но как же работают там эти существа, которых я наблюдал на экране?

Я спросил грианоида, почему излучения не действуют на работающих.

— Их сделали Познаватели... Они не боятся радиации. Они ничего не ощущают...

Переводной аппарат, которым снабдил меня Джирг, металлическим голосом сообщает поразительные вещи: оказывается, голубые фигуры — это фробсы, искусственные существа, синтезированные Познавателями в Секторе биопсихологии. Повинуясь радиокомандам Электронного Мозга, которым управляет грианоид у пульта, фробсы добывают в глубочайшей океанской впадине редчайшие элементы, Грианоид не знает свойств этих элементов, но, вероятно, добываются очень ценные вещества, так как фробсы переносят прозрачные цилиндры с добытым ослепительно желтым элементом прямо на поверхность океана, где их принимают Познаватели и транспортируют в Трозю. Впоследствии я узнал от Самойлова, что желтое вещество — это не встречающийся на Земле элемент экароний, колоссальный природный аккумулятор энергии. Помещенный в космическое пространство, он жадно впитывает в себя все виды энергии в радиусе до миллиона километров. Подогретый затем до температуры в сто градусов, экароний с любой скоростью отдает запасенную энергию. Гриане применяли его для космических шародисков и для перестройки пространства-времени.

Постепенно начинаю понимать жизнь грианоидов. Они славные люди! У них есть сердце, они приветливы, отзывчивы, очень дружелюбно относятся ко мне, хотя никак не могут понять, откуда я появился на Гриаде. Ведь

для них не существует Вселенной, других миров. Они ничего не знают, кроме операций управления автоматами и обслуживания механизмов, и машин. Зато они умеют выращивать чудесные водоросли, из которых готовится их обычная пища, замечательно вкусная и калорийная. Я до сих пор с большим удовольствием вспоминаю тающие во рту паштеты, изготовленные из морских растений.

Дети океана живут в больших залах, освещенных ярким светом. Питаются они в огромных общественных столовых, полностью автоматизированных. В приготовлении пищи, как и во всех других отраслях производства, грианоиды принимают лишь пассивное участие, выполняя контрольные функции на пультах управления. Программы для электронных машин-поваров составлены Познавателями много сотен лет назад на основе научно-разработанных рационов.

У грианоидов чрезвычайно развито чувство коллективизма и товарищества, доходящее до полного самоотречения... Помню случай, который сильно поразил меня.

Дело было так. Очень много времени я проводил у огромного экрана телевизора, установленного в центральном диспетчерском пункте Лезы. Здесь дежурят сотни операторов, управляющих движениями подводных комбайнов в непроходимых водорослях. Электронные чудища методично и неторопливо вгрызаются в густую чащу багрово-красных растений; там, где они проходят, открываются прямые как стрела просеки. Сквозь прозрачные стенки трубопроводов видно, как багрово-красная масса переработанных водорослей течет в резервуары. Наполнившись доверху, резервуары автоматически отцепляются. Затем они буксируются телеуправляемым гидровозом к центральной входной камере Лезы. Как я узнал впоследствии, красная масса служила сырьем для

приготовления особого препарата долголетия, продлевашего жизнь Познателей до трехсот лет.

И вот однажды, когда у центральной камеры скопилось около десятка гидровозов, прозрачные стены раздвинулись, пропуская машины в первый осушаемый зал. Внезапно раздался крик: «Берегись! Акугор!..» Со стороны океана показалась отвратительная морда страшного хищника. Грианоиды, обслуживающие машины, успели укрыться в бронированных кабинах гидровозов. Как попал сюда этот глубинный зверь, обитающий обычно далеко от города, до сих пор осталось загадкой. Вероятно, он был случайно пропущен патрульной службой телевидения.

Гигантский хищник, не найдя вблизи ничего съедобного, устремился к пульту, где растерянно метался диспетчер, регулировавший работу насосов и механизмов. Далее все произошло мгновенно. Огромная лапа-клешня настигла труженика в тот момент, когда он пытался включить сжатый воздух, давление которого вместе с водой выбросило бы акугора из зала. Но то ли в спешке, то ли по ошибке он включил механизмы, открывающие внутренние ворота. Океанская вода, сжатая давлением в тысячи атмосфер, с громоподобным гулом хлынула в залы преобразования энергии, сокрушая все на своем пути.

Вопль ужаса раздался возле меня: это кричала грианоидка-оператор. Я понял, что нависла страшная опасность. Через несколько минут вода доберется до главных генераторов, и тогда произойдет катастрофа: погаснет освещение, останутся аппараты кондиционирования атмосферы, все население Лезы погибнет от удушья.

Акугор медленно дожевывал диспетчера, не торопясь уплывать от пульта. Вдруг из ближайшего гидровоза выпрыгнул грианоид и бесстрашно бросился к пульту.

Хищник вострепнулся. Мгновение — и смельчак был бы перекушен пополам, но наперерез чудовищу прямо в его пасть устремились четыре других труженика. Меньше минуты понадобилось хищнику, чтобы по очереди растерзать всех смельчаков. Но эта заминка позволила первому грианоиду включить сжатый воздух. В одно мгновение акугорт был выброшен из зала гигантским давлением вместе с водой. Но и сам грианоид также был выброшен в океан. Последнее, что я видел, была огромная пасть хищника, в которой исчезал герой, спасший город от гибели...

В течение получаса никто из окружающих меня не шевельнулся, не проронил ни слова. Слышны были лишь приглушенные рыдания женщин-операторов.

* * *

Вскоре у меня появился друг. Звали его Гер. Это был высокий красивый труженик с широко раскрытыми глубокими глазами, словно он все время жадно познавал окружающий его мир. Впервые я встретил Гера возле Электронного Мозга, когда он управлял действиями эробсов на разработках экарония. Мы быстро нашли приемлемую форму взаимных объяснений и вскоре свободно разговаривали на любые темы. Гер необычайно полюбил меня и не отходил ни на шаг в те часы, когда не дежурил у пульта. Я был только рад этому: более внимательного гида нельзя было и желать.

Однажды Гер привел меня к группе своих товарищей. Они были заняты странным делом: нараспев произносили буквы и фразы грианского языка, которые чертил один из них на желтой стене.

В ответ на мой вопрос Гер пояснил:

— Здесь мои братья проходят Цикл Начал Познания. В этом зале — Низшая Ступень Познания. Видишь, они изучают грианскую азбуку. Через пять лет они закончат

обучение и будут переведены в Высшую Ступень Цикла, которая находится в соседнем зале.

В Высшей Ступени я увидел картину, наполнившую мою душу радостью и надеждой. Занимавшиеся здесь грианоиды уже свободно разбирались в математике на уровне, примерно, наших средних школ, производили простейшие расчеты и могли конструировать несложные механизмы. Наконец небольшая пока группа достигла поразительных успехов — они начали опыты по освобождению энергии вещества. Это были ростки грядущего расцвета новой, настоящей цивилизации, которая сокрушит монополию Познавателей на высшие знания.

— Давно ли начали грианоиды великое дело познания? — спросил я.

— Двести четырнадцать кругов тому назад. Инициаторами движения за овладение знаниями гриан были Джирг и Виара. Они имели доступ к Информариям и смогли тайно передать нам микрофильмы школьных курсов обучения. Потом они смонтировали электронное читающее устройство и обучали первых грианоидов, которые теперь преподают своим собратьям.

— И Познаватели до сих пор не догадываются об этом движении?

— Им это даже не приходит в голову. За последнее тысячелетие все функции управления и контроля Познаватели переложили на автоматы и полугрианоидов, а сами стали пленниками Островов Отдыха. Легкая, бездумная жизнь, грезы в парах опьяняющего газа засасывают безвозвратно! Круги Многообразия во главе с Элцем вот уже пятьсот лет тщетно борются с вырождением. Если бы не полугрианоиды — служители, сидящие в Главных Энергетических Центрах, — можно было бы давно сломить Познавателей. Чтобы иметь право попасть на Острова Отдыха в число избранных, полугрианоиды готовы погубить миллионы тружеников, лишив энергии тех, кто

нарушит Гармоничный Распорядок Жизни. Но рано или поздно мы овладеем энергией! Изжившая себя Тысячелетняя Гармония будет уничтожена! Гриада увидит светлую зарю Свободы! Мы построим такое общество, где Творческий Труд и Радость Жизни станут уделом всех!

И Гер поднял над головой сжатый кулак. Его лицо горело вдохновением и решимостью. На минуту я забыл, что передо мною представитель невообразимо далекого от Земли мира. Мне казалось, что это один из тех безыменных борцов за Новый Мир, которыми так богата история родной планеты и которые из века в век строили Царство Освобожденного Труда.

Впервые я отчетливо осознал великую общность социально-исторического развития братьев по разуму во всей безграничной Вселенной. Я понял, что ни временные отступления и регрессы, ни даже социальный застой, подобный грианскому, не могут остановить восходящего развития общества. Разумные существа неизбежно приходят к высшей ступени социального устройства, к той или иной форме самоуправляющейся ассоциации трудящихся — единственно целесообразному строю жизни!

Я молча протянул Геру руку:

— Я с вами...

— Спасибо, друг, — просто ответил грианоид. — Нам рассказывал о тебе Джирг.

Внезапно мне пришла в голову полезная мысль:

— Я могу передать твоим братьям свои знания в области астронавигации. Они пригодятся вам, когда придет ваш час и вы устремитесь в просторы Космоса.

Вместо ответа Гер ласково погладил мои плечи: этот жест означал у подводных тружеников высшую степень проявления благодарности.

Целых две недели я без усталы, «день» за «днем», диктовал в раструб лингвистического автомата все, что знал об астронавтике. Я рассказал им о великом

землянине Циолковском, разум которого открыл человечеству реактивный двигатель — единственную машину, способную вырваться в Космос; о стране Ленина, величайшего из землян, стране, которая первой начала штурм неба на пороге Эры Всемирного Освобождения; об освоении человечеством всего окосолнечного пространства; о великой победе человеческого разума, научившегося полностью превращать вещество в свет; о первых межзвездных полетах, открывших. Эру Познания Вселенной. Я рассказал им о своем друге Самойлове, нашедшем способ превращения вещества в гравитоны, энергия распада которых позволила нам пронестись через пространство — время и разыскать Гриаду в необозримых глубинах Галактики.

Я надеюсь, что мои скромные знания и опыт принесут грианоидам хоть некоторую пользу в их великой борьбе за Новый Светлый Мир.

В Лезе я впервые на практике наблюдал «работу» Службы Тысячелетней Гармонии, о которой мне со смехом и возмущением вкратце рассказывал Петр Михайлович в Высшей Ступени Познания. Только что окончился обед, и мы с Гером вышли прогуляться на Площадь Старших Братьев. У одной из колонн, поддерживающих купол города, я заметил скопление грианоидов. Вероятно, они тоже совершали послеобеденную прогулку. Подойдя ближе, я увидел, что грианоиды смотрят на черный грибовидный аппарат, вмонтированный в колонну на высоте трех — четырех метров.

— Что это за аппарат? — спросил я Гера.

Мой друг саркастически улыбнулся:

— Это? Аппарат, улучшающий пищеварение.

Вдруг из аппарата раздался резкий голос:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Говорит Служба Тысячелетней Гармонии!

— Начинается, — сказал Гер и весело посмотрел на меня.

— Что начинается? — я был заинтригован.

— Сейчас узнаешь...

Из аппарата полилась торжественно-мрачная музыка.

— Симфония... страдающего брата Познавателя, — давась от смеха, пояснил мне Гер.

Я еще ничего не понимал, сбитый с толку беспричинной веселостью Гера. С последними необычайно высокими «музыкальными» нотами снова раздался металлический голос:

— Братья грианоиды! Привет вам от ваших братьев Познавателей, безропотно несущих тяжелое бремя по накоплению и применению знаний о Великом Многообразии...

Грианоиды иронически переглянулись. Кое-где слышался приглушенный смех.

С возраставшим изумлением слушал я передачу Службы Тысячелетней Гармонии (теперь я смутно вспомнил содержание «текста», о котором рассказывал Самойлов).

— «Золотой Век... — надрывался кибернетический диктор. — Грианоиды потому находятся на Сумеречных Равнинах, что они всегда там жили. Это их естественная среда. На поверхности Гриады они не смогут жить, будут болеть и вымирать».

Со всех сторон раздавался откровенный смех. Грианоиды даже подсказывали диктору следующие фразы. Очевидно, эти передачи они знали наизусть.

«Братья! Думайте всегда о ваших товарищах по труду — Познавателях, задыхающихся от непосильного умственного труда!» — продолжал диктор.

Гомерический хохот волнами перекатывался по Площади Старших Братьев. В его звуках совершенно потонул

голос пропагандиста Тысячелетней Гармонии, и я тщетно пытался уловить конец передачи.

— Ну их! — все еще смеясь, проговорил Гер. — Пойдем отдохнем перед занятиями. — Он, наконец, успокоился и, вытирая слезы, выступившие на глазах, виновато пояснил мне: — Каждый раз слушаешь почти одно и то же, и все-таки не удержишься от смеха. — Внезапно он помрачнел и продолжал спокойно: — Страшно надоело!.. Четыре раза в день с завидной точностью Служба Тысячелетней Гармонии включает свои аппараты, чтобы провести очередной цикл «идеологической» обработки грианоидов. Нет никакой возможности спастись от этой надоедливой трескотни! Если выключить хоть один аппарат — автоматически прекратится подача энергии в Лезу.

— Но какой толк в этих передачах? — удивился я. — Ведь это, же сказки для маленьких детей. Или они считают вас совершенными глупцами?

— Конечно! В этом вся трагедия! Бедные братья Познатели! Вот уже пошло второе тысячелетие, как они забывают сменить текст передачи, целиком доверив «великое дело Тысячелетней Гармонии» роботам. Раньше хоть передачу вели биопсихологи, а теперь и они обленились... Бедные роботы и автоматы получили новую тяжелую нагрузку!

— Неужели Познатели никогда не проверяют вашу жизнь здесь? И не хотят убедиться, как действует на вас пропаганда Тысячелетней Гармонии?

— Куда там! — махнул рукой Гер. — В своем самомнении они смотрят на грианоидов глазами далеких предков — Хранителей Знаний, в эпоху которых наши братья действительно были на самом дне пучины Незнания. Теперь же, спустя три тысячелетия, мы совсем иные. Да ты и сам видел. Кроме того, они доверяют экранам своих телеаппаратов, наблюдая в них за нашей жизнью. Это очень мудро! В местах, где установлены телеаппараты

Познавателей, мы всегда держим группы дежурных «глупцов». Они соревнуются друг с другом в искусстве поддержания для Познавателей спасительной для нас иллюзии невежества и дикости.

— Но в Лезе Познаватели бывают все-таки?

— Нет, — отвечал Гер. — Они боятся Сумеречных Равнин. Последний раз Познаватели были у нас пятьдесят лет тому назад. Как нарочно, один из Познавателей был съеден акугором, которого искусно навел на них Старший Брат. С тех пор их не заманишь сюда! Они целиком полагаются на Сторожевых Познавателей и полугрианоидов. Вот, например, на Джирга.

Мы понимающе улыбнулись друг другу.

В последующие дни я убедился в правоте слов Гера. Где бы я ни находился, меня везде настигал резкий голос Тысячелетней Гармонии. Грибовидные динамики Службы действительно торчали в самых неожиданных местах — на стенах шлюзовых камер, на карнизах зданий, на колоннах мезовещества, в залах отдыха и приема пищи, на гидровозах и в аппаратах кондиционирования воздуха.

«Почему я до сих пор не слышал этих передач? — недоумевал я. — Ведь сейчас от них просто нигде нет покоя.»

Мое недоумение вскоре развеял Гер; он сказал, что я попал в Лезу, как раз в тот момент, когда Служба Тысячелетней Гармонии сделала перерыв в работе: необходимо было перемотать магнитные ленты, так как окончился годовой цикл текстов передач.

— Теперь весь год без передышки, — «утешил» меня Гер.

Однажды, когда мы с Гером упорно постигали принципы преобразования энергии мезовещества, записанные на микрофильмах, привезенных Джиргом, в комнату быстро вошел незнакомый мне труженик и что-то тихо

сказал Геру. Последний тотчас же встал и, обернувшись ко мне, предложил:

— Хочешь пойти с нами на Товарищеское Собрание? Там Старшие Братья отчитываются в своей деятельности за два круга (круг равен двум с половиной земным месяцам).

— Конечно! — воскликнул я.

Мы спустились в движущийся тоннель и через полчаса езды уже были на колоссальной площади, где собралось не менее миллиона грианоидов. В центре площади возвышался род металлического помоста. Седоволосые труженики в странных черно-зеленых одеяниях сидели здесь, тихо переговариваясь. Я понял, что это и были Старшие Братья. Вот один из них встал и поднял руку. Сразу смолк сдержанный гул голосов, напоминающий далекий шум морского прибоя. Когда Старший Брат заговорил, то его голос прозвучал подобно грому. Вероятно, звуки усиливались здесь специальными акустическими аппаратами.

— Познаватели надеялись, что я буду верным стражем Гармоничного Распорядка Жизни в Лезе, — гулко зазвучал голос Старшего Брата. — Но я старался делать так, чтобы мои братья меньше ощущали его бессмысленный ритм. Ни один труженик Лезы не испытывал недостатка в пище и не был лишен отдыха. Пробуждение, время приема пищи, часы работы и отдыха, отход ко сну соблюдались с точностью до одной гуны (как я узнал впоследствии, гуна равнялась десяти земным секундам). Сейчас я работаю над Системой Нового Распорядка Жизни, который установят наши потомки в Свободной Гриаде!

Когда грианоид окончил говорить, он снял с головы род шлема и опустил на одно колено, всем своим видом показывая уважение и подчинение воле общества. Последовал ряд вопросов, на которые он отвечал ясно и четко. Вероятно, народ Лезы остался доволен деятельностью

этого Старшего Брата. Седой труженик с достоинством встал и под одобрительный гул занял свое прежнее место на возвышении.

Одним из последних отчитывался невысокий грианоид с глубоко ушедшими под лоб глазами; они излучали беспокойный блеск. Как я понял, он ведал распределением материальных благ среди тружеников Восточных Сумеречных Равнин, где были наиболее тяжелые условия работы, где требовались безупречная объективность и всесторонний учет труда каждого грианоида. Речь этого Старшего Брата была выслушана среди всеобщего молчания. Однако, когда он по традиции опустил на колено, ожидая вопросов, на помост поднялось несколько десятков тружеников с Восточных Сумеречных Равнин. Они гневно говорили что-то, указывая пальцами на склонившегося грианоида. Вероятно, они обличали недостойного Старшего Брата в недобросовестном исполнении общенародных обязанностей. Миллионное собрание сердито загудело, словно гигантский потревоженный улей. По мере того, как появлялись все новые и новые обличители, голова грианоида опускалась все ниже и ниже.

Внезапно он резко встал, снял с себя черно-зеленое одеяние и шлем, положил все это у ног Старших Братьев и, понуриив голову, исчез в Южной шлюзовой камере.

— Куда же он теперь? — невольно вырвалось у меня.

Гер теплым взглядом проводил ушедшего. Потом ясным голосом ответил:

— Это не потерянный Старший Брат... Раз он пошел к Южному шлюзу, значит намерен отправиться в подводный центр, расположенный под Ледяными Пустынями Желсы. Там наши братья с Южных Сумеречных Равнин упорно готовят освобождение узников Желсы. Он отдает себя целиком делу освобождения, чтобы в какой-то мере искупить вину.

Гер на мгновение задумался, затем продолжал голосом, в котором зазвучали презрительные нотки:

— Однако бывает и так, что провинившийся Старший Брат до конца идет по пути падения: он становится предателем, верным помощником биопсихологов — и в виде особой милости назначается надсмотрщиком над труженниками Желсы. Но ренегаты получают справедливое возмездие!..

ЭРОБСЫ

Все кончено! Электронный искатель биопсихологов все-таки обнаружил меня в дебрях Сумеречных Равнин. Прошло уже с полчаса, как меня привели в Центральный Совет Старших Братьев. Они угрюмо молчат. Гер не скрывает своей печали. Огромный экран телеаппарата Внешней Связи загорается зеленоватым светом, и я непроизвольно вздрагиваю: на меня в упор смотрят ледяные глаза Элца и Югда; позади них виднеются, бесстрастные лица ко всему безучастных биопсихологов, для которых в мире нет ничего, кроме объектов исследований. Один из таких объектов, то есть я, ускользнул. Его надо найти и вернуть, чтобы закончить намеченный эксперимент, — вот и все.

— Немедленно доставить землянина в Сектор биопсихологии, — раздается скрипучий голос Элца. — Кто помог ему укрыться в Лезе?

Он пронзительно обводит взглядом Старших Братьев. Потом его глаза останавливаются на мне. Я не опускаю головы, но перед умственным взором невольно встают сумрачные пейзажи Желсы и оперированные труженники, управляемые по радио.

Старшие Братья продолжают молчать. Вдруг Гер подался вперед и бесстрашно выкрикнул прямо в холодное лицо Элца:

— Мы не отдадим землянина! Он согласен навсегда остаться с нами!

Элц, презрительно усмехнувшись, делает знак Югду.

— О чем ты говоришь?! — насмешливо восклицает Югд. — Или ты забыл, что ваша жизнь зависит от одного нашего жеста? Энергостанции и генераторы, снабжающие Лезу энергией и светом, в наших руках!

Югд резко поворачивается к пульта, находящемуся позади них, и выключает один из рубильников. Черная непроглядная ночь заливает все вокруг. Сквозь прозрачные стены Совета Братьев я тщетно всматриваюсь в пространство. Волшебное сияние огней Лезы исчезло. Лишь далеко-далеко на горизонте брезжит зеленоватое сияние океана, да еще ярче выступает освещенный экран, на котором видны бесстрастные лица Познавателей. Биопсихологи настраивают свои аппараты, собираясь, вероятно, фиксировать наши мысли и переживания. Через пять минут я начинаю задыхаться: очевидно, перестали работать аппараты кондиционирования воздуха.

Старшие Братья молчат. Гер в бессильной ярости скрипит зубами, с ненавистью глядя на Познавателей; пот крупными каплями катится по лицам грианоидов. Издали доносятся крики задыхающихся тружеников.

— Довольно! — бросаюсь я к экрану. — Они ведь ни при чем! Что вы делаете?! Я приду к вам!

От недостатка свежего воздуха на мгновение теряю сознание, а когда открываю глаза, вокруг меня стоят Старшие Братья. Я лежал на полу, покрытый чьим-то одеянием; лица Познавателей исчезли, сияли яркие огни освещения. Грустные глаза Гера неподвижно уставились на меня. Старшие Братья остро сознавали свое временное

бессилие и невозможность противостоят могуществу Познавателей.

Через полчаса на фронтоне центральной шлюзовой камеры замигали зеленые огоньки. Кто-то прибыл в Лезу с поверхности океана. Вероятно, это за мной. Крепко жму руки Старшим Братьям и Геру.

— Прощайте, друзья, — с усилием говорю я. — Обо мне не беспокойтесь. Учитесь! Только так вы добьетесь освобождения.

Грианоиды толпой провожают меня до шлюзовой камеры и еще долго машут руками. Я последовательно перехожу из тамбура в тамбур. Мерно вздыхают насосы, откачивающие воду.

Каково же мое удивление, когда я вижу знакомый гидромобиль, из которого выходит мрачный Джирг.

— Я прибыл за тобой, — говорит он вместо приветствия и угрюмо регулирует бортовой приемник энергии. Потом с отчаянием восклицает:

— Еще двести пятьдесят кругов! Только через пятьдесят лет!

— Что же тогда произойдет? — спрашиваю я.

— Столько времени потребуется моим братьям-грианоидам для сознательного овладения электронной техникой и энергией мезовещества. Только тогда будет разрушена монополия Познавателей.

— А как вы определили этот срок?

— Его вычислил твой брат, оставшийся у биопсихологов. Я попросил Виару найти его в Трозе, и он охотно согласился составить для грианоидов ускоренную программу познания. Виара передает тебе привет.

— Академик Самойлов! — обрадовался я. — Он все еще в Информарии? И вам удалось связаться с ним?!

Джирг кивает головой и приглашает меня в гидромобиль. С радостью думаю о встрече с Петром Михайловичем. Сколько нового я смогу рассказать ему! Ведь он, должно быть, окончательно забыл обо всем на свете, погружившись в изучение грианской науки. А я скучаю без него...

И вот я опять в пулевидной рубке перед квадратным экраном обзора. Люк гидромобиля закрывается, шлюзовой зал быстро наполняется водой.

В то время как судно мчится по неповторимым Сумеречным Равнинам, с грустью смотрю назад — волшебное видение Лезы постепенно растворяется в океанских просторах.

Подъем на поверхность океана мы совершаем в полном молчании. Спустя полчаса наш гидромобиль, снова превратившись в электромагнитный катер, мягко покачивается на фиолетовой глади океана. В открытые иллюминаторы врывается горячий воздух. Солнце, стоящее в зените, почти тонет в сиянии центрально-галактического облака. Палящий зной начинает проникать в рубку. Джирг подает мне охлаждающий скафандр, в который я торопливо облачаюсь.

Под мягкий гул электромагнитного приемника пытаюсь угадать свою дальнейшую судьбу. Вероятно, отправят в Желсу. Как быть? И почему молчит Джирг? Да и что он может сделать... Неожиданно катер останавливается. Джирг выходит на палубу и подзывает меня ближе. Его лицо выражает решимость. Он показывает вдаль — туда, где ясно проступают очертания уступчатых громад.

— Порт Драз, — поясняет Джирг. — Сюда я должен доставить тебя. Там поджидает Люг.

Люг! Я уже забыл о его существовании. Сразу вспомнились холодные красные глаза Люга и его «рациональная» система обучения.

— Но я не хочу, чтобы землянин снова попал в руки биопсихологов, — продолжает Джирг. — Если я отпущу тебя просто так... меня отправят в Желсу. Но мы перехитрим Познавателей! В судно заложен заряд взрывчатого вещества. Стоит лишь нажать вот эту кнопку, и через десять минут судно взорвется и потонет. Я «спасусь» на антигравитационном диске, прилечу в Дразу и скажу Люгу, что ты каким-то образом взорвал судно, а сам спрыгнул в воду и, доплыв до берега, скрылся в прибрежных зарослях. Я не мог тебя остановить, так как едва спасся сам.

И он протянул мне запасной антигравитационный диск.

— Джирг! — я не мог больше ничего сказать, а только повторял: — Друг... Друг...

— Постарайся скрыться подальше и держи со мной связь. Вот телеаппарат, который передала тебе Виара. С его помощью можно поддерживать связь на расстоянии в десять тысяч километров. Эти аппараты — привилегия немногих Познавателей. Я буду откликаться только на такой шифр.

Он набрал на кнопочном циферблате аппарата шифр вызова и заставил меня повторить сто несколько раз.

— Советую лететь на Большой Юго-Западный Остров. Там находятся пришельцы из Великого Многообразия. Они появились на Гриаде, когда меня еще не было на свете. Познаватели избегают этого района океана по причине, мне неизвестной. Но Виара уверяет, что землянам там бояться нечего.

— Спасибо, Джирг, — взволнованно отвечаю я. — А как же ты?

— Все будет в порядке, — успокаивает он. — Мне дадут новое судно, и я снова уйду в контрольный сектор Фиолетового океана.

С каждой минутой все ближе и ближе сооружения Дразы. Берег всего в полукилометре от нас.

— Пора! — командует Джирг и, ласково погладив мои плечи, плавно взлетает в воздух, направляясь к Дразе. — Не медли! — кричит он сверху.

Нажав кнопку взрывающего устройства, я штопором ввинчиваюсь в вечеряющее небо. В тот момент, когда я достиг берега, на покинутом судне загремел взрыв. Мощная взрывная волна с силой ударила, закружила и понесла меня вниз, прямо на кроны каких-то колючих грианских деревьев, росших по всему побережью. Я едва успел перевести рычажок диска на полную мощность и, больно поцарапав ветвями бедро, стал медленно подниматься вверх. Обернувшись в сторону моря, я не нашел на его поверхности только что покинутого судна; Джирг уже превратился в крохотную черную точку.

Некоторое время я размышлял над своим положением. В памяти быстро промелькнули события истекших недель.

Куда же теперь направиться? Вдруг память услужливо подсказывает: «Шародиски!» Еще в Информарии я часто слышал о них от Самойлова. Академик высоко оценивал достижения гриан в преодолении космических расстояний. «Шародиск, — говорил он, — это совершенная

машина пространства — времени». Но где их искать? Я напряг память, мучительно вспоминая карту Гриады, но, кроме общего контура, в памяти не всплывали никакие подробности карты.

В сердцах я выругал себя и снова стал рыться в кладовых памяти. Наконец я вспомнил: академик указывает на зеленое пятно в южной части Центрального Материка и говорит мне, улыбаясь: «Здесь космодром шародисков, о которых ты мечтаешь».

Поспешно разглядываю миниатюрную карту, подаренную мне Джиргом. Ага! Вот Троза, она на западной оконечности материка. Значит, космодром находится на юго-востоке.

Не буду вспоминать, как я двое суток блуждал над южной частью Центрального Материка и едва не умер с голоду. Меня спасали плоды, вкусом напоминающие дыни., которые я рвал в культурных лесах Гриады. На третьи сутки я еще издали увидел, как через равные интервалы времени в южной стороне горизонта поднимались ракетные корабли, оставляя в небе фосфоресцирующий след.

Вот и космодром. Его бескрайное поле застроено гигантскими сооружениями, причальными колоннами, эстакадами, решетчатыми башнями. По всему полю стоят причудливые эллипсоиды. К востоку от меня все с той же завидной точностью и равномерностью взлетали космические ракеты рыбообразной формы. Они внезапно появлялись из-за длиннейшего сводчатого сооружения и сразу круто поднимались вверх. Присмотревшись внимательнее, я подумал, что длинное сооружение очень похоже на земные электромагнитные пушки, запускающие в Космос грузовые ракеты без людей. Я тщетно искал глазами знаменитые шародиски, почему-то представляя их себе в виде шаров, накрытых «тарелкой» или «диском». Однако в поле зрения не попадалось ничего похожего.

«Может быть, эти сплюснутые эллипсоиды и есть шародиски?» — подумал я и тихо приземлился возле одного из них.

Было довольно темно, так как солнце зашло, а центр Галактики опять заволокло сплошными тучами, и я смог незаметно приблизиться вплотную к эллипсоиду. Его пятидесятиметровая громада, отливавшая зеленоватым металлом покрытия, смутно возвышалась передо мной. По поверхности эллипсоида проходил гребень, напоминающий приемник равновесия земных звездолетов. Я понял, что это и есть шародиск.

В нижней части шародиска я обнаружил полуоткрытый люк, из которого струился слабый свет.

Я быстро осмотрелся. Вокруг ни души. Вероятно, все операции по отправке и приему на космодром кораблей выполнялись электронными автоматами.

Только один раз мимо меня пролетел грианин, чуть не задев ногами. Он ловко опустился у люка и исчез внутри шародиска. Меня охватило непреодолимое искушение. А что, если проникнуть в шародиск? Да, но куда он собирается лететь? На близкую планету или в другую Галактику?

Я осторожно подкрался и заглянул в люк: никого не видно. Внутри я заметил еще три полуоткрытых люка и за последним — ступени трапа, уводящие вверх. Бесшумно войдя в корабль, я миновал два герметичных отсека, поднялся вверх по ступеням и попал в длинный коридор. Слушая гулкие удары своего сердца, я крался по коридору и думал: «Вот сейчас столкнусь с астронавтом, и меня с позором выпроводят. Это в лучшем случае. Или доставят в Сектор биопсихологии».

Вдруг позади, у люка, кто-то громыхнул железом. Раздумывать было некогда. Я метнулся в первую попавшуюся дверь, задел ногой за выступ и ничком упал на груды мягких одежд. Это оказались скафандры. Вошедший в корабль грианин, к счастью, не заметил меня, так как совершенно спокойно прошел мимо двери дальше по коридору. Я встал и прислушался: по кораблю неся певучий тонкий звук — вероятно, сигнал готовности или старта. В течение следующей минуты стояла томительная тишина. Вслед за тем шародиск наполнился потрясающим гулом. Что бы это могло быть? Включилась ли двигательная система корабля, или же «пели» магнитные поля? Во всяком случае, я отчетливо ощутил, что шародиск движется, так как перегрузка вдавила меня в мягкую груды скафандров.

Еще в прежних межзвездных полетах я научился по опыту определять величину ускорения корабля. Это пригодилось мне и сейчас. В момент старта ускорение

равнялось примерно четырем «жи», а потом стало угрожающе нарастать с каждой секундой. «Сейчас меня раздавит чрезмерная перегрузка», — подумал я... Я не сообщил, что гриане, вероятно, давно обезопасили себя от действия ускорения. Я почти терял сознание, когда на стене моего убежища совершенно неожиданно засветился экран внутренней связи корабля. Вероятно, командир шародиска производил традиционный осмотр помещений. Я успел заметить неподдельное изумление на бесстрастном лице грианина. Ускорение чудовищно нарастало, и я инстинктивно опрокинулся на спину, принимая наиболее выгодное положение — ногами к носу корабля. Потом мне стало легче: вероятно, грианин выключил двигатель. Ускорение резко упало. А через несколько минут по коридору затопали шаги, в каюту ворвались два грианина. Они молча подхватили меня под руки и бегом понесли по коридору.

И вот я в Центральном управлении, закрепленный в каком-то костюме. Вероятно, это противоперегрузочный костюм, так как чувствую себя прекрасно, хотя шародиск снова резко набирает скорость. Пожилой грианин с поразительно яркой огненно-рыжей шевелюрой в упор разглядывает непрошеного гостя. По всем признакам это командир шародиска.

— Простите, — говорю я извиняющимся тоном. — Мне давно хотелось познакомиться с вашими космическими кораблями. Правда, я самовольно проник в шародиск...

Тут я вспомнил, что грианин не понимает меня: у него ведь не было переводного аппарата. И действительно, грианин продолжал бесстрастно рассматривать меня. Тогда я прибегаю к универсальному языку жестов и предметов. Однако все это оказалось излишним, так как астронавт извлек из кармана лингвистический аппарат. Вероятно, это была обычная принадлежность грианских астронавтов в их странствиях по Космосу.

— Ты землянин? — спрашивает он.

Отпираться не было смысла, так как грианин, не дожидаясь ответа, включил астротелевизор, на экране которого я увидел отталкивающее лицо Югда, монотонно передающего в эфир:

— Всем Познавателям западного полушария! Слушайте, слушайте! Нарушитель Гармоничного Распорядка Гриады, пришелец с Земли, убежал от служителей Кругов Многообразия! Каждый, кто обнаружит землянина, должен схватить его и доставить в Трозу. Слушайте, слушайте приказ Кругов Многообразия!

Командир шародиска выключил астротелевизор и холодно произнес:

— Жаль, что я не могу прервать полет к Птуин, чтобы выполнить приказ Кругов. Придется это сделать на обратном пути.

— Мне повезло, — вставляю я примирительным тоном. — А что такое Птуин? Искусственный спутник Гриады?

— Нет, это ближайшая к ней планета внешнего пояса.

— Она обитаема?

Грианин внимательно смотрит на меня и, помедлив, отвечает:

— Там функционируют заводы мезовещества.

— Их обслуживают автоматы?

Грианин промолчал, и я понял, что больше спрашивать не следует.

Итак, мне недолго быть на свободе. Ну что ж, все равно не стоит унывать. Время летит незаметно, с интересом изучаю шародиск. Кроме командира, на корабле находятся еще пять человек экипажа. Наблюдая за ними, я пришел к выводу, что это не Познаватели, а скорее всего существа, подобные операторам Трозы. Вскоре мои предположения подтвердились. Командир шародиска ушел в свою каюту: громадная электронная машина вела корабль по строго рассчитанной программе и не нуждалась

в помощи пилота. Вдруг из каюты раздался так знакомый мне перезвон «букетов» опьяняющего газа. Заглянув через некоторое время к командиру, я увидел его извивающимся в блаженном экстазе. Та же картина, что и на Островах Отдыха!

— Вы тоже Познатели? — спрашиваю я одного из астронавтов.

Тот непонимающе качает головой, боязливо оглядываясь на полуоткрытую дверь командирской каюты. Тогда я плотно прикрываю дверь каюты и подаю ему лингвистический аппарат, оставленный Познателем на пульте. Но он не умеет им пользоваться.

Я помог ему подключить аппарат.

— Кроме Познателя, кто-нибудь из вас умеет управлять кораблем? — спрашиваю я астронавта.

Он отрицательно качает головой.

— Почему?

— Я не знаю этого, — бесстрастно отвечает астронавт.

— А что ты умеешь делать?

Грианин подходит к пульту в другом конце рубки и, поочередно нажимая кнопки, показывает на экранах все узлы и агрегаты шародиска. Я догадался, что ему поручено наблюдать за состоянием частей корабля. Вероятно, во всех напряженных узлах шародиска были установлены пьезокварцевые датчики, которые безошибочно сигнализировали о возникающих повреждениях.

— А где вы живете? — продолжал я допытываться.

— Птуин, — коротко ответил астронавт.

Значит, передо мной новый род тружеников — обитатели планеты Птуин. Если одних Познатели загнали на океанское дно, то удел других — работа в Космосе, на планете, не приспособленной, может быть, для жизни.

Через несколько часов Алд (так звали Познателя) «протрезвился» и с мрачным лицом сел за пульт. Я решил воспользоваться случаем и стал подробно расспрашивать

его об устройстве шародиска. Алд отвечал неохотно, но точно и выразительно, не находя, очевидно, ничего особенного в моей любознательности.

Принцип действия двигателя шародиска я уяснил довольно смутно, так как в технической терминологии гриан было много непонятных выражений. Насколько я понял, шародиск являлся до предела автоматизированным кораблем. Все функции управления и контроля осуществлялись электронно-аналитическими и счетно-решающими машинами. По принципу действия это была гравитационная ракета, подобная нашей «Урании», но неизмеримо более усовершенствованная. Главное ее отличие заключалось в иных источниках гравитационной энергии: шародиск извлекал энергию из мезовещества — неисчерпаемого носителя энергии. Грианские шародиски были значительно меньше «Урании». Если бы потребовалось сравнение, то я сказал бы, что их шародиск был шлюпкой, а наша «Урания» — океанским кораблем. Шародиск, на котором мы летели, был межпланетным кораблем и имел в длину не более пятидесяти метров (по большой оси эллипсоида). Межзвездные и межгалактические шародиски, как сообщил мне Алд, были в десятки раз больше, и по форме приближались почти к шару. Однако даже межгалактический шародиск был меньше «Урании» в несколько раз! Небольшие размеры грианских кораблей объяснялись громадной энергоемкостью мезовещества. Более половины шародиска занимал двигатель — чудесная по своей слаженности система, превращавшая энергию мезовещества в гравитационное или электромагнитное излучение.

Расстояние между планетами, равное тремстам со-рока миллионам километров, шародиск покрыл за тридцать два часа, то есть он летел со средней скоростью — триста километров в секунду. Двигатель работал всю дорогу; вследствие этого в корабле поддерживалась

нормальная сила тяжести. Управление автоматизированным кораблем оказалось довольно несложным делом, так что к концу путешествия я уже сам смог бы вести шародиск.

Мы приближались к планете Птуин. «Почему не включают экранов обзора?» — подумал я и вдруг снова стал свидетелем явления, всегда приводившего меня в изумление: стены корабля, стали прозрачными. Мы как бы повисли в пространстве. Прямо по носу корабля в небесной бездне сиял огромный сверкающий диск планеты. Командир шародиска и два его помощника совершали у пульта странные ритмичные движения, переключая серии кнопок и рычажков. По шародиску неслась многоголосая симфония, то усиливаясь, то замирая.

— Что означает эта музыка? — спросил я у Алда.

— Я ввожу шародиск в режим энергетических вибраций, создаваемых по экватору планеты. Экваториальный пояс энергетических вибраций образуется генераторами-приемниками и преобразователями энергии излучения центра Галактики. Эти вихри-вибрации непрерывно питают заводы мезовещества, так как получение даже одного килограмма его требует затраты громадного количества энергии, равного двумстам миллиардам киловатт. Ее источник неисчерпаем. Энергии ядра Галактики хватит на миллиарды лет, — добавил он.

Многоголосая, хватающая за душу мелодия все разрасталась. В нее вливались мощным потоком новые звенящие звуки, беспрестанно повышаясь. По телу разлилась странная пугающая слабость. Казалось, что вот-вот я начну растворяться в этой расширяющейся мелодии. На какое-то мгновение на все тело навалилась свинцовая тяжесть и сразу отпустила.

Мелодия угасла так же внезапно, как и началась. Легкий толчок — и шародиск беззвучно опустился на ровную площадку.

— Прибыли? — удивился я. — Так скоро?

Алд кивнул головой.

Нас никто не встречал. Я осмотрелся. До самого горизонта тянулись грандиозные грибовидные сооружения, уступчатые здания и башни, над которыми струились зеленые молнии. Вероятно, это и были приемники-распределители энергии, поступающей на заводы. Грибовидные сооружения были связаны между собой густой сетью толстых трубопроводов. Подняв глаза, я увидел черный небосвод с крупными немерцающими звездами: значит, планета лишена атмосферы; поэтому центр Галактики пылал здесь ослепительным блеском, затмевая солнце.

Мы облачились в скафандры и после трехкратной выдержки в тамбурах вышли из шародиска.

— Мы должны забрать отсюда очередную партию мезовещества, — строго сказал мне Алд. — А ты подождешь нас в диспетчерском пункте. — И он указал мне на полукруглый броневого гриба, находившийся от нас на расстоянии пятисот метров. — Не пытайся скрыться. Здесь тебе это не удастся. Мы закончим приемку и погрузку мезовещества через пять часов.

Сила тяжести на этой планете была значительно меньше, чем на Гриаде. Поэтому я без усилий передвигался в грианском скафандре. Мы подошли к двери диспетчерской. Алд нажал скрытую в стене кнопку, дверь тут же сама открылась. В тамбуре мы сняли скафандры и вошли в просторный длинный зал. На миг мне показалось, что я снова попал на Острова Отдых. Так как ощутил пьянящий воздух морских просторов, аромат тропических цветов. В диспетчерской поразительно точно был воспроизведен климат далеких Островов Отдыха.

В огромном зале находились всего три Познавателя, которые с бесстрастной важностью прохаживались вдоль рядов причудливых приборов. На экранах аппаратов мигали, переливались и искрились сотни дрожащих,

пульсирующих кривых. Периодически вспыхивал гигантский проектор в центре диспетчерской, давая картину того или иного цикла производства мезовещества.

Переговорив с Познавателями, Алд указал на меня и вышел из диспетчерской.

Я подошел к одному из Познавателей и спросил, указывая на сооружения, виднеющиеся за высоким узким окном:

— И это все обслуживаете только вы трое?

Познаватель долго рассматривал меня, очевидно обдумывая ответ. Потом широким жестом указал на одновременно вспыхнувшие экраны связи. И я увидел бесконечные подземные тоннели, по которым двигались труженики с нездоровыми, землистыми лицами. Их глаза сверкали, как факелы, в призрачной багровой мгле. Вероятно, мгла представляла собой вредные испарения окружающих горных пород.

— Кто это? Неужели гриане? — невольно ужаснулся я.

— Нет! — высокомерно ответил Познаватель, и по его тону я понял, что мои слова задели его самолюбие. — Не для того тысячи лет Познаватели накапливали знания, чтобы самим работать на глубинных месторождениях мезосырья. Для этого есть эробсы.

И я узнал, что в подземных толщах Птуин, на глубинах от трехсот до восьмисот километров, раскинулись целые города, где жили труженики Космоса эробсы. Откуда они появились на планете? Из числа тех же островитян, потомки которых возделывают Сумеречные Равнины? Преодолевая душивший меня гнев, я смотрел на космических братьев грианоидов, работавших около чудовищных механизмов. Окутанные багровыми пыльными облаками, эробсы шаг за шагом вгрызались в горные породы, расположенные в непосредственной близости от тяжелого ядра планеты. Они добывали сырье для производства мезовещества.

Потом передо мной поплыли проспекты подземных городов, я увидел космических тружеников за работой, на отдыхе, в часы досуга; тускло мерцали осветительные лампы, ритмично пульсировал огромный аппарат регенерации воздуха, время от времени выбрасывая на поверхность планеты вредные газы. Но несмотря на то, что здесь условия труда были гораздо тяжелее, чем на дне Фиолетового океана, я тщетно искал на лицах эробсов выражения рабской покорности. Как и у братьев грианоидов, я видел всюду мужественные, волевые лица, глаза, полные разума.

Я обернулся к самодовольно-бесстрастному Познавателю, лениво взиравшему на экраны, и мне неудержимо захотелось крикнуть в его ледяное лицо: «Варвары! Вас надо уничтожать, как ненужную плесень на здании тысячелетней цивилизации!»

* * *

Итак, опять в Трозу. Что-то меня ждет? Алд внимательно следит за погрузкой последних пакетов мезовещества в центральный грузовой люк шародиска. Один такой «пакетик» весит полмиллиона килограммов, и его грузит мощный антигравитационный транспортер. Я нахожусь в Централи управления. Астронавты-операторы безучастно сидят по своим местам. Они, вероятно, и не подозревают, что я посланец далекого мира, где невозможны Познаватели. Вдруг мне приходит в голову отчаянная мысль: хлопнуть люк и бежать.

Рука потянулась к автомату, закрывающему люк. Но тут здравый смысл подсказывает мне, что я могу погибнуть в ледяных пустынях Космоса. Ведь я не знаю, как составлены программы электронных машин, управляющих кораблем, я не смогу вычислить грандиозно далекий путь до Солнечной системы. Кроме того, в шародиске нет

анабиозных ванн — значит, я умру раньше, чем достигну периферии Галактики. И, наконец, самое главное — способен ли этот межпланетный шародиск развить субсветовую скорость? Наверное, нет. Вот если бы это был межгалактический шародиск! Нет, все равно я не смог бы улететь: ведь в Трозе остался Петр Михайлович! Ладно, вернусь в Трозу. Не могу допустить и мысли, чтобы мы с академиком дали добровольно произвести над собой гнусную операцию замены мозговых центров с последующей отправкой в эту пресловутую Желсу.

Резкий звон захлопнувшегося люка заставил меня сильно вздрогнуть. Это, конечно, Алд. Операторы бросились по своим местам, Познаватель включил сигнал старта. Медленно отвалил в сторону антигравитационный транспортер. Еще минута, и в грохоте энергетической отдачи шародиск отрывается от поверхности Птуин.

Прощайте, братья подземных городов Птуин! Я верю, что и над вами скоро взойдет солнце Свободы!

ПОБЕГ ИЗ ТРОЗЫ

Едва шародиск коснулся полированной равнины Трозы, как меня подхватили поджидавшие здесь служители Кругов Многообразия и усадили в яйцевидный аппарат.

Спустя полчаса аппарат пикирует в воронку, и я с удовольствием окидываю взглядом незабываемую панораму Трозы.

...Меня запирают в треугольной комнате без окон. Смутно брезжит поляризованный свет сквозь одну из стен. Где же Петр Михайлович? Может быть, его уже нет в живых? От этих рационалистских варваров можно ожидать всего.

Резкий стук прерывает мои мысли. В комнату врывается сноп яркого света. Я зажмурился, а когда открыл глаза, передо мной стояли три служителя.

— Пойдем, — безразличным голосом произнес один из них.

Молча едем по тоннелям. «Неужели в Желсу?..» Лифт останавливается перед круглой дверью. «Очевидно, операционная», — в смятении подумал я. Что делать? Внезапным ударом оглушить служителей и попытаться скрыться? Да, но как вырваться из Трозы?

Служитель открыл дверь, и мои страхи рассеялись: я узнал знакомый зал Сектора биопсихологии. Меня, вероятно, ожидали, так как головы биопсихологов в оранжево-синих одеяниях быстро повернулись ко мне. На возвышении сидели Югд, Люг и еще трое незнакомых гриан. А среди оранжево-синих я увидел... академика Самойлова. Оттолкнув служителей, я подбежал к нему и сел рядом.

— Петр Михайлович, как я рад! А я уже не надеялся застать вас в живых. Что они собираются делать с нами?

Самойлов казался озабоченным. Он нахмурился и, сделав незаметный знак, быстро и тихо сказал:

— Нависла серьезная опасность. Сейчас будут решать нашу участь. Тебя Круги приказали отправить на рудники Желсы. Слышал о них?

— А что ожидает вас?

Самойлов усмехнулся:

— Меня? За примерное поведение меня, возможно, используют для дальнейшего изучения мозговых процессов...

Биопсихологи внимательно прислушивались к нашему разговору, но, ничего не поняв, равнодушно отвернулись: объекты исследования пока их не интересовали.

— Но с меня тоже довольно, — вдруг сказал Петр Михайлович. — Грианскую теорию пространства — времени я в основном познал. Весь необходимый материал собран в микрофильмах. — Он с удовлетворением погладил свои туго набитые карманы. — Детальное изучение этих микрофильмов займет теперь весь остаток моей жизни. Будем думать о возвращении на Землю.

— Пожалуй, поздно, Петр Михайлович. Теперь отсюда не выберешься.

— Выберемся, — уверенно произнес Самойлов. — Ладно, поговорим об этом наедине. Видишь, начинается...

Югд властно ударил по колонне тонким стержнем. Раздался мелодичный звон, воцарилась тишина.

— Круги Многообразия требуют обсудить вопрос о пришельцах с Земли. Беспокойный дикарь по имени Вектор (так прозвучало мое имя), как бесполезный объект для исследования мозговой функции и нарушитель Гармоничного Распорядка Гриады, немедленно будет отправлен в Желсу. Тебе, Лют, — он повернулся к красноглазому биопсихологу, — я поручаю сделать землянину операцию мозга.

Красноглазый, довольно ослабившись, кивнул головой.

Однако дело приняло неожиданный оборот. Биопсихологи в общем согласились с предложением Югды. Меня решили отправить в Желсу. Самойлов же передавался в Сектор мозга для углубленного исследования его мышления. Но Люг вдруг обратился к Югду.

— Сектор биопсихологии просит еще на неделю оставить обоих землян для интересных и многообещающих опытов по сочетанию их с грианоидами и эробсами. Мы считаем, что этот опыт принесет большую пользу Познавателям. Существа, которые возникнут в результате этих опытов, дадут начало новой расе работников. Они унаследуют от землян некоторые ценные качества:

сообразительность, энергию, трудоспособность. — При этом он удовлетворенно взглянул на академика. — Наши операторы имеют младенческий разум, а грианоиды невежественны и строптивы. (Я усмехнулся, вспомнив, как дети океана упорно постигают знания в тайных школах подводных городов.) Они уже не в состоянии хорошо обслуживать новейшую технику.

Биопсихологи одобрительно загудели, защелкали своими странными аппаратами, поддерживая предложение Люга. После короткого разговора с Элцем по телевизионному каналу Югд сообщил, что Круги Многообразия разрешают этот опыт. Служители Кругов Многообразия увели нас в полутемную комнату рядом с Сектором. Когда мы остались одни, Самойлов оглушительно захохотал:

— Ты видел, что придумали!

Потом он ожесточенно забегал по комнате.

— Ты что молчишь?! — вдруг набросился он на меня.
— Надо что-то предпринимать!

Признаться, до меня только теперь дошел смысл дикого грианского предложения. Целый час мы просидели в тяжелом раздумье. И вдруг меня словно озарило.

— Пойдите!

И я изложил ему свой план спасения, обратив против Познавателей их же эксперимент.

После некоторого размышления Самойлов оживился:

— Правильно придумано! Это, пожалуй, единственный выход. Да, но на чем лететь? Я не вижу возможности достать аппарат-яйцо.

— А это зачем? — сказал я и выхватил из-за пазухи антигравитационный диск, который тщательно прятал от Познавателей, так же, как и радиотелеаппарат, переданный мне Джиргом.

Самойлов крепко меня обнял.

— Это очень кстати, — взволнованно произнес он. — Но поднимет ли он нас двоих? Я знаю технические данные

этого диска. Его грузоподъемность — сто шестьдесят килограммов. Я вешу восемьдесят пять килограммов, а ты?

— Девяносто! — с отчаянием ответил я. — Если бы знать раньше.

— Ничего, — успокоил Самойлов, что-то напряженно подсчитывая в уме. — Обычно в любых аппаратах бывает какой-то запас — значит, и в диске есть запас грузоподъемности. Да что говорить — проверим.

Я быстро настроил диск и, обхватив Самойлова, включил аппарат. Довольно медленно мы поднялись к потолку.

— Ну вот, видишь, — заметил Самойлов. — С трудом, но вытянет. А куда же мы полетим?

— Это предоставьте мне.

С видом заговорщика я извлек второй предмет — радиотелеаппарат. Не понимая еще значения этого факта, Самойлов выжидающе смотрел на меня.

— Для чего тебе эта машина? — усмехнулся он.

Продолжая интриговать академика, я включил аппарат и набрал условный шифр вызова. На миниатюрном экране заструились зеленоватые полосы. Прошла минута, другая, третья. Ответа не было. Что случилось? Почему молчит Джирг? Я уже начинал чувствовать себя в глупом положении и собирался обратить все в шутку, как вдруг зеленоватые полосы побледнели и сквозь дымку обрисовалось лицо Джирга. Он стоял на палубе незнакомого судна и озабоченно вглядывался в экран такого же, как у меня, радиотелеприемника.

Лицо его выражало волнение и беспокойство: очевидно, он увидел необычную обстановку, в которой мы находились.

— Я слушаю тебя, брат, — услышал я ослабленный расстоянием голос Джирга и облегченно перевел дух. — Что с тобой? У тебя измученный вид, — продолжал он. — Где ты? Что я могу сделать для тебя?

В нескольких словах я рассказал, что произошло с нами, и попросил его укрыть нас у себя на судне.

Джирг не удивился, а только сказал:

— Когда и где?

— Ожидай нас в том же районе, где мы с тобой расстались шесть суток назад: северо-западнее Дразы. Помнишь ту колонну радиомаяка? О точном времени прибытия сообщу дополнительно.

— Хорошо, брат, — сказал Джирг. — Я буду ждать вас.

Экран погас. Самойлов со все возрастающим изумлением слушал наш разговор. Только сейчас я подумал о том, что ничего не рассказал ему о своем путешествии. Ведь мы расстались так внезапно в тот день, когда я незаметно оставил его в грианской школе. Я начал рассказывать ему о своих приключениях.

— Все это мне уже известно, — перебил он нетерпеливо. — Я следил за твоими похождениями в электронные искатели. Виара указала мне тот сектор Фиолетового океана, куда вы направились с Джиргом. Лучше скажи, какой план бегства ты придумал.

Выслушав мой план, академик с сомнением покачал головой, но в конце концов признал, что лучшего в данном положении не придумаешь.

— Стоит попробовать, — заключил он. — Но ты забыл одну важнейшую деталь: удастся ли нам проскочить в выходной тоннель Трозы?

— В воронку? Я думаю, что гриане открывают ее строго периодически, может быть, каждый час. Нужно найти один из каналов и там поджидать открытия тоннеля.

— Нет, это не годится, — сказал Самойлов. — Так вот, слушай: выходной тоннель открывается шесть раз в сутки и то лишь по специальному коду, который хранится в Электронном Центре Трозы. Я случайно узнал этот код: Познаватели, несмотря на свое высокое развитие,

довольно наивны, предполагая, что мы недалеко ушли по уровню развития от операторов Трозы. Поэтому я пользовался в Информарии полной свободой и доступом ко всем его сокровищам. Этот код хранится в пятьсот четвертом слое среднего яруса Информация. Я его знаю.

— Как же использовать этот код? — спросил я.

— Довольно просто: у тебя есть передатчик. Заложим шифр в генератор и излучим на промежуточный автомат, который расположен на крыше Кругов Многообразия. Тогда тоннель откроется, но ненадолго, всего на пять минут, так как в Электронном Центре это обнаружат и тотчас закроют тоннель. Мы должны вырваться из Трозы за эти пять минут.

— Понял, — сказал я, еще раз мысленно поблагодарив судьбу за то, что она опять свела меня с Петрам Михайловичем.

...Резкий толчок прервал мой беспокойный сон.

«Вставай, за нами пришли», — услышал я шепот академика.

Я приподнял голову: в комнату входили Люг и два незнакомых служителя Кругов Многообразия. «Следуйте за мной в Сектор усовершенствования», — без всяких предисловий предложил биопсихолог.

В Секторе усовершенствования состоялся довольно необычный разговор:

— Вы готовы приступить к эксперименту? — опросил нас Югд.

Академик хотел было выразить свое возмущение, но я бодро ответил:

— Да!

Самойлов удивленно посмотрел на меня, но я успокоил его взглядом. Нас поместили в двух смежных лабораторных комнатах и велели ожидать. Я понял, что пришло время действовать. Случай благоприятствовал нам: в потолке лаборатории оказался овальный люк, вероятно

вентиляционный. «Сколько времени в нашем распоряжении?» — лихорадочно думал я, прикрепляя к груди диск.

— Петр Михайлович, скорее идите сюда! Пора!

Академик что-то мешкал.

— Ну что вы там? — недовольно закричал я. — Скорей!

Наконец Самойлов показался в дверях.

— Давай передатчик! — сказал он.

Пока он настраивал аппарат, я тщательно запер наружные двери лаборатории.

— Теперь держитесь крепче за меня, — прошептал я Самойлову.

Волнение сжало горло... Мы крепко обхватили друг друга, я включил диск. Аппарат плавно и уже легче, как мне показалось, чем в первый раз, поднял нас к отверстию люка. Нам пришлось отогнуть несколько прозрачных планок, вращающихся в люке, чтобы пролезть в него. Удалось это нам с большим трудом. Мы очутились в широкой темной трубе. Куда она выведет нас? Мы поднимались все выше и выше, изредка скользя по ее гладким стенкам. Вдруг я довольно чувствительно ударился головой о твердую поверхность. Подъем прекратился. Оказалось, что тут канал изгибался под прямым углом. Сразу стало светлее: где-то далеко впереди забрезжил свет.

— Это непредвиденное затруднение, — пробормотал Петр Михайлович. — Диск тут не поможет.

— Скорее, скорее, — подгонял я академика, хотя видел, что это было излишне. — По-пластунски!

Я выключил диск и пополз, как ползали в старину наши предки на полях сражений.

Некоторое время в трубе слышны были лишь проклятия академика, он не привык передвигаться таким способом. «Скоро ли вернутся биопсихологи? — тревожно вертелось в голове. — Через час или через пять минут? Скорей бы кончилась эта проклятая труба!» Светлый круг впереди казался все еще бесконечно далеким. Я собрал

последние силы и пополз еще быстрее. Академик отставал.

— Не сдавайтесь, Петр Михайлович! — подбадривал я его. — После отдохнем.

Он молчал и пыхтел как паровоз.

— Фу! Наконец-то! — выдохнул я с величайшим облегчением и осторожно высунул голову в отверстие. Сердце радостно забилося: люк выходил как раз к уступу здания Кругов Многообразия.

— Скорей! Ну, Петр Михайлович! — громко шептал я.

Академик еще полз где-то в темноте, метрах в десяти от меня. Я протянул руку в темноту и, нащупав Самойлова, рывком выдернул его на уступ. От напряжения он тяжело дышал и не мог выговорить ни слова.

— Где же автомат включения воронки? — тормозил я его.

— Там... подожди. Я сейчас, — и он опустился на уступ.

Я видел, что Самойлов побледнел, и понял, что ему будет трудно держаться за меня во время полета. Тогда я снял диск со своей груди и прикрепил его к академику. Потом для надежности привязался к ученому ремнем и крепко обхватил его за плечи. Диск снова понес нас по воздуху.

Через минуту мы поднялись на площадку самого высокого уступа здания. Вдруг я заметил, что стало темнеть. Кругом замигали бесчисленные светильники. Взглянув вверх, я не увидел сквозь прозрачную крышу Трозы фиолетового неба и центра Галактики. По небосводу быстро мчались тяжелые хмурые тучи.

— Начинается Цикл Туманов и Бурь, — заметил отдыхавшийся академик.

«Плохо это или хорошо?» — подумал я.

— Вот промежуточный автомат тоннеля, — указал Самойлов на четырехугольную пластмассовую коробку у карниза. — Смотри вверх.

Он излучил ритмичный сигнал, нажимая кнопки передатчика. Внутри автомата что-то защелкало, загудело.

— Есть воронка! — радостно закричал я.

Поляроидная крыша медленно раздвигалась как раз над зданием Кругов, постепенно выпучиваясь вверх в виде широкого конуса.

Я перевел рычажок диска на полную мощность. Словно жалуясь на непосильную нагрузку, аппарат тонко зажужжал, и мы по спирали поднялись к горлу воронки. Я с беспокойством смотрел на часы. С момента бегства прошло сорок пять минут. Хватились нас или нет? Скоро ли? Однако мы поднимались все-таки медленно.

— Четыре минуты, — прохрипел Самойлов. — Через минуту тоннель закроется. Скорей! Или все рухнет...

— Сдвигается! — воскликнул я, видя, как конус стал медленно сокращаться.

Уже близко... Еще миг! Мы еле успели пройти горло тоннеля, как оно стало меньше слухового окна и с мягким шорохом сомкнулось.

Над полированной равниной нас встретил пронзительный ветер, дувший, к счастью, нам в спину. Неимоверный зной, которого я так боялся, смягчился, но стало душно и сыро. Это были первые признаки Цикла Туманов и Бурь.

Вдруг я инстинктивно обернулся, как будто что-то толкнуло меня, и сердце сжалось: позади снова выросла воронка открывающегося тоннеля, у ее края показалась черная точка. Вскоре она превратилась в маленькую фигуру: кто-то гнался за нами.

— Петр Михайлович, за нами погоня! — сказал я академику.

Тот встрепнулся и, ни слова не говоря, перевел рычажок горизонтальной скорости в крайнее положение, отчего мы заметно ускорили полет. Несколько минут

фигурка не увеличивалась, но затем стала медленно догонять нас. Мы неслись в сгустившихся сумерках над померкневшими лесами Гриады, едва не задевая за кроны деревьев. Аппарат сдавал: вероятно, от перегрузки у него подработались какие-то тонкие механизмы. Вскоре преследователь приблизился к нам настолько, что я смог рассмотреть его лицо. Это был красноглазый Люг! Как он сумел найти нас? И почему он один? Очевидно, он первым догадался, каким путем мы ушли, и, пока снаряжалась погоня, бросился вдогонку за нами на свой страх и риск. Что ж, тем лучше для нас.

Люг что-то кричал и отчаянно жестикулировал, приказывая остановиться. Теперь нас разделяло расстояние в двадцать метров.

— Вижу радиомаяк! — вдруг крикнул Петр Михайлович. — Тот самый, о котором ты говорил Джиргу!

Я сверился с картой и радиокомпасом.

Люг, перестав жестикулировать, извлек из кармана нечто вроде длинного стержня и направил в нашу сторону. Ослепительно блеснул короткий бледно-синий, почти прозрачный факел, и я с ужасом увидел бессильно опустившуюся голову академика. Дикая ярость охватила меня. Я резко затормозил аппарат, так что Люг, поспешно перезаряжавший оружие, чуть не налетел на нас. В тот момент, когда Познатель поравнялся со мной, я схватил его за горло свободной правой рукой и одновременно ударил коленкой в живот. Лязгнули челюсти, и я услышал, как Люг захрипел. Я сжимал горло врага все сильнее и сильнее.

Через минуту все было кончено. Тогда я отцепил с груди мертвого Люга антигравитационный диск, едва не вырвавшийся из рук, и тело грианина камнем полетело вниз.

С трудом прикрепив аппарат Люга, я освободил ремень, связывавший меня с академиком, уравнивал скорости обоих дисков и взял Петра Михайловича за руку. Она была холодная как лед. Меня охватило отчаяние. Погиб человек, с которым мы совершили величайшее в истории Земли путешествие и открыли этот странный мир. Умер гениальный ученый, подаривший человечеству гравитонную ракету! А как много он сделал бы еще!..

Подо мной уже ревел океан. Башня радиомаяка осталась справа. Оглушенный горем, я машинально разыскивал глазами судно Джирга. В сумерках ничего нельзя было рассмотреть. Вдруг в полукилометре к югу вспыхнуло три оранжевых огня. Это Джирг.

Вот, наконец, и судно. Регулируя сразу два аппарата, я тихо опустился на палубу, бережно поддерживая Самойлова. Ко мне уже бежал Джирг.

— Что случилось, брат? — спросил он, испуганно разглядывая лежащего академика.

— Люг... — только и смог выдать я.

Он внимательно осмотрел академика и указал на темное пятно, выступившее у него на виске.

— Гравитационный удар, — тихо сказал Джирг. — Наступил мгновенный паралич и смерть. Единственная надежда — Большой Юго-Западный Остров.

Не понимая еще, на что надеялся Джирг, я молча помогал ему облачить Самойлова в охлаждающий скафандр. Ясно лишь, что Джирг хочет сохранить тело от разложения. Вероятно, кто-то, обитающий на острове, может помочь нам. Но, как и чем? Ведь нельзя же оживить умершего?

* * *

В эту ночь звезды мерцали так тускло и слабо, что я не смог бы по ним определить. Цикл Туманов и Бурь вступал в свои права. Ядро Галактики затянуло непроницаемой мглой. Утро встретило нас знойным влажным штилем, иногда прерываемым сильными шквалами ветра. Солнце еле просвечивало сквозь мглу. Лицо Джирга было так же хмуро, как и небо.

— Приближается ураган, — сказал он. — Я пять раз видел большую бурю на Фиолетовом океане: начало всегда такое.

Несмотря на штиль, по океану шли волны непомерной высоты. Минут через десять Джирг, ходивший взглянуть на приборы, вышел озабоченный.

— Начинается. Чувствуешь, жарница какая?

Я стер со лба пот. Через час духота стала еще невыносимее, мертвый штиль продолжался. Небо стало медно-красным с фиолетовым оттенком. Грозное море катило длиннейшие маслянистые волны. Вдруг зловещее медно-фиолетовое зарево исчезло. Стало темно. Джирг колдовал над инфразвуковым барометром, определяя центр урагана, неотвратимо надвигавшегося откуда-то из мрака.

Ураган налетел в два часа дня. Океан почернел и забил белыми барашками. Сперва это был просто очень свежий ветер, не набравший еще полной силы. Мачта электромагнитного приемника гудела. Судно ускорило ход под напором ветра. Он дул и дул, затихая на миг перед новыми, все более яростными порывами. Нос корабля почти совсем скрылся под водой. По палубе заходили пенные валы: гравитационные успокоители уже не могли справиться с разбушевавшимися волнами. Я не спускал глаз с радиобарометра, который продолжал падать.

— Центр урагана где-то к востоку от нас, — сообщил Джирг. — Мы идем прямо наперерез ему. Надо изменить курс. Жаль, что это судно не приспособлено для подводного плавания. После того случая (он имел в виду «крушение» гидромобиля и мое «чудесное спасение») мне дали обыкновенный электромагнитный катер. Ушли бы сейчас под воду, где не страшен никакой ураган.

Корабль повернул и стремительно понесся на северо-запад сквозь мрак и бурю. Спустя некоторое время Джирг снова обратился ко мне:

— Ураган описывает огромную дугу. Я еще не успел ее вычислить, но чувствую, что центр урагана настигает нас. Все зависит от размеров дуги. Тогда нам придется плохо! Да и сейчас уже нельзя плыть, слишком велика волна. Я никогда не видел такого урагана. В порывах двести друн в пять кругов (семьсот километров в час). А волна, посмотри! Четверть века плаваю, а такой не видел!

По океану ходили исполинские горы. Меж ними разверзались фиолетовые долины шириной в два километра. На их пологих склонах, несколько защищенных от ветра, грядами теснились крупные волны в белых пенных шапках. Но гребни грандиозных валов были без белой оторочки: ветер мгновенно срывал с них закипавшую пену и носил ее над морем, забрасывая на высоту в четверть километра.

Судно швыряло как щепку. Корпус, сделанный из неведомого сплава, стал подозрительно потрескивать. Мы едва держались на ногах, крепко уцепившись за стойки пульта. Я подумал об академике, но, заглянув в каюту, успокоился: Джирг уже раньше меня позаботился о нем. Академик покоился в своеобразном гамаке.

Гигантский вал с грохотом ударил в борт корабля. Раздался треск. Джирг включил кормовой экран. Оказывается, обрушился запасной приемник энергии на юте. А вдруг рухнет центральный? Назревало кораблекрушение.

Внезапно я расслышал удивленный возглас Джирга. Он показывал на главный экран, который мерцал призрачным синеватым светом, совсем не похожим на обычный зеленый свет. Но ведь я прекрасно помню, что Джирг не включал центрального экрана! И вдруг в мерцании электронных струй на миг проступило незабываемое, никогда не виданное лицо. Почему-то оно смутно напоминало лицо статуи на фронтоне Энергоцентра. Прекрасные удлинённые глаза пристально разглядывали нас. Потом лицо исчезло. Это было как во сне. Джирг в немом изумлении смотрел на меня, я — на него.

— Что это было? — растерянно прошептал я.

Джирг молча пожал плечами. Затем стали твориться чудеса: водяные горы, с ревом обрушивавшиеся на палубу, резко сбавили свой напор. Стрелка прибора, измерявшего силу поля тяготения, скакнула в конец шкалы и уперлась в ограничитель. Мощные поля неведомой энергии сгущались вокруг корабля в большом радиусе, о чем ясно сигнализировал энергетический осциллограф. На экране погоды скопление извивающихся кривых, обозначающих центр урагана, вдруг покрылось мутными дрожащими пятнами, как будто его накрыли густой вуалью. Ураган внезапно стих.

Не веря своим глазам, я видел, как на горизонте лениво опадали последние волны разрушенного урагана.

Прекратился бешеный вой ветра. Мы ничего не понимали. Хотя на горизонте ясно виднелись потрясающие воображение волны, вокруг судна примерно в четырехкилометровом радиусе воцарился полный штиль. Океан стал гладким как стекло. Этот круг штиля перемещался вместе с нами с той же скоростью, с которой мчался электромагнитный катер — километров триста в час!

— Удивительно и непостижимо! — озадаченно сказал я. — Вероятно, это странное явление природы характерно только для вашей планеты.

Но Джирг отрицательно покачал головой.

— За двадцать пять лет я не видел на океане ничего похожего. Хотя, может быть, термоядерные солнца Южной Гриады?

И он начал объяснять мне теорию атмосферных процессов на Гриаде.

— А может быть, — перебил я его, — это явление связано с появлением на нашем экране необычайного существа?

Джирг промолчал, всем своим видом показывая нежелание гадать о неизвестном.

— Смотри на курсовой указатель! — воскликнул он.

Я решил ничему не удивляться. Но это нелегко было сделать. Корабль почему-то неся на юго-запад, хотя Джирг последний раз направил его бег на северо-запад. Кроме того, он все убыстрял ход. Непонятная чудовищная сила тянула судно на юго-запад и только на юго-запад! Создавалось впечатление, что мы попали в какой-то силовой коридор. Чтобы убедить в этом Джирга, я проделал опыт: подал команду электронному «рулевому» изменить курс на восток. Судно стало круто забираться к северу, но уже через секунду искатель курса тревожно зазвенел, мигая фиолетово-оранжевым глазом, и корабль самопроизвольно повернул на юго-запад. Мы так утомились, что остаток дня и ночь спали как убитые, махнув рукой на

загадочную силу, гнавшую нас на юго-запад. Все равно мы были бессильны против нее.

Разбудил меня яркий луч солнца, бивший прямо в лицо. Я быстро поднялся на палубу и застыл в немом восторге. Океан, покорный и тихий, казался застывшим озером густого сапфира. Наступило изумительно теплое утро, утро грианских тропиков. Вероятно, это был один из последних тихих дней перед сплошным сумраком Цикла Туманов и Бурь. Нежнейший бриз ласково касался моего лица. В двух милях к югу из воды вставали гигантские пальмовидные деревья огромного острова. А за пальмами на фоне неба возвышалась серебристо-голубая гора, поражавшая глаз идеальной геометрической формой.

Это был шар, по размерам превосходящий, пожалуй, Эльбрус!

— Джирг, — позвал я. — Иди сюда! Взгляни-ка на этот шар.

— Что случилось? — Он вышел из рубки с полотенцем в руках, жмурясь от яркого солнца.

Некоторое время Джирг сосредоточенно разглядывал голубой шар. Потом тихо проговорил: — Да. Он такой, как его описывала мне Виара: она видела однажды этот шар, когда ее брал в экспедицию к Острову Югд. Сам я никогда не заплывал в эту часть океана. Согласно приборам, мы прошли от Дразы более десяти тысяч километров!

Силовой канат, на котором буксировался корабль, резко уменьшил свою мощность. Скорость нашего движения упала почти до нуля. Тихим ходом мы приближались к загадочному острову, который так часто занимал мое воображение.

ГИГАНТЫ

Корабль остановился посреди бухты. Около трех километров в диаметре, почти овальной формы, она была исключительно красива. Со всех сторон к воде подступали непроходимые тропические заросли, перевитые густыми лианами. Огромные, с колесо величиной, цветы задумчиво смотрелись в зеркало бухты, роняя капельки росы.

Кругом стояла первозданная тишина. Прямо на север открывалась широкая долина, в створе которой заслонял четверть неба загадочный шар. Сколько я ни всматривался, нигде не было видно ни души. И вдруг сердце ударило толчками, отдавая пульсацией крови в висках. Из-за могучего древесного ствола на берег бухты вышел гигантский человек в ярко-голубом прозрачном скафандре. Человек был ростом не менее трех метров, с поистине богатырскими плечами, с великолепно развитой мускулатурой. До берега было около пятидесяти метров, и я хорошо рассмотрел черты его лица. Готов поклясться, что это было то же самое лицо, которое показалось на экране обзора во время урагана!

Я оглянулся. На лице Джирга было написано благоговейное изумление.

— Это пришелец из Великого Многообразия. Пятьсот лет назад они помогли предкам нынешних Познавателей выстроить Энергоцентр. В память этого оставлен знак — статуя над входом. Но последние триста лет они не подавали признаков жизни; экспедиции Познавателей к Юго-Западному Острову, предпринимавшиеся в течение последних пятидесяти лет, ничего не смогли узнать. Последний раз туда плавал Югд, и с ним была Виара. Она рассказывала, что они уже видели голубой шар на горизонте, но ближе, чем на двадцать километров не могли подойти к острову. Какой-то силовой барьер отбрасывал

их корабли на запад, несмотря на то что Югд пускал в ход все генераторы мезовещества, чтобы нейтрализовать барьер.

Значит, это не грианин? Тогда кто же? Что за разумные существа? Откуда они прилетели? Я терялся в догадках.

Гигант в скафандре («Почему он в скафандре?» — подумал я) пристально смотрел на нас и непонятно улыбался. Внезапно он поднял здоровенную ручищу и... позвал нас к себе. Странно, я не испытывал никакого страха и сказал невозмутимому Джиргу:

— Поплыли знакомиться.

Однако плыть было не на чем: шлюпку разнесло штормом в щепки, а летательные диски во время урагана вышли из строя: это были довольно нежные приборы. Они были исковерканы и измяты: потрясенный тогда смертью академика, я оставил их в каюте незакрепленными.

— Как же сойти на берег? — спросил я у Джирга.

Гиганту, вероятно, надоело ждать. В тот момент, когда я собирался прыгнуть в воду, чтобы добраться до берега вплавь, гигант очень плавно отделился от «земли» и, поднявшись в воздух, полетел к судну, находясь в обычном вертикальном положении. Не успели мы опомниться, как он оказался на палубе.

Что бы это ему сказать? И на каком языке?

— Мы не можем сойти на берег, — сказал я, наконец, извиняющимся тоном. — Все наши аппараты разбиты.

Гигант молчал: вероятно, он не понял моих слов (вернее, слов лингвистической машины). Но он знаками показал, что надо лететь к горам, из-за гребней которых выглядывал серебристо-голубой шар.

— На чем лететь? — жестами спросил, и я его.

Тогда гигант протянул руку и взял меня за пояс, показывая, что легко удержит меня на весу в полете. Я понял его, но стал отчаянно жестикулировать, стараясь объяснить, что нас не двое, а трое. Затем бросился в каюту и с трудом вынес на палубу академика.

По чрезвычайно выразительному лицу гиганта я сразу догадался, что он возьмет с собой и академика. Не теряя времени, он тут же бережно взял Самойлова, легко перенес его на берег и снова возвратился, удовлетворенно улыбаясь. Лицо загадочного собрата по разуму было незабываемым: оно все было огонь, движение, изменение! Хотя черты лица были крупны, но зато отделаны резцом неведомых нам поколений до немыслимого совершенства. Тончайшие нюансы чувств и мысли, словно быстро-текущий поток, мгновенно отражались на этом лице.

Гигант снова нетерпеливо показал, что надо лететь. Я обернулся к Джиргу:

— Ну что ж, летим! Чувствую, что нас ожидают необыкновенные вещи.

Но, к моему удивлению, Джирг отказался покинуть судно.

— Я должен возвратиться в Дразу, — с сожалением сказал он. — Мне очень хотелось бы увидеть необычайное, но меня ждут братья грианоиды. Впереди еще столько борьбы! Прощай!.. Держи с нами связь на прежнем шифре. Может быть, теперь я обращусь к тебе за помощью. Твой друг (он указал на академика) будет жить!

Я искренне обнял мужественного сына Гриады.

Гигант с доброй улыбкой наблюдал за нами.

— Он уходит в море, — сказал я гиганту. — Ты егопустишь из бухты?

Никакого ответа. Хотя мне показалось, что загадочный человек положительно отнесся к моей просьбе. Странно, может быть, у него нет органа речи? Во Вселенной возможны любые диковинки.

Нащупав в кармане радиоприемник и удостоверившись в его исправности, я подошел к гиганту и сказал, доверчиво глядя ему в лицо:

— Я готов.

И взялся за его руку. Гигант еще шире улыбнулся и вдруг, подхватив меня, перенес на берег. Я едва успел крикнуть:

— До свидания, Джирг! Привет Геру и всем вашим!

Судно сделало крутой поворот и медленно двинулось к выходу из бухты. Джирг махал мне рукой.

Я остался вдвоем с этим загадочным гигантом. Он смотрел сейчас на север, в сторону моря, и на его лице пробегали оттенки неведомых мне мыслей. О чем он думал?

Оказывается, гигант мог разговаривать. Бросив несколько коротких фраз во внутришлемный переговорный

аппарат, он ласково посмотрел на меня и знаками предложил ждать. Я сел на траву, а гигант стал крупными шагами прохаживаться по пышной траве, видимо ожидая кого-то. Прошло несколько минут. Из-за гребня горы показалась темная точка. Все, увеличиваясь, она стремительно приближалась к нам, на глазах превращаясь в такого же голубого гиганта. Прибывший дружелюбно помахал мне рукой и, не теряя времени, очень бережно взял академика на руки и легко взмыл в небо, словно сказочный джинн.

Меня подхватил мой знакомый.

Минута — и мы поднялись выше окрестных гор. Судорожно обхватив руку гиганта, я зажмурил глаза, потом глянул вниз — захватило дух.

Гиганты направлялись к голубому шару. Долина, вдоль которой мы летели, внезапно сузилась. По ней стремительно катил воды голубовато-фиолетовый поток. Вероятно, его истоки находились в горах, которые уступами поднимались перед нами. Поднявшись, мы медленно перевалили горный хребет на высоте шести — семи километров. Дышать стало трудно: воздух был сильно разрежен. И все время перед нами стоял шар, поднимавшийся выше самых высоких пиков.

Сразу за хребтом открылась необозримая равнина, она уходила за горизонт. Шар возвышался почти в центре этой равнины или плоскогорья. Через пять минут полета мы плавно опустились у основания шара, и я увидел полуоткрытую массивную крышку люка. Исчезли последние сомнения: это был космический корабль, прадед или потомок тех шародисков, на которых летали гриане. Я никогда до этого не думал, что космический корабль может быть таким исполинским сооружением. Сферическая стена круто уходила вверх. Тут было добрых шесть-восемь километров высоты. И это безукоризненный, идеальный,

геометрически правильный шар. Какой высокой техникой нужно обладать, чтобы построить его!

Один из гигантов поднял руку. Из люка скользнул автоматический трап, а вслед за тем выглянул богатырь в таком же, как и у моих спутников, скафандре. Мне знаком предложили подняться в люк, я молча полез вверх. Гиганты, держа академика на руках, поднимались за мной.

Войдя внутрь, мы очутились в глухом кубическом помещении. Вероятно, это был внешний тамбур. Гигант нажал невидимую кнопку, и стены за нами бесшумно сомкнулись. Зато впереди открылся новый тамбур. И так повторялось дважды. В нишах последнего тамбура висели ярко-голубые прозрачные скафандры. Я потрогал их рукой: не чета нашим громоздким броневым костюмам, оставшимся на «Урании».

Долгое время пришлось идти по тоннелю-коридору, спирально вьющемуся в нижней части шара. Стены коридора излучали мягкий рассеянный свет, не уступавший по силе солнечному. Наконец коридор кончился, и мы очутились в огромном сферическом зале.

Гиганты осторожно положили академика на ложе и повернулись ко мне. Я включил лингвистический прибор и спросил:

— Что вы будете делать с моим другом?

Они не ответили и по-прежнему молча смотрели на меня. Потом один из них издал непонятный певучий возглас. Со всех сторон вдруг появились такие же гиганты и молча обступили меня. Ни один звук не нарушал всеобщую тишину. Меня стало угнетать это загадочное молчание.

— Что это за сооружение? Почему вы молчите?! — не вытерпев больше, воскликнул я.

Десятки участливых, внимательных глаз устремились на меня, словно о чем-то спрашивая. Мой спутник

(вероятно, их руководитель) снова что-то произнес, и гиганты осторожно извлекли Самойлова из скафандра.

— Что вы с ним собираетесь делать? — бросился я к академику.

Я боялся, что они, вроде биопсихологов, начнут производить какие-нибудь эксперименты над моим умершим другом. Один из гигантов шутя остановил меня. В его мускулах я почувствовал чудовищную силу. Встревотуженный, я тихо пошел вслед за ними, не упуская из виду академика.

В одной из стен открылась дверь, она привела нас в четырехугольную каюту, в которой стоял загадочный прибор, отдаленно напоминавший анабиозную ванну. К большому прозрачному цилиндру из неведомого материала, похожего на пластмассу, подходили десятки, если не сотни, блестящих трубок. По периферии цилиндр окружали аппараты. Они напоминали электронные пушки или биоизлучатели. Все сооружение сверху освещалось каким-то особым проникающим светом из причудливых светильников, вероятно генераторов лучистой энергии.

Один из гигантов нажал рычаг, часть цилиндра раскрылась. Академика поместили внутрь, цилиндр снова сомкнулся. И вдруг полилась мощная торжествующая музыка приборов. Мерно загудели биоизлучатели, замерцали серии разноцветных лампочек на пульте управления установкой. И — о чудо! Или это была только галлюцинация? — я увидел, как лицо академика стало розоветь. Я не мог поверить этому. Тем не менее академик постепенно оживал.

Вот он открыл глаза, шевельнул рукой и вдруг сел, удивленно осматриваясь. Очевидно, он никак не мог сообразить, где он и что происходит с ним. Гиганты с доброй улыбкой смотрели на ученого. Один из них нажал кнопку, створки цилиндра раскрылись. Ничего не понимая, с изумлением разглядывая необычную обстановку и

этих колоссальных людей, Петр Михайлович неуверенно вышел из аппарата.

Тут я не выдержал и бросился ему навстречу.

— Петр Михайлович! Вы же были мертвы! Убиты!

— Как убит?! — изумился Самойлов и опасливо ощупал себя. — Да... Но ведь я жив?

— Ну да, вы живы. То есть вы были мертвы... Но вы живы!

Самойлов пожал плечами. Тут я, наконец, сообразил, что получается, действительно, не совсем понятно, и коротко рассказал ученому о пережитых нами событиях. Самойлов остался верен себе. Он сразу атаковал гигантов.

— Мы не гриане, мы с другой планеты, которая находится на окраине Галактики. Здесь мы недавно, всего несколько месяцев. А теперь расскажите о себе вы. Кто вы такие? Откуда прилетели?

Опять загадочное молчание. Никто не ответил ученому. Он удивленно посмотрел на меня:

— Они что, немые?

Да нет, я слышал несколько фраз, которые произнес вот тот гигант с золотым треугольником на груди. Это он доставил нас сюда.

Гиганты часто обращали лица друг к другу, как это делают земляне при оживленном разговоре. Потом гигант с золотым треугольником стал пристально всматриваться в меня. Я почувствовал легкую головную боль — вернее, какое-то непонятное давление на свой мозг. Точно маленькие тупые иголки настойчиво покалывали голову, как будто стремясь проникнуть внутрь, к мозговым центрам. Мне стало не по себе.

— Петр Михайлович, вы что-нибудь чувствуете? Словно гипноз.

— Я, кажется, догадываюсь, в чем дело, — медленно произнес Самойлов. У него был странный вид: подняв

руки к лицу, он хотел удержать что-то ускользающее. Напряженный взгляд ученого был устремлен в пол. — Довольно сильные биокослебания возбуждают и мои мозговые клетки. Они пытаются спросить нас...

— Они ни о чем не спрашивают, — с тревогой возразил я академику. — Они по-прежнему молчат!

— Ты стал недогадлив! — воскликнул Петр Михайлович. — Они читают мысли друг друга и не нуждаются в несовершенном способе общения посредством звуков.

— Как же тогда объясняться с ними?

Петр Михайлович стал отчаянно жестикулировать, обращаясь к гиганту, показал на свой язык, потом на голову, давая понять, что мы объясняемся только с помощью языка.

Гигант усмехнулся, взял нас за руки, как маленьких детей, и, пройдя в сферический зал, подвел к вогнутому экрану в центре полукружия, образованного огромными креслами. Сев в эти кресла, мы совсем утонули в них.

Сферический зал представлял собой, вероятно, Централь управления кораблем. Поражали ее размеры: противоположная стена находилась от нас на расстоянии в триста метров, если не больше, а своды терялись где-то в вышине. Стены Централы отсвечивали слегка фосфоресцирующим сиянием. Как мы узнали впоследствии, это были экраны обзора и фиксации событий. Позади нас возвышалось причудливое сооружение, напоминающее живое существо, со множеством различных указателей, приборов, блестящих дисков, клавишей и кнопок. Возможно, это был Электронный Мозг корабля. По окружности стен шли ряды электронно-вычислительных машин сложнейшей конструкции. Большинство же установок и сооружений в Централы было абсолютно незнакомо мне, и ничто не давало возможности догадаться об их назначении.

Справа от Электронного Мозга раскинулся гигантский пульт управления с рядом высоченных кресел для

операторов. В глазах рябило от множества приборов и экранов различной формы, смонтированных на пульте.

С нами остался лишь один гигант — наш первый знакомый. Остальные, мысленно посоветовавшись, поднялись вверх к куполу зала и скрылись там в люках, ведущих, очевидно, к двигательной системе корабля. Вскоре оттуда раздалась ритмичные звуки, гудение моторов, скрежет и басовитый гул. «Ремонтируют, наверное», — подумал я.

Гигант кончил настраивать странный вогнутый экран, так не похожий на все остальные, укрепил на голове блестящий сетчатый шлем, от которого к панели экрана тянулась густая сеть проводников, и знаками попросил нас надеть такие же шлемы. Затем он вопросительно посмотрел на нас. Предположив, что он настраивал переводную машину, я внятно и раздельно спросил о том, что мне казалось волшебным чудом:

— Как вы сумели вернуть к жизни моего друга?

Однако гигант отрицательно покачал головой и показал на экран, светившийся пепельно-серебристым блеском. И вдруг на экране появились картины событий, пережитых нами в последнее время: побег из Трозы, плавание с Джиргом на электромагнитном корабле, ураган, подход к Большому Юго-Западному Острову, встреча с гигантом на берегу и полет от побережья к шару.

— Это невероятно! — воскликнул Самойлов. — На экране отражаются мысли и воспоминания гиганта, в нем скрыта чудесная машина: приемник и преобразователь биоволн, идущих от мозга. Это то, о чем на Земле в наше время только смутно мечтали!

Гигант снова вопросительно посмотрел на нас.

— Давайте мысленно рассказывать ему о себе, — предложил я академику, — Смотрите, я сейчас вспоминаю отлет «Урании».

И действительно, на экране появился Главный Лунный космодром, огромный силуэт нашей «Урании», толпы землян в громоздких космических скафандрах. Затем люди исчезли, и вот уже «Урания» взлетает в Космос, окутанная чудовищными вихрями энергетической отдачи. Но странная особенность: едва я ослаблял напряжение воспоминаний, картины начинали бледнеть и расплываться. Я понял, что надо мыслить четко и последовательно, не отвлекаясь, ибо получалась такая несуразица: на фоне летящей «Урании» вдруг возникали то фигура, то лицо Лиды.

Самойлов недовольно поморщился:

— Не увлекайся, Виктор, не увлекайся. Сейчас буду рассказывать я.

Он стал напряженно смотреть на экран. И тотчас на нем обрисовался шар Земли, потом план Солнечной системы, положение Солнца в Галактике, — короче говоря, целая лекция на астрономические темы, Затем по экрану

помчались ряды тензорных уравнений, знаменитая формула Эйнштейна $E=MC^2$, преобразования Лорентца, наконец ряд громадных вопросительных знаков над формулой «скорость света равна константе». Свою мысленную речь академик закончил этой формулой и почти с мольбой смотрел уже не на экран, а на гиганта.

— Почему так? — страстно воскликнул он, — Почему скорость света есть постоянная величина во Вселенной? Эта мысль не дает мне покоя! Узнаю ли я когда-нибудь причину постоянства и предельности скорости света?! И как представить себе конкретно кривизну пространства-времени?

Глубоко задумавшись, гигант следил за бегом мыслей Самойлова на «экране памяти». Его лицо жило и дышало в такт этим мыслям. Чувствовалось, что великие вопросы естествознания, мучившие академика, для гиганта — открытая книга. Но как их разъяснить нам? Вот, вероятно, над чем он задумался.

Еще с полчаса Самойлов «рассказывал» о Земле, о ее общественной жизни, о науке и технике землян двадцать третьего века. На экране оживала земная история, жизнь и быт людей, уровень развития техники в разные эпохи, достижения человека в господстве над природой.

По лицу гиганта проходили сотни разнообразных чувств. Особенный восторг вызывали у гиганта картины земной истории: борьба человека с природой на заре цивилизации, великие общественные и революционные движения, яростный накал крестьянских восстаний и пролетарских революций, экспедиции мореплавателей и землепроходцев, победа над силами материи и прорыв на просторы Космоса. Можно было предположить, что внутренний дух и ритм жизни землян, так резко отличавшийся от неживой, скучно-размеренной грианской цивилизации, был наиболее созвучен природе гигантов неведомого мира.

Когда академик окончил свой «рассказ», гигант порывисто встал, дружелюбно улыбаясь, и показал на биоэкран. На пепельном фойе появился размытый диск Земли. Академик снова сделал жест, напоминавший попытку удержать что-то в мозгу, и, облегченно вздохнув, сказал:

— Хотим ли мы увидеть родную планету сейчас? О, конечно!

Гигант полуобнял нас и повел в спиральный тоннель. Мы долго петляли по боковым коридорам, пока не попали в небольшой зал, во всю стену которого высился огромный экран. От него расходилось ажурное плетение волноводов. Взглянув вверх, я разглядел слабо фосфоресцирующий свод.

Внезапно наступил полный мрак. В то же мгновение свод засверкал звездами. Я замер в восхищении. Звезд становилось все больше и больше. Сгущаясь, они превратились в сплошной сияющий рой. Обозначилась спиральная система — наша Галактика.

Самойлов не отрывал глаз от поверхности свода. Галактика росла, увеличивалась в размерах. Свод заполнялся мощными спиральными ветвями, которые на глазах распадались на мельчайшие пылинки — звезды.

Непрерывно вращая диски настройки на панели под экраном, гигант следил за причудливой игрой звездных роев. Спирали бледнели, гасли. И вдруг появились искаженные за десятки тысячелетий, но все же до боли знакомые созвездия.

— Смотрите, Петр Михайлович! Вот Орион, Плеяды, а там Кассиопея, Центавр, Пегас! Это же наше земное небо!

На поверхности свода осталось только созвездие Девы. В этом созвездии расположено Солнце, если смотреть на нашу Солнечную систему из глубин Космоса. Созвездие стало нарастать, как бы стремительно приближаясь к наблюдателю. Остальные звезды бледнели, уходя

вверх и в стороны. Внезапно свод погас; зато в центре экрана появилась яркая желтая звезда, а вокруг нее девять мельчайших блесток, через секунду выросших до размеров детских мячей.

Это была наша Солнечная система!

И вот уже весь экран заполнил диск родной планеты. Ее окружала туча маленьких лун.

— Гм... Когда мы улетали, искусственных спутников было двадцать шесть, — заметил Самойлов. — Сейчас же их не менее сотни!

Гигант знаками предложил нам стать у пульта и самим управлять настройкой и наводкой этого волшебного телескопа. Он показал, какие рукоятки регулируют резкость, яркость и величину изображения.

Я осторожно повернул вправо масштабный диск. И сразу пропала дымка атмосферы Земли, закрывавшая очертания материков. Отчетливо проступил континент Евразии и тотчас расползся в стороны. Возникли родные ландшафты России.

Но что это? Я не узнавал знакомых с детства мест. Куда исчезли огромные города, промышленные центры, гиганты индустрии, сети электропередач и железных дорог? Повсюду раскинулся океан растительности. Зеленели кроны могучих лавров, цвели олеандры; веерные пальмы приветливо шевелили широкими листьями, словно посылая привет, нам, пронесшимся через время и пространство и теперь рассматривавшим родную планету из чудовищной дали в квадрильоны километров. Но почему в средней полосе России цветут тропические цветы и деревья? Неужели прошла целая геологическая эпоха? Ведь под Москвой или Ленинградом только в мезозойскую эру был тропический климат.

Так же напрасно я пытался найти Заволжский космоцентр, с которым было связано столько воспоминаний. Я методически обшаривал взглядом бывшие заволжские

степи. Ничего похожего на космодром — лишь необъятное море субтропической и тропической зелени. Среди цветущих садов и рощ проглядывали группы изящных сооружений из серебристого металла. Поблескивали крыши из поляроидного стекла. Виделись даже группы красивых людей, одетых в белоснежные или цветные одеяния.

Вдруг на экране всплыла монументальная колонна. Отлитая из блестящего белого сплава, она стремительно взмывала вверх. Форма колонны напомнила мне что-то знакомое. Я вгляделся, быстро вращая диски, и чуть не вскрикнул от удивления. Это был... наш гравитонный звездолет, стоявший на посадочном треножнике! Странное чувство охватило меня, когда я заметил на колонне два больших рвала, а в них... свой и академика портреты, написанные энкаустикой — вечной краской.

Ниже портретов золотом светились буквы:

«В третьем тысячелетии Новой эры отсюда стартовали эти люди, первыми испытавшие гравитонную ракету и дерзнувшие полететь к центру Галактики. Должны были возвратиться на Землю в шестьдесят третьем тысячелетии. Они не вернулись еще и сейчас, в начале первого тысячелетия второго миллиона лет человеческой истории.

Вечная слава героям науки!»

Миллион лет... Я затаил дыхание. А как же Лида? Что с ней?

Подавленный гигантским промежутком времени, я бессильно опустил руки. Время! Его безостановочный, не поддающийся никаким силам поток унес самое дорогое: друзей и товарищей, с которыми я бороздил Космос, привычную обстановку третьего тысячелетия. Я почувствовал, как предательски повлажнели глаза. Неужели и Лиду унес этот безжалостный поток времени?..

Теперь уже Самойлов, спокойно отстранив мою руку, повел волшебный канал неведомой связи, вызывающей картины Земли, на северо-запад от памятника. Я понял, что он ищет столицу Восточного полушария. Но столица также исчезла. На том месте, где некогда бился пульс огромного города, расстилались грандиозные цветники. Среди моря цветов на холме торжественно вздымалась протянувшаяся на много километров громада здания. На фронтоне огромными буквами были начертаны всего два слова. Я никак не мог их разобрать: какой-то незнакомый язык. Академик до отказа вывел диск резкости. И тогда под новой надписью, вероятно на языке второго миллиона, смутно, еле различимо проступили старые, знакомые буквы:

— «Пан... те... он Бессмертия», — первым разобрал надпись академик.

Подсознательное чувство заставило меня быстро отстранить Самойлова от аппарата и ухватиться за диск настройки.

— Отойдите... я сам, — шептал я прерывающимся голосом.

Пантеон расплылся, растаял. Четко, почти осязаемо возник гигантский зал с рядами анабиозных ванн. На пульте каждой из ванн был вмонтирован портрет «спящего». С портретов на меня сурово смотрели незнакомые земляне. И вот наступил миг, о котором я так страстно мечтал весь этот миллион лет! В светлых недрах анабиозной ванны номер двести восемьдесят два я увидел милое, родное, такое знакомое лицо Лиды, ее золотые волосы, крепко сжатый рот.

Я неотрывно смотрел на ее лицо, со страхом сознавая, что «сон» Лиды длится уже свыше миллиона лет. Тысяча тысячелетий, или десять тысяч веков! Дождется ли она дня, когда я верну ее к жизни, набрав на пульте только

нам с Самойловым известный шифр? Но как возвратиться на Землю? Ведь «Урания» — без запасов гравитонного топлива, бесполезный экспонат где-то в музее Трозы...

Розовыми огоньками играло на пульте радиоактивное реле времени. На ящичке прибора был выгравирован латинский символ элемента нептуния. Период полураспада его равен двум с четвертью миллионам лет. Значит, Лида будет спать еще свыше миллиона лет.

— Мы должны вернуться на Землю! И как можно скорей! Я устал созерцать холодный «золотой век» гриан! Надо искать способ вырваться в Космос!

Но Петр Михайлович строго сказал:

— Вернуться успеем всегда. И возвратимся обязательно! Кто-то должен же рассказать далеким потомкам о необыкновенном путешествии к центру Галактики. Но не раньше, чем познаем хотя бы начала величайшей из когда-либо существовавших цивилизаций — цивилизации гигантов. Перед нами волей случая открываются еще более головокружительные горизонты познания. Моя теория пространства-времени снова нуждается в коренном пересмотре. Я уверен, что с помощью гигантов мне удастся найти простой вид для выражения тензора.

Петр Михайлович прочно садился на любимого конька.

* * *

Пока гиганты были заняты своими делами наверху, я завел с академиком разговор об этом загадочном племени разумных существ.

— Неужели в Информарии Познавателей нет никаких упоминаний о гигантах? — спросил я Петра Михайловича.

— Представь себе, никаких! Я даже не смог узнать о происхождении скульптуры в Энергоцентре. Служители и операторы вообще ничего не знают. Их

радиофицированный мозг на уровне младенческого. А Познаватели молчат. Мне с самого начала было ясно, что они что-то упорно скрывают. Давно ли здесь гиганты? И какое отношение имеют к грианам? Скульптура и сам Энергоцентр, а также отрывочные слова Виары привели меня к мысли, что некогда гиганты сотрудничали с Познавателями, а потом вдруг замкнулись на Большом Юго-Западном Острове. Здесь что-то неладно.

— Как же все-таки нам объясниться с гигантами? Странно, что они не понимают ни нашего, ни грианского языка. В чем дело, Петр Михайлович?..

— Они все должны понимать, и я уверен, что они нас знают уже давно. Ведь не случайно же мы спаслись во время урагана?

— Тогда почему они не отвечают на вопросы?

— Мне кажется, причина одна: их язык настолько сложен и не похож на наш и даже на грианский, что они затрудняются формулировать свои мысли на языке, который им кажется языком дикарей или младенцев.

После довольно продолжительного отсутствия гигант снова пришел к нам и уселся напротив, дружелюбно улыбаясь.

— Вот посмотри, — сказал Петр Михайлович, — я сейчас задам ему ряд вопросов. Он должен их понять и как-то прореагировать.

И Самойлов обратился к гиганту:

— Скажите же, наконец, кто вы такие? Из какой части Галактики вы прилетели на Гриаду?

Выслушав Самойлова, гигант стремительно подошел к Главному пульту, с непостижимой быстротой стал переключать приборы; потом заметался у рядов электронных машин. Внезапно погас свет, лившийся со всех сторон, зато ярко вспыхнули стены-экраны Централи. Одновременно зазвучала тихая музыка приборов и аппаратов. Поплыли странные, удивительные картины. Гигант стал

объяснять нам, где его родина. Оказывается, все, что происходило на корабле и вне его в прошлом, чудесно запечатлевалось на экранах, которые представляли собой развернутые схемы запоминающих электронных устройств.

Вначале на стенах корабля появилась неведомая Галактика, раза в три больше нашей. У нее уже не было спиральных ветвей; это была древнейшая эллиптическая Галактика, в которую через миллиарды лет превратится и наша звездная система.

Вдруг у меня захватило дыхание: открылась панорама необычайно прекрасного мира. Под слепящими лучами белосинего солнца плескались волны ярко-оранжевого моря; по золотистым равнинам струились величественно-медлительные реки; искрились брызгами водопады, ниспадавшие с прозрачных ярко-

желтых каменных уступов. Расцвеченная радостными красками, шумела невиданная пурпурно-оранжевая растительность; на фоне прозрачного золота небосвода виднелись воздушные сооружения, арки, мосты и башни из ослепительно-голубого материала. Повсюду сверкали, искрились и рассыпались мириадами солнечных блесков огромные фонтаны, то посылая свой воды в небесную высь, то извиваясь причудливыми струями, то разбрызгиваясь миллионами трепещущих, точно живых, капель.

Я никогда не смогу забыть этой волшебной картины: ярко-оранжевый океан, сливающийся с густо-золотым небом, ажурные города, захватывающая чистота и прозрачность воздуха, темно-палевая дымка на горизонте!

— Где этот мир?! — воскликнул пораженный не меньше моего Петр Михайлович.

Гигант снисходительно улыбнулся и стал показывать местонахождение своей родины. Смелым взлетом мысли он нарисовал на биоэкране изумительно точную схему нашей Метагалактики, приблизительные контуры которой земляне с таким трудом выявили лишь за сотни лет астрономических наблюдений. Стрелкой он указал нам ее поперечник — сорок восемь миллиардов световых лет. Затем он уменьшил нашу Метагалактику до размеров чайного блюдца, мысленно нарисовал в другой части биоэкрана звездный остров причудливой конической формы и протянул между обеими системами прямую линию с указанием расстояния.

— Двести семьдесят миллиардов световых лет! Восемьдесят три миллиарда парсеков! — воскликнул академик. На его лице был написан благоговейный ужас. — Так вы из другой Вселенной?! Из другой Метагалактики?!

В подтверждение этих слов мысль гиганта нарисовала на экране один из звездных островов чужой Метагалактики — ту самую эллиптическую Галактику, которая

появилась вначале, поставила свое название — три странных значка — и указала стрелкой одну из звезд в центре.

— Другая Метагалактика... Сотни миллиардов световых лет, — шептал академик. — Как же они преодолели это расстояние? Непостижимо!..

ВЛАСТЕЛИНЫ КОСМОСА

Прошло около месяца (по нашему счету), и мы постепенно узнали многое о метагалактианах.

Родиной метагалактиан была древнейшая планетная система с бело-синим центральным светилом спектрального класса «А».³¹ Вокруг него обращалось шесть планет.

Просматривая сменяющиеся на экранах картины, мы с академиком, словно в трансформаторе времени, проследили тысячевековой путь развития этого далекого общества. Многое нам было непонятно — слишком далеко ушли метагалактиане по пути развития. Однако общее направление цивилизации, эволюция общественных строев наводили на мысль, что история разумных существ и их обществ во Вселенной должна подчиняться всеобщим, единым законам развития.

Общественный строй метагалактиан был вершиной социального устройства — далекая, наивысшая ступень коммунистического общества. Рядом с ним коммунистическое общество Земли XXIII века выглядело, как растущий побег перед могучим, вечно зеленеющим и бесконечно развивающимся деревом. В течение миллионолетий метагалактиане выработали простой и гармоничный образ жизни, умеренность в пище, одежде и

³¹ Звезды класса «А» имеют температуру поверхности десять тысяч градусов.

развлечениях, короткий полноценный отдых в виде своеобразного электросна и биоизлучений, равномерное чередование умственного и физического труда, богатое сочетание самых различных видов творчества у каждого человека — признак высокого развития способностей коммунистического труженика.

В течение многих миллионов лет цивилизации все планеты бело-синего солнца были приспособлены для жизни или промышленного производства. На двух планетах, расположенных ближе к солнцу, построены энергетические станции. Они преобразовывали энергию солнца и передавали ее на другие планеты, превращенные в цветущие сады. Невероятно высокое развитие производства и науки, почти абсолютное господство над природой на исходе семидесятого миллионлетия заложили прочный фундамент для безграничного развития метagalактианского общества. Одна гигантская лаборатория познания, храм культуры и искусств — такое впечатление оставляли в моем мозгу картины жизни планетной системы неимоверно далекого бело-синего солнца метagalактиан.

Напрасно я вначале опасался, что это такой же холодно-рассудочный мир бездушных Познателей, какой существует на Гриаде. Когда я увидел залитые светом естественных и искусственных солнц парки и стадионы, заполненные радостными жителями, бурлящими энергией и жизнью, их танцы и игры, услышал выступления артистов на массовых концертах, на меня дохнуло чем-то знакомым, родным, близким...

Особенно запомнился один концерт. Он давался на широком естественном уступе в гористой местности. Красивейшие горные хребты, оранжевые от покрывавшей их растительности, кольцом охватывали огромную котловину, превращенную в парк с цветниками. Вероятно, не менее миллиона жителей присутствовало на этом концерте. Было празднество, над котловиной рассыпались

фейерверки, а высоко в золотом небе горели три ослепительных знака. Гигант объяснил нам их значение: отмечался юбилей цивилизации — семьдесят пять миллионов лет!

Концентрические ряды серебристых кресел окружали уступ. Под гром аплодисментов на нем показался вдохновенный певец. Едва установилась тишина, как отовсюду зазвучала музыка. Поистине неземная музыка! До этого я был убежден, что нет ничего прекраснее земной музыки. Но эта мелодия превосходила все, что я слышал до сих пор. Тончайшая по глубине и верности отражения чувств музыка заставила сладко и радостно забиться мое сердце. Она задевала самые сокровенные струны души, поднимая волну радостной жажды жизни. Это была недостижимая вершина искусства. Подчиняясь гипнозу музыки, я невольно закрыл глаза, весь отдавшись наслаждению. И вот в мелодию аккомпанемента влился голос певца — голос необычайной силы, в два-три раза сильнее, чем голоса певцов родной Земли, на несколько октав шире по диапазону.

Вдруг я заметил, что ничего не слышу, хотя ясно видел, что певец поет. Иногда лишь я улавливал отдельные невероятно высокие ноты. Все, повышаясь, они вдруг пропадали. Наконец я догадался: когда певец брал верхние ноты, частота звуковых колебаний превышала возможности человеческого слуха.

Вот мелодия снова полилась широкой волной в диапазоне слышимости. Мне казалось, метагалактианин пел о красоте и счастье жизни, о светлой череде дней настоящего и будущего... Но, вероятно, я не мог до конца воспринять всю красоту их искусства. Сердце заныло непонятной, дотоле не испытываемой болью. Никогда мне не постигнуть внутреннего мира метагалактиан, исключительного по своему богатству и разносторонности. Мысль мучительно билась, пытаясь проникнуть в недоступное,

чуждое, своеобразное, кажущееся даже сверхъестественным. Если бы прожить еще десять тысяч лет!

...Власть метagalактиан над природой была почти сказочной. Полное познание гравитационной формы движения материи позволяло им творить чудеса. Я видел на экранах отрывок из истории освоения шестой внешней планеты, предназначавшейся для размещения избыточного населения планеты материнской.

До освоения шестая планета представляла собой исключительно мрачный мир, подавлявший воображение безрадостным унынием своих ландшафтов. Куда ни помотришь, всюду нагромождения горных хребтов, зловещие черные скалы и осыпи, казалось, застывшие в немом изумлении перед жестокостью Космоса, абсолютно враждебного жизни. Межгорья и равнины засыпаны толстым слоем зеленоватого снега, еле светящегося отраженным светом далекого центрального солнца, яркий синеватый диск которого с шестой планеты кажется не больше медного пятака. Эти мерцающие снега — не что иное, как сконденсировавшиеся в условиях межпланетного холода тяжелые газы атмосферы: аммиак, метан и другие вещества.

Но вот сюда пришел метagalактинин. Неисчислимые армады космических кораблей всевозможных форм и размеров окружили планету. Полчища причудливых электронных механизмов, управляемых на расстоянии, воздвигли сотни куполообразных сооружений вокруг горных хребтов планеты. Автоматы-рудокопы прогрызли тысячи тоннелей под скалами и горами. Я увидел чудо, о котором раньше не смел мечтать: на приемники куполообразных сооружений была направлена вся мощь энергостанций внутренних планет. Купола загудели, зазмеились зелено-голубыми молниями.

«Генераторы антитяготения», — прошептал Петр Михайлович.

И вдруг огромные горные хребты, покачиваясь, стали медленно отрываться от поверхности планеты, словно пушинки, колеблемые дуновением ветра. Как ненужный хлам, значительная часть гор была отброшена в мировое пространство и отбуксирована затем к солнцу, чтобы, подобно лучинке, сгореть в его огненных океанах. Оставшиеся горные массивы были расположены так, чтобы обеспечить правильную циркуляцию ветров будущей искусственной атмосферы планеты. Те же генераторы антитяготения, работая в обращенном режиме, создали вокруг планеты поле тяготения как раз такой силы, какая нужна для удержания искусственной атмосферы из необходимых для жизни газов.

Начался новый этап оживления безжизненного мира. Химические установки и генераторы в продолжение десятилетий перерабатывают вещество замерзшей аммиачно-метановой атмосферы и горных пород в кислород, азот, углекислый газ, неон, аргон и другие компоненты искусственной атмосферы. Одновременно другие группы установок синтезировали воду и создавали первые обширные водоемы и целые моря. Искусственные солнца восполнили недостаток лучистой энергии от центрального светила. В необычайно короткий срок биогенераторами была выращена растительность, развитие которой неизмеримо ускорялось ионизирующими излучениями тончайших ритмов, антитяготением и микрорастворами особых биогенных стимуляторов.

Так могучий разум труженика-метагалактианина осуществил невозможную сказку: спавшая миллиарды лет косная материя планеты ожила, задышала, забурилась соками жизни. Механизмы наладили и движение потоков воздуха. Через полвека работы шестая планета была подготовлена для жизни общества численностью в два — три миллиарда человек.

— К этому прекрасному будущему и сказочному господству над природой придем и мы! — вдохновенно сказал академик.

Одна странность скоро привлекла наше внимание: когда Уо (это было имя гиганта, командира метагалактиан) показывал нам волшебные картины из жизни своей далекой родины, мы заметили резкое несоответствие в росте его соотечественников и самих гигантов астронавтов.

— Почему вы в полтора раза выше своих земляков? — спросил его Петр Михайлович. — Или вы особая раса?

С непонятной нам грустью следя за картинами на экранх, Уо медленно заговорил:

— Да, вы почти угадали... Мы особая раса, начало которой положили наши предки, обычные жители Авр, превратившиеся в завоевателей и познавателей безграничной Вселенной. Они посвятили себя изучению Космоса и в течение многих тысячелетий не бывали на родине. Мы их потомки.

Заметив удивление на наших лицах, он поспешил разъяснить:

— Тысячелетия назад наши предки построили искусственную планету и отправились на ней в путешествие по Вселенной. На этой планете было все, что нужно для жизни многомиллионного общества: совершенный круговорот веществ, искусственная атмосфера, города, парки, фермы и заводы. Однако для удобства жизни искусственное поле тяготения на планете было ослаблено в несколько раз по сравнению с тяготением Авр. Поколения за поколениями жили в слабом поле тяготения, вследствие чего накапливались незаметные количественные изменения в организмах. И вот результат — выкристаллизовалась раса астронавтов-гигантов, которые уже не могли жить в сильном поле тяготения родной планеты без специальных приспособлений. В конце концов искусственная планета стала их второй родиной. Мы и наши

отцы уже никогда не были на планете Авр, общаясь с родиной лишь с помощью радиотелевизионных аппаратов.

— А где же теперь ваш «корабль Космоса»? — спросил академик.

— Далеко там, — Уо махнул рукой в сторону плывущих картин. — Планета-корабль находится сейчас в окраинных областях нашей Вселенной... Мы же — юноши, проходящие экзамен.

— Какой экзамен?! — одновременно воскликнули мы с Самойловым.

Вместо ответа Уо передвинул диски настройки. Поплыли картины, кое-что нам объяснившие. Крупным планом появилось удивительно четкое, живое и красочное изображение искусственной планеты, о которой рассказывал Уо. Она вся сияла огнями и была построена в форме эллиптического параболоида (как бы рюмки без ножки), а не шара или полусферы, как мы ожидали. Невообразимых размеров реактивные двигатели, смонтированные в вершине параболоида, позволяли планете двигаться с чудовищной скоростью, почти равной скорости света.

— Сколько же нужно энергии, чтобы сообщить целой планете субсветовую скорость? Из каких источников она получается? — бормотал Самойлов, словно помешанный, лихорадочно регулируя неизменный магнитофон. — Это надо записать, запечатлеть.

Временами от планеты отделялись гигантские шаровидные корабли, подобные тому, в котором мы находились. Пробыв несколько секунд в поле зрения, корабли растворялись в пространстве.

— Почему корабли словно тают в Космосе? — допытывался я у Петра Михайловича, но тот лишь досадливо отмахивался, с горящими глазами слушая короткие комментарии Уо к отдельным картинам.

Возникло видение столицы искусственной планеты и величественной площади, заполненной прекрасными метagalacticнами. На колонне в центре площади покоился голубой шар-корабль. Мы видим, как группа юношей во главе с Уо поднимается в корабль.

— Это мы уходим в Космос, — поясняет Уо, — чтобы держать экзамен на исследователей. Когда наши юноши достигают зрелости, отцы отправляют их в Космос развивать свой интеллект в бесконечном процессе познания Вселенной, а главное — для того, чтобы искать пути к принципиально иным пространствам-временам, существование которых подтверждается всем опытом нашей науки.

С экранов полилась чарующая музыка, плавно переходя в необычную тревожащую симфонию. Светлые, легкие звуки сменяются грозными тоскующими аккордами. Вслед за тем целый каскад торжествующих звуков взлетает в недостижимую высь, чтобы сейчас же упасть до еле уловимой грустной песни. О чем пели и плакали эти

звуки? Не пыталась ли музыка метagalактиан отразить извечную тоску разума, бьющегося в тисках материальной оболочки? Стремление вырваться на необозримый простор полного познания, достичь недоступных вершин абсолютной истины и двинуться еще выше — вот о чем рыдали звуки и ради чего шар-корабль медленно устремлялся ввысь, на просторы Вселенной. И еще в звуках слышалась тоска разумного существа по бессмертию — извечная тоска и тщетная надежда плененной материи.

Под звуки этой симфонии слова Уо, которые он произносил растянутым певучим голосом, приобретали особый смысл:

— То, что вы называете Космосом, или пространством — временем, для нас открытая книга. Миллионы лет мы изучаем материю в разнообразных ее проявлениях. Бесконечная Вселенная раскрыла нам множество форм существования материи помимо той физической системы пространства — времени, в пределах которой существует ваше бытие, и которая содержит явления вашего сознания. Структуру пространства-времени в вашей Метagalактике определяет гравитационная форма движущейся материи. А наши братья побывали в таких областях Вселенной, где существуют качественно иные формы движения материи, качественно иное пространство-время. Поле тяготения, как свойство материи, так же ограничено, относительно в своем существовании, как и любые другие свойства и формы материи. Гравитационная форма движущейся материи не является абсолютной, вечной, универсальной, независимой от количественных масштабов. Я этим хочу сказать, что в нашей части Вселенной, отделенной от вас расстоянием в двести семьдесят миллиардов световых лет, действует иная форма взаимодействия тел, чем гравитация. И наше пространство-время отличается от вашего. Время, в котором мы живем и развиваемся, — это качественно иное время по

сравнению в вашем физическом времени, определяемым гравитацией. Проанализировав ритм времени на Гриаде, мы убедились в том, что время в вашей Галактике течет в десятки раз быстрее, чем в нашем мире. Мы пробыли на Гриаде шестьсот лет по вашему времени, а фактически наши организмы постарели лишь на шестнадцать лет нашего времени. Мы избегаем надолго уходить от шара-корабля: создаваемое вокруг него поле взаимодействия обеспечивает нам наше течение времени. Как только мы уходим из этого поля, то сразу начинаем катастрофически стареть. Пока я встречал вас на берегу лагуны, я потерял шесть месяцев жизни. Вы сейчас тоже живете в другом времени, отставая от своего на целые годы.

Потрясенные услышанным, мы с академиком сидели как замороженные. Метагалактика, из которой прилетели гиганты, — вот она, та качественно новая пространственно-временная структура, о существовании которой лишь догадывались физики и философы Земли!

Академик был страшно возбужден. Это же его кровная тема! Он лихорадочно писал что-то в блокноте, тут же перечеркивая написанное, непрерывно перезаряжал магнитофон, торопливо перебирал связки грианских микрофильмов с «последними научными истинами» Познавателей. Крупный пот градом катился с его лба.

А Уо продолжал своим певучим голосом:

— Однако, чем больше мы углублялись в свойства материи, тем яснее сознавали: познание, наука — это неисчерпаемое и бесконечное. Чем больше и глубже познаешь, тем шире открываются горизонты Непознанного, тем больше остается невзятых вершин Познания... Но в этом и заключается красота и смысл бытия — сделать еще один шаг по дороге в бесконечность. Вы спрашиваете, почему шар-корабль, вначале ясно видимый на фоне звездной сферы, расплывается в очертаниях? Потому что вы

наблюдаете полет корабля, преодолевающего пространство — время неведомым вам способом. Он не просто пожирает пространство подобно лучу света, а движется в особом ритме. Пространство-время обладает кривизной и имеет прерывную структуру, то есть материальный мир является неразложимым единством атомов пространства и атомов времени. Это известно, по-видимому, и вам. Но вы не знаете, что в Космосе можно «высверливать» тоннели, каналы, затрачивая на это грандиозные количества энергии в ничтожно малые промежутки времени. Войдя в такой тоннель, а точнее, — в узкую зону перестроенного пространства — времени, космический корабль начинает движение по кратчайшим путям Вселенной. Он движется со световой скоростью, как вы ее называете. Но в обычном состоянии материи движение со скоростью света невозможно. Величайшим достижением нашей науки является умение перестраивать электронную структуру вещества. Во время движения по тоннелю нет ни корабля, ни нас. Тончайшие и точнейшие процессы, которые мы умеем вызывать, превращают корабль и нас самих в разреженное электронно-мезонное облако. Это зыбкое состояние есть высочайше организованный, саморегулирующийся и самосохраняющийся обратимый процесс. Но горе тем, кто допустит ничтожнейшую ошибку при программировании электронно-вычислительных и счетно-аналитических машин! Они никогда не возвращаются к исходному состоянию в форме макротел и вечно носятся в пространстве в виде электронно-мезонного облака. Такие случаи бывали у нас в далеком прошлом: корабли уходили в тоннель пространства — времени и... никогда не возвращались. Теперь мы научились избегать этой опасности.

Расстояние между нашими метagalacticками, двести семьдесят миллиардов световых лет, наш корабль покрыл за двадцать ваших лет только благодаря электронно-мезонной форме движения.

«Сотни миллиардов световых лет... за двадцать земных лет!» Хотя этот факт просто не укладывался в моей голове, я все же с гордостью вспомнил, что Петр Михайлович в своих беседах во время полета к Гриаде высказывал мысли, отдаленно напоминавшие идеи метагалактиан. «Я не знаю, — говорил он, сколько тысячелетий или миллионов лет познания потребуется людям для того, чтобы научиться преодолевать любое расстояние в любой промежуток времени. Но это будет! Даже гравитонная ракета — это еще варварский, неразумный способ ломиться прямо через Космос. Человек только тогда станет истинным Сыном Вселенной, когда проникнет в самую сущность законов пространства — времени, научится управлять им в полной мере. Мне смутно представляется, что путь к этому лежит через овладение энергией неизмеримо более высокого порядка, чем гравитонная, — той энергией, которая заключена в еще более мелких частицах вещества, чем ядерные частицы и гравитоны. Причем движение будет происходить не по линиям светового луча, а по другим, пока еще неизвестным, но реально существующим путям. Может быть, есть род хорд, каналов, соединяющих отдельные пункты искривленного пространства — времени!»

Экраны рассказали нам всю историю путешествия экипажа, возглавляемого Уо.

Поднявшись со стартовой колонны, шар-корабль растаял в дымке движения по тоннелю пространства — времени. Некоторое время на экранах видна лишь черная межметагалактическая пустота. Потом корабль появляется на фоне знакомой нам картины Космоса. Он отчетливо возникает среди звезд Малого Магелланова Облака, спутника нашей Галактики. Сюда вначале попали метагалактиане. Два изображения показывают полет корабля внутри Малого Магелланова Облака. Вот метагалактиане

совершают посадку на поверхность планеты, обращающейся вокруг двойной звезды — зеленого и белого солнц.

Планета покрыта чудовищными нагромождениями странных форм жизни. Нельзя даже понять, растения это или животные. Метагалактиане в ярко-голубых скафандрах выходят на поверхность этого мира и тщательно исследуют порождения чужой жизни, отбирают пробы и образцы. Затем возвращаются в корабль и продолжают путь.

И вдруг происходит непредвиденное, которое всегда подстерегает исследователей Космоса. Несмотря на точнейшие приборы и совершенную систему ориентировки во Вселенной, шар-корабль случайно попал в сферу притяжения неведомого сверхплотного сгустка материи. Поле тяготения этого космического объекта превышало земное в сто миллионов раз! Чудовищная гравитация замкнула пространство вокруг этой звезды, и лучи света не могли вырваться из сферической ловушки. Поэтому звезда была абсолютно невидимой. На ее поверхности я весил бы не девяносто килограммов, а девять миллионов тонн!

Экраны бесстрастно запечатлели, как шар-корабль, мчавшийся почти со скоростью света, вдруг весь содрогнулся. Заревели сигнальные сторожевые приборы, замерцали тысячи разноцветных указателей. Автоматы начали лихорадочно перестраивать ритм движения. Гиганты с ужасом смотрели на гравиметр, который показывал, как чудовищно нарастает тяготение.

Они начали отчаянную борьбу с невообразимой силой притяжения сверхплотной звезды. Исполинский силуэт корабля окутался мерцающими вихрями энергетической экранировки. Главный двигатель, работавший на энергии мезополя, захлебывался от напряжения...

Был момент, когда метагалактиане считали себя погибшими: грандиозное напряжение тяготения нарушило

точнейшую настройку электронных автоматов, и энергетический экран, сдерживавший падение корабля на звезду, исчез. Двигатель умолк.

Тогда гиганты пошли на отчаянную меру: они решили «высверлить» мгновенный тоннель в пространстве — времени, израсходовав на это почти все запасы топлива корабля.

Только так можно было вырваться из опасной зоны Космоса!

Ослепительная черно-фиолетовая вспышка заполнила все экраны. Мы невольно зажмурились, а когда открыли глаза — не было ни корабля, ни звезды. Лишь бегущая дымка электронно-мезонного облака дрожала на экранах.

Могучая жизненная сила метагалактиан помогла им выдержать испытание, вызванное резким переходом от сильной гравитации к неосязаемому электронно-мезонному состоянию. И вот полубесчувственные астронавты достигли центра нашей Галактики. На последних крохах энергии они совершили посадку на первой попавшейся планете, которой случайно оказалась Гриада.

— Так попали мы сюда, — сказал Уо, и тень печали легла на его выразительное лицо. — Наш корабль был выведен из строя. И невозможно было послать сигнал о помощи на родину, так как не хватило бы для этого энергии всей Гриады. Шестьсот лет стоит наш корабль на равнине Юго-Западного Острова; все это время мы исправляем повреждения, так как была расстроена вся система электронной автоматики, нарушена синхронность электромагнитных и мезонных полей, выведен из строя главный преобразователь энергии мезополя в электромагнитные кванты. Сейчас ремонт подходит к концу. Пятьсот лет (по вашему времени) мы накапливали необходимые запасы топлива, используя энергию грианского солнца и ядра Галактики. Наше вынужденное пребывание на Гриаде

заканчивается. Скоро, совсем скоро мы снова устремимся в безбрежные просторы Вселенной!

Уо вдохновенно поднял руки к звездам, приветливо мерцавшим в вышине. В это мгновение он казался мне полубогом, властелином пространства — времени. Да он им и был в действительности.

* * *

Однажды, когда мы оживленно беседовали с Уо о принципах движения межметagalактического корабля в Космосе, в Централь вбежал один из гигантов и торопливо произнес несколько певучих фраз. Уо прошел к пульту и резко повернул зеленый диск. На засветившемся круглом экране мы ясно, словно в двух шагах от себя, увидели огромный электромагнитный корабль, плывущий по Фиолетовому океану. На его палубе стояла группа Познавателей во главе с Югдом. Корабль направлялся к Большому Юго-Западному Острову.

— Знакомые лица, — сказал я, обращаясь к Петру Михайловичу. — Не хватает лишь биопсихологов. Интересно, зачем они пожаловали сюда? Возможно, разыскивают сбежавших подопытных кроликов, чтобы продолжить на них свои бессмысленные опыты.

Корабль вплотную приблизился к острову. Странно, где же силовой барьер вокруг острова, о котором рассказывал Джирг? Я вопросительно посмотрел на Уо. Метагалактианин со снисходительной усмешкой наблюдал за Познавателями, которые осторожно входили в лагуну.

— Вы хотите подпустить их к шару? — спросил его академик.

Уо кивнул головой и еще шире улыбнулся. Едва корабль остановился, как с его палубы, словно стая больших птиц, взлетела на дисках группа гриан. Впереди летел Югд. Познаватели поднимались все выше по долине и

вдруг круто взмыли вверх, чтобы перевалить горный хребет, отделявший нашу равнину от побережья.

В тот момент, когда Познаватели достигли гребня, Уо включил исполинский цилиндрический аппарат, укрепленный на колоннах под сводом. Разлилось низкое гудение. Весь корабль вибрировал и содрогался. Гриане уже готовились спуститься на равнину, как вдруг неподвижно застыли в воздухе. Я отчетливо увидел искаженное лицо Югда, который тщетно увеличивал истечение гравитонов из своего диска. Вместо того чтобы лететь вперед, Познаватели, смешно барахтаясь, постепенно скрылись по ту сторону гребня. Уо, словно смеясь, ослаблял напряжение поля, и они снова показывались из-за гребня гор. Тогда он опять отбрасывал их назад. Что это было? Гравитация или иная форма энергетического поля?

Группа Югда после недолгой борьбы сдалась. Познаватели собрались в кружок на берегу бухты и стали совещаться. Затем Югд перенесся на электромагнитный корабль и прошел в рубку телеуправления. Через секунду вспыхнул боковой экран на нашем пульте и возникло сумрачное лицо Югда. Отыскав глазами Уо, грианин заговорил сухо и размеренно своим бесстрастным, ничего не выражающим голосом. Я поспешил настроить свой прибор, но — увы! — ничего не понял. Югд говорил на каком-то незнакомом, очень резком и щелкающем языке, который Уо, к нашему удивлению, понимал. Он внимательно слушал грианина, и лицо его снова играло всеми оттенками чувств. Вначале я не заметил, что он смотрит не на Югда, а на бегущую полосу под экраном, где возникают и исчезают знаки. Вероятно, это был перевод слов грианина на язык метагалактиан.

— Вот и появляется возможность нормально поговорить с пришельцем из Метагалактики, — оживился академик. — По-видимому, гриане и метагалактиане

выработали синтетический язык, который позволяет им объясняться с помощью электроннолингвистических машин.

Югд указал на нас, но Уо отрицательно покачал головой. Голос Познавателя звучал все настойчивее. Мой лингвистический аппарат все-таки частично улавливал смысл отдельных фраз синтетического языка.

— Верни нам людей Земли, — требовал Югд. — Это наша находка. Нам нужно закончить на них эксперимент подобия, выяснить общие законы развития мышления у разных существ.

Петр Михайлович даже побагровел от возмущения, услышав выражение «закончить эксперимент подобия». Гордый ум его, наконец, возмутился.

Уо отклонил домогания Познавателя. Что-то похожее на злобу отразилось на физиономии Югда.

— Круги Многообразия примут ответные меры... — начал было он, но Уо решительно выключил экран.

Недовольное лицо Познавателя исчезло.

РАДОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Вскоре с помощью Уо мы составили промежуточную программу для лингвистических аппаратов и теперь могли более свободно разговаривать с ним. Он говорил в свой аппарат на синтетическом языке, а затем целый комплекс электронных машин переводил с него на грианский язык, который уже легко трансформировался нашими аппаратами. Едва это нам удалось, как завязалась оживленная беседа о взаимоотношениях метagalактиан с Познавателями.

— Почему в Информарии гриан нет никаких упоминаний о вас? — спросил Петр Михайлович. — Ведь такое

событие не может не стать достоянием истории. Тем более, что вы здесь находитесь уже шестьсот лет по времени Гриады. Странно все это!

Уо тихо ответил:

— Странное и непонятное началось еще тогда, когда мы приближались к Гриаде шестьсот лет тому назад. Когда сторожевые локаторы искусственных спутников Гриады донесли в Трозу необычайную весть о появлении космического корабля из глубины пространства, Познаватели пришли в неопишемое волнение. Впервые за всю историю их цивилизации в небе Гриады появился чужой астролет. Это было событие, грозившее нарушить их «идеально слаженную» жизнь.

Уо показал на волны Фиолетового океана и на звезды (значит, он знал о существовании грианоидов и эробсов?).

— Кроме того, — продолжал он, — Познаватели испугались: ведь бесконтрольное вторжение на планету чужой, неведомой жизни вызовет среди них страшные эпидемии, как это не раз бывало в истории Вселенной при неосторожном соприкосновении разумных форм жизни. Они не могли, конечно, знать, что мы давно изгнали из своего бытия все, что может вызывать болезни или эпидемии.

Круги Многообразия, как они называют свой высший орган управления, приняли все меры к тому, чтобы не допустить нашей высадки на Гриаде. Однако ни мощные электромагнитные барьеры, созданные энергостанциями искусственных лун, ни излучения грандиозной жесткости, посылаемые навстречу кораблю, не могли заставить нас изменить курс. Гриане со страхом, вероятно, наблюдали, как гигантский шаровидный корабль легко прошел все барьеры, вторгся в верхние слои атмосферы и засветился ослепительным оранжево-зеленым светом.

Когда наш корабль опустился на равнину Юго-Западного Острова, сюда устремились чуть ли не все Познаватели Восточного полушария Гриады. Просторы Фиолетового океана были усеяны тысячами судов, переполненных гривнами. Огромные тучи Познавателен неделями висели над Юго-Западным Островом, временами затмевая даже солнце. Кругам Многообразия едва удалось ликвидировать это столпотворение. Так как большинство Познавателей в спешке не подумало о запасах еды, то многие из них едва не умерли от истощения. Пришлось пустить в ход усыпляющие ионизаторы. Уснувших Познавателей подбирали специальные патрули и развозили по домам.

Однако непосредственная встреча была довольно дружественной, хотя мы и не решились пустить кого-либо в корабль, опасаясь любознательности Познавателен, которые могли сломать какую-нибудь незаменимую деталь оборудования.

После посадки и осмотра корабля мы обнаружили, что он нуждается в серьезном ремонте. Запасы топлива были полностью исчерпаны в борьбе со сверхзвездой и на движение по тоннелю пространства — времени. Мы не смогли бы исправить повреждения без помощи Познавателей. В свою очередь, они стремились заимствовать хотя бы часть наших технических достижений. На этой основе было налажено взаимовыгодное сотрудничество. Гриане дали нам материалы и машины для ремонта корабля, помогли смонтировать энергетические станции, преобразующие энергию солнца и центра Галактики. С помощью этих станций мы и накапливаем запасы топлива. Мы же рассчитали и спроектировали для Познавателей Энергоцентр, способный перестраивать структуру пространства-времени вокруг планеты. Мы научили их строить шародиски, движущиеся за счет энергии, черпаемой из

окружающего пространства. Познаватели сумели усвоить часть наших научно-технических знаний.

Сотрудничество продолжалось около двухсот лет. Упорно трудясь над ремонтом корабля, мы не имели времени разобраться в общественной жизни Гриады и искренне считали, что Познаватели — это прогрессивное население планеты, достигшей довольно высокого уровня цивилизации, тем более что нас сбивали с толку оглушительные передачи Службы Тысячелетней Гармонии. Но однажды мы случайно обнаружили следы жестокой и позорной системы: подводный труд грианоидов, насильственное удерживание их на Сумеречных Равнинах, бесчеловечные операции над мозгом непокорных, замаскированную эксплуатацию в подземных городах Птуин. Мы думали, что знания и открытия, передаваемые нами Познавателям, идут на благо всех без исключения жителей Гриады. Что могло быть иначе, нам даже не приходило в голову.

Когда мы расспрашивали Познавателей о жизни на Гриаде, они лицемерили и лгали. Но вскоре мы восстановили электронные и телевизионные аппараты, которые позволили нам видеть и слышать любую точку планеты. Мы изобличили Познавателей в обмане. Они отказались ликвидировать систему Гармоничного Распорядка Жизни; сотрудничество было прервано.

К этому времени наш энергетический запас возрос настолько, что мы могли бы легко превратить Познавателей в мезонное облако. Однако этого делать было нельзя: изучение общественного строя Гриады показало нам, что здесь создана такая продуманная система господства, что невозможно затронуть ни одно ее звено. Самое сложное заключается в том, что снабжение всей планеты энергией находится в руках двух — трех десятков Познавателей.

— Как могло случиться, что на Гриаде история развития общества дала такое уродливое отклонение? «Почему

массы тружеников в век электроники и энергии мезовещества оказались во власти горстки Познавателей?» — спросил я метагалактианина.

Уо глубоко задумался.

— Да, — промолвил он. — Это удивительное отклонение мы встречаем впервые. Наши братья знают десятки планет, населенных разумными существами, и везде, где наука и техника достигли высот, подобных грианским, неизбежно расцветает Общество Свободы и Труда, Царство Разума и Красоты. Почему иначе получилось на Гриаде? Мы долго размышляли над этим. Так как Познаватели тщательно уничтожили все записи, микрофильмы и целлюлы, повествующие о прошлой истории общества, очень трудно восстановить истинную картину постепенной монополизации знаний горсткой технократов; они постарались вытравить из памяти поколений остатки воспоминаний о классовой борьбе прошлых веков, о праве тружеников на свободную жизнь, на культурные и научные ценности.

Ясно, что Познаватели, наученные опытом многовековой классовой борьбы, несколько тысячелетий назад сумели исподволь, тонко и постепенно обработать сознание масс с помощью гигантской идеологической машины — кино, телевидения, радио, печати, с помощью достижений биофизики, биологии и психологии, сочетая идеологический нажим с удовлетворением насущных материальных потребностей тружеников. Служба Тысячелетней Гармонии — всего лишь выродившийся потомок некогда очень продуманной идеологической машины. Процесс «обработки» масс длился, вероятно, тысячи лет! В определенный момент Познаватели начали неуклонно сужать круг людей, владеющих высшими знаниями. Наконец с помощью высочайших достижений кибернетики и электронной автоматики они захватили власть над всепланетной энергией.

— В этом все дело! — перебил я метагалактианина. — Жители подводных городов должны как можно скорее вырвать энергию из рук Познателей, подняться из Сумеречных Городов на поверхность Гриады!

— Но как долго им еще идти до Вершин Познания, — грустно возразил мне Петр Михайлович. — Не менее полувека им нужно еще учиться, чтобы овладеть планетной энергией.

— Тысячи лет назад, — продолжал Уо, — предки нынешних энергомонополистов создали совершенную энергетическую сеть, составили математические программы-команды для Главного Электронного Мозга, управляющего энергосетью, а наиболее важные входные данные программ запечатлели в своем мозгу. Эти данные передаются из поколения в поколение внутри узкого круга монополистов, давно застывших на том же уровне цивилизации, который достался им от далеких предков. Все монополисты являются членами Кругов Многообразия. Остальные Познатели не владеют тайной программ, но обладают суммой знаний, необходимых для осмысленного управления электронной техникой.

Процесс управления энергией построен так, что он должен периодически программироваться. Один из посвященных гриан в День Спадания Активности закладывает в Главный Электронный Мозг очередное звено программы.

Если уничтожить всех энергомонополистов, через некоторое время остановятся энергостанции, так как некому будет вложить, в Электронный Мозг очередную программу. Тогда жизнь на Гриаде замрет, и первыми погибнут миллионы подводных тружеников, узники Желсы и рудокопы Птуин!

— А если внезапно напасть на Круги Многообразия, арестовать монополистов, а затем заставить их выдать тайну программ? — предложил я.

— Это исключено, — вмешался академик. — От Виары я узнал, что у каждого монополиста есть аппарат, позволяющий на расстоянии остановить работу Главного Электронного Мозга. В Главной Централь сидят служители, слепо выполняющие любые указания Познавателей. Монополисты не остановятся ни перед чем. Едва они почувствуют, что их тысячелетнему господству приходит конец, как отдадут Служителям радиоприказ выключить Электронный Мозг.

— Но ведь тогда погибнут и сами монополисты? — возразил я.

— Ничего подобного. На полированной равнине, в ее южной части, всегда стоят наготове гигантские шародиски с запасами мезовещества. Выключив энергосеть, Познаватели уйдут в Космос, подождут там сколько угодно лет, пока не вымрут все восставшие, а потом вернутся на Триаду и начнут все сначала. Новое трудящееся население они создадут из тех же операторов и служителей, которых захватят с собой.

— Так что же делать?! — в отчаянии воскликнул я, обращаясь к Уо. — Неужели вы, вооруженные высочайшей техникой, не в силах помочь освобождению поработченных?!

— Вот если бы узнать шифр входных программ, — задумчиво ответил Уо. — Тогда мы сумели бы разрушить чудовищную систему угнетения.

Я рассказал Уо о том, что грианоиды овладевают знаниями, что отдельные Познаватели осознали необходимость ломки системы угнетения, тормозящей дальнейшее развитие цивилизации. Обрисовал роль Джирга, Виары и их друзей в благородном начинании и спросил, не могли бы мы, объединившись с ними, что-нибудь предпринять.

Эта мысль заинтересовала Петра Михайловича и метagalлактианина.

— Кажется, я вижу реальный путь, — нерешительно начал академик. — Если проникнуть в Главный Электронный Мозг в тот момент, когда очередной монополист закладывает входные данные программы... Ведь иногда можно по одному звену восстановить всю цепь процессов управления. При условии, конечно, углубленного изучения работы энергостанций.

— А можно ли проникнуть в Главную Централь? — с сомнением спросил я. — Там у них, вероятно, непроходимая система сигнализации. Как бы ни был осторожен смельчак, его неизбежно обнаружат.

— Я знаю, как можно проникнуть незамеченным в Централь! — внезапно оживился Уо. — С помощью генератора поля Син, создающего небольшую зону перестроенного пространства, из которой не вырвется ни один луч света!

Находясь в этой зоне, землянин будет невидим. Вместе с зоной мы перенесем его в Электронный Мозг, где он беспрепятственно изучит входную программу, наблюдая за действиями Познавателя.

— Ну и отлично, — сказал Петр Михайлович. — Тогда осталось лишь выяснить, где находится Главный Электронный Мозг.

— Это предоставьте мне, — вставил я. — Я свяжусь с Джиргом и Виарой. Они должны знать, где расположена Централь.

Весь вечер я вызывал Джирга условленным шифром. Наконец экран моего радиотелеаппарата слабо засветился. Изображение лица Джирга было так неясно, что я едва узнал его. Вероятно, мешали какие-то излучения.

— Я нахожусь в Лезе, — передавал Джирг. — Познаватели узнали о моем самовольном плавании к Юго-Западному Острову и лишили права подниматься на поверхность океана. Виара в Трозе, она вне подозрений.

Наблюдая за метагалактианами, я затруднялся определить их возраст. В одно и то же время они казались и старыми, и молодыми. Когда они с акробатической ловкостью сновали по бесчисленным переходам и трапам корабля, стремительно собирали и разбирали сложнейшие аппараты, мне казалось, что это юноши. Но взглядевшись в их затвердевшие черты и бездонную глубь мудрых глаз, я невольно приходил к выводу об их преклонном возрасте.

Вспоминая, что от другой Метагалактики они летели двадцать земных лет плюс шестьсот лет пребывания на Триаде, я окончательно становился в тупик.

— Каков же их возраст? — спрашивал я Петра Михайловича. — Посмотрите, ведь они в расцвете жизненных сил. А по самым скромным подсчетам, им не меньше, чем по сто лет.

— Вероятно, впятеро, вдесятеро больше, — загадочно сказал Самойлов.

Наверно, у меня был озадаченный вид, так как Петр Михайлович рассмеялся.

— Я много расспрашивал об этом Уо, — пояснил он. — И вот что узнал. Это почти сказка. Дело в том, что метагалактиане практически почти бессмертны. Да, да!.. И это не противоречит основным законам природы. Бессмертие невозможно, говорили мыслители и естествоиспытатели Земли. И они правы: в условиях Земли, с присущими ей условиями жизни и функционирования белковых тел, бессмертие невозможно. В естественных условиях процессы, идущие в белках, клетках и тканях человеческого организма, необратимы. Но кто сказал, что никогда и нигде невозможно обратить процессы белковой жизни? Природа просто не ставила себе целью бессмертие, но это еще не значит, что оно невозможно. Метагалактиане

создали на своих планетах такой совершенный ритм жизни, добились такого идеального постоянства условий внешней среды, что организм отдельного индивида достигает там предельно возможной для них продолжительности жизни — четырехсот восьмидесяти лет!

К концу естественного старения метагалактианин подвергается изумительно согласованному действию целой гаммы особых биоизлучений и микрорастворов удивительных веществ и элементов, в частности дейтерия. Таким путем метагалактиане добивались постепенного обращения жизненных процессов. Индивид повторял новый цикл жизни (если, конечно, хотел). Правда, он все же несколько видоизменялся, не имел абсолютной тождественности со своим прежним организмом.

Уо рассказывал мне, что многие метагалактиане, захваченные процессом бесконечного познания природы, повторяли до тысячи циклов обращения, то есть прожили по полумиллиону лет! Правда, такой сверхпатриарх, метагалактианский Агасфер, уже не имел почти ничего общего со своим первоначальным организмом, но все-таки это был он: в «потомке» функционировал тот же мозг, что и в «предке». Законы природы не нарушались: бессмертие невозможно для отдельного организма, абсолютно тождественного самому себе; оно возможно в ряду бесчисленных поколений, как бессмертие многократно обновленного организма, ставшего несколько иным, но сохранившего в своем перестроенном мозгу бесценные знания и опыт тысячелетий прошлой жизни.

Метагалактиане дошли до великих истоков жизни и смерти, самую смерть отдельного человека они сделали началом новой жизни.

Вскоре я получил второе известие от Джирга. Оно было полно тревоги.

— Круги Многообразия спешно строят на верфях Дразы какие-то грандиозные механизмы, — сообщил он.

— В то же время большая часть Познателей покинула Острова Отдыха, вернее, Круги Многообразия заставили их оторваться от полусонной неги, прекратив подачу газа блаженства. В восточной сектор океана стянуты все лайнеры и плавучие энергостанции. Элц и его окружение что-то замышляют. Над Лезой патрулируют сторожевые катера. Подняться на поверхность океана нет никакой возможности. Свяжись с Виарой, сообщаю ее позывные.

Я поделился услышанным с академиком и Уо. По лицу метagalaktианина пробежала молния. Он тотчас же включил систему причудливых аппаратов, скрытых в глупине ниши.

— Сейчас узнаем, — сказал он. — Я, кажется, догадываюсь. Это назревало в течение всех последних веков.

На мерцающем экране проектора появился огромный зал Кругов Многообразия, заполненный до отказа. По-видимому, происходило какое-то важное собрание. Председательствовал Элц в своем неизменном фиолетово-красном одеянии. Он что-то быстро говорил, но звуков его речи мы еще не слышали, пока Уо не повернул сектор на пульте перед двумя улиткообразными аппаратами. До нас явственно донеслись слова Элца, находившегося за тысячи километров.

— Гиганты закончили ремонт Загадочного Шара, — размеренно говорил он. — Их дальнейшие намерения неизвестны Кругам Многообразия. Возможно, они покинут Гриаду, и мы избавимся от потенциальной угрозы Гармоничному Распорядку Жизни. Хотя гиганты за все время пребывания ни разу не предпринимали враждебных действий и даже передали нам часть своих знаний, все-таки мы постоянно ощущаем их неведомую огромную мощь. Туманные сведения о могущественных пришельцах, которые требовали перестроить Гармоничный Распорядок Гриады, непонятным образом проникли в массы

грианоидов, усилив дерзкие надежды и без того беспокойных обитателей подводных городов.

Все помнят, как гиганты погасили искусственное солнце, зажженное нами над Большим Юго-Западным Островом с целью заставить их передать нам свой Шар. Потом они сами зажгли неизмеримо более мощное солнце над южным полушарием Гриады, чтобы улучшить климат для обитателей Желсы. В спектре их солнца онфосы — наши физики — не нашли знакомых нам полос излучения. Это говорит о том, что их солнце работало на совершенно иных источниках энергии. Гиганты ни разу не допустили Познавателей к Загадочному Шару, и онфосы до сих пор не могут разгадать их силовое поле.

Мы будем спокойны лишь тогда, когда на Гриаде не останется более могучих сил, чем сила Познавателей. Однако с уходом гигантов в Космос исчезнет невиданный источник знаний, до которых мы не дойдем еще за

миллионы кругов. Познаватели должны захватить Загадочный Шар и его обитателей!

— Не дадим улететь гигантам в Космос! — громовым эхом пронесся по залу призыв тысяч Познавателей.

— У гигантов скрываются и земляне, — продолжал Элц, жестом успокаивая аудиторию. — Эти беспокойные существа ускользнули из Трозы в тот момент, когда биопсихологи должны были приступить к решающим экспериментам в изучении их мышления. Нам необходимы эти земляне для продолжения опытов, которые могут оказаться очень важными для развития Познавателей.

Щелкнул выключатель, и экран погас.

— Вот в чем дело, — удовлетворенно заметил Уо. — Они давно собираются завладеть нашим кораблем. До сих пор это им не удалось. Но сейчас они на что-то надеются. Тем хуже для них.

* * *

Наша дружба с метагалактианами крепла и развивалась. Это были в высшей степени обаятельные, мягкие и приветливые люди. Трудно нам было постичь их внутренний мир, но все же мы чувствовали, что их сердца безгранично открыты для всего доброго и справедливого, вмещающая в себя целый океан чувств. Самый черствый человек, общаясь с ними, невольно проявил бы лучшие качества своей души, которые в иной обстановке, может быть, и не обнаружались бы.

Мы незаметно вошли в их удивительно размеренную жизнь, помогали, как смогли, заканчивать настройку приборов и наладку механизмов волшебного «корабля пространства — времени». Каждый день Уо старался передать мне новую крупицу высших знаний, и я чувствовал, как неизмеримо расширяется мой кругозор, открывается удивительный мир новых вещей и понятий. С

гордостью думал я о том времени, когда вернусь на родину; земляне-астронавты будут благодарны мне за то, что я принес им эстафету высочайших знаний метагалактиан, новые приемы преодоления Космоса.

Петр Михайлович круглыми сутками пропадал в библиотеке метагалактиан. В свободное время и я забирался в Информарий корабля, пытаюсь понять теорию тоннеля пространства-времени и законы перехода к электронно-мезонной форме движения. Однажды мне попала в руки катушка магнитной записи, которую, вероятно, случайно забыл академик. Эта запись была сделана недавно: катушка выглядела совсем новой. Я не удержался и заложил ее в анализатор. Зазвучала вдохновенная исповедь беспокойного ученого:

«В библиотеке гигантов я нашел то, что превосходило самые дерзкие мечты землян. Даже беглый просмотр главней метагалактианских памятных лент — «Строение материи», «Происхождение и развитие Вселенной», «Выражение четырехмерности Космоса в элементарных функциях», «Восприятие кривизны пространства — времени», «Законы движения в поле Син» — обещал чудесные страницы из Великой Книги Бесконечного Познания.

Вчера состоялась очень важная для земной науки беседа с вождем метагалактиан Уо. Он пришел в Информарий в тот момент, когда я силился понять условия перехода из четырехмерного в пятимерный мир, изложенные в книге «Многомерность физических пространств во Вселенной». Уо сел напротив меня и после продолжительного молчания заговорил:

— Я прочитал микрофильмы, записанные тобой, и понял, что ты был на Земле ученым, стремящимся проникнуть в сущность того, что вы называете пространством — временем. Однако в твоих выводах много ошибок и заблуждений.

— Много?! — воскликнул я, чувствуя, что мое авторское самолюбие уязвлено.

— Да, — подтвердил Уо. — И это естественно: нужны миллионы лет познания, чтобы широко распахнуть дверь в необозримые глубины материи. Нам это почти удалось. Ты тоже стремишься к вершинам познания. Мы понимаем это и зовем тебя вперед. Только там, в нашей Метагалактике, ты познаешь новое пространство — время и, может быть, вместе с нами проникнешь в другие, еще более удивительные пространства — времена. Ты хочешь этого?

Меня охватило глубокое волнение. Жажда познания, которую я не смогу, вероятно, утолить до последнего часа жизни, потушила слабые огоньки воспоминаний о Земле, о братьях землянах, во имя счастья которых я, собственно, и предпринимал утомительные изыскания и путешествия.

— Хочу ли я углубляться в вечную и бесконечную природу? — воскликнул я. — Конечно!

Метагалактианин удовлетворенно улыбнулся.

— А как твой друг? Он тоже стремится к познанию?

— Виктор? — неуверенно переспросил я. — Видите ли, он... астронавт. Его страсть — астронавигация и космические корабли. Ради этого он полетит на край Вселенной, хоть до самого конца бесконечности.

Потом разговор перешел на сугубо научные темы. Когда я стал излагать свою теорию пространства — времени — тяготения, то заметил, что полубог из другой Метагалактики иронически усмехнулся, услышав о полете «Урании» со скоростью больше скорости света.

— Явное заблуждение! — резко прервал он меня.

Одухотворенное лицо метагалактианина отразило мгновенный бег мыслей. Лучезарные глаза, устремленные в пространство, отражали гигантскую работу мозга. Для метагалактиан характерна сложнейшая система

логического мышления. На включенном биоэкране я видел, как мысли Уо спиралями поднимались к недостижимым вершинам обобщений и абстракций. И тогда я переставал что-либо понимать. Как сверхточный струнный гальванометр, Уо мгновенно реагировал на изменения окружающего мира, отражая их в виде точных формул и закономерностей. Это было гармоническое слияние природы и разумного существа, в котором материя предельно близко подошла к познанию самой себя... Это был тот могущественный разум, о котором мечтал Лаплас в своей книге «Опыт философии теории вероятностей». С пугающей тоской я понял, что никогда не успею познать того, что видел сейчас метagalaktианин перед своим умственным взором.

— Явное заблуждение, — повторил Уо. — И ошибка заключается в том, что закон взаимосвязи массы и энергии гораздо более сложен, чем думаете вы. Формулы вашего ученого Эйнштейна не совсем точны. Существует особое поле сопротивления движению света, недоступное вашим приборам, но проникающее весь видимый мир. Это особое состояние материи, которое мы называем поле Син. Оно невероятно усложняет вид всех математических уравнений, описывающих движение частиц-волн. И скорость света в этом поле сопротивления никогда не превышает трехсот тысяч километров в секунду, считая вашими земными мерами.

— Почему скорость света недостижима для тел, обладающих массой? — продолжал рассуждать Уо. — Не только потому, что требуется затрата бесконечно большой работы для разгона тела до этой скорости. Все дело в свойствах поля сопротивления. Если бы вам удалось нейтрализовать это поле — вот тогда «Урания» достигла бы суперсветовой скорости. Но вы не умеете его нейтрализовать и, вероятно, не сможете этого сделать еще десятки миллионов лет. О поле Син не подозревают и гриане.

— А вам удастся нейтрализовать поле сопротивления?

— Чтобы преодолеть скорость света, — не отвечая на мой вопрос, Уо повернулся к экрану, — надо пробить в поле сопротивления тоннель, затратив для этого громадную энергию в бесконечно малый промежуток времени в строго рассчитанном ритме. Но однажды пробитый тоннель все время сопровождает корабль. Надо лишь поддерживать его небольшим расходом энергии — около ста миллиардов киловатт в минуту.

«Вот так небольшой расход энергии! — подумал я. — Это почти столько же, сколько давал в XXIII веке каскад волжских гидростанций за год!» Затем Уо вызвал на экране целый лес математических символов и стал объяснять мне сущность поля сопротивления. Я незаметно потрогал свои виски и лоб. От умственного напряжения трещала голова. Закрыв глаза, я чуть не заплакал от мозгового бессилия, от несовершенства человеческого разума, которое отмечали когда-то Эйнштейн, Менделеев, Лобачевский, Энгельс.

Разочарование и досада охватили меня:

— Почему же приборы «Урании» показывали скорость больше световой? И почему нас забросило в межгалактическое пространство, на миллион световых лет в сторону от центра Галактики?

Уо снова усмехнулся:

— Это сказывались парадоксы пространства-времени плюс накладывающееся действие поля сопротивления. Огромное выделение энергии, которого вы добились на «Урании», повлекло за собой — по закону преобразования — гигантскую концентрацию эквивалентной массы. Масса породила грандиозное поле тяготения, сильно искривившее пространство вокруг ракеты. Она стала двигаться по кривой кратчайшего пути в этом пространстве, то есть по геодезе. А противодействие поля Син вызвало искажение показаний приборов. Вот почему вам казалось,

что скорость света превзойдена. Та же причина — искривление пути ракеты — забросила вас в другую область пространства.

После этой беседы я испытал глубокое разочарование, обиду, горечь... Всю жизнь я посвятил изучению свойств пространства — времени — тяготения, а оказалось, что ничего не знаю и далеко не полно, неточно представлял себе картину мира. Как никогда раньше, я понял, что разумные существа во Вселенной подобны пылинке в золотом луче, пробивающемся сквозь ставень. Покружившись один миг, они пропадают во тьме. Поэтому нет в жизни ничего более высокого и прекрасного, чем поглощать глазами, головой, сердцем этот бессмертный скользящий луч! Счастлив тот, кто хоть раз испытал радость познания!

С тяжелым сердцем я перечеркнул свою несовершенную теорию пространства — времени — тяготения и несколько дней бездумно бродил по залам и отсекам метagalктического корабля. Надо было воссоздавать новую теорию на основе неисчерпаемых знаний, накопленных метagalктианами. Я твердо решил посвятить этому остаток своей жизни, чтобы довести учение о пространстве-времени до глубины, которая на Земле едва ли будет достигнута даже за миллионы лет. Ради создания этого учения, которое поможет братьям землянам, я готов лететь с Уо в другую Метagalктику...»

Здесь запись обрывалась. Порывшись, я нашел еще несколько катушек, сложенных академиком в пустом ящике Информария, и наугад поставил одну из них. Снова зазвучал мягкий баритон Петра Михайловича:

«Изучая величайшие достижения метagalктиан, я все больше убеждался в великой общности законов развития материи во всех уголках Вселенной. В силу этой общности высочайшая цивилизация гигантов оказалась для меня частично понятной. В огромных хранилищах

Голубого Шара я обнаружил тысячи метров синеватой ленты из неизвестного вещества. В нем как бы окаменели электромагнитные колебания, записанные когда-то по ту сторону Вселенной. С помощью Уо я научился развертывать эти записи на экранах памятных машин.

Вот я вкладываю в электронный аппарат ленту из серии «Эволюция планет», и на экране проходят картины истории далекого мира. Я узнал, что эволюция жизни на планетах Авр тянулась неимоверно долго — тридцать пять миллиардов лет! В пять раз дольше, чем на Земле! Целых полтора, миллиарда лет среди первобытных оранжевых лесов Авр, шумевших на экране, бродили предки нынешних метagalактиан, напоминавшие огромных двуногих барсов. Восемьдесят миллионов лет тому назад эти млекопитающие выделились из царства животных, начав историю разумной жизни.

Раздумывая над непомерно длительным сроком эволюции метagalактиан, я, наконец, понял, в чем причина: дело в том, что в их мире не было той побудительной силы — оледенений, резкого изменения в условиях существования, — которая на Земле заставила первобытную обезьяну взяться за дубину и приобщиться к груди. Эволюция жизни на планетах Авр облегчалась и в то же время задерживалась астрономическим положением планеты: ее ось вращения была почти перпендикулярна к плоскости орбиты. Угол наклона равнялся восьмидесяти девяти с половиной градусам. Этот наклон и обусловил золотой климат планеты. Миллионы лет неслышно пролетали над ней, дни следовали за днями, годы за годами, совершенно равные друг другу по продолжительности. Ни тропического жара, ни полярного холода, ни излишней сухости или влажности, ни резких скачков температуры. Вечно чистое небо, удивительно ровный климат, постоянная температура благотворно сказались на интеллектуальном развитии метagalактиан, никогда не

отвлекавшихся на борьбу с враждебными организму стихиями природы».

И еще одна короткая запись:

«Невероятно! У метагалактиан насчитывается восемь чувств! Кроме обоняния, осязания, зрения, слуха и вкуса, еще три органа чувств. Насколько я понял, они имеют органы, воспринимающие ультрафиолетовые и инфракрасные лучи, ультразвук и рентгеновские колебания! Они ощущают пространство — время так же, как мы пространство. Метагалактиане смутно приближаются к пониманию миров, в которых материя имеет, кроме пространства — времени, и другие формы существования, что для меня — полная загадка.

Специальный орган чувств, драгоценный дар природы, позволяет им слышать процессы роста в клетках различных живых организмов.

— Мы воспринимаем процессы роста, как определенные мелодии, — пояснил мне Уо. — Ведь и у вас есть приборы, электромагнитные понизители частоты, позволяющие слышать процессы роста. У вас это искусственные приборы, а у нас естественные органы. Мы слышим, как растет трава, слышим трение воды в растениях, работу клеток, тончайшие процессы в мозгу и нервах. Вот почему мы можем разговаривать мысленно, без помощи слов, но только друг с другом. Вам это пока недоступно.

Беседы с Уо были для меня волшебной повестью о Недостижимом. Однажды он позвал меня к большому аппарату, оказавшемуся квантовым микроскопом, и сказал:

— Вот как выглядит Микровселенная.

Картина микромира, развернувшаяся передо мной, оказалась неизмеримо более сложной, чем та, которую представляли себе ученые на Земле. Даже электрон, эта мельчайшая частица материи, оказался сложной системой, состоящей из вихреобразных сгустков энергии, окруженных десятками взаимопревращающихся

материальных частиц, наименьшие из которых имели диаметр десять в минус восемнадцатой степени сантиметра! Одна миллиард миллиардная доля сантиметра! И тут я вспомнил слова величайшего мыслителя Владимира Ленина: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом».

Но это уже был предел дробления материи. Затаив дыхание я наблюдал, как на экране проектора медленно вращалась сложнейшая внутриэлектронная Микровселенная. Киноаппарат как бы замедлял быстротекущую жизнь Микровселенной в триллион миллиардов раз...»

Внезапно меня сильно ударили по плечу.

Я вздрогнул и покраснел. Позади стоял неслышно подошедший Самойлов.

— Ты что тут делаешь? — спросил он, подозрительно осматривая меня. Увидев катушку, заложенную в анализатор, он нахмурился: — Нельзя заглядывать без разрешения в чужие записи.

Чтобы скрыть смущение, я пробормотал:

— Петр Михайлович! Так вы собрались лететь в страну Уо?

Его лицо разгладилось, и он спросил:

— А ты разве не хотел бы полететь туда?

Полет на машине пространства — времени по фантастическому «тоннелю» в поле сопротивления, в другую Метагалактику! Разве я не был пилотом межзвездных кораблей?

Какие могут быть сомнения!

— Конечно! — воскликнул я.

Но тут ёкнуло мое сердце.

— Только прежде я хотел бы возвратиться к Солнечной системе, чтобы сообщить землянам о себе, о наших открытиях...

— И забрать Лиду, хочешь ты сказать, — продолжил за меня академик.

Я смущенно опустил голову.

— Ведь она одна там, в Пантеоне Бессмертия. Если мы не вернемся, реле времени разбудит ее через миллион с четвертью лет. Она окажется в невероятно далекой от нас эпохе, среди землян... пусть прекрасных, но без родных и знакомых. Ей будет тяжело! Очень тяжело!

Впервые Петр Михайлович не стал подшучивать надо мной.

— Ты прав, — серьезно сказал он. — Мы обязаны возвратиться на родину, чтобы донести весть о Гриаде, о высочайшей цивилизации метagalактиан. Тем более что полет к Земле для гигантов не сложнее легкой загородной прогулки.

Я крепко обнял моего дорогого наставника и друга.

КОНЕЦ ПОЗНАВАТЕЛЕЙ

Поздно ночью мне, наконец, удалось связаться с Виарой. Ее голос был едва слышен, изображение почти пропало.

— Над Трозой установлен ионизированный барьер, гасящий радиоволны, — говорила Виара. — Круги подозревают, что между подводными городами и некоторыми жителями Трозы существует радиотелесвязь. Я не могу вылететь из Трозы, так как выходной тоннель открывается только по личному разрешению Элца. Я узнала от Джирга, что вы на Юго-Западном Острове. Помогите предотвратить разрушение Лезы.

— Лезу хотят разрушить? — в смятении спросил я. — Но почему? Какое чудовищное преступление!

— Вчера Круги приняли такое решение. Какой-то предатель сообщил Элцу, что грианоиды овладевают знаниями. Лезу решено уничтожить, как опасный очаг.

Я живо представил миллионы ничего не подозревающих грианоидов и содрогнулся от ужаса. Надо было немедленно что-то предпринимать.

— Как можно скорее узнай, где расположен Главный Электронный Мозг Энергостанций, — попросил я Виару.

— Это трудно, — в раздумье ответила она. — Но я постараюсь. Жди вызова.

Благодаря Виаре мы узнали, что Главный Электронный Мозг находится в недоступной горной стране на северо-западе Центрального Материка. Он окружен перестроенным пространством и мощными силовыми полями. Я сомневался, возможно ли туда проникнуть. Но Уо убедил нас, что «зона Самойлова» легко проникнет в Электронный мозг.

Через несколько часов Петр Михайлович спешно рассовывал по карманам микрофильмы, блокноты, магнитофон, электроанализаторы. Уо знаком предложил ему не торопиться и выбросить из карманов все содержимое. Недоумевая, академик повиновался. Тогда метagalактианин вынес из корабля кресло, стол, целый ящик с провизией и установил все это на площадке из голубого металла, которая была смонтирована, вероятно, еще вчера.

— Вот площадка, вокруг нее образуется зона, — коротко пояснил Уо. — Садись в кресло, сейчас включаем аппараты.

Я крепко пожал руку Самойлову и посоветовал быть осторожным. Мы условились, что как только Петр Михайлович достигнет успеха и разгадает принцип программирования Электронного Мозга, я свяжусь с грианоидами и Виарой и подам им сигнал к действию.

И вот я воочию увидел сказочную власть метagalактиан над природой. Мы поднялись с Уо в корабль. У Главного пульта манипулировали два гиганта, следя за багровым глазом генератора поля. Генератор представлял из

себя огромный эллипсоид, занимавший всю верхнюю часть шара. От Централи он был отделен двухметровой массивной переборкой, сквозь которую доносился низкий вибрирующий гул. На экране обзора я отчетливо, словно в двух шагах, видел академика, сидящего в кресле и с любопытством взирающего на шар. Внезапно багровый глаз прибора засиял ослепительно-голубым огнем, а рокочущий гул генератора перешел в еле слышное пение. И вдруг Петр Михайлович стал до странности уродливым: это пространство, замыкаясь вокруг него, искажало ход лучей света. На какой-то миг академик вырос до размеров слона, потом уменьшился, стал расплываться и пропал совсем из глаз.

«Как же мы будем теперь наблюдать за ним?» — подумал я. Словно угадав мои мысли, Уо улыбнулся и включил темный экран, вмонтированный в переборку генератора. Некоторое время экран тускло разгорался; наконец тонкими синеватыми линиями на нем обрисовался Петр Михайлович и предметы, его окружавшие. Изображение было до того странным, что я невольно сравнил Самойлова с выходцем с того света. На столе перед ним я заметил небольшой круглый экран, на котором такими же прозрачными линиями были изображены часть пульта, и мы с Уо.

Уо подал знак, один из гигантов включил другой аппарат. Площадка, на которой находился академик, плавно поднялась вверх и, набирая скорость, помчалась в северо-западном направлении. Самойлов помахал нам рукой.

Итак, мы первыми начали наступление.

Я не отходил от экрана. Уменьшенное синеватое изображение академика, площадки и окружавшей его зоны пространства вплотную приблизилось к цели. Одновременно работал обычный экран обзора, на нем Самойлов

не был виден, зато во всем великолепии красок развертывался пейзаж горной страны, скрывавшей Главный Электронный Мозг — сердце всей Гриады, несшее свет и воздух подводным городам, энергию машинам, работавшим в недрах Птуин, утонченные блага Познавателям. Кругом громоздились высочайшие горные хребты, поросшие густым лесом. Они сменялись многокилометровыми провалами, окутанными туманом.

И вдруг за острым пиком горы, взлетевшим на десятикилометровую высоту, открылась глубочайшая впадина, окруженная стенами гор. На дне ее сверкал огнями гигантский прозрачный купол. Это был Электронный Мозг! Над впадиной струилось загадочное марево.

— Это пространственное облако, — вглядевшись, уверенно сказал Уо. — Пройти через него не может ни один аппарат, ни одно существо. Там высшее напряжение энергии, возможное на Гриаде. Миллиард киловатт на кубический метр пространства!

— А как же академик? — я с беспокойством вглядываюсь в колышущуюся пелену над куполом.

Уо сказал, что Самойлову бояться нечего. Теперь все наше внимание сосредоточилось на «экране видимости». «Зона Самойлова» неподвижно висела над волнами перестроенного пространства. На «экране видимости» это пространство представляло собой волнуемое море зеленовато-фиолетового цвета. Время от времени по нему прокатывался красно-багровый вал, — вероятно, вспышка максимума энергии.

— Создаю тоннель входа, — сказал Уо, переключая на пульте рубильники.

«Зона Самойлова» вдруг окуталась ослепительно-голубым облаком, которое тотчас же приняло форму конуса, погруженного наполовину в зелено-фиолетовое море. Еще через мгновение «зона» медленно вдвинулась в горло гиперболоида и... скрылась из виду. На экране

началась бешеная пляска призрачных вихрей. Потом все успокоилось. На обычном экране по-прежнему струилось легкое марево.

— Готово, — облегченно сказал Уо. — Барьер пройден.

Он снова сделал переключения. На «экране видимости» показался силуэт Петра Михайловича, теперь уже не синий, а коричнево-зеленый. Уо подал мне плоские наушники, в которых я услышал слабый голос Самойлова:

— Я на куполе Мозга. Вводите площадку дальше.

На «экране видимости» тонкими линиями вырисовывались купол Централи и «зона Самойлова», вплотную примкнувшая к нему. Уо снова сделал серию переключений, и «зона», как нож в масло, вошла в вещество купола. На обычном экране во всю стену появился внутренний зал с рядами гигантских электронных машин, полукругом обступивших огромный пульт, похожий на лежащую раковину летней эстрады. Вокруг пульта сновали служители. Вдруг они беспокойно забегали по Централи, жестикулируя и возбужденно переговариваясь. На пульте, на входных блоках здания, под крышей замигали сотни разноцветных индикаторов. В тот момент, когда «зона Самойлова» преодолевала пространственный барьер и проникала внутрь Централи, все сигнальные приборы, вероятно, отметили неожиданные изменения энергетического равновесия.

Но служители вскоре успокоились, так как не нашли никаких нарушений в работе Мозга и барьера.

А в это время «зона» плавно опустилась почти на самый пульт и неподвижно повисла в пространстве всего в метре над клавишами управления. Это было похоже на сказку: словно у себя дома, академик встал с кресла, потянулся, разминая затекшие члены, прошелся по своей невидимой «клетке», снова сел за стол, приготовив магнитофон для записи наблюдений. Некоторое время он

напряженно прислушивался к разговорам ничего не подозревавших служителей. Потом настроил аппарат связи.

— Они говорят, — передавал Самойлов, — что День Спадания Активности наступит через сорок шесть циклов (то есть через восемьдесят пять наших часов). В этот день на Централь придет Югд закладывать очередное звено программы. Когда активность достигнет максимума, силовой луч, направленный на Лезу, разрушит ее до основания. «Грианоиды Лезы ни о чем не знают. Их постигнет заслуженное наказание! Слава мудрым Познавателям!!!» — так говорят служители.

— Что вы намерены делать в ожидании Дня Спадания Активности? — спросил я академика.

— Необходимо тщательно изучить законы функционирования Электронного Мозга и чередования циклов управления. Короче говоря, надо уловить ритмику процессов. Тогда можно будет разгадать программу по входному звену, которое заложит Югд.

Почти четверо суток Самойлов, не разгибаясь, работал за столом, лишь иногда ненадолго засыпая. Он внимательно следил за работой Электронного Мозга.

Наступил День Спадания Активности. Приближался решительный момент. Удастся ли Петру Михайловичу овладеть программированием грианской энергии? Если удастся, то судьба Познавателей будет решена. Нелепый в эпоху высокой цивилизации «Распорядок Жизни» рухнет вместе со своими выродившимися творцами.

В этот день с восходом грианского солнца на куполе загорелись тысячи фиолетовых и зеленых огней, возвестивших о прибытии Югда. Когда Познаватель вошел в Централь, служители подобострастно бросились к его ногам: они знали, что Югд должен назвать счастливых, за верную службу Познавателям назначенных в полугодичный кейф на Острова Отдыха.

Югд сделал рукой знак, и служители покинули зал. Вероятно, им тоже не доверяли. Акт священнодействия начался! Югд подошел к пульту и стал наносить на белые пластинки код очередной программы. «Зона Самойлова» висела почти на его плечах. Подними Югд руку, он неминуемо наткнулся бы на площадку, где стоял стол академика.

Петр Михайлович весь превратился в слух, следя за манипуляциями Познателя. Его электроанализатор непрерывно трещал, расшифровывая закладываемую программу. До Югда же ни звук, ни свет от «зоны» не доходили. Тонкий слой перестроенного пространства надежно изолировал академика.

Наконец Югд выпрямился: программа была заложена. И сразу огромные светящиеся индикаторы на пульте Мозга стали разгораться ослепительным белым огнем: активность энергостанций резко повысилась. Они снова вырабатывали море энергии.

— Программа, разгадана! — вдруг раздался в наушниках взволнованный голос Петра Михайловича. — Энергия в наших руках! Теперь можно действовать. Постойте, постойте... чудовищно!

Академик почти вплотную нагнулся к лицу Югда. Тот быстро составлял какую-то новую программу.

— О чудовище! — снова зазвучал голос академика в наушниках. — Он хочет заложить программу-команду южной группе энергостанций, питающих Лезу. Медлить нельзя! Ле́за будет лишена света, воздуха, энергии. Ага! Вот еще команда — генератору гравитации: «Над Лезой взорвать гравитационную бомбу! Полное разрушение!».

Югд уже протянул руку ко входному каналу, собираясь вложить в Мозг преступную команду, как вдруг академик схватил со стола массивный ящичек анализатора и стал бить им Познателя по голому блестящему черепу. На обычном экране странно было видеть, как над головой

грианина из пустоты вдруг вырастают голова и руки Петра Михайловича, и тяжелый металлический предмет падает на голову Югда.

Югд издал глухой крик и свалился на пульт головой вперед. Петр Михайлович вытер со лба пот, усиленно жуя губами. Первый раз в жизни он совершил убийство!

Служители, подобострастно наблюдавшие за Познавателем через прозрачные стены, вначале не могли понять, в чем дело. Они бестолково толкались у дверей, отчаянно жестикулируя, и вдруг гурьбой ринулись к Познавателю. Один из них вскочил на пульт, чтобы поддержать за плечи Югда, упавшего верхней половиной туловища на панель, и вдруг по чистой случайности вошел толовой в

«зону Самойлова», все еще не пришедшего в себя. Глаза служителя округлились от изумления и страха. Он отшатнулся и удивленно захлопал ресницами: перед ним снова была пустота. Он опять вошел в «зону» и увидел Самойлова. Потом с гортанным криком бросился на Петра Михайловича. Через секунду они бешено боролись, катаясь по площадке. Академик был крепок. Его коренастая фигура с широкими плечами часто оказывалась наверху. Он пытался схватить служителя за горло. С грохотом упало на пол тяжелое кресло, сбитое с площадки. Остальные служители, бросив Югда, в панике метались вокруг пульта, не понимая, куда исчез их товарищ и откуда свалилось кресло.

Медлить было нельзя. Каждую минуту «борцы» могли скатиться с площадки, и тогда академик погибнет. Ему не справиться с толпой служителей. С мольбой и отчаянием я повернулся к Уо. Тот быстро говорил что-то своим собратьям. Гиганты мгновенно выкатили из глубины корабля два цилиндрических аппарата и повернули их головками на северо-запад, по направлению к Центриали гриан.

Затрещали электронные автоматы, установленные на цилиндрах. Вероятно, это были приборы наводки.

— Что это? — с надеждой спросил я.

Уо метался у пульта, проделывая десятки сложнейших манипуляций. Он бросился к переговорному аппарату и закричал академику:

— Любым способом выбрось служителя из «зоны»! Скорей! Сейчас включаем аппарат, излучающий электронные лучи. Они парализуют все живое на расстоянии десяти тысяч километров! Скорей же!

Продолжая бороться со служителем, Петр Михайлович вдруг нечеловеческим напряжением сил оторвал его от себя и, изловчившись, ударил ногой в живот. Нелепо взмахнув руками, служитель свалился с площадки. На

обычном экране это выглядело так, как будто он свалился из пустоты.

В тот же миг «зона Самойлова» ясно обрисовалась в пространстве ослепительным контуром.

— Защитный экран для Самойлова от электронных лучей, — пояснил мне Уо значение ослепительного контура и включил цилиндры.

Они коротко взревели, исторгнув синеватое излучение: служители, находившиеся от нас на расстоянии восьми тысяч километров, словно пораженные молнией, попадали в самых разнообразных позах.

Петр Михайлович, тяжело дыша, медленно поднимался с пола площадки, озираясь по сторонам и, видимо, ожидая появления служителя.

— Все кончено! — крикнул ему Уо. — Выходите из «зоны»! Служители парализованы!

Сияние энергетического экрана, защищавшего «зону» от действия электронных лучей, погасло, и Петр Михайлович, все еще не веря в свое спасение, осторожно высунул голову из «зоны». Увидев недвижных служителей, он успокоился, спрыгнул с площадки и как ни в чем не бывало начал оттаскивать парализованных к стене, расчищая место у пульта.

Грианская энергия была в наших руках!

Не помня себя от радости, я бросился к Уо, подпрыгнул и повис у него на шее, бормоча слова благодарности. Гигант ласково похлопал меня по спине.

В тот же день по подводным городам грианоидов прокатилась потрясающая весть, переданная мною спустя полчаса после того, как Петр Михайлович стал единственным хозяином у пульта Главного Электронного Мозга.

«Дорогой Джирг! Братья грианоиды! — передавал я, и сердце билось радостно и сильно, как птица, вырвавшаяся на свободу. — Наступил решительный момент в тысячелетней истории Гриады. Энергетическая монополия

вырвана из рук Познавателей! Теперь ваше будущее в ваших руках! Поднимайтесь на поверхность Фиолетового океана! Вперед, на Трозу! Захватывайте Познавателей, где бы они ни были! Свободу узникам Желсы и рудокопам Птуин!»

На Главном экране Шара мы наблюдали миллионные толпы грианоидов, собравшихся на площадях Лезы и других подводных городов. Они жадно слушали наше сообщение. Выступали Старшие Братья, призывая, вероятно, к наступлению на Трозу — цитадель и оплот Познавателей. Громовые крики оглашали площади и улицы прежде безмолвных подводных городов.

Я понял, что главное сейчас — быстрый захват Трозы. Парализовать основное гнездо Познавателей, захватить и уничтожить Круги Многообразия! Тогда остальные Познаватели, рассеянные по различным пунктам Гриады и Космоса, уже не будут представлять опасности. Лишенные энергии, они сами придут просить пощады.

— Петр Михайлович! Вы меня хорошо слышите?! (Академик на экране кивнул головой.) Постарайтесь немедленно создать пространственное облако над Трозой и главным космодромом Гриады, чтобы ни один шародиск Кругов не мог прорваться в Космос! Я вылетаю в район Лезы, к Джиргу, и поведу грианоидов на Трозу! Держите связь с Уо! Он создаст непроницаемый барьер вокруг Главного Электронного Мозга, чтобы ни один Познаватель не смог проникнуть к вам. Следите за моими сигналами по условному коду.

* * *

Конечно, если бы не гиганты и их техника, нам никогда не удалось бы все то, что произошло в последние два дня. Уо предоставил в мое распоряжение огромный летательный аппарат, который имелся у гигантов. Это был

разведывательный гравиплан-шар, вмещавший в себя до пятисот человек. У метагалактиан он служил для полетов в атмосферу исследуемых планет и хранился в ангаре, внутри Голубого Шара.

Гравиплан, в котором находились пять гигантов и я, покрыв за час пять тысяч километров, неподвижно повис над океаном в районе Лезы. Вся поверхность океана была усеяна черными точками; это оказались грианоиды. Вот я заметил отчаянно жестикулирующего грианоида. Да это же Джирг! Мы садимся на воду, я подхватываю Джирга за руки и втаскиваю в открытый люк.

— Скорей! — торопит Джирг, отряхивая крупные капли воды. — Огромный флот электромагнитных лайнеров проследовал в юго-западном направлении, к Острову Загадочного Шара. Там, по-моему, собраны едва ли не все Познаватели Гриады, за исключением Кругов Многообразия и избранной части, которые остались в Трозе. Виара только что передала мне, что в Трозе, оказывается, заработал сверхмощный преобразователь центрально-галактической энергии, независимый от Главного Электронного Мозга. Он питает флот, плывущий к Острову! Познаватели поняли, что решается их судьба, и попытаются во что бы то ни стало захватить Голубой Шар гигантов. На полированной равнине готовятся к старту шародиски с отборными служителями. Их цель — прорваться к Главному Электронному Мозгу, который вы так смело захватили. Скорей на Трозу! Нужно уничтожить преобразователь энергии! Сейчас подходят лайнеры, захваченные нашими братьями в Дразе.

* * *

Я не буду описывать всех перипетий двухдневной борьбы, развернувшейся на огромном пространстве от Трозы до Юго-Западного Острова, а расскажу лишь о двух

важнейших битвах Дня Освобождения: о сражении в Трозе и о гигантском единоборстве двух сил у берегов Юго-Западного Острова, бесстрастно запечатленном на экранах Голубого Шара.

На шестьдесят два лайнера, захваченных грианоидами в Дразе, погрузилось десять тысяч обитателей Лезы. Через двенадцать часов мы высадились в порту Дразы. Город был погружен в темноту. Самойлов выключил его энергостанцию. Все Познаватели Дразы сбежали в Трозу или уплыли с армадой к Юго-Западному Острову. Нам удалось добыть лишь двести сорок антигравитационных дисков, на которых тотчас же отправилась в Трозу передовая группа во главе с Джиргам и Гером. Поэтому гравиплану-шару пришлось поработать: за двадцать три часа он совершил двести восемнадцать рейсов от моря к Трозе и обратно, перебросив с побережья на полированную равнину около девяти тысяч грианоидов.

Стоял густой туман. Было душно, как в бане. Мы с Джиргом тщетно вглядывались в тускло-прозрачную крышу, пытаясь определить, над какой частью Трозы мы находимся; внизу тревожно мигали огни: вероятно, Познаватели уже знали о нашей высадке и готовились к обороне.

Где-то здесь должна быть и воронка входа. Но как ее открыть?

— Джирг, — обратился я к грианину. — Ты сумеешь открыть тоннель входа? Или надо просить о помощи друзей Уо?

— Отсюда открыть невозможно, — ответил Джирг, — но в Трозе Виара. Значит, тоннель будет открыт.

Он стал вызывать Виару. Вокруг нас, теряясь в тумане, молча ожидали тысячи грианоидов, готовых победить или умереть.

На экране аппарата показалось лицо Виары. Она радостно улыбалась, глаза ее лихорадочно мерцали.

— Братья, — воскликнула она, — наконец вы здесь! По-знаватели в панике! Ждите, сейчас я открою запасный тоннель, в сорока километрах к юго-востоку от того места, где вы находитесь. Скорей подвигайтесь к запасному. Я открою тоннель и выведу из строя механизм его закрывания. Мне помогут друзья!

Передовой «батальон» на дисках во главе с Джиргом и мною помчался на юго-восток. Через пять минут «мы увидели медленно разворачивающуюся воронку входа. Грианоиды стремительно пикировали вниз, на уступчатые крыши гигантских зданий. Скоро все близлежащие уступы кишели грианоидами, которые кричали, махали руками и гравитационными излучателями, захваченными в арсеналах Дразы.

Здания на противоположной стороне улицы казались совершенно покинутыми, эскалаторы и воздушные мосты, перекинутые над «ареной», были пусты и не освещены. Прозрачные стены, окружавшие город, были затемнены; черный мрак дугой опоясывал освещенные громады зданий. Я заметил странное мигание и остановился. Окружающие остановились вместе со мной. Я взглянул на их лица. Очевидно, это мигали прожекторы или светильники. Вначале мне показалось, что это мигание не имеет никакой связи с событиями, но скоро понял, что ошибся. Огромные светящиеся шары, унизывающие уступы, переходы и шпили, странно пульсировали, сжимаясь и разжимаясь. Их свет причудливо менял свои оттенки от красно-белого до зловещего черно-фиолетового. Смена цветов происходила мгновенно. Это бешеное чередование цветов заставляло зажмурить глаза.

Я догадывался, что это делается преднамеренно. Здания, уступы, переходы, улицы, толпы грианоидов и гриан-операторов, примкнувших к восставшим, превратились в причудливую игру теней и различных оттенков света. В судорожной фантаσμαгории света город казался

фантастическим. Громадные светящиеся шары и гирлянды становились розоватыми, краснели, синели, мигали, угасали, потом снова разгорались ослепительным фиолетовым светом. И вдруг свет совершенно погас.

Чернильный мрак окутал нас.

Возникла суматоха. Гравитационные излучатели грианоидов издавали единый слитный гул. Труженики окружили здание Кругов Многообразия. Кто-то схватил меня за руку. Чей-то знакомый голос прокричал над самым ухом:

— Это я, Джирг! Со мной Виара! Она говорит: оставшиеся в Трозе Познаватели собрались в Кругах Многообразия и на Энергоцентрали с автономным управлением. Элц находится у Юго-Западного Острова. Югд не вернулся из Главного Электронного Мозга. Надо двигаться к Энергоцентрали!

— А где Энергоцентраль? «Кто знает дорогу?» — прокричал я.

— Я! — послышался голос Виары, и ее сильные пальцы сжали мою руку выше локтя.

— Тогда вперед!

Кругом раздавался топот, слышались какие-то непонятные выкрики, из общего гула вырывались отдельные слова. Джирг отдавал приказания, другие отвечали. Со всем близко слышался голос Виары, объясняющий что-то грианоидам.

— Служители Кругов! — крикнул вдруг кто-то над моей головой.

С огромного уступа восьмигранника Кругов послышался треск, замигали синеватые вспышки. При их свете я различил во мраке скопления гриан, вооруженных таким же оружием, какое я видел у грианоидов. Вскоре вся окрестность заполнилась гулом и вспышками. Потом опять упала, как черный занавес, темнота.

Вдруг неподалеку от меня с треском разорвался какой-то предмет. Из темноты вынырнул светящийся шар и неподвижно повис над нашими головами, заливая уступы, покрытые грианоидами, мертвенным синим светом. С уступов Кругов Многообразия послышался слитный крик. Я взглянул туда и увидел гриан в желто-красных одеяниях, поднимавшихся на здание Кругов по гигантскому эскалатору. Очевидно, к Познавателям пришло подкрепление.

Воронка входа непрерывно выбрасывала все новые отряды грианоидов, которые кольцом охватывали Круги Многообразия, занимая все близлежащие уступы.

Сражение было в полном разгаре и охватило огромное пространство. Где-то в южной части города отряд Джирга и Виары штурмовал Энергоцентральный — оттуда неслись гул и грохот: вероятно, битва там достигла наивысшего напряжения.

Через час передовые отряды грианоидов ворвались на крайние уступы северного фасада Кругов. Я был среди них. Взлетало и опускалось оружие, передние ряды героев падали, скошенные гравитационным излучением, их заменяли другие. Светящийся шар Познавателей, догорев, погас, и мы опять погрузились в чернильный мрак, в хаос.

Этот мрак спас многих из наступавших. Отчаянный крик Познавателей уже был слышен где-то под самой крышей. Вероятно, они требовали новый светящийся шар. Кто-то с силой толкнул меня сбоку («Это я, Гер!» — прокричал он) и потянул в широкий проход, ведущий в верхние этажи здания. Кто-то кричал, но мы ничего не поняли и продолжали нестись в могучей лавине разъяренных грианоидов. Затем нас отеснили к стене. В темноте наверху завязался ожесточенный бой.

Что-то с мягким гулом ударило в стену над моей головой.

На твердой поверхности свода появилось звездообразное отверстие. И еще два раза неподалеку от меня ударили гравитационные вихри.

Гер схватил меня за руку:

— Скорей вниз, пока не зажгли новую осветительную бомбу!

Мы ринулись по эскалатору вниз, в кромешную тьму, навстречу гулу и крикам сражавшихся. Толпа наступавших сдавила меня, и при свете синеватых вспышек я различил громадный зал — тот самый зал, в котором Элц отдал нас с Самойловым биопсихологам.

Послышались глухие крики: «Служители отступают!» Они доносились откуда-то сверху. Я стукнулся обо что-то мягкое и услышал хриплый стон, потом крики «Вперед!» заглушили его. Еще гуще замелькали голубоватые вспышки. Мрак расступился, и я увидел лица окружающих грианоидов, разгоряченные и покрытые потом, злые и сосредоточенные, с широко раскрытыми огромными глазами, в которых горел огонь восторга и близкой победы. Лицо какого-то старика было совсем рядом со мною. Впоследствии оно долго мерещилось мне в просторах Космоса. Старик этот, стиснутый со всех сторон плечами друзей, пробитый гравитационным излучением, был мертв. Но он продолжал стоять с широко раскрытыми глазами.

Гул сражения уходил все ниже, в последние этажи Кругов. Крики и топот стали глуше. Под ноги мне попало какое-то тело, я споткнулся и упал, но тут же вскочил и снова устремился вперед. Вокруг буравили пространство гравитационные лучи, вонзаясь в стены или в тела.

Внезапно возле меня очутился юноша с двумя излучателями в руках. Один из них он передал мне, а сам вскочил на последний уступ, за которым уже открылась необозримая панорама «арены» Трозы, смутно освещенная

далекими шарами, висевшими над Энергоцентралью. Юноша обернулся ко мне, приглашая на уступ, затем стал стрелять в Познавателей, бежавших к яйцевидным аппаратам на площади Кругов. С криком «Смерть Познавателям!» он приготовился к новому выстрелу. И вдруг мне показалось, что шея у юноши начала таять. Теплая струя полилась мне на руку. Излучатель в руках юноши замер, все еще посылая вихри. Какое-то мгновение грианоид продолжал стоять с восторженно — серьезным лицом, затем медленно наклонился, колени его подогнулись, и он упал бездыханный.

Дикая ярость и жажда мщения овладели мною. Опредив с десятков грианоидов, я бросился к яйцевидным аппаратам, посылая смертоносные излучения прямо в гущу Познавателей, штурмующих люки машин.

Вдруг весь город содрогнулся, словно от землетрясения: прокатился громopodobный гул, пахнуло парным воздухом с просторов Гриады, зазвенел разбитый поляроид, обрушились гигантские стены зданий; чудовищная ударная волна, пришедшая с юга, прижала нас вниз.

— Джирг взрывает вход в Энергоцентраль! — прокричал над моим ухом Гер, зубами завязывая бинт, охвативший его плечо.

Через час пришло горестное сообщение от Джирга. Его печальное лицо возникло на экране моего передатчика в тот момент, когда последние Познаватели из здания Кругов складывали оружие, а грианоиды на яйцевидных аппаратах гонялись за немногими ускользнувшими, которые пытались войти в воронку выхода из Трозы.

— Энергоцентраль в наших руках, — Джирг с громадным трудом выдавливал из себя слова. Его душили рыдания. — Служители пытались разрушить Трозу, заложив в управляющую электронную машину команду, составленную Познавателями. Им это не удалось... В последний миг

Виара проникла в Централь и замкнула ветви главных преобразователей... Она... мертва...

— Скорей! — в ужасе закричал я. — Скорей в аппарат ее тело, и летим на Большой Юго-Западный Остров! Уо оживит ее!

— Теперь никто уже не оживит Виару, — еле слышно сказал Джирг.

— Почему? У гигантов чудесный аппарат оживления!

— Виары просто не существует... она... превратилась в облачко ионизированной материи.

Тяжелый комок вдруг подкатил к горлу, и я, не стесняясь окружающих, заплакал.

Над освобожденной Трозой разгорались огни Энерго-централи.

* * *

О битве у берегов Большого Юго-Западного Острова лучше меня расскажут будущим поколениям грианоидов и эробсов микрофильмы гигантов, оставленные для Информария Новой Гриады. Я пишу лишь о том, что видел на экранах фиксации событий по возвращении из Трозы в Голубой Шар.

В то время как мы сосредоточивались на полированной равнине для штурма Трозы, метagalактиане заканчивали последние приготовления к предстоящему вскоре отлету в Космос. Петр Михайлович сидел в Главном Электронном Мозге Гриады. Ему прислали в помощь четырех сообразительных грианоидов, прошедших обучение в тайных школах Лезы. Благодаря Самойлову ни один шародиск Познателей не прорвался через силовой барьер в Космос. Все шародиски были впоследствии захвачены восставшими.

...Тревожно замигал сигнальный экран Голубого Шара Уо, выверявший синхронность электромагнитных и мезонных полей главного двигателя, насторожился. Экран продолжал мигать, зазвучала грозная мелодия — сигнал опасности. Уо тотчас включил экран обзора и увидел, что воды Фиолетового океана у берегов Юго-Западного Острова усеяны тысячами судов. Они наплывали сплошной стеной со всех сторон. Среди общей массы однотипных электромагнитных лайнеров выделялись странные сооружения грандиозных размеров — нечто вроде башен или куполов.

Только впоследствии мы узнали об источнике гигантской энергетической мощи Познателей, которую они исторгли на корабль Уо в этой последней битве. Они пустили в ход все запасы экарония, накопленные за тысячи

лет. На каждом лайнере, приплывшем к берегам Юго-Западного Острова, был двигатель-преобразователь, полностью извлекавший из экарония заключенную в нем энергию. Академик подсчитал, что только в грандиозных сооружениях, похожих на купола (они оказались силовыми генераторами), было сосредоточено столько же энергии, сколько ее вырабатывала вся энергосеть Гриады за сто лет.

Вот почему Познатели смогли совершить этот последний акт отчаяния — штурм Загадочного Шара, несмотря на то что энергосеть Гриады находилась в руках Петра Михайловича. Они правильно рассчитали, что, сокрушив метagalaktиан, легко потом справятся с восставшими грианоидами.

Оценив грозящую опасность, Уо отдал команду, по которой экипаж Голубого Шара стремительно занял свои места. В Центральном управлении с ним остались двое помощников. Гулко затрещали входные реле на, главном пульте управления: кто-то настойчиво просил включить экран связи. Уо включил экран и увидел горящие глаза Элца и нескольких гриан, членов Кругов Многообразия.

Вот Элц увидел Уо и глухо зарычал:

— Пришельцы из Великого Многообразия! Это вы организовали восстание против распорядка жизни, берегитесь! Грианоиды уже утоплены в прибрежных водах Дразы! Мы обладаем огромной, неведомой вам энергией. Предлагаю сдать Шар Кругам Многообразия! Только в этом случае вам гарантируется жизнь. Вы останетесь на Гриаде, станете членами Кругов Многообразия и будете передавать свои знания молодому поколению Познателей. Земляне же, находящиеся в Шаре, должны возвратиться в Сектор биопсихологии! В противном случае мы разрушим ваш корабль.

— Как же это вам, удастся? — иронически спросил Уо.

— Круги ждут ответа, — сказал Элц, не отвечая на вопрос метagalaktианина.

Раздался громкий смех Уо. Он включил систему автоматов, вводящих генераторы в режим накопления энергии поля Син. Вспышки сотен приборов слились в сплошной разноцветный поток. Через весь корабль неслась громовая песнь настройки полей.

— Уходите в северные воды, — посоветовал грианам Уо. — Через полчаса я введу в действие главное поле, и от вас ничего не останется. Или вы хотите превратиться в мезонное излучение?

Очевидно, Познаватели надеялись на свои чудовищные аппараты. Прекратив дальнейшие переговоры, Элц сверился с прибором — измерителем времени и резким голосом отдал распоряжение.

Огромное скопище судов тотчас же пришло в движение. Лайнеры отодвинулись километров на пять в сторону, а вперед выдвинулись куполообразные плавучие сооружения. Гиганты с беспокойством следили за стрелками приборов, показывающих нарастание напряжения поля Син. Только через двадцать минут оно достигнет максимума. Познаватели опередили их, начав первыми нападение.

На океане возник мощный громоподобный гул и широкой волной покатылся к Шару: заработали грианские купола. На высоте десяти километров над Островом с потрясающим ревом вспыхнули четыре искусственных солнца. Лавина лучистой энергии обрушилась на Голубой Шар. Сверхмощная стена перестроенного пространства стала сжиматься вокруг корабля. Приборы бесстрастно отражали единоборство двух силовых полей — грианского и метagalaktианского. Четверть часа продолжалась бешеная пляска стрелок. Надо отдать справедливость: Познаватели создали генераторы, исторгавшие не виданную до сих пор на Гриаде мощь. Были моменты, когда

потенциалы полей выравнивались, а защитное поле Шара почти иссякало. Если бы ввод главного генератора Син в режим полной мощности задержался еще на полчаса, защитное поле корабля было бы нейтрализовано куполами гриан. Сокрушающая волна перестроенного пространства стремительно сжалась бы вокруг Голубого Шара, и метagalактиане неминуемо погибли бы.

Искусственные солнца гриан мгновенно выжгли пышную растительность Острова. Впоследствии было страшно смотреть на обугленную пустыню, в центре которой возвышался слегка потемневший корабль гигантов. Необычайное вещество его оболочки прекрасно выдержало температуру в миллионы градусов. Это вещество обладало такой ничтожной теплопроводностью, что, несмотря на звездные температуры снаружи, жар внутри корабля не превышал в момент битвы пятидесяти градусов.

Воды океана кипели, нагретые косыми лучами низко горящих солнц, подвешенных в глубине Острова. Сами Познаватели спасались в охлаждаемых помещениях лайнеров.

Наконец Уо, задыхавшийся от жары у Главного пульта, торжествующе выпрямился: цветной глаз генератора Син показал максимум. И вовремя! Защитное поле, питаемое запасными генераторами, уже сжималось, отступая к кораблю под натиском грианской энергии. И вдруг Голубой Шар потрясла грозная светлая мелодия включенного генератора Син. Она все нарастала, усиливалась, покрывая и шипение искусственных солнц, и гул куполов Познавателен.

Грандиозные сооружения, четко видные на фоне неба, вдруг стали деформироваться, расплываться, таять. Я со страхом наблюдал, как таяли и купола, и электромагнитные лайнеры. По океану неслись нечеловеческий,

потрясающий душу рев — это кричали Познаватели, превращаясь в мезонное излучение, в пыль, в ничто...

Через три минуты все было кончено. Словно это был лишь скверный сон; как будто и не было у берегов Острова гигантской армады, застилавшей горизонт! Погасли искусственные солнца уничтоженных Познавателей; Уо нейтрализовал их последовательным сосредоточением энергии чудесного генератора Син.

ПРОЩАЙ, ГРИАДА!

Сегодня радостный и в то же время печальный день: мы расстаемся с Гриадой.

У основания Голубого Шара волнуется человеческое море. Вместе с Уо и гигантами я стою на выдвижной площадке Голубого Шара и полной грудью вдыхаю ветер, несущий ароматы далеких островов Фиолетового океана. Рядом со мной стоит мрачный Джирг. Петр Михайлович заботливо перебирает в руках последние микрофильмы, которые предназначены для передачи грианоидам.

Полгода прошло с тех пор, как мы штурмовали Трозу. Давно сдались последние Познаватели, разбежавшиеся по всей Гриаде. Прекратилась адская работа в шахтах Птуин и ледяных пустынях Желсы: автоматы и электронные механизмы будут теперь выполнять работу прежних узников, грианоидов и эробсов, освобожденных для творческой, радостной жизни.

Полгода мы передавали освобожденным труженикам свои знания и опыт. Многому мы не могли их научить — слишком глубоко ввергли их Познаватели в пучины незнания. Но первые вехи были заложены. Особенно много потрудился Петр Михайлович. Три месяца он провел в Главном Электронном Мозге Гриады, открыв там

настоящий университет для грианоидов. Он научил их управлять энергией. Оказалось, что программы, которые закладывались Познавателями в Электронный Мозг, были до смешного простыми: тысячелетняя монополия Познавателей держалась исключительно на неведении тружеников.

И вот теперь мы улетаем. Десятки тысяч гриан съехались сюда со всех концов освобожденной планеты. До самого горизонта колыхается море голов, и кажется, что Голубой Шар покоится у них на плечах.

Даже в этот торжественный день Петр Михайлович остался верен себе. Он собрал толпу грианоидов и с жаром объяснял им принципы простого программирования электронных машин. Я едва оттащил его к люку, готовому захлопнуться.

Мы крепко обнялись с Джиргом и долго смотрели друг другу в глаза: светлая тень его сестры незримо стояла рядом с нами.

— Прощай, брат, — тихо прошептал Джирг. — Помни о Новой Гриаде.

...Но вот последние суда и последние грианоиды на дисках уже скрылись за горизонтом. Уо смотрит на часы.

— Пора, — говорит он и идет к пульту.

Торжественно поют приборы. Все выше, все тоньше звук стартовых двигателей. Все экраны включены. Я вижу, как рябит далекий океан: это проносятся вихри энергетической отдачи. Совершенно бесшумно и плавно Голубой Шар величиной с крупный астероид отрывается от почвы Гриады, где он стоял шестьсот лет. Ускорение абсолютно не ощущается не то, что дьявольская перегрузка на фотонных ракетах, которую невозможно перенести без специальных защитных приспособлений.

Мы не можем в последний раз полюбоваться ни изумительным небом Гриады, ни Фиолетовым океаном. Все еще продолжается Цикл Туманов и Бурь: небо затянуто

непроницаемыми тучами, океан черно-свинцовый, а растительность красновато-серая, скучная и неприветливая. Но это не беда. Туманы и бури пройдут, а жизнь на Гриаде зацветет всеми красками!

И вот мы уже в верхней атмосфере. Открылась такая привычная, миллионы лет знакомая мне картина Космоса. На левом экране висит холодный белый шар: это Гриада. Я устало прикладываю руку ко лбу.

Петр Михайлович смотрит на меня и понимающе улыбается. На его виске темноватое круглое пятно — след гравитационного удара.

Уо, наш добродушный друг, сосредоточенно работает у пульта, вводя корабль в крейсерский режим. Курс — на третий спиральный рукав Галактики, к родной Солнечной системе, к Земле, на которой мы не были уже сотни веков.

— Приготовиться к электронно-мезонной форме движения, — командует Уо.

Неужели это не сказка? Мы первые из людей, которые будут преодолевать пространство-время принципиально новым способом, как истинные властелины Космоса!

Петр Михайлович лихорадочно настраивает магнитофон, анализаторы, ворошит целые груды микрофильмов: видимо, он собирается запечатлеть все, что будет происходить с нами.

— Не надо, — машет ему Уо. — Ты все равно ничего не сможешь увидеть и запечатлеть. Разве электроны и мезоны чувствуют?

— Как это понять? — недоумевает Самойлов.

— Положись на наши приборы...

В дальней стене распахиваются двери кабин, они сверкают блеском неведомых металлов и приборов. Уо знаком приглашает нас занять две средние кабины. Он делает последние манипуляции на пульте: очевидно, переводит Голубой Шар на режим самоорганизующегося и

самоуправляющегося процесса. Мощно поет главный двигатель, ему вторит согласованная мелодия приборов. Нарастает симфония генератора электронно-мезонных полей. На экранах давно уже переливаются световые эффекты доплеровского смещения спектральных линий.

Я вхожу в кабину и утопаю в покатом кресле, рассчитанном на гигантов-метагалактиан. Уо заботливо надвигает на кресло какой-то купол из туманно-прозрачного золотистого вещества. Засветился мягкий голубой свет, загорелись включенные приборы на стене передо мной. Уо еще раз выверяет синхронность настройки приборов и успокаивающе кивает мне головой. Захлопывается тяжелая дверь. Проходит несколько томительных минут. Тихая песнь полей, доносящаяся через толщу стен, переходит в мощную симфонию, как будто неведомый Властелин Разум торжествует свою победу над извечными силами враждебного людям Космоса. Симфония все нарастает, крепнет, ширится. И вот она уже сотрясает весь корабль. В ней начинают преобладать все более высокие ноты. Все тоньше, выше, нежнее. Я чувствую, как мое тело охватывает непонятная истома, невыразимая легкость, но вместе с тем и тяжесть. Постепенно гаснет сознание, я растворяюсь в небытии.

...Откуда-то льется тихая песнь нарождающейся жизни, она еле слышна, почти неосязаема. Сознание работает чрезвычайно странно: ленивыми толчками. Пройдут одна — две мысли, а потом провал, остановка. И опять сначала. Вместе с крепнущей песнью проясняется и мое сознание. С трудом открываю глаза, с большим усилием вспоминаю, что я в кабине Голубого Шара. Успокоительно поют приборы. Пытаюсь приподняться, но не могу. Чувствую себя очень слабым, точно новорожденный. С полчаса отдыхаю. Силы прибывают ежеминутно. Распахивается дверь, и я вижу улыбающееся лицо Уо. Он сдвигает прозрачный купол и выводит меня в зал Централы. Ноги

подкашиваются. Осматриваю Уо, но он выглядит великолепно. Да это и естественно: электронно-мезонное состояние для их организмов — привычное явление.

Появляется Петр Михайлович, смешно щуря свои близорукие глаза: его «телескопы» почему-то не восстановились. Они растаяли в электронно-мезонном небытии! Он тщетно роется в карманах. Вероятно, ему придется обходиться без очков до ближайшей аптеки земного шара.

— Итак, мы вышли из «тоннеля Син» на окраине Солнечной системы?

— Наше небо! — воскликнул я, едва взглянув на экраны.

За прошедший миллион лет
расположение звезд сильно изме-
нилось, но передо мной лежала

новая, тщательно вычисленная карта измененных созвездий.

Петр Михайлович с усилием всматривается в экраны, потом подходит к ним вплотную и тоже радостно улыбается. Холодно, но породному блещут звезды Большой Медведицы, Орла, Южного Креста. Я смотрю на универсальные часы: прошло ровно два часа с тех пор, как я лег в кабину. Тридцать тысяч световых лет — за два часа! Вот оно, истинное господство над Космосом!

В правом углу экрана светит зеленоватый диск. «Да это же Плутон», — думаю я, но через секунду меня одолевают сомнения. Уо углубляет фокус изображения, и я вижу цветущие равнины под прозрачными крышами, леса, возделанные поля, фабрики и заводы, города и дороги.

— Но ведь Плутон — ледяная пустыня, абсолютно безжизненный мир? — недоумеваю я. — Здесь располагался космодром фотонных ракет. Что же тут теперь? Новая Земля?

— То было миллион лет назад, когда мы пролетали здесь на «Урании», — напоминает мне Петр Михайлович. — А в настоящую эпоху разум человека, вероятно, покорил самые отдаленные уголки Системы, сделав их пригодными для жизни.

Голубой Шар снижает скорость до пятидесяти тысяч километров в секунду. Ему не страшны метеоры, поэтому он может позволить себе такую скорость и внутри Солнечной системы. В течение нескольких часов на экранах Централи проплывают планеты-гиганты: Уран, Нептун, Сатурн, Юпитер.

А вот и Марс, на котором некогда прощался со мной Володя. На Марсе мы видим картину такого же, как и на Плутоне, прекрасного цветущего сада.

— Смотри! — показывает Петр Михайлович на верхний экран обзора.

Переливаясь туманно-серебристыми волнами, на экране с каждой минутой растет голубовато-зеленый шар. Наши сердца забились от радости. Земля! Колыбель человечества! Родина...

Через безмерную даль пространства, через гигантские промежутки времени пронесли мы, чтобы коснуться ее материнской груди и, подобно Антею, набраться новых сил для грандиозного путешествия в другую Метагалактику.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

— Неужели мы прожили по миллиону лет?

Лида счастливо смеется. В ее глазах стоят слезы. Она отбрасывает непослушные золотые волосы.

— Когда ты вывел меня из Пантеона Бессмертия и я увидела людей, прекрасных, сильных, радостных... необыкновенный Голубой Шар, висящий над крышей Пантеона... трехметровых гигантов-метагалактиан, — я подумала, что все это галлюцинация, чудесный сон. И потом этот памятник с вашими портретами и надпись, говорящая о том, что Земле идет второй миллион лет цивилизации! Как долго тебя не было!

В который уж раз я снова рассказываю ей о нашем путешествии к центру Галактики, о далекой Гриаде, о гигантах.

Мы сидим, обнявшись, и долго молчим. Чудесный свежий ветерок искусственной атмосферы Голубого Шара обвеивает наши разгоряченные лица.

Чуть смущаясь и делая вид, что он нас не замечает, поодаль стоит милый старикан Самойлов. Он бросает корм рыбам, плавающим в бассейне; мы находимся в огромном зале-парке Голубого Шара, где есть все:

искусственный водоем, цветы и деревья, необычайные птицы, голосисто распевающие свои вечные песни.

Петр Михайлович, вероятно, доволен. Когда земляне расшифровали его микрофильмы и записи, сделанные на Гриаде и в библиотеке метагалактиан, академику было устроено грандиозное чествование в Городе Знания, на которое собрались все ученые Земли. Новая физическая теория, основанная на высочайших достижениях метагалактиан, словно прожектор, осветила наиболее запутанные вопросы земной физики, сразу передвинула ее на новую ступень развития. Были разрешены многие сложнейшие вопросы познания, остававшиеся загадкой даже для тысячелетней земной науки. Неоценимую помощь оказали земным ученым и метагалактиане.

Так встреча собратьев по разуму, состоявшаяся благодаря изумительному стечению обстоятельств, заложила — фундамент грядущего сотрудничества двух неизмеримо удаленных миров.

По решению Научного Совета земли, мы снова отправились с Самойловым в Космос. С нами полетела целая экспедиция ученых из Города Знания. Вместе с Уо мы должны достичь другой Метагалактики, познать новые удивительные свойства материи, качественно новые пространства-времени, научиться двигаться по «тоннелю Син», который дает возможность преодолевать сотни миллиардов световых лет за ничтожные промежутки времени. А потом мы вернемся на родину, чтобы вновь передать накопленные знания новым поколениям земных ученых и ускорить на десятки миллионов лет окончательную победу над бесконечной Вселенной.

И мы эту задачу выполним во имя счастья и прогресса трудового человечества!

Петр Михайлович, упорно не замечая нас, перестает кормить рыбешек, подходит к пульту, вделанному в стену

беседки из серебристого вещества, и включает экран обзора. На нем приветливо горят близкие и далекие звезды, серебрятся облака Млечного Пути, в которых где-то ближе к Змееносцу плывет в пространстве Гриада — планета освобожденных братьев по разуму.

Голубой Шар, набирая скорость, покидает пределы Солнечной системы. Перед нами лежит дорога в Бесконечность...

СОДЕРЖАНИЕ

Олесь Бердник
ПУТИ ТИТАНОВ

Часть первая

ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

РАЗГОВОР О СЧАСТЬЕ	3
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СИСТЕМЕ.....	8
ИЗ МРАКА ВЕКОВ	20
МИРОВОЙ АРХИВНЫЙ ФОНД	24
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.....	29
ЗАСЕДАНИЕ КОСМИЧЕСКОГО СОВЕТА	37
ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО.....	49

Часть вторая

ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВЕДОМОЕ

СПОР НА СЪЕЗДЕ	57
КАТАСТРОФА ПОДСКАЗЫВАЕТ ВЫХОД.....	60
ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕВЕДОМОЕ	66
ПРОЩАНИЕ.....	77
К НЕВЕДОМОМУ	81
АНТИМИР.....	85
НАВСТРЕЧУ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ	92
МЕЖ БЫТИЕМ И МРАКОМ.....	99
МИР КРАСНОГО КАРЛИКА	103

ЖЕЛЕЗНОЕ ВОЙСКО	108
БИТВА.....	114

Часть третья

ЦАРСТВО ЖЕЛЕЗНОГО ДИКТАТОРА

БОЛЬШОЕ МАГЕЛЛАНОВО ОБЛАКО.....	120
ЖЕЛЕЗНЫЙ ДИКТАТОР	125
БОЙ В ВОЗДУХЕ	134
НЕОЖИДАННЫЕ СОЮЗНИКИ	141
СНОВА ПЛЕН.....	149

Часть четвертая

ОДИН СРЕДИ ЗВЕЗД

ПОСОЛ В ВЕЧНОСТЬ.....	154
БЕЗДНА	156
СТРАННЫЕ СУЩЕСТВА	160
ПОИСКИ ГОРЮЧЕГО.....	164
СНОВА В ПРОСТРАНСТВО	170
ХРАМ РАЗУМА.....	173
ОДИН СРЕДИ ЗВЕЗД	183

Часть пятая

ПУТИ ТИТАНОВ

ПОБЕДА НАД БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ.....	187
СЕРДЦЕ АЭРОВЕЛА ГОВОРИТ	194
ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ	198

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА	210
ВЕЛИКОЕ СВЕРШЕНИЕ	213
ПОД СИЯНИЕМ ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДЫ.....	216

Александр Колпаков

ГРИАДА

Часть первая

НА КРЫЛЬЯХ ТЯГОТЕНИЯ

РОЗЫ И ТЕРНИИ.....	225
АКАДЕМИК САМОЙЛОВ	233
СЕРДЦЕ ОСТАЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ	243
«УРАНИЯ».....	256
МЫ УХОДИМ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ	266
ЗА ПОРОГОМ НЕДОСТИЖИМОГО.....	280
ВЗРЫВ СВЕРХНОВОЙ.....	292
ПЛАНЕТА ИКС	303
СОБРАТЬЯ ПО РАЗУМУ	314
В СЕРДЦЕ ТРОЗЫ.....	331

Часть вторая

ГРИАДА

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» НА ГРИАДЕ	340
ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ГРИАДА?	357
ОСТРОВА ОТДЫХА.....	376
ДЕТИ ОКЕАНА.....	396

ЭРОБСЫ	417
ПОБЕГ ИЗ ТРОЗЫ	434
ГИГАНТЫ	451
ВЛАСТЕЛИНЫ КОСМОСА	471
РАДОСТЬ ПОЗНАНИЯ	487
КОНЕЦ ПОЗНАВАТЕЛЕЙ	508
ПРОЩАЙ, ГРИАДА!	531
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	537

Данная электронная книга, моя возможность, донести старые, газетные и журнальные иллюстрации из первых публикаций, до читателей, не заставших их в детстве.

Полный перевод «ПУТИ ТИТАНОВ»

Перевод: **С. В. Стребков (Stribog)** доступен в сети

Редакция: **А. С. Галий, А. В. Протасевич**

Дополнительные иллюстрации Григория Малакова, взяты мной, у уважаемого **Микола КОВАЛЬЧУК**, обработавшего журнальную публикацию.

В текст первоиздания «ГРИАДЫ», добавлены иллюстрации Льва Смехова, из газетной публикации сокращенного варианта в «ПИОНЕРСКОЙ ПРАВДЕ».

Сканы газет, любезно предоставил уважаемый **hlynin**.

Работа с текстом и иллюстрациями by formally.